

ДЖОН
МИЛЬТОН

✧
Рай:
Потерянный рай
Возвращенный рай
✧

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Джон Мильтон
Рай: Потерянный рай.
Возвращенный рай
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58136133

Рай: Потерянный рай. Возвращенный рай: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-126998-2

Аннотация

«Потерянный рай» – гениальная поэма Мильтона, благодаря которой он стал одним из известнейших английских поэтов своего времени. Поэма основана на библейском сюжете падения человека и изгнания его из Рая. Как писал Мильтон в Книге Первой, его цель состояла в том, чтобы оправдать путь Бога людям (в оригинале «justify the ways of God to men»). «Возвращенный рай» является продолжением «Потерянного рая». Поэма повествует об искушении Иисуса Христа Сатаной во время пребывания в пустыне. «Потерянный рай» представлен в переводе Николая Холодковского, а «Возвращенный рай» – Ольги Чюминой.

Содержание

Потерянный рай	5
Книга первая	5
Книга вторая	49
Книга третья	105
Книга четвертая	144
Книга пятая	199
Книга шестая	245
Книга седьмая	289
Книга восьмая	321
Книга девятая	354
Книга десятая	415
Книга одиннадцатая	471
Книга двенадцатая	517
Возвращенный рай	549
Книга первая	549
Книга вторая	568
Книга третья	587
Книга четвертая	605

Джон Милтон
Рай: Потерянный рай.
Возвращенный рай

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Потерянный рай

Книга первая

Содержание

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет – непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения – змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлеки на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своею ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чи-

ну и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспамятстве. Они встают. Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываются их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии почитались в Ханаане и соседних странах. Сатана обращается к ним с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемониум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —

Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которою когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский
Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит
Превыше гор Аонии¹, касаясь
Предметов, не достигнутых поднесь
Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
Который сердце чистое всем храмам
Предпочитаешь, – Ты меня наставь!
Ты знаешь все; в начале всех начал
Ты был; подобно матери-голубке,
Над выводком любовно распростершей
Лелеющие крылья, реял Ты,
Творя миры, над бездной бесконечной!
О, просвети все, что во мне темно;
Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
Вершины долгой повести моей,

¹ Аония – гористая часть Беотии – страны в Северной Греции.

Мог подтвердить всю Промысла премудрость,
Пути Его раскрыть перед людьми.
Поведай – ибо ни в эфире Неба,
Ни в бесконечной Ада глубине
Ничто от взора Твоего не скрыто, –
Поведай о причине, побудившей
Великих прародителей, блаженством
Столь взысканных, любимых Небесами,
Поставленных владыками в сем мире, –
Внезапно от Создателя отпасть
И преступить запрет – запрет единый!
Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
То Адский Змий был; то его обман
Мать рода человеческого лестью
Пленил, когда за гордость он свою
Со всей толпою Ангелов мятежных
Низвергнут был с Небес. На помощь их
Надеясь твердо, он мечтал, став выше
Князей своих, сравниться со Всевышним,
Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогуший
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,
Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом

За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось униженье
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вокруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали
И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,
Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,

Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,
Который от небесного сиянья
И Бога трижды столько удален,
Как полюс отстоит от центра мира!
О, как несходно это место с тем,
Отколь они низвергнуты! И вскоре
В волнах огня крутящихся он видит
Вокруг себя собратий по паденью
И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
Лежит один, к нему из всех ближайший
По чину и по преступленью, — тот,
Который был известен в Палестине
Впоследствии и звался Вельзевулом.
К нему-то обратился Архивраг,
(На небе имя Сатаны стяжавший),
Прервав молчанье страшное вокруг,
С такою речью, дерзкой и надменной:

«Ужели это ты? О, как ты пал!
Как страшно изменился ты, который
Сияньем ослепительным своим
Превосходил в блаженном царстве света
Других, сиявших ярко, мириады!
Ты ль это, кто соединен со мной
Союзом, мыслью, планами, надеждой,
Отвагой в нашем славном предприятии,
А ныне — униженьем и бедой!

Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
С высот Небес низвергнул нас Сильнейший
Своим ужасным громом; но дотоле
Кто ж знал всю силу этого оружия
Жестокого? Однако ж ни оттого,
Что пали мы, ни оттого, что далее
Еще способен причинить нам в гневе
Могучий победитель наш, нисколько
Я не раскаюсь и не изменяюсь,
Хотя б мой внешний образ изменился.
Я сохраню навек всю твердость мысли
И гордое презренье в оскорбленном
Достоинстве моем; я буду тверд
Во всем, что мне служило побуждением,
Чтоб против Всемогущего восстать,
Что привело бесчисленные рати
Вооруженных Духов к состязанью
Отважному. Дерзнули эти Духи
Власть Вышнего открыто не одобрить
И, предпочтя иметь вождем меня,
Противостав великой силе силой,
В сомнительном бою в равнинах Неба
Поколебали Трон Его. Пускай
Мы потеряли эту битву – что же?
Не все еще потеряно: есть воля
Несокрушимая, есть жажда мести,
И ненависть бессмертная, и храбрость,
Которая вовек не подчинится
И не уступит никому, – и мало ль,

Что есть неодолимого у нас?
И эту нашу славу не исторгнет
Ни ярость, ни могущество Его.
Склонить главу, молить о милосердии,
Став на колена, и боготворить
Владычество Его – Того, Который
Недавно сам в той власти усомнился
Из страха перед нами, – это было б
Действительно позорно; это было б
Бесславлением и стыдом гораздо худшим
Всего паденья нашего. Судьба
Велела, чтоб богов святая сила
И сущность их небесная была
Неистребима; ныне мы имеем
И опыт, нам доставленный событием
Великим тем; оружием не слабее,
Лишь осторожней стали мы теперь;
Тем с большею надеждою мы можем
Отважиться на вечную войну,
Решить ее иль силой, иль коварством,
Не примирясь с врагом великим нашим,
Хотя и торжествует ныне Он
И, предаваясь радости великой,
Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало.
Ему собрат отважный отвечал:

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство –
На силе, или счастье, иль судьбе.
Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!
Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всесильным я считать
Затем, что лишь всесильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), –
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли

В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья – в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно – лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:

«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай –
Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло – все наше утешенье,
Затем что этим мы противостанем
Высокой воле нашего врага.
Как только пожелает Провиденье
Из Зла, от нас идущего, создать
Добро, мы силы все свои приложим,
Чтоб эту цель благую извратить
И в самом благе отыскать возможность
Дурного. Если это будет часто
Нам удаваться, может быть, Его
Мы огорчим; быть может, помешаем
Свершению взлелеянных Им планов.
Но посмотри: наш грозный Победитель
Послушных слуг возмездья и погони

Уж отозвал назад к вратам Небес;
Град серный, вслед нам сыпавшийся бурно,
Уж перестал, и пламенные волны
Пучины, нас приявшей при паденьи
С Небес, уж улеглись, и страшный гром,
Крылами красных молний нас разивший,
Быть может, стрелы все свои истратил
И бушевать уже перестает
Среди громадной бесконечной бездны.
Воспользуемся случаем, который
Дает нам враг – быть может, из презренья.
А может быть, уж свой насытив гнев.
Ты видишь эту страшную равнину,
Пустынную и дикую, жилище
Отчаянья, в которой света нет,
Коль не считать сверканья синеватых
Огней, дающих бледный, грозный отблеск?
Пойдем туда, уйдем от колебанья
Волн пламенных – там отдохнем немного,
Насколько здесь нам отдых и покой
Возможен; там, собрав все наши силы,
Обдумаем, что сделать можем мы,
Чтоб отомстить врагу как можно больше;
Как наши все потери возместить
Иль перенести жестокое несчастье,
В надежде силы новые найти
Иль почерпнуть в отчаяньи решимость».

Так Сатана к ближайшему собрату

Вел речь, главу из пламени подняв;
Глаза его метали искры, тело ж
В волнах огня на много десятин,
Чудовищно громадно, простиралось,
Подобно исполинам древних мифов –
Сынам земли, титанам, воевавшим
С Юпитером, или Бриарею², иль
Тифону³, что в пещере укрывался
В соседстве Тарса⁴ древнего, иль чуду
Морскому, что зовут Левиафаном⁵,
Которое всех прочих Божьих тварей,
Что в океане плавают, громадней.
Когда вблизи норвежских берегов,
Так повествуют моряки, он дремлет,
Порою штурман маленького судна,
Крушение потерпевшего в ту ночь,
Его за остров примет в полумраке,
В чешуйчатую кожу якорь бросит
И к стороне подветренной пристанет,
Чтоб переждать, пока все море мгла
Покрыла, день желанный отдаляя.
Так точно Архивраг лежал, простертый
Во всю свою громадную длину,

² *Бриарей* – в греческой мифологии один из сторуких великанов с пятьюдесятью головами, воевавших с олимпийскими богами.

³ *Тифон* – гигантское чудовище, сын Геи и Тартара, со ста змеиными головами, воевавший с Зевсом; олицетворение жгучего, бурного вихря.

⁴ *Тарс* – город в Киликии (одна из областей Малой Азии).

⁵ *Левиафан* – чудовище, упоминаемое в Книге Иова (40: 20).

К пылающему озеру прикован;
И никогда б не поднял он главу,
Не встал бы, если б не соизволение
Небесной воли, правящей всем миром,
Которое его освободило
Для мрачных, злобных замыслов его,
Чтоб он, возобновив свои злодейства,
Свое лишь осуждение усугубил,
Чтоб он, стараясь Зло принести другим,
Лишь к своему же бешенству узрел бы,
Что все его коварство послужило
Лишь к проявлению благости безмерной,
Любви и милосердия к человеку,
Им соблазненному; а на него
Втрое излился б дождь смущенья, гнева
И мести. Вот во весь он рост встает
Из озера, по сторонам стекает
Спиральными с него струями пламя,
И волны раздвигаются, оставив
В середине яму страшную; а он,
Расправив крылья, свой полет могучий
Ввысь устремляет, в темный воздух, ныне
Впервые эту чувствующий тяжесть,
И наконец становится на сушу,
Насколько можно сушею назвать
То, что всегда сухим огнем пылает,
Как озеро огнем пылало жидким.
А цвет той суши был таков, как будто

Подземным вихрем от Пелора⁶ холм
Оторван был иль от гремящей Этны
Бок откололся и открылась разом
Вся внутренность горячая ее
И вдруг, воспламенясь с ужасным взрывом,
Парами минеральными взвилась
И вихрем обожженную пещеру
Покинула, оставив дым и смрад.
Такую-то нашла себе опору
Проклятая нога. За ним вослед
Вступил сюда его собрат ближайший,
И оба тем гордились они,
Как будто волн Стигийских избежали
Они, как боги, собственной силой,
Не попущеньем Вышней Силы Сил.

«Ужели эта область, эта почва, —
Сказал Архангел падший, — будет нам
Жилищем вместо Неба, мрак плачевный
Заменил нам сияние Небес?
Пусть будет так: кто ныне воцарился,
Тот всем располагает; от Него
Зависит, что считаться будет правом.
Чем дальше от Него, тем лучше; ум
Имеет Он нам равный; только сила
Поставила Его превыше равных.
Простите же, блаженные поля,
Где радость вечно царствует! Привет вам,

⁶ Пелор — мыс на Сицилии, ныне Capo di Faro.

О ужасы, привет, о Адский мир!
Прими, бездонный Ад, прими отныне
Ты нового Владыку своего!
В себе он носит дух, не изменимый
Ни временем, ни местом; этот дух –
Себе сам место: Небо может Адом
Соделать он, Ад – в Небо превратить.
Не все ль равно, где быть, когда все тот же
Я сам – таков, каким я должен быть,
Слабее лишь Того, Кто стал сильнее
Благодаря лишь грому своему?
Что ж, здесь, по крайней мере, мы свободны;
Не столь прекрасным сделал это место
Всесильный, чтоб завидовал Он нам,
И, верно, нас отсюда не прогонит;
Здесь царствовать спокойно будем мы,
А царствовать, по мне, для честолюбья
Достойная есть цель, хотя б в Аду:
Царем в Аду быть лучше, чем слугою
На Небесах. Но что же медлим мы?
Зачем друзьям нелицемерным нашим,
Союзникам, делящим наш урон,
Даем лежать мы в озере забвенья
В оцепененьи, не зовем их встать,
Чтоб разделить в печальном сем жилище
Удел наш, иль еще раз испытать,
Собрав все силы, что вернуть могли бы
Мы в Небе или потерять в Аду?»

Так Сатана промолвил; Вельзевул же
Сказал ему: «О Вождь блестящих войск,
Которых мог осилить лишь Всесильный!
Едва они услышат голос твой,
Любимейший для них залог надежды
В опасности и страхе, столько раз
Им в крайности звучавший, в буре битвы
И на краю гибели вернейший
Сигнал во всех атаках, — вмиг они
Все оживут, к ним мужество вернется,
Хотя теперь лежат они все ниц,
В том озере горящем пресмыкаясь,
Как мы с тобой лежали, смущены,
Оглушены; и странного нет в этом:
С такой они упали высоты!»

Едва окончил он, как Враг верховный
Уж к берегу пошел; тяжелый щит
Эфирной ткани, круглый и массивный,
Висел за ним; широкая окружность
Была подобна месяцу, когда
Мы смотрим на него в трубу, подобно
Тосканскому искуснику⁷, который
Рассматривал луну по вечерам
С высот Фьезолы или из Вальдарно⁸,
Надеясь на ее пятнистом шаре
Увидеть страны новые, иль реки,

⁷ ...подобно тосканскому искуснику... — имеется в виду Галилей.

⁸ ...С высот Фьезолы или из Вальдарно... — местности поблизости Флоренции.

Иль горы. Сатана держал в руках
Копье свое, в сравнении с которым
И самая высокая сосна
Из тех, что рубят на горах норвежских
Для адмиральских кораблей, могла б
Тростинкой показаться. Опираясь
На то копье, неверными шагами
Он по горячей почве шел – не так,
Как по небесной он шагал лазури!
Горячий воздух, вокруг огнистым сводом
Нависший, жег болезненно его,
Но он, терпя ту боль, дошел до края
Пучины пламенеющей и, став,
Воззвал к своим сраженным легионам,
К тем ангельским телам, что там лежали
Слоями, листьям осени подобно,
Которые на речках Валамбросы⁹
Ложатся, опадая с темных сводов
Дерев этрусских, или как тростник,
Раскиданный и плавающий в море,
Когда могучим ветром Орион¹⁰
Прибрежье моря Красного взволнует,
Чьи воды потопили в оны дни
Бузи́риса¹¹ и всадников Мемфисских,

⁹ *Валамброса* – тенистая долина в Тоскане, недалеко от Флоренции.

¹⁰ *Орион* – название одного из созвездий, заимствованное из греческой мифологии. Орион был гигантом-охотником, убитым богиней Артемидой (Дианой).

¹¹ *Бузи́рис* – египетский фараон, при котором произошел Исход евреев из

Что в вероломной злобе понеслись
Вслед жителям Гесема¹², безопасно
Смотревшим с высоты береговой
На всплывшие их трупы и колеса
Разломанных волнами колесниц.
Так рать его, раскидана, покрыла
Все озеро; лежат они, дивясь
Постигшей их постыдной перемене.
И к ним воскликнул громко Сатана,
Так громко, что откликнулись на возглас
Все стены мрачной Адской глубины:

«Воители, Князья, Державы, Власти¹³,
Цвет Неба, прежде нашего, а ныне
Утраченного нами! Неужель
Так может поразить оцепененье
Бессмертных Духов? Или вы избрали
Здесь это место, чтобы отдохнуть
От трудной битвы, тем восстанавливая
Измученную доблесть? Потому ль
Вы здесь заснули, как в долинах Неба?
Иль, может быть, простершись ниц так грустно,
Вы поклялись боготворить Того,
Кто победил нас, Кто теперь взирает,

Египта.

¹² Гесем – область в Египте, где жили израильтяне во время своего первого пребывания в этой стране (Книга Бытия, 46: 28).

¹³ *Воители, Князья, Державы, Власти* – чины ангельской иерархии, подробное изложение которой имеется в сочинениях Дионисия Ареопагита.

Как Херувим и Серафим в пучине,
Оружье и знамена бросив, ждут,
Чтоб разглядела быстрая погоня
От врат Небесных выгоду свою
И растоптала б вас, изнеможенных,
Иль копьями грохочущего грома
Вас пригвоздила б в озере ко дну?
Проснитесь же, иль вы навек погибли!»
Услышали они и, устыдясь,
Воспрянули и крыльями взмахнули;
Так часовой, уснувший на посту,
Разбужен тем, к кому он страх питает,
Невольно отряхается, вскочив.
Они, конечно, видели несчастье,
В котором находились они,
И боль мучений чувствовали ясно;
Но глас вождя бесчисленную рать
В единый миг призвал к повиновенью.
Как в дни великих казней для Египта
Амрамов сын¹⁴, поколебав над Нилом
Могучий жезл свой, тучи саранчи
Призвал, несомой ветром от востока,
И черною она повисла ночью
Над нечестивым царством фараона
И мраком весь покрыла нильский дол,
Так Ангелы бесчисленные злые
Под сводом Ада реют и витают;
Под ними же, над ними и вокруг

¹⁴ ...Амрамов сын... – Моисей – сын Амрама из колена Левиина.

Огонь пылает. Наконец по знаку
Великого монарха своего,
Поднявшего копье, чтоб указать им,
Куда направить путь, спускаясь плавно
Со всех сторон, становятся они
На твердый серный камень, наполняя
Равнину всю, — несметная толпа,
Какую даже север многолюдный
Не изливал от мерзлых чресл своих
На Рейн иль на Дунай, когда стремились
Их варварские рати, как потоп,
На знойный юг и разливались быстро
Через Гибралтар до Ливии песков.
Затем от всех полков, от каждой рати
Начальники к их общему вождю
Спешат скорей, — божественные лики,
Красы сверхчеловеческой, осанки
Великолепной, царственной: они
Когда-то в небе занимали троны,
Хотя навеки в летописях Неба
Изглажены с тех пор их имена,
Исключены они из книги жизни;
И, верно, даже меж сынами Евы
Они бы не нашли себе имен,
Когда б во время долгих, долгих странствий
По всей Земле, долготерпеньем Бога
К великим искушеньям человека,
Подпав обману гнусному и лжи
С их стороны, племен людского рода

Большая часть не впала бы в разврат
Такой, что даже Бога позабыла,
Создателя, и превратила славу
Незримую, святую Божества
Во образы животные, украсив
Распутные религии свои
И роскошью, и златом; вместо Бога
Тут стали люди бесов почитать
И разные названья им давали
Язычники, чтя идолов своих.
По именам тем назови их, Муза,
Кто первый, кто из них последний встал
От сна на ложе пламенном по зову
Великого владыки; как они
По чину, по порядку подходили
Вдоль берега бесплодного, меж тем
Как прочая толпа вдали стояла.
Главнейшие меж ними были те,
Которые, уйдя из адской бездны,
Бродили по земле, ища добычи,
И ставили свои жилища дерзко
В соседстве близком Божеских жилищ,
Близ алтарей Его воздвигнув смело
Свои: они, как боги, были чтимы
Окрестными народами; не страшен
Им был и гром Еговы от Сиона,
Царящего меж Херувимов! Даже
Внутри Его святилищ воздвигали
Они порой свой жертвенник, — о мерзость!

Проклятыми делами оскверняли
Они Его святые торжества
И чистые обряды; свет небесный
Своим дерзали мраком унижать.
Из них Молох¹⁵ был первый – царь ужасный,
Который был пролитьем гнусным крови
Жертв страшных человеческих запятнан
И горькими родителей слезами,
Которые не слышали, увы,
Сквозь грохот барабанов и кимвалов
Стенаний их младенцев, в честь кумира
Свирепого сжигаемых. Он был
У Аммонитян чтим в равнине Раввы,
В Аргобе и Басане, до истоков
Арнона. Не довольствуясь, однако,
Таким соседством дерзким, соблазнил
Премудрое он сердце Соломона,
Который пышный храм ему воздвиг
Напротив храма Господа и этим
Навек соседний опозорил холм.
Ему и рощу посвятил он также
В долине восхитительной Еннома,
И рощу эту, образ Ада, звали
Тофетом или черною Геенной.
Вслед за Молохом шел бесстыдный Хамос¹⁶,
Страшилище сынов Моава, чтимый
От Ароера вплоть до Нево, также

¹⁵ *Молох* – бог аммонитян.

¹⁶ *Хамос* – бог моавитян, соответствующий Приапу римлян.

В пустыне Аворима, дальше к югу,
И в Езевоне, и в Оронаиме,
И в области Сиона, где лежит
Богатая вином долина Сивмы;
На озере асфальтовом он также
Был в Елеале почитаем. Он
Был тот, кого под именем Фегора
В Ситтима чтил Израиль соблазненный
В пути от Нила, на беду свою
Приняв его веселые обряды.
Распространились оргии его
Вплоть до холма позорного, до рощи
Молоха кровожадного; разврат
С убийством рядом поселился. Долго
Царил он там, пока благочестивый
Иосия его не выгнал в Ад.
За ним шли духи, что от пограничной
Реки Евфрата древней до реки,
От Сирии Египет отделявшей,
Ваала или Астарета имя
Носили¹⁷: если мужеского рода
Они считались – им Ваала имя
Давалось, если женского – тогда
Тем духам имя Астарет давали.
Ведь духи могут, если захотят,
Пол принимать любой иль оба вместе:
Субстанция их так нежна, эфирна,
Что членами не связана она;

¹⁷ ...Ваала или Астарета имя носили... – Ваал и Астарет – боги финикийян.

Не бременит их тягостное мясо
На хрупком и тяжелом костяке;
По произволу принимая формы,
То расширяясь, то сжимаясь, светом
Окружены иль тьмой покрыты, могут
Эфирные намеренья свои
Они свершать — дела любви иль злобы.
По их вине израильский народ
Так часто забывал Живую Силу
Свою, ее святыя алтари
Не посещал и низко поклонялся
Пред божествами скотскими, за что
И должен был склоняться столь же низко
В бою перед копьём врагов презренных.
И вот в союзе с этими врагами
Был Аштарет, которого Астартой¹⁸
У финикийцев звали и царицей
Небес считали, наделив ее
Рогами полумесяца; девицы
Сидонские, собираясь по ночам
Перед ее блистательным кумиром
При лунном свете, пели песни ей
И приносили ей свои молитвы;
Ее в Сионе также воспевали:
Ей дерзко храм поставил на горе
Женолюбивый царь¹⁹, чье сердце — правда,
Великое — в угоду сладким чарам

¹⁸ *Астарт* — богиня луны, соответствовавшая отчасти Афродите греков.

¹⁹ *Женолюбивый царь* — Соломон.

Прекрасных идолопоклонниц, впало
В служенье гнусным идолам. Затем
Таммуз²⁰ явился, божество Ливана,
Прельщенные которым каждый год
В дни летние сирийские девицы
О тяжелой ране плакали его,
Любовно пели жалобные гимны,
И, так как от родной горы стремится
Река Адонис к морю, в красный цвет
Окрашена, сложилось поверье,
Что каждый год Таммуза кровь течет.
Сиона дочери также заразились
Любовным пылом сказки древней той;
В своем виденьи в портике священном
Иезекииль безумства эти зрел,
Когда ему явились картины
Служенья мрачным идолам Иуды
Отступника. Затем явился тот,
Который счел себе обидой тяжелой,
Когда однажды в капище его
Кивотом, взятым в плен, звероподобный
Кумир его обезображен был:
Лишенный рук и головы, валялся
Он на пороге храма, посрамляя
Жрецов и восхвалителей своих.
То был Дагон²¹, чудовище морское;
Имел он сверху человека вид,

²⁰ Таммуз – сирийский бог, соответствовавший Адонису греков.

²¹ Дагон – бог филистимлян.

А снизу – рыбы; он высоким храмом
В Азоте был почтен и чтим был всюду
По палестинским берегам – и в Гафе,
И в Аскалоне, также в Аккароне,
Равно и в Газе, до ее границ.
Затем пришел Риммон²², чей трон веселый
В Дамаске живописном находился,
На плодоносных, славных берегах
Аваны и Фарфары, рек прозрачных.
Он также дерзко Божий Дом унизил:
Утратив прокаженного раба,
Царя своим поклонникам он сделал;
Ахаз его безумный был сподвижник:
Им соблазнен, низверг он Божий Храм
И капище сирийское на месте
Его воздвиг, чтоб жертвы нечестиво
Там сожигать и чествовать богов,
Которых сам он побеждал. За этим
Вослед явилась демонов толпа,
Чьи имена от древности глубокой
Известны: Гор, Изида, Озирис²³
Со свитой их, чье волшебство и образ
Чудовищный в несчастье погрузили
Египет суеверный и жрецов,
Которые считали, что их боги

²² *Риммон* – сирийский бог (Четвертая книга Царств, глава 5, где рассказывается история Неемана, передавшего свою проказу Гиезию, слуге пророка Елисея).

²³ *Гор, Изида, Озирис* – египетские божества.

Скорей вселиться могут в вид животный,
Чем в образ человеческий. И даже
Израиль той заразы не избег,
Когда тельца воздвиг он близ Хорива
Из золота заемного. Тот грех
Еще удвоен был царем мятежным²⁴,
Который в Дане и Вифиле вздумал
Дать образ травоядного быка
Создателю предвечному, Иегове,
Который в ночь, когда он посетил
Египет, поразил одним ударом
Всех первенцев и всех богов блеющих.
И наконец, явился Велиал²⁵,
Который был всех хуже, всех распутней
Из Ангелов, отпавших от небес,
И не стыдился только для порока
Любить порок. Он храмов не имел,
И алтари ему не воскурjali;
Но кто вредил у алтарей и храмов
Ужаснее, чем он, когда жрецы
Безбожниками сами становились,
Как Илия сыны? Кто наполнял
Развратом и насилием Храм Божий?
Царит он также во дворцах, в палатах

²⁴ *Царь мятежный* – Иероваам – вождь десяти колен Израилевых, возмущившийся против иудейского царя Ровоама, сына царя Соломона. Первый израильский царь.

²⁵ *Велиал* – языческий еврейский бог, имя которого означает «погибель» или «негодность».

И в пышных городах, где шум распутства
И всякое нечестье и порок
Восходят выше величайших башен;
Когда ж вдоль улиц ляжет мрак ночной,
Сыны и слуги Велиала бродят
По ним, полны нахальства и вина.
Пример тому – Содом²⁶ и ночь разврата
В Гибее²⁷, где гостеприимный дом
Сам выставлял на жертву мать семейства,
Чтоб худшего насилья избежать.

Все эти были первые по силе
И по значенью; прочих было б долго
Перечислять, хоть слава их была
Обширна. Были между ними боги
Ионии, которым поклонялось
Иаваново потомство²⁸ (хоть моложе
Они считались, чем Земля и Небо,
Их славные родители), – Титан,
Первороденный Неба, с необъятным
Своим потомством, первенства лишенный

²⁶ *Содом* – в Библии город, уничтоженный за грехи (Книга Бытия, глава 19).

²⁷ *Гибей*, или Гива – город в Палестине, где родился Саул (Книга Судей, глава 19), жители которого предавались такому разврату и содомии, подобных которым «не бывало и не видано было».

²⁸ ...*боги Ионии, которым поклонялось Иаваново потомство...* – Боги Ионии – греческие боги. Согласно древнееврейской традиции, родоначальником ионийцев, населявших Аттику и побережье Малой Азии, был Иаван, внук Ноя, четвертый сын Иафета.

Сатурном, младшим братом; а Сатурна
Лишил престола сын его и Реи,
Юпитер, как сильнейший; захватив
Престол, один стал царствовать Юпитер.
Сперва на Крите только и на Иде
Их знали; после выбрали они
Себе вершину снежную Олимпа
И правили в середине атмосферы,
Не поднимаясь выше в небесах.
Они царили и в ущелье Дельфов,
В Додоне и во всей земле дорийской;
Другие же с Сатурном-стариком
Оттоль за Адриатику бежали,
Чтоб в Гесперийских жить полях иль дальше —
У кельтов, вплоть до крайних островов.

Пришли они и многие другие,
Потупив грустно взоры; но в глазах
У них все ж искра радости мелькала:
В Вожде своем не видели они
Отчаянья, — потерю сознавая,
Не потеряли все ж самих себя.
Он это видел, и хоть тень сомненья
Слегка скользила на его лице,
Но, гордости привычной вновь набравшись,
Цветистой речью, более достойной
По внешности, чем сущностью своей,
Он постарался их испуг рассеять

И мужество искусно возбудить.
Затем поднять немедленно велел он
При звуках труб военных и рожков
Могучий стяг свой боевой; гордился
Высокой честью быть знаменосцем
Азазиил, высокий Херувим.
И вот с древка блистательного знамя
Он развернул; взвилось оно, сверкая,
Как метеор, по ветру развеваясь,
Богатое каменье драгоценных
Обилием и золотым шитьем,
Изображавшим славу и трофеи
Бессмертных Серафимов; в это время
Металла звуки трубные гремели.
Все войско испустило громкий крик,
Торжественно потрясший своды Ада
И вне его заставивший дрожать
Все царство древней Ночи и Хаоса.
И в этот же момент сквозь адский мрак
Взвилось знамен блестящих десять тысяч,
Переливавших яркими цветами,
И вслед за ними вырос копий лес,
И шлемов тьмы несметные явились,
И стройно щит теснился ко щиту
В неизмеримом множестве. Фалангой
Сомкнувшись, идут они при звуках
Дорийского мотива флейт и нежных
Гобоев – дивной музыки, какая
Героев древних в битве вдохновляла,

Внушая им не бешеную ярость,
А доблесть лишь сознательную: смерть
Тогда была им не страшна, и бегства
Иль отступленья не было для них;
Была в ней сила также и к смягчению
Торжественной мелодией своей
Мятежных дум, тревог, печали, скорби
У смертных и бессмертных. Так, дыша
Единой силой, думою единой
Объяты, молча двигались они
При звуках флейт, смягчавших сладким пеньем
Им боль шагов по раскаленной почве.
И вот они все стали перед ним
Щетинистым и грозно длинным фронтом,
Как старые бойцы, блестя оружием,
В порядке строгом копий и щитов,
И ждут вождя могучего команды.
Испытанным он оком их обвел,
И рассмотрел всю массу мощной рати
И всех ее частей расположение,
Божественный их облик и осанку,
И наконец число их сосчитал,
И гордостью его взыграло сердце
И подкрепилось видом этих сил.
С тех пор как люди созданы, не видел
Никто еще таких огромных полчищ,
Которые, в сравненьи с этой ратью,
Не походили б на полки пигмеев,
Когда-то воевавших с журавлями,

Хотя бы вся гигантская толпа
Из Флегры²⁹, и герои Илиона
И Фив, и все союзные их боги
Соединились, и примкнули б к ним
Все те, которых сказки и романы
Об Утеровом сыне³⁰ воспевают,
И с ними храбрых рыцарей Британских
И Арморийских славный круг³¹, и все –
Неверные иль христиане, – в битвах
Турнирных знаменитые в Дамаске,
Иль в Аспрамонте, или в Монтальбане,
В Марокко, в Трапезунде, или те,
Которых войско выслала Бизерта
От африканских берегов, когда
Великий Карл и все его вельможи
При Фонтарабии разбиты были.
Вся эта рать, столь славная, сильнее
И доблестней всех смертных без сравненья,
Смотрела все ж на грозного Вождя
Со страхом и почтеньем; он, всех выше
По облику и по осанке гордой,
Стоял подобно башне. Лик его
Еще не вовсе потерял сиянье
Природное свое; в нем виден был

²⁹ *Флегры* – город в Македонии, место, где, по преданию, гиганты воевали с богами, поставив гору Оссу на Пелион.

³⁰ *Утеров сын* – Артур, мифический британский король, сын Утера.

³¹ *...рыцарей Британских и Арморийских славный круг...* – рыцари Круглого стола.

Еще Архангел прежний, хоть отчасти
Его уж слава потемнела. Солнце
Так при восходе смотрит сквозь туман
На горизонте или при затмении,
Покрыто лунным диском, тускло светит
На половину лишь земного шара
И призраком зловещих перемен
Царей пугает. Так, хоть помраченный,
Архангел все же ярче всех сиял;
Лицо его, однако, сохраняло
Глубокие рубцы от страшных молний,
А щеки побледнели от забот;
Но под бровями с гордостью упорной,
С неукротимым мужеством и жадой
Отмщения суровые глаза
Смотрели, хоть сквозили в них невольно
И угрызенья совести, и жалость
К собратьям — иль к спутникам, вернее,
По преступленью, — к тем, кого он видел
Иными в дни блаженства, осужденным
Теперь навек за это соучастье.
Милльоны духов по его вине
Отныне милость Неба потеряли,
Извергнуты за дерзостный мятеж
От вечного сиянья; хоть и твердо
Они держались верности ему,
Но слава их небесная померкла.
Так смотрят дубы гордые в лесах
Иль горные, в могучей силе сосны,

Когда огонь небес их опалит:
Хоть все еще высокие, с сожженной
Вершиною стоят стволы нагие
На почве обгорелой. Он дал знак,
Что будет речь держать; они же, сдвоив
Ряды свои, крыло к крылу, стеснились
И обступили близко полукругом
Его и всех вельмож его в безмолвном
Вниманьи. Трижды речь он начинал,
И трижды, несмотря на гнев надменный
Вдруг вырывались слезы у него,
Какими могут Ангелы лишь плакать.
Но наконец, хоть вздохи прерывали
Слова его, они нашли свой путь.

«О вы, бессмертных Духов мириады!
Вы, Силы необорные, кого
Мог побороть один лишь Всемогущий!
Наш бой был не бесславен, хоть исход
Ужасен был, чему свидетель грустный
И место, где находимся мы ныне,
И страшная в самих вас перемена,
Которую мне больно и назвать!
Какая сила мысли предсказала б,
Предвидела б, могла бы опасаться,
Хотя б была углублена всем знаньем
В былом и настоящем, чтобы сила,
Увы, такого множества богов,
Стоявшая так крепко, как стояли

Вы все, могла бы быть побеждена?
Кто и теперь, и после поражения,
Не верил бы, что эти легионы
Могучие, несметные, которых
Изгнание опустошило Небо,
Вновь не могли б восстать, подняться снова
И родиной своею овладеть?
Что до меня, то жители все Неба
Свидетели – обманывал ли я
Надежды их советом неудачным
Иль бегством пред опасностью? Но Тот,
Кто царствует один теперь на Небе,
На Троне безопасно восседал,
Поддержанный своею древней славой,
Согласием всеобщим иль привычкой;
Свое величье Он являл пред всеми,
Но силу всю Свою от нас скрывал;
И мы ее изведать попытались,
И это нам паденье принесло.
Теперь Его могущество мы знаем
И также знаем силу всю свою;
Теперь Его нам вызывать не нужно,
А если нас на новую войну
Он вызовет, не нужно нам бояться.
Итак, отныне лучшее для нас –
Намеренья свои хранить безмолвно
И достигать обманом иль коварством
Того, чего дать сила не могла.
Тогда в конце концов Он убедится,

Что тот, кто силой победил врага,
Лишь победил его наполовину.
Возможность есть, что новые миры
Пространство породит; об этом слухи
Не раз уже носились в небесах:
Молва гласила, что давно намерен
Он их создать и новый род созданий
Там поселить, которых будет Он
С особенным вниманием лелеять
И охранять их, как сынов Небес.
Туда, быть может, хоть из любопытства,
Придется сделать первый наш набег,
Иль, может быть, еще в иное место.
Ведь эта бездна адская не может
Небесных Духов вечно заключать
В плену, и эта тьма не может вечно
Висеть над нами здесь. Но эти мысли
Должны мы зрело обсудить. Исчез
Навеки мир; кто может о смиреньи
Здесь говорить? Итак война, война,
Открытая иль тайная, навеки!»

Так он сказал; и чтобы подтвердить
Слова его, сверкнули миллионы
Мечей огнистых, быстро извлеченных
От бедр могучих Херувимов. Блеск
Внезапно Ад весь озарил. Свирепо
Всевышнему они грозили; гордо
Мечами, крепко сжатыми в руке,

О звонкие щиты они стучали
И раздавался грозный шум войны,
Бросая вызов ввысь, до сводов Неба.
Неподалёку там была гора;
Ее вершина грозно изрыгала
Огонь и клубы дыма, а все скаты
Покрыты были коркою блестящей –
Знак верный, что скрывалась в той горе
Руда металлов, порождение серы.
Туда спешит, от прочих отделясь,
Крылатая толпа, уподобляясь
Саперам, что с лопатой и киркой
Пред королевским войском поспешают
Прорыть траншеи в поле или валом
Весь лагерь обнести. Их вел Маммон³²,
Всех менее возвышенный из духов,
Которые отпали от Небес;
Еще когда он в небе жил, все долу
Склонял свои он взоры, восхищаясь
Богатствами небесной почвы, златом,
Ногами попираемым, охотней,
Чем радостью Божественных видений
И чем-либо высоким и святым.
Он был виной, что по его внушенью
Впервые люди стали раздирать
Земную грудь рукою нечестивой
И матери-земли святые недра

³² *Маммон* (Маммона) – арамейское слово, обозначающее «богатство», в таком смысле употребляется в Новом Завете; персонифицировался до Мильтона.

Преступно осквернили грабежом,
Ища сокровищ, коим лучше было б
Остаться там сокрытыми от нас.
Так и теперь ведомая им банда
Широкую раскрыла вскоре рану
В горе и жилы злата обнажила.
Пушай не удивляется никто,
Что Ад хранит богатства: эта почва
Всего благоприятней для того,
Чтоб в ней тот яд родился драгоценный.
Здесь видеть бы могли все те, кто гордо
Готовы смертных подвиги хвалить
И с восхищеньем говорить охотно
О Вавилоне и царях Мемфисских,
Как величайших памятников слава,
Вся сила, все искусство их творцов
Превзойдены легко и быстро были
Отверженными Ангелами: в час,
В единый час создать они успели,
Что люди бы едва ли в целый век
Работы неустанной сотворили
Трудами рук бесчисленных. Одни
Построили ряд келий по равнине,
Под каждую был проведен канал
Из озера, и в нем огонь тек жидкий;
Другие с удивительным искусством
Формировали грубую руду
По всем сортам, снимая пену шлаков;
А третьи быстро вырыли в земле

Различнейшие формы и сумели
Все полости и все их уголки
Наполнить разом пламенной массой,
Из келий проведенной. Так в органе
Единым дуновением мехов
Все трубы, наполняясь, звучно дышат.

И вот восстало быстро из земли,
Как испаренья ввысь восходят, зданье
Громадное при гармоничных звуках
Симфоний сладких и при пеньи нежном;
То был высокий храм, вокруг него
Пилястры и дорийские колонны
С прекрасным архитравом золотым,
Карнизами и фризами резными.
Он пышно разукрашен был, а крыша
Из золота чеканного была.
Ни Вавилон, ни сам Каир великий
В дни славы и величья своего
Такого зданья не имели, чтобы
Там поселить Сераписа³³ иль Бела³⁴,
Богов своих, иль трон царей поставить,
Как ни старались роскошью своей
Египет и Ассирия друг друга
Затмить. Стоял величественный храм
В своей могучей высоте, а двери
Вдруг распахнули бронзовые крылья,

³³ *Серапис* – египетский бог, почитавшийся в виде быка Аписа.

³⁴ *Бел* – ассирийский царь, сын Немврода, впоследствии обожествленный.

Чтоб показать внутри его обширность
И совершенно гладкий ровный пол.
С высоких сводов, магией искусной
Подвешены, сияли сотни ламп,
Как звезды, и светильники сверкали,
Питаемые нефтой и асфальтом,
И разливали свет, как бы с Небес.
Туда поспешно вся толпа стремится,
Изумлена; одни дивятся храму,
Другие громко воздают хвалу
Строителю. Он был давно известен
На Небесах – художник дивный, много
Воздвигнувший роскошных, пышных храмов,
Где Ангелы-властители царили,
На тронах восседая, как князья:
Сам Царь Царей их одарил той властью,
Чтоб каждый в иерархии своей
Блистательными воинствами правил.
По имени известен он был также
В Элладе древней; имя Мульцибера³⁵
В Авзонии³⁶ присвоили ему,
Где миф сложился о его паденьи
С Небес: повествовали, что Зевес,

³⁵ *Мульцибер* – то же, что римский Вулкан или греческий Гефест, – бог огня и обработки металлов; Зевс сбросил его с неба за то, что он вступился за свою мать Геру в споре с царем богов; он упал на остров Лемнос и ушибся при этом так, что остался хромым.

³⁶ *Авзония* – поэтическое название Италии по имени древнего народа авзонов, жившего на юго-западе Апеннинского полуострова.

Разгневанный, столкнул его с хрустальных
Зубцов небесной крепости, – и вот
С утра и до полудня, от полудня
До вечера росистого летел он
Весь долгий летний день, к закату ж солнца
Скатился, как падучая звезда,
На Лемнос, остров на Эгейском море.
Так говорит тот миф, но это ложь:
Он пал гораздо раньше, вместе с войском
Мятежников; ему не помогло
Его искусство строить башни в Небе,
Не помогли машины все его:
Он сброшен был стремглав со всей толпою
Искусников своих с высот небесных,
Чтоб продолжать строительство – в Аду.

Меж тем вокруг крылатые герольды
По повеленью высшего владыки
Торжественно гласят при звуках труб
Призыв по войску на совет великий,
Который должен вскоре состояться
В роскошном Пандемонии³⁷, отныне
Возвышенной столице Сатаны
И всех его князей. От всех отрядов,
От каждой части войска в тот совет
Достойнейших по выбору иль чину
Зовут они; и вот явились сотни

³⁷ *Пандемоний* – собрание демонов, подобно Пантеону (Pantheon) – собранию богов.

И тысячи; несметная толпа
Кишит вокруг; набиты ею входы
И портики широкие и все
Обширное пространство в самом храме,
Подобное арене состязаний,
Когда на ней цвет конницы неверных,
Вооружась, пред ложею султана
Друг другу вызов шлет на смертный бой
Иль ловкостью в метаньи копий спорить.
И в воздухе кишит толпа густая
И раздается свист и шелест крыл.
Так пчелы в дни весны, когда восходит
Превыше Тавра³⁸ солнце, высылают
Бесчисленный народ свой молодой,
Который собирается над ульем
Кистями, иль меж цветов росистых
Снует, иль на доске толпится гладкой, –
И та доска является предместьем
Соломенной их крепости; покрыты
Цветочной пылью новой, обсуждают
Они дела здесь общины пчелиной.
Так Духи, рея, в воздухе толпились;
Но прозвучал сигнал – и вдруг – о чудо!
Те, кто еще сейчас казались ростом
Громаднее гигантов всех земных,
Вмиг съежились и карликами стали
И без числа столпились в тесном месте,

³⁸ *Тавр* – горный хребет в Малой Азии.

Подобно тем пигмеям³⁹, что живут
У гор Индийских, иль прекрасным эльфам,
Которые в полночный час свершают
Пирь свои иль праздники, толпясь
Вблизи ручья иль на лесной опушке;
Порой их видит – наяву иль в грезах –
Крестьянин запоздалый в час ночной,
Когда над нами, как судья безмолвный,
Сияет месяц, бег свой приближая
К Земле; весельем радостным и пляской
Прелестною они его пленяют
И музыкой его чаруют слух,
И сердце бьется у него невольно
И радостью, и страхом вместе с тем.
Так Духи бестелесные сумели
Свой колоссальный образ сократить
И через это все вместились в зале
Подземного дворца. Вдали от прочих,
Свой прежний рост и образ сохранив,
Главнейшие вожди из Серафимов
И Херувимов пышно восседали,
Образовав особый тесный круг,
На тронах золотых, как полубоги,
До тысячи числом. На миг настало
Молчанье, был прочтен привет всеобщий
И начался великий их совет.

³⁹ ...Подобно тем пигмеям... – древние верили в существование особой человекоподобной расы карликов – пигмеев, которые, по представлению одних, жили в Индии, по других – в Эфиопии.

Книга вторая

Содержание

В начале совещания Сатана ставит вопрос, следует ли решиться на новую битву для обратного завоевания Неба. Одни одобряют войну, другие – против; предпочтение отдается третьему предложению, уже ранее упомянутому Сатаной, – расследовать правильность Небесного пророчества или предания относительно нового мира и нового рода созданий, равных Ангелам или лишь немного менее совершенных, которые должны были быть сотворены к этому времени. Возникают сомнения, кого бы послать на столь трудные поиски. Сатана, как верховный вождь, берет лично на себя это путешествие, предложение его встречено почестями и всеобщим одобрением. Совет, таким образом, кончается; Демоны избирают себе разные пути и занятия, сообразно своим наклонностям, чтобы скоротать время до возвращения Сатаны. Этот последний, начав свое путешествие, приходит к дверям Ада, которые находит закрытыми, и при них – двух стражей. Стражи наконец открывают ему двери, причем обнаруживается громадная пропасть между Небом и Адом. Изображаются трудности перехода этой бездны; Сатану направляет Хаос, господствующий над нею, к искомому новому миру.

На троне пышном, царственном, далёко
Превосходившем роскошью своей
Великолепье Ормуза⁴⁰ иль Инда⁴¹
И все обилие золота и перлов,
Которое без счета изливает
Восток богатый щедрою рукой
На варварских царей своих, надменно
Сидел, всех выше, Сатана, – отличие
Печальное он это заслужил.
От страшного отчаянья возвышен
До торжества, о коем не мечтал, –
Теперь уж он и этим недоволен,
Стремится выше, ненасытно хочет
Вести он с Небом тщетную войну.
Не научен жестокой неудачей,
Он в гордости такую речь держал:

«О божества небес! Державы, Власти!
Я убежден, что нет той страшной бездны,
Которая могла бы поглотить
И удержать в себе навеки силу
Бессмертную, хотя б она была
Побеждена, – а потому надеюсь,
Что Небо не потеряно для нас.

⁴⁰ *Ормуз* – древний город, стоявший некогда на одноименном острове в Персидском заливе.

⁴¹ *Инд* – здесь, очевидно, имеются в виду индийские государства, располагавшиеся вдоль берегов реки Инд.

Поднявшись из печального паденья,
Покажется еще славнее доблесть
Небесная, еще грозней, чем если б
Того паденья не было; итак,
В себя должны мы верить, не страшиться,
Что вновь удар судьбы постигнет нас.
Что до меня, то, по законам Неба,
Я искони был предводитель ваш,
И выбором свободным это званье
Мое вы укрепили, а к тому
Прибавились еще мои заслуги
В совете и в бою: по крайней мере,
Свою утрату этим я покрыл
И укрепился тем прочней на троне
По общему согласью, и притом
Вне зависти. Когда мы жили в Небе,
То положенье высшее, которым
Достоинство отмечено, могло б
Причиною быть зависти для низших;
А здесь, где место высшее лишь ставит
Всех ближе под удары Громовержца,
Как крепость, защищающую вас,
И повод к высшей доле вечной скорби, —
О зависти возможно ль говорить?
Здесь нет Добра, которое могло бы
Быть поводом к борьбе, а потому
Ни партий, ни борьбы здесь быть не может;
Никто искать не станет старшинства
В Аду; никто, имея только долю

Мучения, не будет столь тщеславен,
Чтоб большего мучения искать.
Имея эту выгоду союза
Прочнейшего, и твердого согласия,
И крепкого доверия, теперь
Еще скорее можем мы, чем в Небе,
Потребовать наследственных прав наших,
И на успех надеяться скорее
Мы можем здесь, чем было это там,
Где было обеспечено нам счастье.
Но надлежит теперь нам обсудить,
Что лучше, чтоб достигнуть нашей цели:
Открытую ль войну нам повести
Иль обратиться к скрытому коварству?
Кто может дать совет, пусть говорит!»

Так он сказал, и встал Молох немедля,
Могучий царь со скипетром, — сильнейший
И самый смелый из борцов, что в Небе
Сражались; после страшной битвы той
С отчаянья он стал еще смелее.
Он думал, что Предвечному по силе
Он равен и скорей бы согласился
Совсем не быть, чем быть слабей Его.
Отдавшись этой мысли, позабыл он
Страх перед всем — пред Богом, перед Адом
Иль что быть может худшего. Он молвил:

«Я — за войну открытую! Хитрить

Не мастер я – не похваюсь я этим;
Хитри, кто в том нуждается; притом же
Лишь вовремя полезна хитрость нам,
Но не теперь. Пока хитрить мы будем,
Ужели миллионы, что здесь ждут,
В вооружении полным, знака к битве,
Томиться будут в праздном ожидании,
Как беглецы Небес, за свой приют
Приняв беспрекословно эту яму
Позорную – тюрьму, в которой мы
Заключены велением тирана,
Лишь потому царящего над миром,
Что терпим мы Его? Нет, предпочтем,
Вооружась огнем и гневом Ада,
Немедленно, с неодолимой силой
Напасть на крепость вышнюю Небес;
Мученья наши обратим в оружие
Ужасное, Мучителю назло,
Чтоб Он, навстречу грому всемогущих
Своих орудий, слышал адский гром;
Чтоб молниям Его навстречу грозно
Сверкал огонь наш мрачный, поражая
Ряды покорных Ангелов Его;
Чтоб был и самый Трон Его высокий
Забрызган серой Тартара горячей,
Которой Он придумал мучить нас!
Но, может быть, покажется путь этот
Чрезмерно трудным и крутым – подняться
Открыто против высшего Врага?

О, пусть, кто это скажет, поразмыслит, —
Коль скоро он еще не усыплен
Зловредной влагой озера забвенья, —
Что к родине своей стремимся мы
Движеньем, нам присущим по природе,
А нисхождение с Неба и паденье
Противны ей. Не чувствовали ль мы
Еще недавно, яростно теснимы
Врагом, сломившим наш разбитый строй
И гнавшим нас до этой страшной бездны,
С каким мы принуждением и трудом
Спускались вниз? Тем легче нам подняться!
Иным, быть может, страшно за исход
Попытки нашей: думают, что если
Мы вызовем сильнейшего врага
На новый бой, то гнев Его изыщет
Еще иную, худшую нам кару, —
Как будто кара хуже есть, чем Ад!
Что может быть ужасней пребывания
Здесь, в этой тьме, в изгнание от блаженства,
В глубокой бездне горести и бед,
Где мучиться в огне неугасимом
Должны мы без надежды, без конца,
Быть ярости Его рабами вечно,
Бича неумолимого ударов
Ждать ежечасно? Что же претерпеть
Еще мы можем худшего, — иль разве
Погибнуть, уничтожиться совсем?
Чего же мы боимся? Почему же

Колеблемся Его мы довести
До крайности во гневе? Разъяренный,
Быть может, нас Он вовсе истребит
И уничтожит даже сущность нашу, –
По мне, такой исход все ж был бы лучше,
Чем вечное несчастье бытия.

А если нет и если сущность наша
Действительно божественна, бессмертна
И не престанет ввек существовать,
То ничего мы потерять не можем.
По опыту мы знаем, что довольно
Есть сил у нас, чтоб потревожить Небо;
Так будем же набегам грозить
Во все века престола роковому:
Пусть это не победа – так хоть месть!»

Окончил он и замолчал угрюмо;
В глазах его отчаянное мщенье
Сверкало, страшной битвой угрожая,
Для всех опасной, кто слабей, чем Бог.
Но вот с противной стороны поднялся,
Чтоб возразить Молоху, Велиал.
Он видом был приятнее и мягче,
Чем тот, и был прекраснейший из всех,
Кого лишилось Небо: был он создан,
Казалось, для высоких, славных дел,
Для высшего достоинства; но лживо
В нем было все и пусто; с языка
Мед капал у него; он мог дурное

В разумнейшем представить виде; лучший
Совет он мог испортить, исказить,
Затем что мысли низменны в нем были:
В пороке он искусен был, в делах же
Возвышенных ленив и боязлив.
Но ухо он умел ласкать словами
И вкрадчиво так начал речь свою:

«Я был бы очень за войну, о князи,
И в ненависти к нашему Врагу
Ни от кого я не отстал бы, если б
То, что приводят здесь как главный довод,
Чтоб нам начать немедленно войну,
Мне не казалось доводом обратным,
Не заключало б в сущности своей
Зловещего для нас предположенья.
Когда тот самый, кто в делах войны
Здесь выше всех, исполнен недоверья
К тому, что он советует, в чем прочих
Он превосходит, мужество свое
Лишь на слепом отчаяньи готовый
Обосновать и ставя высшей целью
Уничтоженье наше после некой
Ужасной мести, — что сказать об этом?
Во-первых, в чем же будет эта месть?
Ведь нам известно, что все башни Неба
Полны отважных часовых и к ним
Нам невозможно подойти; притом же
Расположились лагерем вокруг

Всей нашей бездны вражеские рати
Иль реют вокруг на сумрачных крылах
И вдаль и вширь по царству вечной ночи,
И мудрено застигнуть их врасплох.
А если бы мы силой попытались
Пробить себе дорогу и весь Ад
Восстал за нами в возмущении мрачном,
Чтоб помрачить Небес чистейший свет,
То Он, великий Враг наш, недоступный
Вреду и порче, на своем престоле
Сидел бы все ж, ничем не осквернен,
А ткань эфира, запятнать которой
Ничем нельзя, извергла б из себя
Все наше зло – очистилась бы сразу
От низкого огня. Отражены,
В отчаянье мы впали бы навеки.
Советуют нам приложить все силы,
Чтоб всемогущий Победитель наш
Был до того разгневан, что навеки
Покончить с нами захотел бы; в этом
Мы будто бы найдем себе утеху.
Печальная утеха! Кто из нас
Захочет прекратить существованье
Разумное свое, хотя б оно
Исполнено мучений вечных было?
Как? Уничтожить ум наш, наши мысли,
Которые пронизывают вечность,
Чтоб навсегда исчезнуть, поглотиться
В обширных недрах первородной Ночи,

И смысла, и движения лишённой?
Но пусть за благо это мы сочтем:
Кто ж может знать наверно, без сомненья,
Что гневный Враг наш может это благо
Нам дать иль дать захочет нам его?
Сомнительно, чтоб мог его Он дать нам,
Но никакого нет сомненья в том,
Что не захочет Он, столь мудрый, сразу
Излить весь гнев свой: не настолько Он
Бессилен и не так недалёковиден,
Чтоб волю Он врагов своих исполнил
И весь исчерпал гнев свой, если может
Карать их этим гневом без конца.
Те, кто к войне нас побудить желает,
Нам задают вопрос: что медлим мы?
Ведь мы в тюрьме заключены, разбиты,
Осуждены на вечные мученья;
Итак, что б мы ни сделали теперь,
Что худшего ещё случиться может,
Что злейшего мы можем претерпеть?
Как! Разве это худшее, что может
Случиться, если мы сидим, как здесь,
В вооружении полным и в совете?
Когда стремглав летели мы сюда,
Гонимы, поражаемы ужасным
Небесным громом, и молили бездну
Укрыть нас, — разве было нам не хуже?
Тогда казался этот самый Ад
Убежищем для наших ран! В оковах

В пылающем мы озере лежали, –
Конечно, хуже было нам тогда!
А если, снова пробудясь, дыхание,
Которым страшный пламень тот зажжен,
Его раздует с семикратной силой
И нас совсем утопит в том огне?
Что, если отдыхающее мщенье
Поднимет снова огненную руку,
Чтоб мучить нас? Что, если грозный Мститель
Для этого все средства пустит в ход,
Со сводов Ада пламени потоки
На нас польются, и дрожать мы будем,
И этот свод обрушится на нас?
И вот мы, после храброго воззвания
И ободренья к доблестной войне,
Лишь попадем все в вихрь огнистой бури,
И каждого из нас она швырнет
И пригвоздит к утесу иль утопит
Навек в цепях, в кипящем океане,
И без конца мы будем там стонать,
Заброшены, забыты, сожаленья
Ни в ком не возбуждая, без надежды
Столетия за столетиями томясь.
Ужель не хуже будет нам, чем ныне?
Итак, свой голос подаю я против
Войны: открытой, тайной – все равно.
Что может сделать сила или хитрость
И кто возможет обмануть Того,
Чье око видит все единым взглядом?

Взирает Он с небесной высоты
На эти наши праздные попытки,
И видит, и осмеивает их.
Он столь же всемогущ, чтоб нашей силе
Противостать, сколь мудр, чтоб наши ковы
Расстроить все. Что ж, скажут, так должны
Мы жить здесь в этой низости, мы, племя
Небесное, должны сносить, терпеть,
Чтоб попирали нас в изгнание гнусном,
Мученья все нести, всю тягость уз?
Что ж делать, — на мой взгляд, все ж это лучше,
Чем худшее; так неизбежный рок
Велит нам, так желает Всемогущий;
То воля победителя... Страдать
И действовать — на то и на другое
В нас сила одинаковая есть,
И я считаю, что закон, который
Устроил это, не несправедлив.
Рассчитывать на это надлежало
Нам сразу, если были мы умны,
Когда в борьбу вступили с столь великим
Врагом и столь неверен был успех.
Смешно мне, если те, кто в битве смелы
И храбры, неудачу потерпев,
Трепещут и пугаются последствий,
Известных им заранее, — не хотят
Терпеть изгнания, мук, цепей, позора —
Всего, что победитель повелит.
Таков теперь удел наш; если будем

Его спокойно мы переносить,
Всевышний Враг со временем, быть может,
Свой гнев умерит; столь далек от нас,
Быть может, нас Он вовсе позабудет,
Коль раздражать не станем мы Его,
Иль наказание, что несем мы ныне,
Достаточным сочтет; огонь свирепый
Тогда ослабнет, если Он не будет
Его своим дыханьем раздувать.
Природа наша чистая, быть может,
Преодолеет силу испарений
Зловредных иль привыкнет их сносить,
Не чувствуя; иль, может быть, с теченьем
Времен она изменит весь свой склад,
Ей страшный жар родным, потребным станет
И боли ей не будет причинять;
Тот ужас, что теперь нас окружает,
Нам станет мил, тьма светом будет нам;
И мало ль что еще надежда может
Нам принести в бегущих вечно днях
Грядущего, какие перемены
Нам могут предстоять еще! Теперь
Наш жребий – Зло в сравненьи с прежним счастьем,
В сравненьи ж с худшим он для нас – Добро, –
Конечно, если на себя мы сами
Не пожелаем худшего навлечь».

Так Велиал, одев в покров разумный

Слова свои, советовал собратьям
Бесславное бездействие такое,
Лень мирную – однако же не мир.
И вслед за ним Маммон себе взял слово:

«Цель наша – иль войной с престола свергнуть
Небесного Царя, когда войну
Признаем мы за лучшее, иль только
Восстановить права, которых мы
Лишились. Свергнуть мы Его лишь можем,
Коль нам доставит вечная Судьба
Какой-нибудь совсем особый случай
И тяжбу нашу разрешит Хаос.
Коль скоро нам на первое не стоит
Надеяться, то и второе также
Не нужно; что за место, в самом деле,
В Небесном Царстве мы займем, коль скоро
Всевышнего не одолеем мы?
Допустим, что смягчит Он гнев Свой, всех нас
Помилует, коль скоро подчиниться
Ему мы клятву новую дадим;
С какими же глазами нам придется
Стоять пред ним смиренно, покоряясь
Законам строгим, царствие Его
В слащавых гимнах вечно славословить,
По принуждению «аллилуйя» петь
Пред Божеством Его, а Он, Владыка
Наш ненавистный, будет восседать
Торжественно на троне, обоняя

Амброзии цветы и ароматы
Жертв наших рабских алтарю Его?
Вот тот удел, какой найдем мы в Небе,
Вот радости, которые нас ждут!
Сколь тягостно так проводить всю вечность
В хвале и славословии Тому,
Кого мы ненавидим! Нет, не будем
Стремиться мы усилием невозможным
Иль милостью, которой от Него
Не можем мы принять, хотя бы в Небе, –
Достичь опять блистательного рабства!
Поискем своего в самих себе,
Жить станем для себя своею силой,
Свободны, никому не отдавая
Отчета, хоть бы в этой глубине,
И предпочтем суровую свободу
Всей славы рабской легкому ярму!
Величье наше возрастет тем больше,
Чем больше мы сумеем обращать
Ничтожное – в великое, дурное –
В полезное для нас, несчастье – в счастье;
Какое горе ни постигло б нас,
Куда бы ни попали мы – повсюду
Мы облегчим терпеньем и трудом
Свои страданья. Тьмою нас пугают;
Но разве Царь Небесный Всемогущий
Сам часто не скрывается во тьме
Меж туч густых, причем нисколько слава
Его не помрачается, когда

Он этой тьмою своей престол покроет,
И гром грохочет глухо из нея,
Собою гнев Владыки знаменуя,
Уподобляя Аду Небеса?
Как нашей тьме Он подражает, так же
Его мы свету можем подражать:
Пустыня эта скрытые богатства
В себе таит – и золото, и перлы,
А мы умом владеем и искусством,
Которое поможет нам достичь
Великолепья; чем же Небо лучше?
Мученья наши в долготу времен,
Быть может, станут нашею стихией;
Огонь палящий, ныне нам столь тяжкий,
Нам станет мягок и приятен; склад наш
Изменится по складу всей среды,
И мы мучений чувствовать не будем.
Итак, все это клонится к тому,
Чтоб мирное мы вынесли решение,
Установили здесь порядок свой
И рассудили, как всего удобней
Уладиться нам в бедствии своем,
Сообразив, что мы такое сами
И что нас окружает; о войне же –
Все мысли отложить. Вот мой совет».

Едва он кончил, как всеобщий говор
Наполнил все собранье. Так утесы
Во впадинах удерживают отзвук

Шумящих ветров, долгую всю ночь
Над морем бушевавших, а под утро
Баюкающих тихо моряков,
Которые, всю ночь не спав, заснули,
В утесистом заливе бросив якорь
И приютивши свой корабль иль лодку,
От бури убежавшую. Так дружно
Маммона речь приветствовали все,
Одобрив им предложенное мнение,
Что нужно мир хранить. Пред битвой новой
Они дрожали больше, чем пред Адом:
Такой внушил им ужас страшный гром
И Михаила меч. Хотелось также
Внизу свое им царство основать,
Которое, возникнув осторожно,
Могло бы стать с течением веков
Соперником достойным царству Неба.
Когда заметил это Вельзевул –
Который, после Сатаны, всех выше
Сидел, – поднялся с важным видом он
И, встав, столпом казался государства;
Глубокими чертами на челе
Начертан у него был ум высокий,
И о делах общественных забота
И царственный совет в его глазах
Светились; величавый и в паденьи,
Стоял он, мудрый, крепкий, как Атлант⁴²,

⁴² *Атлант* – титан, сын Иапета, восставший против Зевса и осужденный в наказание поддерживать небо на своих плечах.

Способный на плечах своих могучих
Обширнейших монархий бремя несть.
Его глубокий взор привлек внимание
И водворил повсюду тишину,
Какая лишь господствует средь ночи
Иль в полдень, в летний день. Он так сказал:

«Престолы, Власти, Доблести эфира
И отпрыски Небес! Ужель должны
От титулов мы этих отказаться
И называться впредь князьями Ада?
Как будто склонен весь народ к тому,
Чтоб нам остаться здесь, внизу, и царство
Здесь новое создать. Но, без сомненья,
Лишь потому об этом грезим мы,
Что позабыли, что Владыка Неба
Отвел нам это место как тюрьму,
Совсем не как убежище от власти
Его могучей, чтобы жили мы,
От высшего суда Небес изъять,
И составляли заговор здесь против
Его престола; нет — хоть и вдали,
Держать Он нас желает в заключеньи
Строжайшем, в обузданьи, неизбежном
Для нас навек, как пленников Его;
Поверьте, что и в высоте небесной,
И в нашей бездне, первый и последний,
Везде Он хочет царствовать один,
И даже самой малой части царства

Не даст отторгнуть нашим мятежом.
Над Адом власть свою простер Он также,
И скипетром железным здесь над нами
Он властвует, как в Небе – золотым.
Что ж мы сидим и праздно обсуждаем –
Война иль мир? Была у нас война
И поразила нас утратай страшной,
Непоправимой; мира же никто
Не предлагал ни на каких условиях
И не просил; да и какой же мир
Предложен был бы нам, порабощенным?
Надзор суровый, вечные удары
И кары произвольные! А мы –
Каким Ему за то платили б миром?
Посильною лишь ненавистью нашей,
Враждой, упорством непреклонным, мстью
Хотя бы тихой, вечно замышляя,
Как сделать, чтобы Победитель наш
Плодов победы получил поменьше,
Как можно меньше наслаждался б тем,
Что причинил Он нам, чем мы страдаем!
И к этому найдется случай нам,
Причем ничуть предпринимать не надо
Поход опасный к самым Небесам,
Валам которых не страшна осада,
Ни нападение снизу. Нет, нельзя ли
Полегче предприятие нам найти?
Когда не лжет старинное преданье,
Пророчество для жителей Небес,

То существует место, мир особый,
Счастливое жилище неких новых
Созданий, коим имя — человек.
Они подобны нам и, хоть и ниже
По силе и достоинству, чем мы,
Но более, чем мы, Тому любезны,
Кто правит в Небе. Таковую волю
Он громко объявил среди богов
И подтвердил ее великой клятвой,
От коей содрогнулся круг Небес.
Направим же туда все наши мысли
Чтоб изучить созданий, там живущих, —
Какая сущность их, каков их склад,
И чем одарены они, в чем сила
И слабость их, и как на них напасть —
Насильем или хитростью. Пусть Небо
Закрыто нам и Вечный Судия
Сидит себе спокойно в полной силе,
Но это место, кажется, лежит
К нам ближе, на окраине владений
Его, и предоставлено защите
Одних лишь обитателей своих.
Здесь, может быть, внезапным нападением
Каких-нибудь достигнем выгод мы:
Огнем ли адским этот мир разрушим
Иль сделаем его своим владением,
Чтоб жителей младенческих изгнать,
Как были с Неба изгнаны мы сами;
Иль если не изгнать, то совратить,

Привлечь на нашу сторону, чтоб Бог их
Врагом их стал и собственной рукою,
Раскаявшись, разрушил Сам Свой труд!
Вот это – выше, чем простое мщенье!
Вполне мы можем этим отравить
Его восторг от торжества над нами,
Себе ж доставить радость созерцаньем
Его досады. Как Он огорчится,
Когда Его любимцы полетят
Стремглав, как мы, и проклянут природу
Непрочную свою и хрупкость счастья,
Увядшего столь быстро! Обсудите ж,
Достойна ли попытка эта нас,
Иль лучше нам сидеть во тьме и праздно
О царствах здесь несбыточных мечтать!»

Так Вельзевул сумел в словах искусных
Свой дьявольский совет представить; правда,
Мысль первая об этом Сатане
Принадлежала; он ее отчасти
Уж предлагал. Конечно, от кого ж
Могла такая глубина коварства
Происходить, как не от Сатаны,
Виновника всех зол? Он в самом корне
Хотел род человеческий сгубить
И Землю с Адом в гибели всеобщей
Смешать, назло Создателю. Однако
Все это Зло служило лишь к тому,
Чтоб славу Вседержителя возвысить.

Отважный план понравился весьма
Всем силам Ада: радость засверкала
В глазах у них. И вот в согласье полным
За этот план все голос подают.
Тогда он встал и, речь возобновляя,
Собранию сказал: «Синод богов!
Вы рассудили правильно, достойно
Закончили великий этот спор, —
Достойно вас самих дела решили
Великие, которые способны
Когда-нибудь, наперекор судьбине,
Нас вознести из бездны в высоту,
Приблизив снова к прежнему жилищу;
Быть может, там, по близости пределов
Блистательных Его, вооружась
В соседстве, мы благоприятный случай
Найдем, чтоб снова в Небо нам проникнуть;
Иль будем жить в ином удобном месте,
Не лишены сияния Небес,
Где луч востока нас от тьмы очистит
И мягкий воздух нам рубцы залечит
Глубокие от едкого огня,
Дыша на них целительным бальзамом.
Но ранее всего решить нам надо,
Кого послать нам, чтобы отыскать
Тот новый мир. В ком будет сил довольно,
Чтоб испытать опасный этот путь
В бездонной тьме пучины бесконечной,
Сквозь мрак нащупать верную дорогу,

Безвестную, иль, крылья распустив,
Полетом пронестись неутомимым
Над пропастью громадной, чтоб домчаться
До острова счастливого? Какая
Нужна здесь сила, сколько здесь искусства
Потребно! И какой счастливый случай
Здесь надобен, чтоб миновать удачно
Густую сеть постов сторожевых
И Ангелов бесчисленных избегнуть!
Он должен быть здесь очень осторожен,
И мы должны тем осторожней быть
При выборе посланника: зависит
Судьбы всей нашей тяжесть от него,
В нем наша вся последняя надежда!»
Сказал – и сел; и, вокруг вода свой взор,
Он ожидал, чтоб кто-нибудь явился
И возразил иль выразил согласие
И на себя опасный опыт взял;
Но все сидели молча, обсуждая
В уме опасность подвига, и каждый
В глазах другого свой испуг читал.
Никто из самых первых и высоких
Бойцов, недавно воевавших с Небом,
Отважиться не мог, чтоб предложить
Свои услуги или порученье
Взять на себя и одному свершить
Ужасный путь. Тут Сатана, чтоб славу
Свою среди собратий вновь возвысить,
Поднять до несравненной высоты,

Спокойно встал и с гордостью монарха,
В сознании высших сил своих, сказал:

«Престолы эмпиреев, дети Неба!
Недаром вас объяло, вижу я,
Глубокое безмолвье и сомненье,
Хоть и не страх: велик и труден путь,
От адской глубины ведущий к свету;
Крепка темница наша; круг огня,
Грозящего пожрать нас, окружает
Стеной девятикратной наш приют;
А выход нам алмазными вратами
Горящими закрыт. А если кто
Пройдет чрез них, он встретит лишь пучину
Глубокой ночи, вещества лишенной,
Со всех сторон зияющей вокруг,
Уничтоженьем бытия грозящей,
Все поглотить стремящейся окрест.
И если он в конце концов проникнет
В какой-нибудь оттуда новый мир,
Что ждет его в стране безвестной, кроме
Опасностей лишь новых, от которых
Избавиться – опять тяжелый труд?
Но не по праву занял бы, о князи,
Я этот трон высокий, не по праву
Украшен был бы этой высшей властью,
Вооружен могуществом столь славным,
Когда бы то, что признано пригодным

В собрание нашем общем, — будь оно
Опасно или трудно в высшей мере, —
Меня могло б хоть мало утратить
Иль помешать мне сделать этот опыт.
Ужель, приняв высокий царский сан,
Я от него не отказался б, если б
Я уклонился от высокой доли,
С опасностью и честью сопряженной?
Вполне прилична доля та тому,
Кто царствует; всех более достойна
Того, кто выше всех превознесен.
Идите же, Могущества и Власти,
Гроза Небес, хотя и пали вы!
Идите по домам — жилище это
Должно ведь домом нашим быть, — старайтесь,
Сколь можно, наши бедствия смягчить
И сделать Ад, сколь можно, выносимым;
Леченьем или чарами старайтесь
Ослабить или обмануть страданья
Ужасного жилища; будьте зорки
На страже вечно бдящего врага;
А я пойду один в края иные,
Сквозь разрушение общее искать
Желанного нам всем освобожденья.
Никто меня сопровождать не должен».

Промолвив это, встал монарх и тем
Предотвратил все возраженья. Мудро
Он поступил: когда б он так не сделал,

Возможно, что, узнав его решение,
Другие из вождей могли б свои
Услуги предложить (наверно зная,
Что их никак не примут), вызываясь
На то, чего страшились сперва;
Тогда они соперниками стали б
Ему во мненьи многих, получив
Ценой дешевой славу, для которой
Он должен был так страшно рисковать.
Они, однако, больше, чем попытки
Отважной этой, голоса боялись,
Которым Вождь им это запретил.
И вот они, с ним вместе, дружно встали,
И грозный шум от этого вставанья
Был грому отдаленному подобен.
С благоговеньем низко перед ним
Они склонились, чтя его, как Бога,
Превознося, как Вышнего Небес;
Не преминули также благодарность
И удивленье выразить ему
За то, что он для общего спасенья
Своим решился благом пренебречь.
Как видно, даже и у падших Духов
Угасла добродетель не совсем;
Пусть это знают те дурные люди,
Которые гордятся на Земле
Свершенными делами ради славы
Иль честолюбья, прикрывая только
Их внешним блеском ложного усердия.

Так кончился сомнительный совет
Сил темных: восхищались несравненным
По доблести вождем своим они.
Так, если тучи мрачные, поднявшись
С высоких гор, в то время как заснул
Холодный ветер северный, покроют
Свод ясный неба и грозят земле,
Закутанной во мрак, дождем иль снегом, —
Вдруг к вечеру сияющее солнце
Проглянет между них косым лучом,
И оживают тихие поляны,
Вновь раздаются птичьи голоса,
Мычат стада от радости и снова
Полны веселых звуков холм и дол.
Стыдитесь, люди! С дьяволами Дьявол
Живет в согласье; только человек,
Единственный из всех разумных тварей,
Враждует вечно с прочими людьми,
Хоть не лишен надежды он на милость
Небесную! Бог мир хранить велит,
А люди вечно ненавистью пышут,
Враждуют меж собой, ведут борьбу,
Кровавые заводят вечно войны,
Опустошают землю, чтоб друг другу
Вредить, хотя к согласью побудить
Могло б их то, что человек имеет
В Аду врагов довольно, чьи стремленья

И день и ночь бедой ему грозят.
Итак, совет Стигийский разошелся.
Все преисподней главные князья
Шли вместе, и меж них — их вождь великий.
Он мог, казалось, быть один из всех
Соперником Небес, в Аду ж являлся
Он грозным повелителем; великой
Он окружен был пышностью и Богу
Своим величием подражал; вокруг
Теснилась свита гордых Серафимов⁴³,
Блистательных, в вооружении грозном.
И вот они велят о результате
Великого совета трубным звуком
Торжественно везде оповестить;
По направлению четырех всех ветров
Поспешные четыре Херувима⁴⁴
Несутся, трубы приложив к устам,
Герольды ж весть народу объясняют;
По всей громадной бездне вдаль и вширь
Разносится она, и, оглушая,
Грохочет всюду одобренья крик.
Им на душе как будто легче стало;
Обманчивой утешены надеждой,
Расходятся их полчища, и все
Идут своей особою дорогой,

⁴³ *Серафимы* — высший чин ангельской иерархии, ближайший к Богу. Смысл их имени связывался с огнем, горением.

⁴⁴ *Херувимы* — второй по старшинству чин ангельской иерархии. Это крылатые существа; связываются с ветром.

Куда кого наклонности ведут,
Иль грустный выбор направляет, чтобы
Рассеять дум печальных вечный бег
И скоротать часы тоски невольной,
Пока вернется их великий вождь.
Одни в равнине бродят, а другие
Парят на крыльях в воздухе иль в быстрый
Пустились бег, как в играх Олимпийских
Иль на полях Пифийских; третьи ловко
Коней смиряют гордых или мчатся
В ристалище на пышных колесницах;
Другие стали в грозный строй, бригады
Образовав. Так, чтоб предостеречь
Чрезмерно гордый город, посылает
Судьба на небе знаменье порой:
Является войны виденье в тучах,
Идут полки в нависших облаках,
А перед ними рыцари несутся
Воздушные и копьями грозят
Друг другу и, сшибаясь, легионы
Мешаются, и жаркий бой кипит
От края и до края небосвода.
Иные, будто бешенством Тифена⁴⁵
Объятые, рвут горы и холмы,
Иль в воздухе несутся шумным вихрем:
Едва выносит бурю эту Ад.
Так некогда Алкид⁴⁶, идя, увенчан

⁴⁵ *Тифен*, или Тифон – см. примеч. к с. 12.

⁴⁶ *Алкид* – прозвище Геркулеса (Геракла).

Победой, из Эхалии⁴⁷, надел
Отравленный наряд и, мучим болью,
Рвал сосны фессалийские с корнями,
Лихаса же с вершины Эты в море
Эгейское швырнул. Другие, нравом
Спокойнее и мягче, удалясь,
В долине тихой сели, воспевая
По-ангельски, при звуках многих арф
Свои дела геройские и горе
Паденья после битвы неудачной,
И жалобно пеняли на Судьбу,
Которая над доблестью свободной
Случайности иль силе власть дает.
Хоть песня та хвалой односторонней
Превозносила только их самих,
Но дивною гармонией своею
(Как может быть иначе, если Духи
Бессмертные поют?) она весь Ад
К себе невольно привлекла: стеснилась
Вокруг толпа и слушала. Другие
Приятною беседой утешались
(Ведь красноречье – радость для ума,
Как музыка – для чувства); холм избрали

⁴⁷ *Эхалия* – город в Беотии, разрушенный Геркулесом за то, что царь его, Еврит, не хотел отдать ему в жены дочь свою Иолу. Похитив Иолу, Геркулес отправился домой и хотел отдохнуть на острове Эвбея; там жена его Деянира, ревнуя к Иоле, прислала ему одежду, отравленную кровью кентавра Несса, раненного Геркулесом. Надев ее, Геркулес почувствовал жгучую боль; впад в бешенство, он сорвал одежду и бросил в Эгейское море Лихаса, посланника Деяниры, принесшего ее.

Они отдельный, чтоб отдаться там
Высоким мыслям: рассуждали важно
О воле, о судьбе, о Провиденьи,
Предвиденьи, об абсолютном знаньи
И о свободе воли, – без конца
Теряясь в лабиринте философском.
Судили там о Зле и о Добре,
О счастье и о бедствии, о страсти,
Бесстрастности, о славе и стыде;
Все это было – тщетное лишь знание,
Пустого любомудрия обман,
Но все же их очарованьем неким
Пленяло, помогая им забыть
На время боль и скорбную тревогу,
Иль лживую надежду пробудить
И укрепить терпением упорным
Больную грудь их, как тройною сталью.
Другая часть, образовав отряды
И партии, пустились смело в путь,
Чтоб изучить весь этот мир печальный,
Найти, быть может, климат, где бы легче
Жилось им. Разделилися они
По четырем дорогам, в направлены
Всех четырех рек адских, чьи потоки
В пылающее озеро бегут,
Туда струи печальные вливая.
Вот имена тех рек: ужасный Стикс,
Река смертельной ненависти вечной;
Река печали мрачной – Ахерон;

Коцит – всечасно жалобой и плачем
Тревожно оглашаемый; затем
Свирепый, грозный Флегетон, чьи волны
Неугасимым пламенем кипят;
Вдали от них – река забвенья, Лета,
Безмолвная и тихая, стремится
Извивами, как водный лабиринт;
Кто выпьет из нее – сейчас забудет,
Чем был он прежде, что он есть теперь,
Печаль и радость, счастье и страданье.
За эту рекою материк
Лежит, холодный вечно, темный, дикий,
Бичуемый без перерыва бурей,
Несущую при страшном вихре град,
Который здесь не тает, а, скопляясь
В громадных кучах, образует нечто
Подобное развалинам дворца
Старинного; здесь лед и снег глубокий
Лежат, как топь Сербонского болота⁴⁸
Меж Дамиатой и горою древней,
Что Касием зовется, где не раз
Бесчисленные полчища тонули.
Суровый воздух здесь морозом жжет,
И самый холод здесь огню подобен.
Ужасные, как гарпии, когтями

⁴⁸ ...как топь Сербонского болота... – Сербонское озеро лежало между горой Касий и городом Дамиатой близ устьев Нила; тонкий песок окрестной пустыни, гонимый ветром, иногда засыпал его, так что оно превращалось в зыбкое болото, где погибали целые армии.

Влекут, вцепившись, Фурии сюда
В известный срок несчастных осужденных;
От крайностей жестокой перемены
Тем горше боль, а крайность тем сильней.
Чем более страшна другая крайность;
Перенесен от пламенного ложа
На лед промерзший нежный их эфир.
Окоченев, в столбы их превращает
Недвижные, и так они стоят,
Прикреплены; по минованьи ж срока
Их Фурии ввергают вновь в огонь.
И вот они вдоль русла Леты бродят
То здесь, то там, и скорбь их все растет;
Они хотят, стараются напрасно
Достать струи манящей их реки,
Чтоб утолить, хоть каплею единой,
В забвеньи сладком горе и тоску;
Казалось бы, один лишь миг – так близок
Им край реки; но не велит Судьба:
Медуза и все страшные Горгоны⁴⁹
Тот край заветный строго стерегут,
И самые струи бегут живого
Прикосновенья уст их, – так бежала
От жаждущих уст Тантала⁵⁰ вода.

⁴⁹ ...Медуза и все страшные Горгоны... – по Гесиоду, было три Горгоны, страшные существа со змеями вместо волос и с окаменяющим взглядом: Сфено, Эвриала и Медуза.

⁵⁰ Тантал – богатый царь фригийский, сын Зевса и богини богатства Плуты; раскрыл вверенные ему тайны Зевса и предложил в пищу богам тело сына своего

Так бродит, пораженная смущеньем,
Искателей отважная толпа,
От ужаса невольного бледнея;
В глазах испуг: теперь они лишь видят,
Какой печальный жребий выпал им,
И нет им ни утехи, ни покоя.
Они проходят множество долин
Угрюмых, мрачных, много стран печали,
Чрез много гор высоких – то морозных,
То пламенных, – чрез множество утесов,
Пещер, болот, стремнин, ущелий, топей, –
На всем лежит зловещей смерти тень;
Вокруг – мир смерти, созданный проклятьем
Всевышнего, – Зло, годное лишь Злу,
Тот мир, где все живое умирает,
Лишь смерть живет и где, извращена,
Природа лишь чудовищ порождает –
Одних лишь чудищ страшных, безобразных,
Невыразимо гнусных – хуже всех,
Что сочинили сказки или ужас
Когда-либо внушил воображенью, –
Горгон и Гидр⁵¹ и яростных Химер⁵².

Пелопса, разрубленное на куски; за это он был наказан тем, что стоял в Аду по горло в воде, а над головою у него висели плоды; когда он нагибался, чтобы напиться, вода уходила вниз, а когда хотел достать плоды, они поднимались вверх; таким образом, он вечно мучился голодом и жаждой.

⁵¹ *Гидры* – мифические гигантские водяные змеи; особенно знаменита многоглавая лернейская гидра, убитая Геркулесом.

⁵² *Химера* – чудовище, извергавшее огонь, имевшее спереди вид льва, сзади дракона, с туловищем козы; она была урита Беллерофонтом.

Меж тем, противник и людей и Бога,
Летел на быстрых крыльях Сатана,
Воспламененный мыслями о цели
Своей высокой; к Адовым вратам
Он направлял полет свой одинокий.
То вправо уклонялся он, то влево,
То, крылья распластав, летел вниз,
То ввысь взвивался к пламенному своду.
Как издали, как будто в облаках
Повисший, флот виднеется, плывущий
На парусах от берегов Бенгальских
При ветре равноденствия попутном
Иль с островов Терната и Тидора⁵³,
Откуда много пряностей везут
Купцы; как держат путь они торговый
Чрез море Эфиопское до Капской
Страны и ночью к полюсу стремятся –
Таким, паря вдали, казался Враг.
И вот уж стены Ада показались –
Высокая – до самой крыши страшной;
Втройне тройные были в них врата –
Три медных, три железных, три алмазных
Объятых вкруг огнем, который их,
Однако, не сжигает. Пред вратами
С той и другой сидело стороны
По страшному чудовищу; до чресл
Одно из чудищ женщиной казалось,

⁵³ *Тернат и Тидор* – острова в Тихом океане из группы Молуккских
Малайского архипелага.

Притом красивой, – остальное ж тело
Громадное покрыто чешуей,
В извивах, как змея, тянулось, жало
Смертельное неся; вокруг нее
Псов адских стая, лая непрерывно,
Кружилась, страшно разева пасти,
Как Церберы⁵⁴, творя ужасный шум;
Порою же они по произволу
Иль если им мешало что-нибудь,
К ней заползали в чрево, там скрываясь,
И продолжали лаять там и выть,
Хотя незримы; далеко не столько
Ужасны были псы свирепой Сциллы⁵⁵,
Купавшейся в том море, что проходит
Проливом меж Калабрией и берегом
Тринакрии⁵⁶ охрипшим; лучше их
Те псы, что мчатся за ночной колдуньей,
Когда она, по тайному призыву,
По воздуху летит, куда ее
Влечет приятный запах детской крови,
Чтоб с ведьмами лапландскими плясать,
Заклятьем ясный месяц помрачая.

⁵⁴ *Цербер* – трехголовый адский пес.

⁵⁵ *Сцилла* – чудовище с двенадцатью ногами, с шестью головами на длинных шеях и с рыбьим хвостом, опоясанным безобразными псами; она жила в пещере у моря, против Харибды, и поглощала мореплавателей, – поглотила, между прочим, шесть спутников Одиссея.

⁵⁶ ...*меж Калабрией и берегом Тринакрии*... – считалось, что Сцилла живет в пещере у пролива между Италией и Сицилией. *Тринакрия* – остров Сицилия.

Другой ужасный образ – если можно
Такое слово применить к тому,
Что не имеет образа, в чем трудно
Иль невозможно члены различить,
Ни рук, ни ног не видно и все тело
Какой-то тенью кажется неясной, –
Сидел недвижно, сумрачный как ночь,
Ужасен и свиреп, как десять Фурий,
И грозный, как сам Ад, вооружен
Огромным дротом. То, что головою
Казалось в нем, венчалось подобьем
Короны царской. Сатана к нему
Приблизился; чудовище, поднявшись,
Пошло к нему громадными шагами,
И от шагов тех содрогался Ад.
Враг, не смутясь, смотрел и удивлялся,
Что б это быть могло, – но не страшился:
Ему ничто из всех созданий мира
Не страшно было; все считать ничтожным
Готов он был; лишь Бог и Божий Сын
Ему могли быть страшны. И, с презреньем
Смотря навстречу, так он начал речь:

«Кто ты, ужасный образ нестерпимый,
Что, хоть свиреп и грозен, смеешь ты,
Противостав всем телом безобразным,
Мне заграждать дорогу к тем вратам?
Но я пройду чрез них – в том будь уверен –
И позволения у тебя просить

Не буду. Прочь с дороги иль безумье
Решись свое на деле испытать
И научись тогда, отродье Ада,
Вперед не спорить с силами Небес!»

И в ярости ему ответил демон:
«Так это ты, изменник-Ангел, ты,
Который первый мир нарушил в Небе
И клятву преступил, дотоле свято
Хранимую, и, дерзко возмутясь,
Увлек с собою треть сынов небесных,
Чтоб против Вышнего восстать, за что
Ты и они, отпавшие от Бога,
Осуждены здесь вечно дни свои
Влачить в тоске и скорби беспредельной?
И ты дерзаешь, обреченный Аду,
Себя к Небесным Силам причислять?
И смеешь ты презрительный свой вызов
Бросать тому, кто Царь и Властелин
Мест этих? Да, скажу тебе прямее,
Чтоб более еще тебя взбесить:
Твой Царь и Властелин! Иди, лжец беглый.
Иди назад, чтоб кару отбывать!
Спеши, чтоб я бичами скорпионов
Медлительность твою не подогнал,
Спеши на крыльях – или этим дротом
Тебя я так ужасно поражу,
Что ощутишь ты боль, какой не ведал!»

Так говорил свирепый этот ужас;
Произнося угрозы эти, он
Стал в десять раз страшней и безобразней.
С другой же стороны, негодованьем
Пылая, смело Сатана стоял
И весь горел, как яркая комета,
Которая в полярных небесах
Во всю длину сияет Офиуха⁵⁷
И сыплет с волосатого хвоста
Войну и язву моровую. Оба,
Копье друг другу в голову нацелив,
Стоят, врага желая поразить
Одним ударом, грозны, как две тучи,
Чреватые оружием Небес,
Которые над Каспием сошлись:
Стоят они лицом к лицу и медлят,
Пока не даст сигнала ветер им
Средь воздуха столкнуться мрачной встречей.
Так мрачен вид был двух бойцов могучих,
Что самый Ад еще мрачнее стал.
Никто еще из них врага такого
Не видел; здесь свершились бы дела
Великие, и громкою молвою
О тех делах наполнился бы Ад,
Когда б змееподобная колдунья,
Которая у Адских врат сидела,
Держа в руках ключ Ада роковой,

⁵⁷ *Офиух* (Змееносец) – созвездие, расположенное к югу от созвездия Геркулеса, к востоку от Весов, к западу от Орла, к северу от Скорпиона.

Не бросилась меж ними с громким криком:

«Отец, зачем рука твоя грозит
Единственному сыну? Что за ярость
Тебя так страшно обуяла, сын,
Что в голову отца копьем ты метишь?
И для кого — ты знаешь? Для Того,
Кто там вверху сидит и над тобою
Смеется! Возложил Он на тебя
Тяжелый труд, чтоб исполнял ты кары,
Которые присудит гнев Его,
Тот гнев, что справедливостью зовет Он,
Тот самый страшный гнев, который вас
Когда-нибудь обоих уничтожит!»

Сказала так — и адская чума
Мгновенно отступила; Сатана же
К колдунье речь такую обратил:

«Так странен был мне возглас твой, так странны
Слова, что ты сейчас произнесла,
Что вмиг моя рука остановилась
И медлит показать тебе на деле
Намеренья мои. Сперва хочу я
Знать, кто ты, образ двойственный, зовущий
Меня отцом, хоть в первый раз тебя
Я вижу здесь, в долине этой адской,
И почему ты говоришь, что этот
Ужасный призрак — сын мой? Я не знаю

Тебя; еще не видел я созданий
Столь отвратительных, как он и ты».

Она же, сторож Ада, отвечала:
«Как! Ты забыл меня? Иль столь дурна
Тебе кажусь я ныне, чьей красою
Ты в Небе восхищался? Помнишь, раз,
В собрании могучих Серафимов,
В отважный заговор вступивших против
Небесного Царя, внезапной болью
Ты поражен был, взор затмился твой,
И все в твоих глазах покрылось мраком,
И столб огня из головы твоей
Вдруг вышел, и образовалось слева
Большое в ней отверстие, откуда,
Подобная по виду и осанке
Тебе и столь же, как и ты, прекрасна,
Небесная богиня появилась
В вооруженьи полном? Изумленьем
Объяты были воинства Небес;
Они невольно отшатнулись в страхе
И нарекли тогда меня Грехом,
За знаменье зловещее считая.
Но постепенно стала я для них
Привычной, стала нравиться, и вскоре
Из тех, кто отвращались от меня,
Большая часть была моей красою
Привлечена, и более всех — ты,
Когда во мне свой образ совершенный

Все более привык ты узнавать.
И ты в меня влюбился, и со мною
Имел ты радость тайную, и вскоре
Я от тебя во чреве понесла.
Меж тем война настала; огласились
Сраженьями небесные поля.
И победил (могло ли быть иначе?)
В сраженьях тех наш всемогущий Враг,
А мы разбиты были и бежали
Сквозь эмпиреи. Наша рать стремглав
Вся сброшена была с высот небесных
В ужаснейшую бездну – с ней и я.
И в это время дан был ключ могучий
Мне в руки и приказано стеречь
Врата, навеки запертые, чтобы
Никто не мог открыть их без меня.
В раздумье я сидела, но недолго:
Во чреве, плод понесшем от тебя
И выросшем чрезмерно, я внезапно
Почуяла чудесное движенье,
И страшные в нем боли начались.
И наконец, тот ненавистный отпрыск,
Который здесь стоит перед тобой,
Твое рожденье, с яростным усилием
Путь проложил сквозь внутренность мою
И разорвал ее с ужасным страхом
И болью для меня; чрез это было
Мое все тело в нижней половине
Искажено. Рожденный мною враг

Пошел, всеразрушающим махая
Копьем своим. Воскликнув громко: «Смерть!» –
Пустилась я бежать. Весь Ад крошечный
При имени том страшном содрогнулся,
И громко он вздохнул из всех пещер,
И слово «смерть» откликнулось во вздохах.
Бежала я, а он бежал за мной,
Как кажется, скорей пылая страстью,
Чем яростью; проворнее меня,
Испуганную мать свою догнал он,
И вот в объятии гнусном и насильном
Со мной он эту свору породил
Чудовищ, вечно воющих, чьи крики
Меня бесценно окружают здесь;
Как сам ты видеть мог, я ежечасно
Их зачинаю, ежечасно также
Рождаю их: когда они хотят,
В родившее их чрево снова входят
И жрут там с воем внутренность мою,
Которая им пищу доставляет;
Затем, наружу вырвавшись опять,
Сознательным меня терзают страхом:
Нет отдыха, покоя нет от них!
Напротив Смерть сидит, в меня вперяя
Свой леденящий взор, – мой сын и враг,
Который, не найдя иной добычи,
Меня сейчас пожрал бы, мать свою,
Когда б не знал он, что конец мой будет
Его концом, что горьким я куском

Придусь ему – ужасною отравой:
Так повелела вечная Судьба.
Тебя ж, отец, я предостерегаю:
Беги его смертельного копья
И не надейся быть неуязвимым
В доспехах ярко блещущих твоих,
Хотя б они небесной были ткани:
Удар смертельный всех погубит, кроме
Единобо, Кто там, вверху, царит».

Она умолкла. Сразу Враг лукавый
Сообразил, что может он извлечь
Из слов ее. И вот, придав тон мягкий
Словам своим, он кротко отвечал:
«Дочь милая, коль скоро ты считаешь
Меня своим отцом и говоришь,
Что это – сын прекрасный мой, залогом
Явившийся тех радостей и уз,
Которые имел с тобой я в Небе,
Тогда столь сладких, о которых грустно
Нам вспоминать с тех пор, как нас постигла
Нежданно эта злая перемена, –
Узнай: я не пришел сюда как враг:
Иду я лишь, чтоб принести свободу
От этой тьмы, от этих мрачных стен,
От этих мук – тебе, ему и прочим
Небесным Силам, тем, кто, защищая
Законные права свои, со мной
С высот небесных пали. Этот розыск

Единственный мне ими поручен;
Один за всех я вызвался чрез пропасть
Бездонную, без спутников, пройти
И, миновав громадную пустыню,
Искать того предсказанного места,
Где, как все знаки сходятся, теперь
Мир новый создал, круглый и обширный,
В соседстве Неба; тот блаженный мир
В себе созданий-выскачок лелеет,
Которые, быть может, вместо нас
Сотворены, – хоть от Небес подальше,
Чтоб в Небесах могучая толпа
Чрезмерно не размножилась бы снова
И не возник бы новый там мятеж.
Насколько эти вести справедливы
И нет ли новых тайн еще, узнать
Я тороплюсь; узнав, вернусь немедленно
И приведу тебя и Смерть в тот мир,
В котором заживете вы спокойно,
Невидимо там в воздухе паря,
Проникнутом бальзамом ароматов;
Там будете питаться вы обильно,
Без меры; вам добычей будет все!»

Он замолчал; они ж, казалось, были
Довольны речью чрезвычайно; Смерть
Ослабилась улыбкою ужасной,
Услышав, что свой голод утолит,
И за свое порадовалась чрево,

Которому увидеть предстояло
Тот час счастливый; злая Смерти мать
Была довольна также и сказала:

«Мне ключ от этой адской бездны дан
По воле всемогущего Владыки
Небесного; алмазные врата
Запрещено мне открывать; на страже
С копьём своим стоит здесь крепко Смерть
И не страшится никого: не может
Никто живущий ей противостать.
Но для чего мне исполнять веленья,
Того, чью ненависть ко мне я знаю,
Которым я низвергнута позорно
Сюда, в глубокий, мрачный этот Тартар,
Чтоб службу ненавистную нести?
Я, небожитель, порожденье Неба,
Должна здесь в вечной скорби изнывать,
Средь ужасов и воплей непрестанных
Детей моих, что недра жрут мои!
Ты мой отец, ты мой творец единый,
Обязана тебе я бытием!
Кому ж, как не тебе, повиноваться?
За кем идти мне, как не за тобой?
Меня ты скоро выведешь отсюда
В тот новый мир, ко свету и блаженству;
Там буду я опять среди богов
В отраде жить, там буду одесную
Тебя, отец, царить в довольстве полном,

Как дочь твоя любимая, вовек!»

Слова промолвив эти, ключ проклятый,
Орудье наших бед, она взяла
И поползла, крутя свой хвост громадный,
К вратам и с силой быстро подняла
Решетку вверх, висевшую пред ними,
Которой не могли бы без нее
Стигийские все силы сдвинуть с места.
Затем в замочной скважине она
Вращает ключ запутанный и сложный, —
И сразу все запоры и засовы,
Железные и каменные массы
Свободно раздвигаются. И вмиг
С ужасной силой и жестоким скрипом
Раскрылись настежь адовы врата,
И гром такой произвело вращенье
Их на петлях, что задрожал Эреб⁵⁸
До глубины. Итак, она открыла
Врата, но силы не было у ней,
Чтоб их закрыть: они так и остались
Раскрытыми, и вход был так широк,
Что чрез него пройти могло бы войско,
Свои знамена пышно распустив,
С конями, колесницами, свободно
Строй развернув. Зиял их страшный зев,
Подобно горну, черный дым и пламя

⁵⁸ Эреб – источник мрака, сын Хаоса, брат Ночи.

Столбом зловещим красным изрыгая.
И вот открылись сразу перед ней
Все тайны древней бездны океана
Безмерного, без света, без пределов,
Где высота, длина, и ширина,
И время, и пространство – не у места,
Где древняя лишь Ночь и с ней Хаос⁵⁹,
Как предки стародавние природы,
Анархию поддерживают вечно,
Где распри бесконечные шумят
И вечное царит во всем смятенье.
Жар, холод, сухость, сырость – все четыре
Отважные борца за власть здесь спорят,
Неся свои все атомы в борьбу,
Которые, по партиям сбираясь,
По племенам своим распределись,
Легко вооруженные иль в латах,
То острые, то нежные, то быстры,
То медленны, – кишат там без числа,
Подобные песчинкам жаркой почвы
Кирены или Барки⁶⁰, поднимаясь
В порывах вихрей, в вечной их борьбе
И опираясь легкими крылами
На них; к которой партии примкнет
Их больше, та и победит; решает
Их спор Хаос, решением своим

⁵⁹ *Хаос* – первоначальное беспредельное пространство, из которого произошло все существующее.

⁶⁰ *Кирена* и *Барка* – страны на северном берегу Африки, к западу от Египта.

Лишь подданных запутывая распрю;
А рядом с ним судья верховный, Случай,
Там царствует над всем. У этой бездны,
В которой нет ни берегов, ни моря,
Ни пламени, ни воздуха, где все
Первичные смешались элементы
И вечно там враждуют меж собой,
Пока Творец всесильный не захочет
Внести порядок в темные их массы,
Чтоб новые миры из них создать, —
У этой дикой бездны размышляя,
Стоял при входе в Ад великий Враг,
смотрел вперед и думал: предстояло
Ему не узкий переплыть пролив!
Он оглушен был также страшным шумом,
Подобным (если малое возможно
Сравнить с великим) грохоту, когда
Беллона⁶¹ все осадные орудья
В ход пустит, чтоб столицу разорить;
Тот грохот был не менее, чем если б
Со всех сторон упал небесный свод
И ось Земли стихии повернули б
В борьбе своей. Однако ж наконец
Свои он смело расправляет крылья,
Как паруса, пускается вперед,
Взвивается на восходящем дыме
И быстро отдаляется от дна.
Так много миль восходит он отважно,

⁶¹ *Беллона* — богиня войны у римлян.

Как бы хребет туч черных оседлав;
Но вдруг теряет эту он опору
И пустоту встречает под собой;
Напрасно бьет он крыльями: неожиданно
Он падает отвесно в глубину
На тысячу локтей, и по сегодня
Он продолжал бы падать, может быть,
Когда б, к несчастью, вдруг толчком могучим
Каких-то возмущенных облаков,
Селитрою и пламенем чреватых,
Он не вознесся вновь на много миль.
Так первой избежав беды, внезапно
Тут погрузился в мокрый он песок;
Под ним ни море, ни земля; с усиьем
Он движется вперед – то на ногах,
То на крылах; весло ему и парус
Теперь равно орудья. Так спешит
Через пустыню Гриф⁶², бегом иль также
На крыльях, чрез болота и холмы,
Преследуя упорно Аримаспа⁶³,
Укравшего хранимое им злато.
С таким упорством держит путь и Враг
Сквозь топь, чрез крутизну, через теснины,
Сквозь чащу, чрез пустыни, через камни,
Работая ногами и руками,

⁶² *Грифы* – мифологические крылатые существа с львиным телом и орлиной головой; жили в Ринейских (Уральских) горах и стерегли золото Севера.

⁶³ *Аримаспы* – мифологическое одноглазое северное племя великанов, постоянно воевавших с грифами из-за золота.

И крыльями, и головой – плывя,
Бродя, шагая, ползая, взвиваясь
На крыльях. Наконец он слышит шум,
Несущийся из мрака, оглушая
Смешением всевозможных голосов;
К нему он путь бесстрашно направляет
В надежде, что найдет он Силу там
Иль Духа этой бездны бесконечной,
Живущего, быть может, в этом шуме,
И спросит у него, где путь ближайший
Ведет к границам света. Вдруг пред ним
Хаоса трон является в палатке,
Раскинутой над бездною глубокой;
С ним восседает траурная Ночь,
Старейшее из всех созданий в мире,
Делящая с ним царство; подле них
Сидят Аид и Оркус⁶⁴; рядом – имя
Демогоргона⁶⁵ страшное, затем
Молва и Случай, Смута и Смятенье,
Раздор и силы прочие, – все спорят
На тысячу различных голосов.
К ним обратясь отважно, Сатана
Сказал: «О Силы, Духи этой бездны,
Хаос и ты, Ночь древняя! Пришел

⁶⁴ *Оркус* (Орк) – римский бог смерти, тождествен греческому владыке подземного царства *Аиду*.

⁶⁵ *Демогоргон* – неясное по значению имя какого-то таинственного демона магии; возможно, что это слово произошло через порчу слова «демиург» (создатель, художник).

Я к вам не как презренный соглядатай,
Не с тем, чтоб планы ваши узнавать
Иль нарушать владений ваших тайны, –
В пустыне этой мрачной я брожу
Лишь по необходимости; сквозь вашу
Обширную страну стремлюся к свету,
Один, без руководства, в ней теряясь!
Ищу я, где граничит этот мрак
С пределами Небес; пришел я с целью
Узнать то место, что от вас недавно
Отторгнул Царь эфира для Себя;
Туда лежит мой путь, туда направьте
Меня! За ту услугу принесу
Немалое я вам вознагражденье.
Изгнавши узурпатора, я область,
Утраченную вами, возвращу
Под вашу власть, во мрак первоначальный,
В котором сам я нахожусь, и вновь
Там водрузится знамя древней Ночи.
Вся выгода для вас, а мне – лишь месть».
Так молвил Враг. Ему ответил старый,
С запутанною речью, с искаженным
Лицом, Анарх⁶⁶: «Тебя я знаю, странник;
Ты – тот могучий Ангелов глава,
Которым был мятеж недавно поднят
Противу Повелителя Небес;
Ты побежден был; видел я и слышал
Все это: не могло такое войско

⁶⁶ Анарх – олицетворение безвластия.

Громадное без шума пробежать
Через эту бездну страшную; крушенье
Ужасное постигло вас, разгром
Неслыханный вас порази́л смятеньем;
Разверзлись небесные врата,
И следом победителей миллионы
За вами мчались. Я сижу здесь тихо
В своих границах, чтобы сохранить
Немного, что защищать осталось;
И так уже междоусобья ваши
Нам принесли ущерб, власть древней Ночи
Поколебалась сильно: был отторгнут
Сначала Ад, чтоб вашей быть тюрьмой,
Заняв внизу огромное пространство;
Теперь недавно Небо и Земля –
Мир новый, над моим висящий царством
На цепи золотой, с той стороны
Небес, откуда ваши легионы
Низверглись. Если ты идешь туда,
Путь недалек, но тем опасность ближе.
Иди ж скорей: крушенье, разоренье,
Грабеж, несчастье – выгода моя».

Он замолчал. Немедля, без ответа,
Пустился в путь дальнейший Сатана,
Обрадован, что берег он увидит
В широком море странствий наконец.
Со свежей, новой бодростью и силой
Он, пирамиде огненной подобно,

Вознеся ввысь, в широкое пространство,
Сквозь вечный спор враждующих стихий,
Меж ними путь свой смело пролагая.
Опасностей и трудностей он больше
Здесь претерпел, чем Арго⁶⁷, проходя
Босфор меж двух сходящихся утесов,
Иль Одиссей, когда он на обломках
От корабля, Харибды избегая,
Свой правил путь в другой водоворот.
Так с беспокойством и трудом прошел он
Свой путь, — теперь с трудом и беспокойством,
Но с той поры, как он его прошел,
Свершилось паденье человека, —
И как переменялся этот путь!
Здесь Грех и Смерть (по попущенью Неба),
Идя отважно по следам Врага,
Построили широкую дорогу,
Мощенную над этой бездной мрака,
И пропасть та кипящая несла
Покорно мост длины неимоверной
От Ада вплоть до крайнего предела
Земного мира бренного; тот путь
Легко отпадших духов сообщает
С землей, чтоб искушать они могли
Или карать всех грешных смертных, кроме
Лишь тех, кого, по милости особой,
Хранят Господь иль Ангелы добра.

⁶⁷ *Арго* — корабль греческих героев, аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном.

Вот наконец священное влияние
Свое являет животворный свет;
Со стен небесных в недра темной Ночи
Заря, мерцая, шлет свои лучи.
Здесь – крайние пределы, до которых
Свой жезл Природа простирает; здесь
Хаос слабеет, – от ее преддверья
Уходит он, как побежденный враг:
Здесь менее шумит он и бушует.
Здесь Сатана спокойней, облегченный,
Плывет в волнах, чья зыбь теперь слабей,
Сквозь полумрак; он кораблю подобен,
В жестокой буре бившемуся долго,
Который путь с отрадой держит в порт,
Хоть растеряв изорванные снасти.
В пустом пространстве, воздуху подобном,
Он держится на распростертых крыльях
И может уж отсюда созерцать
Вдали всю ширь небесных эмпиреев –
Квадратную или круглую – неясны
Их очертанья; башни из опалов
Он видит, видит крепости Небес,
Живым сапфиром блещущие; были
Они когда-то родиной его!..
А подле виден новый мир, висящий
На цепи золотой величиной
Как звездочка малейшего размера,
И месяц также виден рядом с ним.
Сюда, неся всю тяжесть злобной мести,

Проклятый, он в проклятый час спешит.

Книга третья

Содержание

Бог, восседая на престоле, видит, как Сатана летит по направлению к только что созданному тогда миру; Он показывает его своему Сыну, сидящему одесную Его, и предрекает, что Сатана будет иметь успех в сокрушении человека. При этом Он разъясняет, что Его справедливость и мудрость свободны от всякого нареkania, так как Он создал человека свободным и достаточно способным противостоять искушению; однако Он изъявляет свое намерение быть милосердным к человеку, ввиду того что последний падет не вследствие собственной злобы, как Сатана, а будет соблазнен Сатаной. Сын Божий воздает хвалу Отцу за изъявление милосердия к человеку; но тогда Бог объявляет, что милость не может быть оказана человеку без удовлетворения Божественной справедливости; человек оскорбил величие Божие, стремясь сам к божественности, и за то со всем своим потомством осужден на смерть и должен умереть, если кто-либо не будет найден достойным искупить это оскорбление и взять на себя наказание за него. Сын Божий добровольно предлагает Себя как искупительную жертву за человека; Отец принимает это предложение, повелевает Сыну воплотиться и провозглашает пре-

вознесение Его выше всех имен на земле и Небе; Он повелевает всем Ангелам оказывать Сыну Божеские почести. Ангелы повинуются и воспевают гимн полным хором на своих арфах, прославляя Отца и Сына. Между тем Сатана спускается на обнаженную выпуклость крайней границы нашего мира; странствуя, он прежде всего находит место, некогда называвшееся краем Суеты; описание лиц и вещей, которые туда прилетают. Затем он приходит к вратам Неба; описываются восхождение его по ступеням и воды, которые протекают тут, в Небесах. Он переходит затем в пределы солнца и находит там Уриила, правителя этой страны, но принимает перед ним образ младшего Ангела; выражая ревностное желание видеть вновь созданный мир и человека, которого Бог там поселил, он осведомляется о месте обитания человека и получает указание. Затем он спускается прежде всего на гору Нифат.

Хвала Тебе, перворожденный Неба,
Его высокий отпрыск, свет святой!
Достойно ль будет, если назову я
Тебя совечным Вечного лучом?
Ведь Бог есть свет; во свете несравненном
От вечности в Тебе Он пребывал;
Ты излишь светлое от светлой
Несотворенной сущности! Быть может,
Тебя скорее должен я назвать
Потоком ясным чистого эфира, —

И кто укажет нам источник Твой?
Ты прежде солнца был и прежде неба;
По зову Бога ризой Ты одел
Новорожденный мир, когда возник он
Из темных вод и бездны бесконечной,
Из пустоты бесформенных пучин.
К Тебе я вновь смелее возвращаюсь,
Покинув глубь Стигийскую, где долго
Я пребывал, откуда я летел,
Сквозь крайний мрак и средний воспаряя, –
Летел с иною песнью, чем Орфей⁶⁸:
Я о Хаосе пел и вечной Ночи,
Небесной Музой научен сойти
В глубокий мрак и вознестись оттуда,
Хоть труден был и редок этот путь.
И вот я вновь пришел к Тебе и чую
Твоей лампы животворной власть;
Но Ты, увы, не посетишь Ты боле
Моих очей: они напрасно ищут
Лучей Твоих, и нет рассвета им!
Их темная вода навек затмила,
Их помрачило темное бельмо!
И все же я в мечтах не перестану
С моею Музой посещать места

⁶⁸ *Орфей* – фракийский певец, который звуками своей лиры укрощал диких зверей; он сопровождал аргонавтов в их плавании; когда его супруга Эвридика умерла, он сошел в Ад и там пением так растрогал царицу подземного мира Персефону, что она позволила ему увести жену обратно на землю с условием не оглядываться назад, но Орфей не выдержал, и Эвридика осталась в Аду.

Красот весны, тенистых рощ отраду,
Живую прелесть солнечных холмов
И посвящать им пыл священной песни!
Но больше всех средь ночи беспросветной
Тебя, Сион, я буду посещать,
Твоих ручьев цветущие прибрежья
И воды, у священных ног Твоих
Журчащие! Я вспомню и о тех,
Кого судьба со мной сравнила горем,
С кем славой я сравняться бы хотел:
Слепого Тамириса⁶⁹, Меонида⁷⁰,
Тиресия⁷¹, Финея⁷², – этих древних
Пророков знаменитых вспомню я!
Питаться вечно думами я буду,
Они же сами сложатся всегда
В гармонию; так соловей бессонный
Поет во тьме, и мраком ночи кроет
Он песню вдохновенную свою.
Пусть для других на времена и части
Год делится: нет для меня ни дня,
Ни приближенья сладостного утра,

⁶⁹ *Тамирис* – фракийский певец, которого музы лишили зрения за то, что он осмелился состязаться с ними.

⁷⁰ *Меонид* – Гомер, происходивший, может быть, из Меонии, т. е. Лидии (из ионийских колоний в Малой Азии).

⁷¹ *Тиресий* – знаменитый прорицатель из Фив; ослеп в детстве, потому что выдал людям волю богов.

⁷² *Финей* – фракийский царь, имевший дар пророчества и ослепленный богами за то, что выдал планы Зевса.

Ни вечера, ни зелени весенней,
Ни летних роз, ни стад среди полей,
Не вижу человеческого лика
Божественной красоты! Вокруг меня
Мрак вечный все окутал темной тучей⁷³,
Лишил меня веселия людей;
И книга знанья дивная, в которой
Представлены природы все дела, —
Пуста, бесплодна для меня навеки:
Путь к мудрости при входе мне закрыт!
Тем ярче ты сияй же, свет небесный,
Внутри меня, и силы все души
Мне озари! Внутри пусть будут очи
Мои: от всякой скверны их очисти,
Чтоб все узрел я и поведать мог
О том, что взору смертному незримо!

С Престола несравненной высоты,
Стоящего в чистейших эмпиреях,
Отец всеильный взор свой преклонил,
Чтоб обозреть дела свои, а также
Дела своих созданий. Вкруг Него
Стояли тесно все святые Неба,
Как звезды, в созерцании Его
Блаженство несказанное вкушая.
С Ним рядом, одесную восседал
Лучистый образ славы Мiroдержца,

⁷³ *Вокруг меня мрак вечный все окутал темной тучей...* — Мильтон был слеп, когда сложил эти строки.

Его единый Сын. Взглянув на землю,
Он наших прародителей узрел,
Единственных лишь двух людей в ту пору,
Жилищем коих был блаженный сад,
Где без забот чета их пожинала
Плоды любви и радости бессмертной,
Где непрерывно счастье их цвело,
Соперников любовь их не имела,
В уединении Рай их окружал.
Затем на Ад воззрел Он и на бездну
Вокруг Него – и видит Сатану,
Летающего у стен Небес от Ночи
В высокой сфере сумрачной, готовясь
Остановиться, крыльям утомленным
Дав отдохнуть, на выступе открытом
Земной вселенной, где была, казалось,
Какая-то вне небосвода твердь,
Лежавшая иль в воздухе, иль в море.
И Бог, взирая с высоты своей,
С которой настоящее, бывшее
И будущее видно, предрекая,
Единственному Сыну так сказал:

«Единородный Сын мой, видишь ярость,
С которой мчится неприятель Наш?
Ни Мной ему предписанные грани,
Ни все преграды Ада, ни все цепи,
Которыми он был обременен,
Ни пропасти громадные пучины

Его не удержали; он, отчаясь,
Лишь мести ищет, хоть она ему же
На голову мятежную падет.
Теперь, отважно разорвав все узы.
Он держит путь поблизости Небес,
В пределы света смело направляясь,
В недавно мною сотворенный мир,
Где человек живет; предпринимает
Попытку он иль силой погубить
Созданий новых, или же, что хуже,
Их ложью и коварством совратить.
И он их совратит: пред ложью лстивой
Не устоит, подпав ей, человек
И заповедь единую преступит,
Покорности единственный залог.
И он, и вероломное потомство
Его падут. Чья будет в том вина?
Чья, если не его? Неблагодарный,
Все от Меня имел он, что иметь
Он мог; Я сотворил его правдивым
И честным, далъ довольно сил ему,
Чтоб устоять ему, — хоть и свободным,
Чтоб пасть он мог. Такими сотворил
Я силы все эфира и всех Духов —
И тех, кто устоял, и тех, кто пал.
Кто устоял, тот устоял свободно,
И столь же был свободен тот, кто пал.
Не будь они свободны, что могло бы
Свидетельством достаточным служить

Их искренней привязанности, твердой
Их верности, любви их непритворной?
Когда б они выказывали то,
Что им велит потребность, а не воля, —
Какая б им награда быть могла?
Какое мог бы удовлетворенье
Я от такой покорности иметь,
Когда бы вечно воля их и разум
(А разум есть и выбор в то же время)
Напрасны были, тщетны, несвободны,
Служа необходимости, не Мне?
Итак, они все созданы как надо;
Они не могут обвинять Творца;
Ни на судьбу, ни на свою природу
Они не могут сетовать, как было б,
Когда б была их воля стеснена
Моим сначала предопределеньем,
Зависела б во всех своих путях
От высшего предвиденья. Нет, сами
Они свой бунт решили, а не Я!
Я знал вперед, что будет он; но это
Предвиденье влиянья не имело
На то, что бунт случился: он случился б
Хотя б и не предвидел Я его.
Итак, вполне без всяких принуждений,
Без всякой тени власти роковой,
Без Моего вполне предусмотренья
Грешат они; на них вина во всем,
Что выбрали они и что решили.

Свободными Я создал их – свободны
Должны они остаться, если сами
Себя не ввергнут в рабство; поступая
Иначе, Я бы должен изменить
Природу их, и вечный, неизменный
Закон Я был бы должен отменить,
Которым Я им даровал свободу;
Паденьем же своим они себе
Обязаны самим; те Духи пали
Своим внушеньем собственным: они
Себя подвергли сами искушенью
И сами совратились; человек
Падет, обманут, соvrащен другими,
И потому помилован он будет,
А тем вовек помилованья нет.
Так справедливость вместе с милосердьем
Да будут вечной славою Моей
На Небе и Земле, но милосердьё
Да будет лучшим, первым и последним
И самым светлым славы той лучом!»
Так говорил Господь. Благоуханье
Амброзии по всем кругам Небес
Распространилось и невыразимым
Блаженством новым охватило всех
Здесь предстоявших Духов. Между ними
Всех без сравненья выше и славней
Был Божий Сын; в Нем как бы отражалась
Отца вся сущность; на Его лице
Божественном виднелось состраданье

И без конца любовь, без меры милость.
Их выражая, Он сказал Отцу:

«О Мой Отец! Прекрасно было слово,
Которым речь Ты властную свою
Закончил! Милосердье к человеку!
За это будут и Земля и Небо
Превозносить Тебя в своих хвалах
В бесчисленных, звучащих вечно, гимнах
Священных; будет ими окружен
Вовеки Твой престол благословенный!
Конечно: разве мог бы человек
Погибнуть навсегда? Ему – погибнуть,
Любимому созданию Твоему
И младшему из сыновей, – погибнуть
Из-за обмана, если б даже сам
Он подкрепил обман своим безумьем?
Нет, Отче, Ты от этого далек!
Того Ты не допустишь, всех созданий
Всеправедный, Великий Судия!
И неужели Враг Наш через это
Своих бы мог достигнуть злых целей
И помешать Твоим? Ужель исполнит
Свою он злобу, благодать же Твою
Всю превратит в ничто и возвратится
К себе, хотя б на злейшие мученья,
Но месть свою свершив, и повлечет
Все племя человеков соvrащенных
В Ад за собой? Ты можешь ли создание

Свое сгубить и для него разрушить,
Что для Своей Ты славы сотворил?
Тогда Твоя вся благодать, величье
Твое могли б сомненья возбудить,
Осуждены бы были без защиты».

Творец великий отвечал: «О Сын Мой,
В котором радость высшая Моя,
Сын сердца Моего, Ты, кто единый
Мое являешь слово, мудрость, силу, —
Все, что сказал Ты, — мысли лишь Мои,
Моих решений вечных выраженье!
Да, не погибнет вовсе человек!
В ком воля есть, дабы спастись, — спасется;
Не потому, что воля в том его,
Но потому, что может он свободно
Воззвать к великой милости Моей.
Да; Я восстановлю еще однажды
Его паденьем сломленные силы,
Хотя б испорчен и поработен
Он был грехом желаний непомерных;
Поддержан Мною, снова может он
Восстать в борьбе с врагом своим смертельным;
Я поддержу его, чтоб видел он,
Насколько сам он по себе непрочен,
Что он освобождением своим
Обязан Мне, и никому иному.
По милости особой избери
Немногих Я, над прочими возвысив, —

На то Моя есть воля; к остальным
Взывать Я буду, предостерегая,
Чтоб во грехах покаялись они
И вовремя разгневанного Бога
Смягчили бы, пока дает Он милость.
Я просвещу их темные умы,
Смягчу сердца их каменные, чтобы
Молились и каялись они
И должную Мне принесли покорность.
К молитве, к покаянью, к послушанию, —
Лишь были б только искренни они, —
Мой слух не будет глух, не будет око
Мое закрыто. В руководство им
Я в них вложу Моим судьей совесть;
Коль скоро будут слушаться ее,
Свет озарять все более их будет,
И кто претерпит до конца — спасется.
Но кто презрит Мое долготерпенье,
Пренебрегая милостью Моей, —
Тот никогда спасенья не достигнет:
Жестокий пусть еще ожесточится,
Слепец пусть больше слепнет с каждым днем, —
Пусть, спотыкаясь, он падет тем глубже;
Но лишь таким Я милости не дам.
Но Я сказал еще не все. Решаясь
Нарушить послушанье, человек
Преступно тем свою нарушил верность
И оскорбил величие Небес,
Сам домогаясь богом стать; чрез это

Он у себя все отнял, что могло б
Хоть мало извинить его измену.
За это, осужден и обречен,
Со всем потомством умереть он должен;
Умрет иль справедливость, или он!
И только тем спасти его возможно,
Чтоб кто-нибудь нашелся за него
Достойный и желающий, кто взял бы
Грехи его всецело на себя
И заплатил бы, в удовлетворенье,
Суровою ценою – смерть за смерть.
Скажите же, Небесные вы Силы,
Где мы найдем подобную любовь?
Найдется ль кто из вас, столь милосердый,
Что пожелал бы сам он смертным стать,
Чтоб искупить грех смертный человека
И правдою неправедных спасти?
Такое есть ли в Небе милосердь?»

Он спросил; но весь небесный хор
Стоял немой; молчанье воцарилось
На Небесах; никто за человека
Заступником явиться не хотел,
Никто не смел смертельное паденье
На собственную голову навлечь
И заплатить греха тяжелый выкуп.
Итак, без искупленья род людской
Погиб бы весь, навеки осужденный
На Ад и смерть, когда бы Божий Сын,

Исполненный Божественной любовью,
Посредником бесценным не явился
И не сказал бы, обратясь к Отцу:

«Свое изрек Ты слово, Отче: должен
Помилован быть человек. Ужель
Путей к тому не сыщет милосердьё,
Которое всегда свой путь находит,
Из всех крылатых вестников Твоих
Быстрейшее? Ко всем Твоим созданиям
Оно приходит без предупреждения,
Без просьбы даже, без исканья! Счастье
Для человека, что оно приходит
Само собой! Он помощи его
Найти нигде и никогда не мог бы,
Потерянный и мертвый во грехе;
Греховный и погибший, он, конечно,
Сам искупить себя ничем не может,
Не в силах жертву должную принести.
Воззри же на Меня: Я предлагаю
Себя за человека, жизнь за жизнь!
Пусть на Меня Твой гнев падет; готов Я
Страдать за человека; для него
Покину лоно Я Твое и славу,
Которую с Тобою здесь делю,
И даже за него умру охотно.
Пусть на Меня обрушит Смерть всю ярость:
Недолго, побежденный, буду Я
Подвластен игу мрачному: Ты дал мне

Жизнь вечную; в Тебе Я буду жить,
Хоть Смерти Я и уступлю, отдав ей
Все, что во Мне есть смертного; когда же
Я этот долг ей заплачу, Меня
Ты не оставишь в ненавистном гробе
Добычею ее; Ты не попустишь,
Чтоб непорочный дух Мой пребывал
Вовеки там, где тленье торжествует;
Нет, встану Я победоносно вновь,
И побежден Мой победитель будет,
Лишась добычи, коей он хвалился;
Смертельную получит рану Смерть
И, жало смертоносное утратив,
Бесславно покорится навсегда.
Я ж вознесусь и в торжестве великом
Пленный Ад к Тебе Я приведу
Пред очи, покорив все силы мрака.
И будешь Ты обрадован, Отец,
И ласково с Небес Мне улыбнешься,
Затем что Я, возвышен чрез Тебя,
Всех побегду врагов, и враг последний,
Смерть лютая, в гроб будет заключен.
Потом, с толпою душ, Мной искупленных,
На Небеса, покинутые Мною
На долгий срок, Я снова возвращусь,
И вновь лицо Твое увижу, Отче,
На коем тени гнева уж не будет,
А будет лишь прощение и мир;
Карать с тех пор не будешь Ты; блаженство

Лишь будет всем в присутствии Твоем».

Он речь окончил, но весь кроткий образ
Еще без слов, казалось, говорил
И весь дышал бессмертною любовью
Ко смертным людям; выше той любви
Сыновнее лишь было послушанье,
С которым Он, ту жертву предложив,
Великого Отца ждал высшей воли.
Объяты изумленьем, Небеса
Дивилися, — что это может значить,
К чему ведет? Но вскоре Всемогущий
Все разъяснил, так Сыну возразив:
«О Ты, который на Земле и в Небе
Единственный нашелся, чтоб дать мир
Согбенному под гневом человеку!
Единое Мое Ты утешенье!
Ты знаешь, сколь Мне дороги созданья
Мои и между ними человек,
Хоть и последним создан он. На время
Из-за него лишиться Я готов
Тебя; от лона Моего, от правой
Моей десницы удалишься Ты,
Дабы спасти потерянное племя.
Итак, для искупленья тех, которых
Лишь Ты единый можешь искупить,
Соедини природу их с Своею;
Как человек, живи в земной юдоли
Среди людей и плотью облекись!

Когда придет определенный Мною
Твой час, родишься дивно Ты от девы
И станешь ты, Адама заменив,
Главою человечества, хоть будешь
К сынам Адама сам принадлежать.
Как чрез него все люди погибают,
Так чрез Тебя все возродятся вновь,
Как от второго корня; возрожденье
Возможно будет лишь через Тебя,
И без Тебя никто не возродится.
Его проступок всех его сынов
Виновными, греховными соделал;
Твоя ж заслуга будет зачтена
Во искупленье всем, кто отречется
От дел своих, и добрых, и дурных,
И пожелает жить в Тебе, с Тобою
И от Тебя жизнь новую приять.
Так, с высшей справедливостью согласно,
За человека жертвой человек
Послужит искупительной; он будет
Суду подвергнут, смерти умрет,
Но вновь воскреснет и с собою вместе
Всех искупленных братьев воскресит
Чрез эту жертву жизни драгоценной.
Тем подвигом Божественной любви
Поражена вся злоба Ада будет;
Велик тот подвиг: смерти добровольно
Предаться, чтобы смертью искупить –
Да, искупить столь дорогой ценою –

То, что в своей безумной злобе Ад
Разрушил столь легко и продолжает
Еще поныне разрушать во всех,
Кто отвергает милость, хоть и может
Принять ее! Однако, снисходя
К принятию природы человека,
Мой Сын, отнюдь Ты этим не унизишь
Своей природы собственной. Хотя
Ты царствуешь в блаженстве величайшем,
Его вкушая с Богом наравне, —
Ты покидаешь все, чтоб мир погибший
Спасти; чрез это больше, чем по праву
Рожденья, Ты поистине Сын Божий,
И благостью Ты больше, чем величьем,
Святое это имя заслужил:
Любовь в Тебе еще обильней славы!
А потому своим уничиженьем
До высоты престола Моего
Свою Ты человечность возвышаешь;
Здесь, воплощенный, будешь Ты сидеть,
Как Бог и человек, царить здесь будешь —
И Божий Сын, и человека сын,
Помазанник на царство всей вселенной!
Всю власть Мою вручаю Я Тебе;
Цари вовеки в славе несравненной;
Тебе Я, как Верховному Главе,
Все подчиняю: Княжества, Престолы,
Могущества и Власти; перед Тобою
Смирятся все коленопреклоненно,

Все, кто живет на Небе, на Земле
Иль под землей в Аду. Когда ж во славе
Ты явишься на облаках небесных
И вестников-Архангелов пошлешь,
Чтоб возвестить свой Страшный суд, – отвсяду,
Со всех сторон живущие сберутся,
И все времен прошедших мертвецы
На суд всеобщий поспешат: восстанут
Они от сна, услыша громкий зов.
И все Твои святые соберутся
Вокруг Тебя, и будешь Ты судить
Всех злых людей и Ангелов; покорно
Все пред Твоим преклонятся Судом,
И Ада срок исполнится, и будет
Навеки он закрыт; а мир сторит,
Из пепла ж снова и Земля и Небо
Возникнут, и навеки водворится
Святая правда в новом мире том.
Так, после долгих бед и треволнений,
Увидит мир свои златые дни –
Дни, полные дел славных, благородных;
Восторжествует радость и любовь,
И царство дивной истины наступит.
Тогда Ты сложишь царский скипетр Свой,
Затем что в нем нужды уже не будет:
Бог будет все – во всем. Вы ж, божества,
Того, Кто умирает, чтоб достигнуть
Всех этих благ, всемерно обожайте
И чтите Сына так же, как Меня».

Едва промолвил это Всемогуший,
Все множество Сил ангельских вокруг
Воскликнуло хвалу: подобен грому
Был этот клич — затем что без числа
Небесной рати голоса гремели, —
И сладости безмерной, ибо Духи
Блаженные ко Господу зывали.
Так ликовали радостно они,
И громкое «осанна» оглашало
Все области предвечные Небес.
Пред тронами Отца и Сына низко
Склонялися они с благоговеньем,
Слагая к Их ногам свои венцы
Из золота с бессмертным амарантом —
Цветком, который некогда в Раю
У Древа жизни рос, когда ж паденье
Постигло человека, был оттоле
Вновь взят на Небо, к родине своей,
Где осеняет он источник жизни
И где река блаженства средь Небес,
Элизиум прекрасный орошая,
Стремит благоуханные струи.
Вовеки тот цветок не увядает;
Его в свои вплетают кудри Духи —
Избранники, перемешав с лучами.
Его они гирляндами теперь
Сложили на помост блестящий Неба,
Подобный морю из лазури чистой,
Которое покрыли, улыбаясь,

Небесных роз пурпурные цветы.
Затем они опять венцы надели
И взяли в руки арфы золотые,
Мелодией звучащие всегда,
Которые висели, как колчаны,
У них, сверкая дивно, за плечами,
И, сладостной прелюдией начав
Симфонию своей священной песни,
Восторг высокий возбудили вкруг.
Пел каждый Ангел, каждый голос дивно
С мелодией чудесной сочетался –
Так велико согласие в Небесах.
Всего первой Тебя они воспели,
Небесный Царь, Предвечный, Всемогущий
Бессмертный, Неизменный, Бесконечный,
Тебя, Создатель сущего всего,
Источник света, в дивном блеске славы
Незримый на престоле недоступном!
Когда, смягчая несравненный блеск,
Ты облаком, как храмом, окружаешь
Сверкающий лучами Твой престол
И затемняешь риз Своих сиянье,
Ты все же ослепляешь Небеса:
Светлейшие из светлых Серафимов
Приблизиться к престолу не дерзают
И закрывают крыльями глаза.
Затем они Тебя воспели громко,
Тебя, Кто создан прежде всех созданий,
Единородный Сын, подобье Бога,

В чьем видимом лице, без крова туч,
Узреть Себя дает Отец Всесильный,
Которого иначе ни одно
Из всех созданий мира зреть не может;
На Нем Его великой славы отблеск
Всечасно пребывает; на Тебе
Почил великий дух Отца; Тобою
Он сотворил все Небо и все Силы
Небесные; Тобою сокрушил
Могущества, стремившиеся к власти!
В тот день Ты не жалел ужасных громов
Отца, не останавливал колес
Твоей пылавшей ярко колесницы,
Потрясшей вековечный свод Небес,
Когда на ней промчался Ты по выям
Воителей, поверженных Тобой!
С погони возвращаясь победно,
Все Силы Неба одного Тебя
Торжественным превозносили кликом —
Тебя, о Сын могучего Отца,
Врагов Его сразивший славной местью.
Но человека Ты всегда щадил,
Затем что пал он жертвой их коварства;
Ты, милости и жалости Отец,
Не пожелал казнить его так строго:
Склонился Ты, напротив, к состраданию!
Как только Сын единый, Сын любимый
Увидел, что Отец творить намерен
Не строгий суд над слабым человеком,

Но к состраданию клонится тот суд, —
Он, чтобы гнев умерить, чтоб окончить
Спор между справедливостью суровой
И милосердьем, на лице Отца
Борьбою выражавшийся, решился
Покинуть несравненное блаженство,
В котором пребывал Он, но Отец
Из всех первейший, и за человека
Быть жертвой пожелал, идти готовый
На смерть. О беспримерная любовь!
Лишь Божество к такой любви способно!
Хвала ж Тебе, хвала, о Божий Сын,
Спаситель милосердый человека!
Да будет же Твое святое имя
Источником, навек неистощимым,
Моей хвалебной песни! Никогда
Моя о том пусть не умолкнет арфа,
Хваля Тебя и Вечного Отца!
Так в небесах, превыше сферы звездной,
Шли, в песнопеньи радостном и в гимнах
Торжественных, блаженные часы.
Меж тем уж Сатана, спустившись, бродит
По выпуклости мрачной, чей покров
Собой мир этот круглый окружает,
Включая сферы светлые внутри,
И служит им защитой от Хаоса
И от вторженья древней Ночи; шаром
Он кажется вдали, вблизи же с виду
То безграничный, мрачный материк,

Пустой, суровый, дикий, над которым
Висит весь ужас Ночи – тьма без звезд, –
И вечно грохот бурь там раздается
И шум Хаоса; вокруг все безотрадно;
С одной лишь стороны, от стен Небес,
Хоть на громадном расстоянью, слабо
Их отблеск отражается, и воздух
Там менее измучен ревом бурь.
Здесь Сатана бродил в пространстве темном.
Так коршун, уроженец Имауса⁷⁴,
Чьи снежные хребты кладут предел
Татар бродячих варварским набегам,
Покинув область, бедную добычей,
Ища ягнят иль молодых козлят
На тех холмах, где их стада пасутся,
Летит к истокам Ганга иль Гидаспа⁷⁵,
Индийских рек, но на пути своем
Спускается в бесплодную равнину
Обширной Сериканы⁷⁶, где китаец,
К соломенной своей тележке легкой
Приделав хитроумно паруса,
Ее предоставляет двигать ветру.
Итак, по той стране, подобной морю,
Бродил, при свисте ветра, Сатана,

⁷⁴ *Имаус* – так древние географы называли Гималаи и расположенные к северу от них горные цепи вплоть до Урала.

⁷⁵ *Гидасп* – один из притоков Инда.

⁷⁶ *Серикана* – Этим именем обозначалась у древних страна, соответствующая нынешнему Тибету, отчасти Китаю и Бухаре.

Весь погруженный в думу о добыче, –
Один; иных там не было созданий,
Живых иль мертвых, – не было тогда;
Позднее же сюда с Земли взлетели,
Как испаренья легкие эфира,
Все образы пустых и преходящих
Вещей – все то, чем грех и суета
Людскую жизнь так часто наполняют:
Пустые все дела и все, кто в них
Надежды на известность или славу
Иль счастья ищет, в жизни ли земной
Или в загробной; также все, кто ищет
В делах своих награды на Земле;
Все суеверья мученики, также
Ревнителю пустого увлечения,
И те, кто ищет лишь людских похвал;
Здесь все они имеют воздаянье
Пустое по пустым своим делам.
Все образы вещей сюда стеклися,
Природе не удавшихся: уроды,
Ублюдки, недоноски, – все, которым
Не удалось сложиться на Земле,
Которые здесь только праздно бродят
И ждут уничтоженья до конца.
Здесь именно лежит та область – вовсе
Не на Луне соседней, как о том
Себе в мечтах иные представляли:
Ее поля серебряные служат
Скорее пребываньем для святых,

Сюда перенесенных, иль для Духов,
Стоящих посредине меж людьми
И Ангелов семьею. В эту область
Попало также и гигантов племя,
Рожденное от помеси греховной
Сынов и дочерей, – те, которых труд
Напрасен был, хоть имя знаменито:
Построили они когда-то башню
Близ Вавилона, в славной Сennaарской
Равнине, и готовы были б снова
Настроить их, лишь было б из чего.
Отдельных лиц здесь было также много;
Так, Эмпедокл⁷⁷, который, пожелав
Быть божеством, низвергся в пламя Этны,
Иль Клеомброт⁷⁸, который, чтоб вкусить
Элизиум Платона, прыгнул в море,
И многие другие – недоучки,
Безумные, отшельники, монахи,
Ходящие в нарядах белых, черных
Иль серых, с суетою всей своей.
Здесь пилигримы бродят, на Голгофе
Искавшие умершего Того,
Кто жизнь вкушает вечную на Небе,

⁷⁷ *Эмпедокл* – греческий философ из Агригента, автор особой космогонии; в действительности он умер в преклонном возрасте, в изгнании, но о жизни и смерти его сложилось множество сказок.

⁷⁸ *Клеомброт* – ученик Сократа; по преданию, увлекшись учением Платона о бессмертии души, окончил жизнь самоубийством, чтобы скорее насладиться этим бессмертием.

А также те, кто, чтобы в Рай попасть,
Пред смертью поспешно надевают
Одежды Доминика иль Франциска⁷⁹;
Они проходят через семь планет⁸⁰,
Чрез твердь и чрез хрустальную ту сферу⁸¹,
Что служит, говорят, противовесом
Дрожанию сфер и движется сама;
И вот уж Петр Святой у врат небесных
Их, кажется, со связкою ключей
Встречает, ногу уж они заносят,
Дабы вступить на Небеса, – и вдруг
Ужасный вихрь, откуда-то примчавшись,
Уносит их на десять тысяч миль
Совсем в другую сторону; несутся
Их клобуки, их ряссы, капюшоны
И сами их носители, и в клочья
Рвет ветер их одежды; буллы, свитки,
Прошенья, индульгенции – все мчится
Игрушкой ветра; падают они
Назад, за этот мир, в тот край обширный,
Что назывался Раем для глупцов

⁷⁹ *Доминик и Франциск* – католические святые, в честь которых основаны монашеские ордена доминиканцев и францисканцев.

⁸⁰ *...проходят через семь планет...* – древние знали пять видимых простым глазом планет – Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн, а также называли планетами Солнце и Луну.

⁸¹ *...Чрез твердь и чрез хрустальную ту сферу...* – древние принимали существование нескольких небесных сфер, окружающих одна другую; *дрожанием сфер* они объясняли некоторые неправильные движения звезд.

И долго был немногим неизвестен,
А ныне стал ненаселен и пуст.
На этом-то громадном темном шаре
Бродил Враг долго; наконец вдали
Он замечает слабый проблеск света
И быстро направляется туда.
Уж издали он различает зданье
Высокое: до самых стен Небес
Ступеней ряд ведет великолепный,
А наверху, во много раз роскошней,
Как бы ворота царского дворца,
Украшены алмазами и золотом,
Портал же густо жемчугом восточным
Усеян; невозможно на земле
Создать тех врат хоть слабое подобье
Иль кистью их красу изобразить.
Ступени были таковы, как видел
Иаков их⁸², когда пред ним всходила
И нисходила ангельская рать
Блестящих стражей; это было ночью,
Когда, спасаясь от Исава, он
Бежал в Падан-Адам, к полям Лузийским;
Заснул он ночью под открытым небом,
Проснувшись же, вскричал: «Здесь дверь Небес!»
И каждая из тех ступеней чудных
Свое значенье тайное имела

⁸² *Ступени были таковы, как видел Иаков их...* – излагается сон библейского патриарха Иакова, бежавшего от мести своего брата Исава в Харрам (Книга Бытия, глава 28).

И не всегда на месте том была,
Но иногда незримо поднималась
На Небеса; являлося под ней
Тогда, сверкая, море из лазури
Иль жидкий жемчуг; если кто с земли
Тогда всходил на Небо, он чрез море,
Руководимый Ангелами, плыл
Иль чрез него летел на колеснице,
Влекомой мощью огненных коней.
Ступени были спущены – затем ли,
Чтоб легким восходом приманить Врага,
Иль чтоб ему тем тягостнее сделать
Его изгнание от дверей блаженства.
Внизу же, прямо против этих врат
И над благословенным местом Рая,
Широкая дорога проходила
К Земле – гораздо шире той дороги,
Которая позднее к горе Сионской
Вела и к милой Господу стране
Обетованной и путем служила
Для Ангелов, чтоб часто посещать
Могли они по высшему велению
Те племена счастливые, и часто
Они по ней ходили вверх и вниз,
И взор Его обозревал с любовью
Весь край от Панаеаса, где лежат
Верховья Иордана, до Берсебы⁸³ –
До местности, где та Земля святая

⁸³ *Берсеба*, или *Вирсавия* – город на границе Палестины и Аравии.

С Египтом и Аравией граничит.
Таким широким этот путь казался,
Границы полагая темноте,
Как океану берег есть граница.
Став у подножья лестницы златой,
Которая вела оттуда к Небу,
С невольным удивленьем Сатана
Смотрел на новый мир, пред ним внезапно
Открывшийся во всем своем объеме.
Так иногда разведчик, долго ночью
Блуждавший по путям пустым и темным,
Когда забрезжит радостный рассвет,
Взойдя на холм какой-нибудь высокий,
Вдруг пред собой встречает чудный вид
Чужой земли, невиданный дотоле,
Иль славная столица перед ним
Встает, сверкая куполами зданий
Под восходящим солнцем золотым.
Так удивился, хоть знаком был с Небом,
Злой дух, и был он завистью объят,
Увидев мир столь дивный, столь прекрасный.
Весь круг его он обозрел (легко
Он это сделать мог: над сводом Ночи
Стоял он на огромной высоте);
Водил он взор от крайнего востока,
Иль от Весов, вплоть до Овна, который
С далеких Атлантических морей
Под горизонт уносит Андромеду⁸⁴.

84 *Андромеда* – дочь эфиопского царя Кефея, жена Персея, помещенная

Его он видит, словом, вдаль и вширь,
От полюса до полюса. Немедля
Он направляет быстрый свой полет
Стремительно в ближайшую часть мира
И косвенно, без всякого труда,
Сквозь чистый воздух мраморный несется
Меж звезд несметных. Звездами казались
Они вдали, вблизи же это были
Особые обширные миры
Иль острова счастливые, подобно
Садам, издревле славным, Гесперид⁸⁵, –
Цветущие поля, долины, рощи,
Блаженные трикраты острова, –
Но кто на них живет, – на разъясненья
Не стал он тратить времени. Стремится
Скорей всего он к солнцу золотому
Сквозь небосвод спокойный (вверх иль вниз,
Сквозь центр иль вне его, по направлению
Вдоль иль в ширину, – определить
Не так легко). Великое светило
Стояло вдалеке от тучи звезд,
Что от него держались с почтеньем
На расстояньи; царственно оно
Лучи свои оттуда рассылало,
Они ж свершали звездный танец свой
И быстро мчались иль магнитной силой

Афиной в число созвездий.

⁸⁵ *Геспериды* – дочери Атланта, стерегли на крайнем западе золотые яблоки Геры, подаренные ей Геей (богиней земли) в день ее свадьбы с Зевсом.

Лучей его вращались. Согревало
Оно весь мир и даже, внутрь частей
Незримо проникая, изливало
В их глубину свою святую силу –
Так дивно поместилось оно.
На светлый диск спустился Враг; пожалуй,
С тех пор на нем подобного пятна
Не видели ни разу звездочеты.
То место выше всяких описаний
Прекрасно было: камень иль металл,
Которому нет на Земле подобных.
Он не повсюду одинаков был,
Но весь, как раскаленное железо,
Сверкал и, металлически блестя,
То золотом, то серебром казался,
Иль, если это камень был, подобен
Карбункулу он был иль хризолиту,
Рубину иль топазу, иль камням
Двенадцати, которыми украшен
Был панцирь Аарона, или камню,
Которого – иль хоть его подобья –
Философы везде искали тщетно,
Хотя они сумели уловить
Летучего Меркурия⁸⁶ и даже
Могли извлечь Протея⁸⁷ – старика,

⁸⁶ *Летучий Меркурий* – Меркурием в алхимии называлась ртуть.

⁸⁷ *Протей* – мифологический многоликий морской бог, которого почти невозможно было заставить принять свойственную ему форму и вид; у алхимиков – сурьма (антимоний), воплощение первичной субстанции.

Во всех его видах разнообразных,
Из глубины морской и, перегнав
В ретортах, возвратить в первичный образ.
И если там цветущие поля
Повсюду дышат чистым эликсиром
И реки жидким золотом текут,
То диво ли, что солнце, лучший химик,
Хотя оно от нас удалено,
Мешаяся во тьме с земною влагой,
Творит столь много дорогих вещей,
По цвету пышных и по силе редких?
Еще здесь больше Дьявол видеть мог,
Не ослепляясь солнцем: без препятствий
Водил он взор свободно вдаль и вширь,
И не было нигде здесь даже тени,
Но ярко было все освещено;
Так точно на экваторе отвесно
Лучи бросает солнце, и при этом
Не может падать тень от темных тел.
И воздух был здесь, как нигде, прозрачен
И делал зрение острым для предметов,
Хотя бы чрезвычайно отдаленных;
Поэтому увидел вскоре Враг
Блистательного Ангела – такого,
Какого зрел на солнце Иоанн⁸⁸.
Стоял он отвернувшись, но чрез это

⁸⁸ ...Блистательного Ангела – такого, какого зрел на солнце Иоанн. – Имеется в виду видение святого Иоанна Богослова: «И увидел я Ангела, восходящего от востока солнца...» (Откровение, 7: 2).

Нисколько блеск его был не слабей;
Из солнечных лучей златой тиарой
Глава его увенчана была,
А за плечами, сверху оперенья
Роскошных крыльев, кудри золотые
Лежали пышно. Он, казалось, был
Поставлен здесь для некой важной службы
Иль в размышленья погружен. И рад
Был Дух нечистый, что его увидел,
Надеясь от него узнать, где Рай,
Блаженное жилище человека,
Находится и тем достигнуть цели
Своих скитаний долгих, нам на горе.
Но прежде поспешил он изменить
Свой облик, без чего ему грозила б
Опасность иль отсрочка предпринять;
И вот молодого Херувима вид
Он принял – не из первых, но такого,
Что юность на лице его играла
Небесною улыбкою, а члены
Все были нежной грации полны, –
Так хорошо умел он притвориться.
Кудрей его волнистая краса
Под маленькой короной ниспадала,
Ланиты обрамляя; крылья были
Из пестрых перьев, в искрах золотых;
Как путник, ризу подобрав, степенно
Он шел, с жезлом серебряным в руках.
Недолго он остался незамечен;

Блестящий Ангел прежде, чем к нему
Он подошел, шаги его услышал
И обратил лучистое лицо,
И сразу Враг узнал в нем Уриила –
Архангела, из тех семи ближайших
К престолу Бога, что всегда готовы
Его веленья исполнять и служат
Его очами всюду в Небесах
И в мир земной поспешными послами
Над влагой и над сушей, на морях
И на земле. К нему Враг обратился:

«О Уриил, один из тех семи,
Что предстоят перед престолом Бога,
Сияющим в великой славе, – тот,
Кто прежде всех Его высокой воли
Носителем во всех кругах Небес
Является, чьей вести благодатной
Ждут повсеместно Божии сыны!
И так же здесь, по высшему велению,
Как подобает, с честью ты стоишь,
Чтоб созерцать великий круг творенья.
Невыразимо я хотел бы видеть
И изучить поближе все создания
Чудесные, а более всего
Желал бы я увидеть человека,
Главнейшую утеху и любовь
Создателя: ведь ради человека

Так дивно Он устроил этот мир.
Меня желанье это побудило,
Покинув Херувимов хор, пуститься
В путь одному. О светлый Серафим,
Скажи, в котором из миров блестящих
Свое жилище человек имеет?
Иль, может быть, из них он ни в одном
Все время не живет, а обитает
Попеременно в том или другом?
Его б хотел найти я, чтобы тайно
Иль явно подивиться на того,
Кого великий наш Творец мирами
Так одарил и на кого всю милость
Свою излил; в нем, как во всех созданных,
Всемирного Зиждителя хвалить
Прилично нам, изгнавшего недавно
Врагов своих мятежных в бездну Ада
И вместо них, чтоб возместить потерю,
Создавшего счастливый род людей,
Который бы Ему верней и лучше
Служил. Премудры все Его пути!»

Так говорил притворщик этот лживый –
И был не признан. Ведь не только люди,
И Ангелы порою лицемерья
Не видят – зла единственного, всем
Невидимого в мире, кроме Бога,
Которое, по Божью попущенью,
Блуждает между Небом и Землей.

Хоть Мудрость и не спит, но Подозренье
У врат ее нередко засыпает,
И Простота ему тогда на смену
Является; Зла Доброта не видит
Там, где не видно ничего дурного.
Так был теперь обманут Уриил,
Хоть был он князем солнца и считался
Из всех небесных Духов самым зорким.
И самозванцу хитрому в ответ
Он так сказал, открыто и правдиво:

«Прекрасный Ангел! То, что ты желаешь
Узнать дела Творца, чтоб восхвалять
Великого Зиждителя вселенной,
Нисколько не достойно порицанья;
Скорее ты достоин похвалы.
Одно лишь странно, что один решился
Покинуть ты жилище эмпиреев,
Чтоб собственным увидеть оком то,
О чем, пожалуй, было бы довольно
Узнать и в самом Небе по рассказам.
Но точно дивны все Его дела,
И узнавать их сладостно; достойны
Они того, чтоб вечно с наслажденьем
Мы вспоминали их. Но кто, чей ум
Обнимет их число и эту мудрость
Безмерную, которая их все
Произвела, сокрыв все их причины?
Я видел, как по слову Божества

Бесформенные массы, из которых
Сложился мир, в одно скопились тело;
Услышало Смущенье глас Его,
И дикий перед ним Мятеж склонился,
Границы Безграничность обрела;
Вторично Он воззвал, и Тьма бежала,
Явился Свет, возник порядок стройный
Из беспорядка; быстро смесь стихий
По областям своим распределилась –
Земля, вода, и воздух, и огонь;
А вещество небесного эфира
Ввысь поднялось сюда, одушеваясь
В разнообразных формах, и, вращаясь,
Они кругами понеслись и стали
Бесчисленными звездами: ты видишь,
Как много их, как движутся они;
И каждая свое имеет место,
И совершает каждая свой путь;
А прочее мир этот окружает.
Взгляни же вниз, на этот шар, который
К нам обратился светлой стороной,
Хотя свет этот – только отраженный;
Тот шар – Земля, жилище человека,
А этот свет – есть день ее: его
Сменяет ночь, когда он обернется
Другим к нам полушарием; тогда
Луна его на время озаряет:
Зовется так прекрасная звезда
Соседняя, – свершает каждый месяц

Она вокруг Земли среди небес
Свой путь, причем она то убывает,
То прибывает в трех различных формах,
И, бледный свет заимствуя от Солнца,
Ночную тень смягчает на Земле.
Вот это там пятно есть Рай, жилище
Адама; эта тень – его беседка.
Теперь ты знаешь путь и не собьешься
С него; меня же долг мой призывает».

Промолвив это, отвернулся он,
А Сатана, пред ним склонившись низко,
Как принято по отношению к высшим
На Небесах, где воздается всем
Достойный их почет и уважение,
Простился и, с эклиптики⁸⁹ спустись,
Поспешно путь направил, окрыленный
Надеждой на удачу, вниз, к Земле,
И, быстро крылья мощные вращая,
Сквозь воздух долго неся он, пока
Не опустился на горе Нифате⁹⁰.

⁸⁹ *Эклиптика* или зодиак – величайший из кругов видимой небесной сферы, по которому совершается кажущийся путь солнца от запада к востоку.

⁹⁰ *Нифат* – гора, принадлежащая к цепи Таврских гор в Армении.

Книга четвертая

Содержание

Сатана находится в виду Эдема, вблизи места, где он должен теперь испытать смелое предприятие, начатое им в одиночестве против Бога и человека. Его терзают различные сомнения и страсти – страх, зависть и отчаяние, – но в конце концов Сатана укрепляется во Зле и отправляется к Раю. Описывается внешний вид и расположение Рая. Сатана перепрыгивает ограду и садится, приняв облик кormорана, на Древо жизни, самое высокое, для обозрения сада. Описание райского сада. Сатана в первый раз видит Адама и Еву, удивляется их красоте и счастьем и решается осуществить их падение. Он подслушивает их разговор, узнает, что им запрещено под страхом смерти есть плоды Древа познания Добра и Зла, и на этом основывает план искушения, намереваясь склонить их к нарушению заповеди. Затем Сатана покидает их на время, чтобы разузнать об их положении иными путями. Между тем Уриил, спустившись на солнечном луче, предупреждает Гавриила, стоящего на страже у ворот Рая, что некий злой Дух вырвался из Ада и в полдень проходил через его сферу в образе доброго Ангела по направлению к Раю: он узнал это по его яростным движениям на горе. Гав-

риил обещает найти его ранее, чем наступит утро. Наступает ночь; Адам и Ева беседуют на пути к месту отдохновения; описывается их хижина; их вечернее славословие. Гавриил ведет своих подчиненных по ночной страже в обход вокруг Рая, поставив двух сильных Ангелов около хижины Адама, чтобы злой Дух не причинил какого-либо зла спящим Адаму и Еве. Они находят его у изголовья Евы, искушающего ее во сне, и приводят его, несмотря на сопротивление, к Гавриилу; Сатана гневно отвечает на вопросы последнего, готовится к борьбе, но, уstraшенный знаменiem на Небесах, убегает из Рая.

О, для чего теперь не прозвучал
Тот громкий голос предостереженья,
Который был с высот Небес услышан⁹¹
Тем, кто нам Апокалипсис открыл,
Когда дракон, вторично пораженный,
Пришел во гнев, чтобы отомстить
На человеке за свое крушение:
«О горе вам, живущим на земле!»
Когда б теперь раздался он, быть может,
Он вовремя еще предостерег бы
Блаженных наших праотцев, что к ним

⁹¹ ...громкий голос предостереженья, который был с высот Небес услышан... — «Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остается времени» — этот зов слышал апостол Иоанн, имевший, согласно Писанию, пророческое видение на острове Патмос (Откровение, 12: 12).

Теперь подходит близко Враг их тайный,
И от его смертельной западни
Они тогда избавиться могли бы.
Как раз теперь спустился Сатана,
Воспламененный яростью великой,
Чтоб искусить и после обвинить
Род человека и на нем, невинном
И слабом, отомстить за все потери,
Которые понес он в первой битве,
За бегство в Ад позорное свое.
Он быстротой своей все недоволен,
Хоть смело и бесстрашно он свершил
Далекий путь; похвастаться удачей
Пока еще не может он, и вот
К своей попытке страшной приступает,
Которая, готовая родиться
На свет, ему волнует бурно грудь
И, как оружие дьявольское, больно
Ему назад удар свой отдает.
Его терзают ужас и сомненье,
Внутри его бушует бездна Ада:
Он носит Ад в себе и вокруг себя
И, как бы место ни переменил он,
Уйти от Ада может так же мало,
Как убежать от самого себя.
Теперь в нем совесть снова пробуждает
Заснувшее отчаянье; проснулось
Воспоминанье горькое о том,
Чем был он, чем он стал и что в грядущем

Грозит ему: всегда ведь злое дело
К страданию только злейшему ведет.
То он направит на Эдем прекрасный
Печальный взор свой, то опять посмотрит
На Небеса и пламенное солнце;
И, прерывая вздохами слова,
Так начал он, перебирая думы:

«О ты, в венце своей великой славы,
Одно в своих владеньях, как Господь,
На этот мир взирающее новый,
Ты, пред которым все тускнеют звезды
И преклоняют голову свою, –
К тебе зываю, но не зовом друга,
Тебя зову по имени, о Солнце,
Чтоб рассказать, как ненавижу я
Твои лучи, которые мне скорбно
Напоминают, как я страшно пал,
Хоть прежде был твоей славнее сферы!
Ах, гордостью и честолюбьем злым
Я увлечен был на борьбу с великим,
Необоримым Властелином Неба;
И для чего? Ничем не заслужил
Он от меня подобного поступка, –
Он, Кем я сотворен в моем блестящем
Достоинстве, Который никого
Не попрекал своим благодеяньем!
Ему не трудно было и служить:
Какой был меньше труд, чем воздаянье

Хвалы Ему, какая плата меньше,
Чем благодарность должная Творцу?
Но все добро во мне лишь зло рождало
И лишь к коварным мыслям привело.
Быв столь возвышен, мысль о подчинении
Стал отвергать я: показалось мне,
Что шаг еще – и стану я всех выше
И сразу сброшу с плеч огромный долг
Безмерной благодарности – то бремя,
Которое, сколь ни платил бы я
Свой долг, – всегда на мне бы тяготело;
Забыл я все, что от Него имел;
Не понял я, что благодарность платит
Сама собой и что сознание долга
Есть в то же время и платеж за долг;
Какое ж для меня тут было бремя?
О, если б, по Его могучей воле,
Одним из низших Ангелов я был,
Счастливей был бы я и честолобье
Не знало бы несбыточных надежд!
Но почему же нет? Иная сила,
Великая, как я, тогда могла б
Их возыметь, и был бы я, хоть слабый,
Быть может, ею увлечен. Однако ж
Другие силы, крупные, как я,
Не пали, а спокойно устояли
Внутри себя и вне, вооружись
Противу всяких искушений. Что же?
Владел ли также ты свободной волей

И устоять ты мог ли, как они?
Ты мог! Итак, кого ж ты обвиняешь,
Как не Небес свободную любовь,
Которая равно всех наделила?
Да будет эта проклята любовь!
Мне все равно, любовь то или злоба:
Я ею к вечным мукам приведен!
Нет, будь ты проклят сам: ты, против воли
Его, избрал своею волей то,
О чем теперь жалеешь справедливо!
О я несчастный! Как мне избежать
Бед без конца, отчаянья без меры?
Куда б я ни бежал – со мною Ад;
Я сам свой Ад, и в глубочайшей бездне
Вновь бездна разверзается на дне,
Грозя пожрать меня. В сравнении с этим
Тот Ад, где я терплю страдания, – Небо.
О, уступи ж тогда! Ужель нет места
Раскаянью, ужель пощады нет?
Нет – если я не покорюсь; а в этом
Мешает гордость мне и страх стыда
Пред низшими, которым обещал я
Не то, увлек иною похвальбой:
Не покориться – покорить хвалился
Всесильного себе! О горе мне!
Они не знают, как жалею горько
Теперь о той я праздной похвальбе,
Каким внутри страданьем я терзаюсь,
Когда меня на троне Ада чтут!

Со скипетром в руках и в диадеме,
Возвысившись над ними, ниже всех
Я пал, – всех выше я лишь по несчастью!
Вот честолюбья грустная награда!
Но если бы раскаяться я мог,
И был помилован, и получил бы
Вновь положение прежнее свое, –
Увы, как скоро сан высокий снова
Меня б увлек к высоким помышленьям!
Как скоро от покорности притворной
Отрекся б я, сказав, что уступил
Насильно лишь, подавленный бедою!
Не может мира истинного быть
Там, где смертельной ненависти раны
В такую проникают глубину.
Да, это только повело б меня
К вторичному и худшему паденью,
И я двойною карой заплатил бы
За облегченье краткое свое.
Кто покарал меня, Тот это знает,
А потому настолько же далек
От мысли пожалеть меня, насколько
От просьб о мире я далек. Итак,
Навек исчезла всякая надежда!
Изгнав нас и отвергнув, вместо нас
Себе Он создал новую утеху –
Людей и ради них весь этот мир.
Прости ж, надежда; больше нет ни страха,
Ни угрызений совести: все благо

Утрачено навеки для меня;
Отныне Зло моим пусть будет благом;
Через него, по крайней мере, власть
Я разделю с Царем великим Неба,
И, может статься, больше половины
Я захвачу; о том узнает вскоре
И человек, и этот новый мир!»

Пока он это говорил, жестоко
Лицо его страстями искажалось:
Покрылся трижды побледневший лик
Отчаяньем, и завистью, и гневом,
И страшно изменилися черты
Его притворной маски. Он бы выдал
Себя чрез это, если б кто-нибудь
Его увидел, ибо Духи Неба
Всегда спокойны и впадать не могут
В такое раздраженье. Скоро он
Заметил это сам и постарался
Смягчить свой вид спокойствием притворным;
Искуснейший из всех лжецов, он первый
Соединил со внешностью святой
Глубокое коварство, злое мщенье;
Но не настолько был искусен он,
Чтоб Уриила обмануть, который
На страже был и проследил за ним,
Как он летел к вершине ассирийской
И как он там свой образ изменил
Несвойственно блаженным Духам, – видел

Его движенья резкие, заметил,
Как он себя безумно вел, считая,
Что он один, что не следят за ним.
Вот Сатана приблизился к Эдему.
Пред ним вверху стоял прелестный Рай,
Зеленою оградой венчая,
Как изгородью сельскою, вершину
Горы высокой и крутой, чей склон
Щетинистый покрыт был дикой чашей,
Густой и прихотливой, заграждавшей
Пути наверх; над нею возвышались
Громадные роскошные стволы –
Раскидистые пальмы, кедры, ели, –
Богатый лес; и так как ряд над рядом
Бросали тень, пред взором возникал
Роскошный вид лесистого театра.
Но выше всех их возносилась Рая
Зеленая стена; с нее смотрел
Наш общий прародитель на владенья
Соседние свои. За ней ряды
Чудеснейших деревьев возвышались,
Обремененных дивными плодами:
Цветок и плод в одно и то же время,
Они как будто златом и эмалью
Блистают; солнце, кажется, на них
Своих лучей бросало позолоту
Еще охотней, чем на облака
Вечерние иль на дугу из влаги,
Которую нам посылает Бог,

Когда дождями землю напоят.
Прекрасен был ландшафт, а чистый воздух
Врагу навстречу сладостно дышал
Весеннею отрадою и счастьем
И был способен все прогнать печали –
Отчаянья не мог лишь излечить.
А нежные Зефиры, расправляя
Свои крыла душистые, вокруг
Распространяли всюду ароматы,
Шепча, откуда взяли свой бальзам.
Так иногда тем путникам навстречу,
Которые плывут, пройдя мыс Доброй
Надежды, миновав уж Мозамбик, –
Со встречным ветром северо-восточным
Сабейские⁹² несутся ароматы
Чудесные от пряных берегов
Аравии счастливой; и, довольны
Задержкою, они свой долгий путь
Охотно замедляют, и, ласкаем
Тем запахом приятным, много миль
Их Океан улыбкой провожает.
Так сладкий запах нежит и Врага,
Принесшего сюда свою отраву;
Приятней был ему тот аромат,

⁹² *Саба* – главный город счастливой Аравии, жители которой назывались сабейцами. По Диодору, благоухание трав было так сильно в этой стране, что жители старались ослабить этот запах, окуривая себя асфальтом (горной смолой).

Чем Асмодею⁹³ рыбный дым, который
Прогнал его, влюбленного, от ложа
Товитовой невестки, отомстив
Коварному; из Мидии в Египет
Он убежал и там прикован был.

Ко всходу на высокий этот холм
Враг подошел, в раздумьи замедляя
Свой шаг; но дальше не было пути:
Растенья там переплелись так густо,
Что стали как бы цельною стеной,
И поросль и кусты вокруг повсюду
Стеснились так, что через их преграду
Не мог пройти ни человек, ни зверь.
Одна лишь дверь на стороне восточной
Была; ее Архизлодей заметил,
Но пренебрег законным он путем;
Презрительно одним прыжком высоким
Чрез все холма высокого преграды
И через стену перенесся он
И стал в Раю. Так точно волк бродящий,
Когда он ищет, голодом гоним,
Себе иного места для добычи,

⁹³ *Асмодей* – имя демона-погубителя в Библии. Он убивал всех женихов *Товитовой невестки* Сарры, дочери Рамуила из *Мидии*. Сын Товита, Товий, пришел в Мидию в сопровождении Ангела Рафаила; в день свадьбы своей с Саррой он взял по совету Ангела «курительницу, положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Книга Товита, 8: 3).

Следит, где пастухи свои стада
Сгоняют в огороженное место
К приходу ночи, и одним прыжком
Через плетень спешит туда забраться;
Так точно вор, желая обокрасть
Дом богача, чьи двери толсты, прочны,
Чьи крепкие засовы и замки
Прямого нападения не боятся,
Ползет к нему в окно иль через крышу.
Так вор великий ныне в первый раз
Проник коварно в Божье стадо; так же
Наемники в Его прокрались Церковь.
Затем взлетел он и на Древе жизни,
Которое средь Рая выше всех
Вершиной возвышалось, уселся,
Принявши образ корморана⁹⁴; жизни
Он истинной чрез то не приобрел,
Но замышлял лишь смерть живущим в мире;
Не думал он о силе животворной
Чудесного растения: он выбрал
Его лишь с целью лучше видеть вдаль;
А между тем, при пользованьи должном,
Залог бессмертья был бы в древе том.
Так и никто на свете, кроме Бога,
Добра не может правильно ценить,
Даруемого Небом: обращают
Нередко люди лучший дар во Зло

⁹⁴ *Корморан*, или баклан – черная водяная птица, по внешности отчасти напоминающая ворона.

Иль применяют к наименьшей пользе.
Дивясь, внизу он видит пред собой,
Как в небольшом пространстве совместилось
Для услажденья человека все,
Что лучшего произвела природа,
И даже больше: Небо на земле!
Блаженный Рай был Божий сад, который
Был насажден с восточной стороны
Эдема; а Эдем распространялся
На запад от Харрана⁹⁵ вплоть до башен
Прославленных Селевкии⁹⁶ великой –
Создания древних греческих царей, –
Иль той страны, где много раньше жили
Сыны Эдема в Телассаре. Здесь,
В стране прекрасной этой, Бог устроил
Прекраснейший Свой сад; Он повелел
Произрастать на почве плодоносной
Деревьям благороднейшим, приятным
Для зренья, обоняния и вкуса;
И между ними было Древо жизни
Всех выше; плод его подобен был
Амброзии – растительное злато;
А рядом с ним росло познания Древо, –
Смерть наша, – заплатили мы за знанье
Добра ценой жестокой – знаньем Зла.
На юге же Эдема протекала

⁹⁵ *Харран* – город в Месопотамии на реке Евфрат.

⁹⁶ *Селевкия* – название нескольких городов, основанных Селевком I и его преемниками в Месопотамии, Сирии, Киликии и других странах Западной Азии.

Широкая река – не вкруг горы,
А прямо шла она сквозь холм высокий:
Когда Бог строил сад Свой, Он поставил
Ту гору над ее потоком быстрым,
А он чрез жилы пористой земли
Пробился, ею впитанный охотно,
И вышел вновь наружу, свежий, чистый,
И многими ручьями оросил
Цветущий сад; потом, соединившись,
По скату вниз спустился он и встретил
Там реку, показавшуюся снова
Из темного подземного прохода;
Река же, разделившись на четыре
Потока главных, дальше потекла
Чрез страны знаменитые и царства,
О коих здесь не будем говорить.
Но надо рассказать, насколько хватит
Искусства, о сапфировых струях,
Катившихся по жемчугам восточным
И золотым пескам, блуждая всюду
В тени деревьев, и нектар разнося,
И посещая каждое растение,
Питая несравненные цветы,
Достойные роскошной сени Рая.
Их не искусство медленной рукой
Узорами по клумбам насадило, –
Сама природа в щедрости своей
Рассыпала по всем холмам и долам,
И там, где солнце утреннее греет

Открытые поля, и там, где в полдень
Под кущами царит густая тень.
Разнообразьем сельского ландшафта
Пленил счастливый этот уголок:
Здесь рощи, чьи душистые деревья
Смолой дышали ароматной, там –
Другие, где висели золотистых
Плодов ряды, пленяя взор и вкус.
И если где, то только здесь был правдой
Миф о садах чудесных Гесперид.
Меж рощами луга или поляны,
Где мягкую траву стада щипали,
Иль пальмами поросшие холмы;
Местами были влажные долины
Усеяны цветами всяких красок
И розами, лишенными шипов.
С другой же стороны там были гроты
Тенистые, прохладные пещеры,
И пышно вился виноград по ним,
Пурпурные развешивая кисти;
С холмов же ниспадали водопады,
В пыль влажную дробясь иль ссоединяя
Свои потоки в тихие озера,
Которые, как зеркало, в себе
Цветущий берег, миртами поросший,
Спокойно отражали. Хоры птиц
Звучали вокруг, а ветерок весенний
В полях и рощах веял ароматом
И колебал дрожащие листья;

И Грации⁹⁷ и Оры⁹⁸, предводимы
Великим Паном⁹⁹, в хороводе светлом
Кружились в вечном празднике весны.
Не так прекрасно было поле Энны¹⁰⁰,
Где Прозерпина некогда цветы
Сбирала и, сама их всех прекрасней,
Похищена была Плутоном мрачным,
Что причинило множество забот
Церере, по всему искавшей миру
Своей любимой дочери; не так
Была приветна близ Оронта¹⁰¹ роща
Прекрасной Дафны¹⁰², и не мог красой
С Эдемским Раем спорить вдохновенный
Кастальский ключ¹⁰³, ни остров тот Нисейский,
Рекой Тритоном окруженный¹⁰⁴, – остров,

⁹⁷ *Грации* – в греческой мифологии богини красоты и веселья.

⁹⁸ *Оры* – богини порядка в природе, заведовавшие сменой времен года и погодой.

⁹⁹ *Пан* – греческое божество, владыка леса и лесной фауны.

¹⁰⁰ *Энна* – город на Сицилии, где стоял главный храм богини Деметры (Цереры), дочь которой, Прозерпину, похитил здесь Плутон – бог подземного мира.

¹⁰¹ *Оронт* – река в Сирии.

¹⁰² *Дафна* – нимфа, которая, убегая от влюбленного в нее Аполлона, превратилась в лавровое дерево.

¹⁰³ *Кастальский ключ* – источник на горе Парнас, обитель муз.

¹⁰⁴ ...ни остров тот Нисейский, рекой Тритоном окруженный... – Ниса – место рождения бога Диониса (Вакха); город, находившийся в Верхнем Египте (по другим преданиям, в Беотии, Индии и др.). Реку *Тритон* древние помещали на крайнем западе, позднее – в Ливии.

Где древний Хам, которого зовут
Язычники Аммоном¹⁰⁵, а Ливийцы
Юпитером, укрыл Амальфу¹⁰⁶ с сыном,
Румяным Вакхом¹⁰⁷, от очей опасных
Великой Реи¹⁰⁸, мачехи суровой, –
Ни край, где Абиссинские цари
Хранят свое потомство под горою
Амарой, хоть иные полагают,
Что настоящий Рай как раз был там,
В пределах эфиопских, у верховьев
Далеких Нила, под горой блестящей,
До чьей вершины – целый день пути.
На деле край тот отстоит далёко
От сада ассирийского, где Враг
Безрадостно смотрел вокруг на радость,
На множество живых созданий разных,
Столь новых и столь странных для него.
Меж ними были два – всех благородней,
Всех выше и стройней; богоподобно
Они держались, выпрямив свой стан,
С достоинством природным; не прикрыты
Ничем, они в нагом своем величьи
Достойными владыками казались

¹⁰⁵ *Хаммон* или *Аммон* – египетский бог, впоследствии отождествленный греками с Зевсом (Юпитером).

¹⁰⁶ *Амальфа* – нимфа, приютившая Вакха в пещере близ Нисы и вскормившая его, как приемная мать, укрывая от преследований Геры (Юноны).

¹⁰⁷ *Вакх* (Дионис) – бог вина и веселья, сын Зевса и Семелы.

¹⁰⁸ *Рея* – мать олимпийских богов, дочь Урана (Неба) и Геи (Земли).

Всего, что окружало их в Раю.
В божественных их взорах отражался
Священный образ славного Творца, —
Премудрость, правда, чистота и святость, —
И строгость в этой святости была,
Хоть вольностью в них детскою смягчалась;
Та строгость служит истинной основой
С тех пор для всякой власти у людей.
Не равными они, однако, оба
Являлись, как не равен был их пол.
Для созерцанья и для силы гордой,
Казалось, он создан был, — она —
Для нежности и ласки грациозной;
Он сотворен, казалось, был для Бога
Единственно, она — для Бога в нем;
Его широкий лоб прекрасный, очи,
Глядевшие отважно, говорили
О воле непреклонной, а две темные
Волны кудрей направо и налево
Вниз ниспадали до широких плеч.
У ней до стройных чресл, как покрывало,
Без украшений, пряди золотые,
Распущены, спускались, извиваясь
В колечках прихотливых; виноград
Таковыми нежно усиками вьется.
Весь вид ее покорность выражал,
Но лишь такую, требовать которой
Власть кроткая лишь может; уступает
Она охотно, он же ту уступку

Встречает лаской; мужу отдается
С застенчивой покорностью она
И скромностью достойною, противясь
Лишь сладкою влюбленною борьбой.
В их наготе ничто не прикрывало
И тех частей таинственных, которых
С тех пор не обнажает человек;
Греховного стыда они не знали –
Стыда, который лишь дела природы
Позорит, честь лишь обесчестить может.
О, как, грехом рожденный, этот стыд
Испортил человечество, заставив
Лишь внешность чтить, за внешней чистотою
Гоняясь лишь! Из жизни человека
Он жизни счастье лучшее изгнал –
Всю простоту и чистую невинность!
Они ходили в наготе, ни Бога,
Ни Ангелов Его не избегая,
Затем, что в мыслях не имели Зла.
Рука с рукою шли они, четою,
Прекраснейшей из всех, кого с тех пор
Когда-либо любовь соединяла, –
Адам, всех лучший из сынов Господних,
С тех пор рожденных на Земле, и Ева,
Из дочерей прекраснейшая всех.
В тени, при нежном шелесте деревьев,
На берегу хрустального ручья
Они присели, труд окончив легкий
В саду – тот труд, который только мог

Им усладить прохладное дыханье
Зефира, облегченье облегчить
И утоленье голода и жажды
Еще приятней сделать. Принялись
Они за ужин из плодов сладчайших,
Которые соседние кусты
Им доставляли ласково, склоняясь
Над мягкой скамьей из муравы,
Богато разукрашенной цветами.
Они вкушали сладостную мякоть,
А скорлупою черпали в ручье
Питье, с отрадой жажду утоляя.
И ласковый меж них шел разговор,
И нежными улыбками менялись
Они, и юных шалостей игра
Была меж ними, как прилично паре
Супружеской в уединенье сладком.
Резвясь, вокруг них играли звери все.
Которые позднее стали дики
И поселились в чащах и пещерах,
Охотясь за добычею своей;
Играя, крался лев, когтистой лапой
Козленка нянча; тигры, леопарды,
Медведи, барсы прыгали пред ними;
Слон неуклюжий, чтоб потешить их,
Все силы прилагал, крутя свой хобот;
Змея искусно ползала, вясь,
И в гордиев завязывала узел
Свой длинный хвост, коварства своего

Открыто всем показывая пробы;
Другие звери на траве лежали,
Глазея, или, пастбищем насытясь,
Дремали, жвачку медленно жуя.
Уже, склоняясь, солнце торопилось
Вниз, к океанским островам, и звезды,
Поры вечерней вестники, вдали
Уж восходить по своду неба стали, —
А Сатана недвижно все сидел,
И, наконец невольное молчанье
Свое прервав, печально молвил он:

«О Ад! Что вижу с горестью великой!
В блаженное жилище вместо нас
Вознесены здесь существа иные,
Иного склада, может быть землею
Рожденные, не Духи, хоть они
Немногим ниже нас, небесных Духов.
За ними с удивленьем я слежу
И даже мог бы их любить — так живо
В них отразилось сходство с Божеством,
Такою их красою наделила
Создавшая их щедрая рука.
О милая чета! Не знаешь ты,
Как близко подошла уж перемена,
Которая все радости твои
Разрушит и предаст тебя несчастью
Тем более тяжелому, чем слаще
Теперь блаженство чистое твое!

Да, вы блаженны, но в своем блаженстве
Чрезмерно слабо вы защищены,
Чтоб то блаженство долго сохранилось;
И этот Рай ваш, это ваше Небо
Защищены оградой слишком слабой,
Чтоб уберечь вас от врага такого,
Какой теперь вошел. Однако я
Не враг ваш преднамеренный: я мог бы
Вас, беззащитных, даже пожалеть,
Хоть жалость мне несвойственна. Союза
Ищу я с вами, дружбы крепкой, тесной,
Чтоб жил я там, где вы, иль чтоб со мной
Всегда вы жили; если ж вам жилище
Мое не так придется по душе,
Как этот Рай прекрасный, то должны вы
Его принять покорно, как создание
Рук вашего Творца: Он дал мне то,
Что я теперь готов вам дать свободно.
Чтоб вас двоих принять, раскроет Ад
Врата свои широко, вам навстречу
Князей своих всех вышлет; там найдется
Довольно места — более, чем в этих
Пределах тесных, — для всего потомства,
Которое от вас произойдет;
И если у меня нет места лучше,
То вы должны благодарить Того,
Кем приведен я к этому возмездию,
Которое над вами разразится,
Ничем не оскорбившими меня,

Чтоб отомстить Тому, кем я обижен.
И если б даже и растаял я
Пред вашею невинностью бессильной,
Общественное благо мне велит,
Чтоб, отомстив за честь, я власть расширил
Свою, мир этот новый покорив;
Всем этим побуждаюсь я к свершенью
Того, пред чем иначе, хоть проклятый,
Пожалуй, я остановился б сам».

Так Враг промолвил, на необходимость
Сославшись – на довод всех тиранов,
Чтоб дьявольский поступок оправдать.
Затем, слетев с высокого сиденья
На дереве, он подошел к стадам
Резвящихся зверей четвероногих
И стал поочередно принимать
Их образы, приспособляясь к цели
К своим поближе жертвам подойти
И что-нибудь узнать о них подробней
Из слов их или действий, оставаясь
Неузнанным; и вот вкруг них он ходит,
Сверкая взором пламенным, как лев;
Затем он образ тигра принимает,
Который видит где-нибудь в лесу
Играющих двух ланей: он ложится,
К земле прижавшись, привстает не раз,
Следя за ними, снова прилегает
И как бы ждет момента, чтоб, на них

Вдруг кинувшись, схватить обоих в лапы.
И вскоре первый из мужей, Адам,
Любовно к Еве, первой из всех женщин,
Речь обратил, и Дьявол, услышав
Столь нового ему наречья звуки,
Насторожась, весь обратился в слух:

«Единая участница и также
Единая часть радостей моих,
Которая дороже мне всех прочих!
Не правда ли, создавшая нас Сила,
Которая для нас и этот мир
Обширный сотворила, бесконечно
Добра и в вечной доброте своей
Безмерно щедро раздает нам блага!
Она из праха нас произвела
И поселила здесь, в блаженстве этом,
Которого не заслужили мы
Ничем, и ничего не можем сделать,
Что было б нужно ей; Она не просит
От нас иной услуги, кроме той,
Чтоб заповедь одну мы соблюдали,
И легкую: из всех деревьев в Раю,
Которые плодов приносят дивных
Так много и столь разных, — не вкушать
От одного — от Дерева познания,
Растущего здесь рядом с древом жизни.
Так близко к жизни наша смерть растет!
Что значит смерть — не знаю, но, конечно,

В ней что-нибудь есть страшное: ты помнишь,
Как нас с тобой Господь предостерег,
Что, этот плод вкусив, умрем мы смертию.
Он этим возложил на нас один
Знак послушанья, после многих знаков
Могущества и власти, нас поставив
Владыками созданий всех Своих
И на земле, и в воздухе, и в море.
Не будем же мы тягостным считать
Запрет столь легкий – мы, кому так много
Дано на свете радостей иных
И наслаждений выбор бесконечный!
Восславим лишь Его, превознесем
Его неисчерпаемую благодать
И предадимся сладкому труду –
Подрезывать растущие деревья
И за цветами этими ходить;
Пусть это – труд: с тобой он так приятен!»

И отвечала Ева: «О мой милый,
Ты, для кого и от кого на свет
Явилась я! Плоть от твоей я плоти,
И без тебя мне в жизни цели нет!
Ты – мой глава и мой руководитель!
Святая правда все, что ты сказал:
Конечно, Богу мы должны ежедневно
Хвалу и благодарность возносить,
Особенно же я, которой участь
Еще твоей счастливей: для меня

Ты – драгоценный друг, который выше
Меня во многом, между тем как ты
Подобного себе не сыщешь друга.
Ах, никогда я не забуду дня,
Когда я в первый раз от сна очнулась
В тени, на ложе из цветов, дивясь,
Кто я и где я, как туда попала,
Откуда, кем туда принесена.
Невдалеке журчал ручей, который
Тек из пещеры и вливался вскоре
В прозрачный пруд, где тихая вода
Была недвижна, светлая, как небо.
Неопытна, к нему я подошла
И прилегла на берегу зеленом,
Чтоб в озеро то светлое взглянуть,
Которое вторым казалось небом.
Я наклонилась – и под гладью водной
Я увидела вдруг смотревший образ,
Который мне навстречу наклонялся.
Я отшатнулась – отшатнулся он;
Но он мне полюбился, – я нагнулась
Опять – и он приветно вновь нагнулся,
Мне отвечая взорами любви.
Я посейчас бы на него смотрела,
Мечтою бесполезною томясь,
Когда б не прозвучал вдруг некий голос,
Который научил меня, сказав:
“Прекрасное созданье! То, что видишь
Ты там внизу, в воде, есть ты сама;

Та тень с тобой пришла, уйдет с тобою.
Иди за мной: тебя я приведу
Туда, где будешь встречена не тенью
И не ее там будешь обнимать;
Там будет тот, чей истинно ты образ,
И неразрывно будет он твоим;
И, принеся ему созданий много,
Тебе подобных, наречешься ты –
Мать рода человеческого”. Зова
Незримого могла ль я не послушать?
И вскоре я увидела тебя,
Прекрасного, высокого, под кленом.
Но все ж мне показался образ твой
Не столь прекрасным, не настолько милым
Не столь любовно-кротким и приятным,
Как то виденье в зеркале воды.
Я прочь пошла, но ты воскликнул: “Ева
Прекрасная, вернись! Зачем бежишь?
Ты от того бежишь, кто дал начало
Тебе самой: ты плоть, ты кость моя!
Чтоб бытие имела ты, я отдал
Из бока, возле сердца моего,
Моей часть жизни собственной; утехой
Бесценною ты будешь для меня;
В тебе я часть души ищу, ты будешь
Второю половиною моей!”
И с этими словами нежно руку
Ты взял мою, и уступила я,
И с той поры узнала я, о милый,

Сколь мужество и мудрость превосходят
Красу, что в них лишь – истинно краса!»

Так с ним праматерь наша говорила
И взором целомудренной любви
И преданности нежной на супруга
Смотрела, обхватив одной рукой
Стан праотца людей; нагою грудью,
Вздымавшейся под золотом кудрей,
Она на грудь супруга прилегала;
В восторге он от красоты и нежной
Покорности ее, ей улыбнулся
Блаженней, чем Юпитер улыбался
Юноне, тучки оплодотворяя,
Из коих май цветочный сыплет дождь,
И поцелуй любви чистейшей нежно
Напечатлел на розовых устах.
И с завистью тут Дьявол отвернулся,
Но все ж, ревнуя, искоса смотрел
На них, и так роптал он сам с собою:
«Вид ненавистный, вид, мучений полный!
Они вдвоем, в объятиях друг друга,
Счастливейший в Раю имеют Рай,
Вкушая здесь блаженство во блаженстве;
А я меж тем судьбою брошен в Ад,
Где ни любви, ни радости нет вечно,
Где пылкие желанья лишь – из мук,
Конечно, не легчайшие – нас мучат,

Неутолимой жаждою томя.
Однако мне запомнить все же надо
Слова, от них услышанные мной.
Здесь, кажется, не все принадлежит им:
Есть роковое дерево одно,
Которое зовут познания Древом, —
Им от него вкушать запрещено.
Познание им запрещено? Доверья
Не видно в этом, — кроме же того,
Такое запрещенье неразумно.
Зачем Господь им знания не дает?
Грешно ли знать? Достойно ль знание смерти?
Иль могут верность сохранить они
Посредством лишь невежества? На этом
Основано и все блаженство их?
Невежество — залог их послушания
И верности? Прекрасная основа,
Чтоб их крушение основать на ней!
Что ж, буду я их искушать желаньем
Узнать побольше и не слушать разных
Заветов ненавистных, цель которых —
Держать лишь в рабском унижении тех,
Которые возвысились бы знанием
До равенства с богами; пожелав
Достигнуть этой цели, столь высокой,
Они вкусят плодов тех и умрут.
Что вероятней может быть? Однако
Сперва я должен изучить подробно
Весь этот сад, все осмотреть углы;

Быть может, здесь, блуждая, повстречаю
Кого-нибудь я из небесных Духов
В тени дерев иль подле ручейка
И вывести мне у него удастся
Дальнейшие подробности о них.
Живите же, счастливы, наслаждайтесь,
Пока я не вернусь; утехи кратки:
За ними муки долгие придут!»

Промолвив это, отошел он гневно
И, озираясь осторожно, стал
Бродить в саду, по всем холмам и долам.
Меж тем на крайней долготе, где небо
Встречается с землей и океаном,
Садившееся солнце вниз сошло
И прямо ко вратам восточным Рая
Направило вечерние лучи.
То был утес из алебаstra, к небу
До облаков всходивший, издалёка
Заметный; от земли к нему вела
Лишь узкая тропинка, извиваясь;
Вокруг же всюду был крутой обрыв,
Нависший и для восхода недоступный.
Меж этих-то утесистых столбов
Сидел Архангел Гавриил, начальник
Сил ангельских, стоявших здесь на страже.
Пред ним в геройских играх упражнялись,
Сложив доспехи, юные сыны
Небес; однако близко по соседству

Небесное их все вооруженье
Лежало – копья, шлемы и щиты,
Сверкавшие алмазами и золотом.
Туда примчался быстро Уриил,
На солнечном луче скользя поспешно,
Как осенью падучая звезда
Мелькает вдоль ночного небосвода,
Когда обильем огненных паров
Насыщен воздух; ту звезду увидя,
Моряк соображает по компасу,
Откуда ждать ему свирепых бурь.
Приблизясь, молвил Уриил поспешно:

«О Гавриил, по жребию тебе
Досталась честь стоять на зоркой страже,
Чтоб к этой здесь обители блаженства
Не подошло и не могло б проникнуть
В обитель эту никакое Зло.
Но вот сегодня, около полудня,
В моей явился сфере некий Дух,
Желавший, как казалось, знать подробно
О новых Всемогущего делах,
А более всего о человеке,
Его последнем образе. Ему
Я описал дорогу; он немедля
Пустился в путь, и я за ним следил;
Но на горе, на север от Эдема,
Где он спустился, обнаружил он
Вид, чуждый Небу, слишком омраченный

Страстями; продолжал за ним следить я,
Но тень его сокрыла от меня.
Боюсь я, что один из шайки мрачной
Изгнанников, покинув смело бездну,
Пришел, чтоб снова смуту учинить;
Так позаботься ж, чтобы он был найден».

Ему крылатый воин отвечал:
«О Уриил, я не дивлюсь нисколько,
Что зренье совершенное твое
Во всем кругу блистательного солнца,
Где ты стоишь, все видит вдаль и вширь.
Но в эту дверь и мимо этой стражи
Пройти никто не может, кроме тех,
Кто нам вполне знаком, как житель Неба,
И от полудня не входил никто;
А если Дух иной, как говоришь ты,
Преградами земными не смутясь,
Преодолеет их, то и сам ты знаешь,
Как трудно Духу заградить пути
Телесными препятствиями. Если ж
Тот, о котором ты сказал, внутри
Здесь бродит, то, какую бы личину
Он ни надел, спокоен будь: его
Я разыщу до наступленья утра».

Так обещал он, Уриил же снова
Вернулся быстро к своему посту
На солнечном луче, который ныне

Вниз косвенно отнес его на солнце,
Сошедшее уж ниже островов
Азорских, – потому ль, что с быстротою
Невероятной дивное светило
В течение дня скатилось туда,
Иль потому, что, медленней вращаясь,
Земля, путем кратчайшим до востока
Дойдя, его оставила внизу,
Там, где лучи из пурпура и злата
От тучек отражаются роскошно
И западный его венчают трон.
И вот пришел спокойный, тихий вечер,
И сумерки своей одеждой скромной
Покрыли мир; умолкло все вокруг;
Укрылись звери в норы, птицы в гнезда,
Не спал один лишь соловей; всю ночь
Гремел своей он песнею любовной,
И сладко ей внимала тишина.
На небесах же яркие сапфиры
Зажглись живые; Геспер¹⁰⁹ засиял,
Как вождь великолепный звездной рати,
И наконец меж тучек величаво
Луна явилась, как царица ночи,
И несравненный свет свой пролила
И мантией сребристой тьму одела.

И Еве так сказал тогда Адам:

¹⁰⁹ *Геспер* – одно из названий Венеры как вечерней звезды.

«Прекрасная супруга! Ночь настала,
И сладко успокоился весь мир, –
Пора и нам искать отдохновенья.
Как день и ночь, так точно труд и отдых
Поочередно Бог распределил;
И вот, росе подобно, сон нисходит
И сладкою дремотой отягчает
Нам веки. Без работы целый день
Все прочие Его создання бродят,
Но человек на каждый день свой труд,
Телесный или умственный, имеет,
И тем он выше их: забота Неба –
Следить за ним во всех его путях.
Другие ж твари потому и праздны,
Что Господу отчета не дают.
Но завтра, чуть лишь утро на востоке
Слегка забрезжит, предвещая свет,
Подняться мы должны, чтоб труд приятный
Возобновить: мы будем подстригать
Все эти здесь цветущие деревья:
Густая зелень темных тех аллей,
Где около полудня мы гуляем,
Чрезмерно уж ветвями заросла;
Чтоб буйный рост их сократить, потребно,
Пожалуй, больше силы и умения,
Чем скудные усилия наших рук;
К тому же и цветы, что здесь опали,
И смоляные капли на дорогах,
Которые мешают нам ходить,

Должны везде быть убраны прилежно.
Покамест же велит природа нам
Вкусить отраду отдыха ночного».

И, в совершенной красоте своей,
Супругу Ева кротко отвечала:
«Творец и повелитель мой, всему,
Что ты велишь, без слов я повинуюсь;
Так повелел, устроил так Господь:
Он – твой закон, ты – мой; знать только это –
Для женщины – счастливейшее знание
И высшая ей в этом похвала.
Беседуя с тобой, я забываю
О времени и всяких переменах:
Все хорошо, лишь только б быть с тобой.
Мне сладостно и утра дуновенье,
И солнечный пленительный восход,
И пробужденных пташек щебетанье;
Люблю я солнца первые лучи
Над этою прекрасною страной,
Когда оно их от востока льет
На все цветы, плоды, траву, деревья,
Блестящие жемчужною росой;
И после теплых ласковых дождей
Люблю земли дыханье плодоносной;
Благословляю тихий, кроткий вечер,
Когда придет он, ночи тишину
И гимн ее поющей сладко птицы;
Благословляю дивную луну

Со звездной свитой – эти перлы неба;
Но ни дыхание утра, ни восход,
Ни песни пташек утренних, ни солнце
Над этую прекрасною страной,
Ни блеск росы на всех цветах и листьях,
Ни аромат земли, дождем вспоенной,
Ни вечера приход, ни тишина
Прекрасной ночи с гимном нежной птицы,
Ни звездный блеск, ни дивный свет луны –
Ничто, ничто мне без тебя не мило!
Но для чего они должны сиять
Всю ночь? Зачем их свет великолепный,
Когда все очи в мире сон закрыл?»

И отвечал ей наш всеобщий предок:
«О совершенство в образе жены,
Дочь Господа и человека, Ева!
От вечера до утренней поры
Они должны свой путь свершать в порядке
Вокруг Земли и от страны к стране,
К народам, хоть еще и не рожденным,
Нести свой свет; для этого они
На небесах восходят и заходят.
Необходимо это, чтобы в ночь
Тьма древняя не завладела снова
Своим господством прежним, истребив
Природу всю и все, что есть живого.
При том же эти нежные огни
Не только светят, а приветно греют,

Имеют разнородное влиянье.
Питают, увлажняют, умеряют
И придают всему, что на земле
Живет, способность воспринять полнее,
Что солнца луч могучий ниспошлет.
Вот почему они, хоть тьма ночная
Скрывает их порой, – не исчезают.
Не думай также, милая жена,
Что, если бы людей не стало в мире,
На небеса никто бы не взирал
И не хвалил бы Господа: мильоны
Созданий бестелесных на Земле
Живут вокруг, хоть нам они незримы,
Когда не спим мы и когда мы спим,
И созерцают, славя непрестанно,
И днем и ночью все Его дела.
Не слышали ль мы часто, как звучали
Со склонов откликающихся гор
Иль в чаще леса, в воздухе полночном,
Небесные над нами голоса,
По одному иль отвечая дивно
Друг другу пеньем во хвалу Творца?
Когда же здесь стоят они на страже
Иль странствуют во тьме ночной вокруг
Отрядами, их пенье раздается
В сопровожденьи звуков арф небесных,
В гармонию одну сливаясь с ними,
И песни эти разделяют ночь
И мысли наши к Небесам возносят».

Так говоря, они, рука с рукой,
К беседке подошли благословенной
Своей. То место выбрал сам Господь,
Когда все вещи строил Он на пользу
И наслаждение человека. Крыша
Беседки той составлена была
Из плотного сплетенья мирт и лавров
И прочих листьев, крепких и душистых;
И рос по обе стороны акант,
Зеленые же стены той беседки
Душистые высокие кусты
Образовали; все сорта прекрасных
Цветов росли там: ирис разноцветный,
Роскошнейшие розы и жасмин
Цветущими головками смотрели,
Мозаикой живых и нежных красок;
Внизу цвели фиалки, и шафран,
И гиацинт, беседки основание
Богатою каймою обрамляя
Пестрей и ярче всяких дорогих
Каменьев на эмблемах драгоценных.
В беседку ту не мог войти никто
Из тварей остальных – ни зверь, ни птица,
Ни червь, ни насекомое: мешал
Почтительный им страх пред человеком.
В такой беседке, тихой и святой,
В таком уединении благодатном,

Не спал, хотя бы в сказках, ни Сильван¹¹⁰,
Ни Пан, ни дикий фавн лесной, ни нимфа;
Здесь, в благодатном этом уголке,
Устроила себе невеста Ева
Впервые ложе брачное свое,
И хор небесный песню Гименея
Им пел в тот день, как нежный Ангел брака
Ее привел ко праотцу людей,
В нагой красе прекраснее Пандоры¹¹¹,
Принесшей миру все дары богов –
Принесшей в мир, увы, подобно Еве,
И много тяжких бед, когда Меркурий
Привел ее с высот небесных к сыну
Иапета¹¹² безрассудному; она
Красой своих очей людей пленила,
И Зевс жестоко отомстил тому,
Кто смел украсть его огонь священный.

¹¹⁰ *Сильван* – римский бог лесов.

¹¹¹ *Пандора* – прекрасная женщина, созданная из земли и воды Гефестом по приказанию Зевса и посланная к Эпиметею, брату Прометея, чтобы соблазнить его для отмщения Прометею. Пандора принесла с собой ларчик; когда обольщенный ею Эпиметей принял ее, она открыла ларчик, и оттуда на людей, покровительствуемых Прометеем, вылетели всякие бедствия; одна только надежда осталась в ларчике, крышку которого Пандора быстро захлопнула.

¹¹² ...к сыну *Иапета*... – Прометей – титан, сын Иапета; похитил с неба огонь, отнятый у людей Зевсом, и принес его людям; этим он возбудил гнев Зевса, который приковал титана к скале и велел орлу ежедневно клевать его печень. Так Прометей долго мучился, пока не пришел Геркулес, который убил орла и освободил титана.

И вот, придя в тенистый свой приют,
Они у входа стали, обернулись
И под открытым небом принесли
Хвалу Тому, кто создал землю, небо
И все вокруг, что видели они, –
И шар луны, вверху сиявший нежно,
И многозвездный темный небосвод.

«Ты сотворил и ночь, Творец Всесильный,
Ты сотворил и день, в который мы
Окончили свой труд определенный,
Счастливые и помощью взаимной,
И сладкою взаимностью любви,
Венчающей собой блаженство наше,
Которое Ты, Господи, нам дал!
Ты создал это радостное место.
Для нас двоих обширное чрезмерно, –
Для нас, которым не с кем разделить
Великое даров Твоих обилье –
Без потребления падают они!
Но обещал Ты нам происхождение
От нас народа, коим вся Земля
Наполнится, – и будет вместе с нами
Хвалить Он благодать вечную Твою,
Свершая ль бодро днем свой труд урочный
Иль, как теперь, вкушая дар Твой – сон».

Так молвили они единодушно;
Других они обрядов не имели,

Как обожанье чистое Творца,
Которое Ему всего угодней.
Затем в беседку, внутрь, они вошли,
Свободные от тяжести напрасной
Стеснительных одежд, что носим мы,
И рядом там легли, причем, конечно,
Адам не отвернулся от супруги
Пленительной своей; равно и Ева
Не отказала в соблюденье правил
Таинственных супружеской любви.
Пускай ханжи сурово рассуждают
О чистоте, невинности безгрешной,
Позоря как нечистое все то,
Что сам Господь наш объявляет чистым,
Что соблюдать иным Он сам велит,
А прочим позволяет; сам Создатель
Нам размножаться повелел, и тот,
Кто воздержанья требует, конечно,
Служитель Зла, Враг Бога и людей.
Хвала тебе, хвала, любовь супругов,
Таинственный закон, источник верный
Происхожденья рода человеков, —
Единственная собственность в Раю,
Где прочее все — общее владенье!
Прелюбодейство грубой плотской страсти
Ты исключила из среды людской,
Отдав его бессмысленным животным;
В тебе свою основу обрели
Разумные, законные, святые

И чистые все связи — долг, отца,
Детей и братьев; нет, тебя не буду
Я никогда греховною считать,
Достойною стыда иль порицанья,
Несвойственной святейшему из мест!
Источник вечный радостей семейных,
Ты чистотой их ложе облекаешь
Теперь, как в те былые времена,
Когда среди святых и патриархов
В обычай ты вошла; в тебе любовь
Свои святые стрелы мечет, светит
Своей лампадой вечной, расправляет
В тебе свои пурпурные крыла;
В тебе она царит и торжествует —
В тебе единой: нет ее в улыбках
Продажных тварей, в наслажденье грубом,
Случайном, равнодушном, в кратких играх
Любовных, в пошлых танцах, маскарадах,
Балах полночных или серенадах,
Где мерзнувший на улице любовник
К своей красоте гордой песню шлет,
А лучше бы ее с презреньем бросил.
Баюкаемы песнью соловьев,
Обнявшись, спали так Адам и Ева.
И розы на нагие их тела
С зеленой кровли падали обильно,
Чтоб новыми их утро заменило.
Спи, милая, блаженная чета!
Счастливейшей была б ты в этом мире,

Когда бы счастья высшего искать
Не стала ты и знала бы искусство
Не знать того, что Небом не дано!

И вот уже тенистый конус ночи
До половины путь свой совершил,
Покрыв собой подлунный свод обширный,
Когда из врат слоновой кости белой
В обычный час сторожевой отряд
Блестящих Херувимов вышел. Стройно
Они в порядок стали боевой,
И Гавриил ближайшему по чину
Сказал: «Из этой стражи, Узиил,
Возьми ты половину, чтобы с юга
Строжайшей сад охраной окружить,
Я ж с остальными к северу направляюсь;
На западе мы встретимся с тобой».

И разошлись они, огням подобны,
Одни – чтоб крепким Раю быть щитом,
Другие, как копье, готовы к бою.
Из своего отряда Гавриил
Избрал двух Духов, сильных и разумных,
К себе ближайших, и сказал им так:

«Итуриил, и ты, Зефон: скорее
Сад общите; все его углы
Исследуйте, особенно ж беседку,
Где эти два прекрасные созданья

Спать улеглись, не ожидая Зла.
Я вечером, перед заходом солнца,
Весть получил, что некий адский Дух
Пришел сюда (кто б это мог подумать?),
Из Ада ускользнув, конечно, с целью
Недоброю. Коль скоро вы его
Найдете, то, схватив, ко мне ведите».

Так молвил он и воинов лучистых
Своих повел, которые сияньем
Своим луны сиянье помрачали.
Другие же два Ангела к беседке
Отправились на поиски свои
И скоро там нашли, кого искали.
Он, скорчившись, как жаба, там сидел
Под ухом Евы, дьявольски стараясь
До органов ее воображенья
Достичь, чтоб, их работу возбудив,
Желанные иллюзии, виденья
И грезы ей различные внушить,
Иль, яд вдохнув, в особый цвет окрасить
Те испаренья, что от крови чистой
Восходят, как туман от ручейка,
Дабы они сложились нестройно
И недовольством возбудили ум,
Вселяя в нем напрасные надежды
И цели, необычные желанья,
Высокие намеренья и гордость.
Итуриил копьем своим слегка

Его коснулся, ибо ложь не может
Прикосновенья вынести небесной
Субстанции, не возвратив себе
Свой образ настоящий; и мгновенно
Враг, изумясь, что он открыт, вскочил.
Так искра массу пороха взрывает,
Которая, при вести о войне,
Отложена в запасном магазине,
И крошечное зернышко, внезапно
Раздувшись, воспламеняет воздух;
Так сразу Враг восстал во весь свой рост.
Поражены, невольно отступили
Два Ангела-красавца – так внезапно
Явился им ужасный адский царь, –
Затем к нему бесстрашно обратились:

«Кто из мятежных Духов, обреченный
На вечный Ад, осмелился сюда
Войти, покинув адскую темницу?
Зачем ты здесь, свой образ изменив,
Сидел, как Враг, у изголовья спящих?»

Им в ярости ответил Сатана:
«Как! Вы меня не знаете? Однако
Вы знали прежде, что я вам не ровня:
На высоту, где я сидел, не смели
Вы воспарить. Коль скоро вы меня
Не знаете, из этого лишь видно,
Как низменны вы сами – ниже всех

Из ваших полчищ; если ж вам знаком я,
То для чего вам спрашивать меня,
Излишними словами начиная
Послание ваше? Чтоб оно, пустое,
Как те слова, окончилось ничем?»

Ответствуя презреньем на презренье,
Ему Зефон немедля возразил:

«Не думай, дух мятежный, что свой образ
Ты сохранил, что он не помрачен
С тех пор, как в Небесах, святой и чистый,
Ты жил, и что узнать тебя не трудно.
Как только ты быть добрым перестал,
Ты славы той лишился, став подобен
Лишь преступленью своему и мраку
Тех мест, где ты томиться осужден.
Однако же иди за нами: должен
Ты, без сомненья, дать ответ тому,
Кто нас послал; долг на него возложен
Оберегать от всяких нападений
Весь этот край и этих двух – от Зла».

Так молвил Херувим. Отпор суровый,
При юношеской прелести его,
Подействовал с неотразимой силой.
Стоял, смущен и уничтожен, Дьявол
И чувствовал Добра все обаянье,
Всю чистой добродетели красу;

Он видел это и терзался горько
Своей утратой; более ж всего
Он тем был опечален, что другие
Заметили, как изменился он.
Но все-таки не показал он вида
Смушенья или страха и сказал:

«Что ж, если биться должен я, то лучший
Пусть бьется с лучшим – с тем, кто вас послал,
А не с послами иль со всеми вместе:
Тогда я больше славы получу
Иль меньше потеряю».

«Этот страх твой, –
Ему Зефон отважно возразил, –
Лишь избавляет нас от испытанья,
Которое могло бы показать,
Что может сделать даже самый слабый
Один противу грешника, который
Бессилен потому, что грешен он».

Враг промолчал, весь яростью объятый;
Без слов вперед немедленно он шел.
Так гордый конь обузданный ярится,
Грызя свои стальные удила.
Бежать считал напрасным он: от страха
Пред Вышним у него сжималось сердце,
Хоть больше ни пред кем он не дрожал.

И скоро уж пришли они на запад,
Где, полукруг свой обойдя, сошлись
Две стражи и, сомкнувшись, стояли,
Дальнейших приказаний ожидая.
И громко возгласил им Гавриил:

«Друзья, я слышу топот ног поспешных,
Идущих к нам, и сквозь ночную тьму
Итуриила и Зефона вижу,
А с ними кто-то третий там идет
С осанкой гордой, царственной, хоть тусклым
Является его высокий образ.
По облику его и по походке
Я в нем Владыку Ада узнаю;
Едва ли он уйдет от нас без боя.
Итак, держитесь твердо: у него;
В очах я гордый вызов замечаю».

Едва он кончил, подошли к нему
Два Ангела и вкратце рассказали,
Кого они с собою привели,
Где найден он и за каким занятием,
Какой имел он вид и как сидел.
Взглянув сурово на него, промолвил
Тут Гавриил: «Как смел ты, Сатана,
Предел нарушить, за твои деянья
Предписанный тебе, и помешать
Святому исполнению долга теми,
Кто, не греша, как ты, имеет силу

И право спросить тебя: зачем
Вошел ты в это место и, как видно,
Намерен был нарушить мирный сон
Тех, кто живет блаженно волей Бога?»
Ему сказал с презреньем Сатана:
«Ты, Гавриил, считался в Небе мудрым,
И сам тебя считал я таковым,
Но твой ответ внушает мне сомнение.
Кто в мире любит муку и печаль?
Кто, если он сумел найти дорогу,
Не вырвался б из Ада, хоть и был
К нему он присужден? И ты, конечно,
Сам поступил бы так, как я; ты стал бы
Искать подальше от мучений места,
Надеясь отдых там себе от них
Найти, увидеть радость вместо горя.
Для этого и я сюда пришел.
Тебе, быть может, это непонятно:
Ты Зла не испытал, а ведал только
Одно Добро. Ты ставишь мне в вину,
Что смело я Того нарушил волю,
Кто наказал нас, – пусть же Он запрет
Железные свои затворы крепче,
Коль хочет вечно нас держать во тьме.
Вот все, что я отвечу. Остальное
Все верно: я действительно был там,
Где найден, как рассказывали эти, –
Но в этом ни насилья нет, ни Зла».

Так молвил он во гневе. Воин-Ангел
Презрительно ему, с усмешкой легкой,
На объяснение это отвечал:
«Какая жалость! Небо потеряло
Прекрасного о мудрости судью
С тех пор, как изгнан Сатана, который
От глупости своей так пострадал!
Теперь вернулся он, бежав из плена,
И выражает нам свои сомненья,
Насколько мудры те, кто вопрошает,
Как смел из Ада он прийти сюда,
Не получив на это разрешения.
Столь мудрым он свое считает бегство
От справедливой кары и от мук.
Что ж, рассуждай как знаешь: ты увидишь,
Что гнев, который на себя навлек
Ты этим бегством, всемеро отмерит
Тебе за это и прогонит в Ад
Тебя со всею мудростью твоею,
Которая еще не поняла,
Что нет тех мук, которые могли бы
Насытить бесконечный Божий гнев,
Столь безрассудно вызванный тобою.
Но почему же ты пришел один?
Зачем весь Ад не вырвался с тобою?
Иль муки прочих меньше, чем твои?
Иль, может быть, тебе сносить страдания
Трудней, чем им? О мужественный вождь,
Бежавший первым от своих страданий, —

Когда б ты объяснил причину бегства
Тем воинам, которых ты покинул,
То, верно бы, бежал ты не один!»

Нахмурясь мрачно, Враг ему ответил:
«Бесстыдно насмехающийся Ангел!
Ты знаешь, что умею я сносить
Страдания ничуть других не хуже;
Ты знаешь сам, как крепко я стоял
В бою, в котором гром к тебе на помощь
Пришел и поддержал твое копье,
Без этого не страшное нimalo!
Из слов твоих, как прежде, вижу я,
Насколько ты в делах войны несведущ:
Не понимаешь ты, что верный вождь,
Недавно потерпевший неудачу,
Не станет всею силой рисковать,
Сначала сам опасность не измерив.
Для этого решился я один
Перелететь ужасную пустыню,
Чтоб высмотреть вновь сотворенный мир,
О коем Ад был полн различных слухов,
Надеясь лучший здесь найти приют
Для войск моих, измученных борьбою, —
Здесь, на земле, иль в воздухе вверху, —
Хотя б пришлось из-за владений новых
Еще раз испытать, что можешь сделать
Ты со своею всей нарядной ратью,
Которая пригодна лишь на то,

Чтоб вашему услуживать Владыке
На Небесах да сладко гимны петь,
Перед Его престолом пресмыкаясь,
На честный же едва ль способна бой».

Ему ответил быстро Ангел-воин:
«Сказать и тут же взять слова назад,
Назвать разумным бегство от страданий
И тут же в оправданье привести
Желанье отыскать приют для войска –
Все это обличает не вождя,
А гнусного лжеца, чья ложь открыта!
Себя ты смеешь верным называть –
Ты, Сатана? Какое осквернение
Святого слова – верность! Но кому ж
Ты верен был? Своей мятежной шайке?
Толпе врагов? По телу и глава!
Из верности ль и твердой дисциплины,
Из долга ли присяги боевой
Вы отказали все в повиновении
Той Высшей Силе, признанной всем миром?
И ты, ханжа коварный, что теперь
Желаешь покровителем свободы
Казаться, – разве ты не больше всех
Вилял когда-то в Небе, пресмыкался
И обожал Небесного Царя,
В себе надежду тайную скрывая
Царить, Его низвергнув, самому?
Но вот что я скажу тебе, обманщик:

Беги туда, откуда ты бежал,
Иль, если ты еще в течение часа
Покажешься в святых пределах этих,
Тебя я, в яму адскую в цепях
Низвергнув, припечатаю так крепко,
Что больше ты не будешь преступать
Затворов, для тебя чрезмерно слабых».

Так он грозил, но Сатана, угроз
Не убоясь и яростью пылая
Еще сильней, надменно возразил:
«Ты о цепях тогда толкуй, надменный
Привратник-Херувим, когда я буду
Твой пленник; впрочем, ранее того
Тягчайшее почувствуешь ты бремя
От рук моих сильнейших, хоть и носишь
Ты на крылах Небесного Царя
И с равными тебе, к ярму привыкнув,
Впрягаешься охотно в колесницу
Победную, в которой, торжествуя,
Он шествует по звездной мостовой».

Пока он это говорил, зарделся
Огнем пурпурным ангельский отряд
И полукругом, точно полумесяц,
Сомкнулася фаланга, наклонив
Ему навстречу копья. Так Цереры
Густое поле, зрелое для жатвы,
Волнуясь, груз колосьев наклоняет

Туда, куда их бурный ветер гнет,
А земледелец мучится тревогой,
Боясь, чтоб вместо зерен дорогих
Для молотьбы солома не осталась.
С другой же стороны, готовый к бою,
Стоял, собрав все силы, Сатана,
Отважно размахнувшись, неподвижный,
Громадный, как Атлант иль Тенериф.
Он упирался в тучи головою,
На шлеме у него пернатый ужас
Грозою веял, а в руке он нечто
Похожее в одно и то же время
На щит и на громадное копье,
Сжимал. Дела ужасные могли бы
Свершиться здесь: не только б Рай погиб,
Но, может быть, и звездный свод небесный
Крушенье б потерпел, и все стихии
Смешались бы в ужасном столкновеньи,
Когда б Предвечный не предупредил
Ужасную ту битву, золотые
Весы свои поставив в Небесах,
Которые мы видим ныне между
Астреею и Скорпионом; Он
На тех весах все взвешивал созданья
Свои, когда творил, — и шар земной,
И воздух, чтоб дать им равновесье,
Впоследствии ж все взвешивал события,
Сраженья все и царства; и теперь
Две тяжести на тех весах Он взвесил:

Последствия от бегства Сатаны
И, против них, исход той страшной битвы,
И быстро вверх взвилась вторая чаша
Под коромысло. Гавриил, узрев
То знаменье, сказал Врагу поспешно:

«Твою я силу знаю, Сатана,
Как знаешь ты мою. Та и другая –
Не наши: Небом нам они даны.
Итак, безумно было б нам гордиться
Тем, что оружием можем сделать мы:
Не больше это, чем позволит Небо
Тебе иль мне, хоть я теперь вдвойне
Могуч, чтоб в грязь втоптать тебя. Чтоб в этом
Ты убедился, посмотри туда,
Прочти свой жребий в знаменьи небесном,
Где взвешен ты; там видно, как ты легок.
Как будешь слаб, сопротивляясь мне».

Враг посмотрел, свою увидел чашу,
Поднявшуюся вверх, – и больше спорить
Не стал; бежал он с ропотом глухим,
И с ним бежали все ночные тени.

Книга пятая

Содержание

Приближается утро. Ева рассказывает Адаму свой беспокойный сон; ему этот сон не нравится, но он ее утешает. Затем они переходят к своим ежедневным работам. Их утренний гимн при входе в их беседку. Бог, чтобы отнять у человека возможность оправдываться, посылает Рафаила с целью увещевать его быть покорным, объяснить ему его свободу и указать на близость Врага – кто этот Враг и каков он и вообще все, что полезно знать Адаму. Рафаил нисходит в Рай; описывается его наружность. Адам, сидя у входа в свою беседку, издали видит его, идет к нему навстречу, приводит в свое жилище и угощает лучшими плодами, собранными Евой. Беседа их за столом. Рафаил исполняет данное ему поручение, рассказывая Адаму о его положении и о его Враге; по просьбе Адама он разъясняет, кто этот Враг и как он сделался таковым, начиная от первого его возмущения на Небесах и о поводе к этому возмущению: как он удалился со своими легионами на север и там убедил их восстать вместе с ним, причем соблазнил всех, кроме Абдиила, который сначала пытался отсоветовать его от этого предприятия и спорил с ним, а затем покинул Сатану.

Едва с востока утро золотое
Приблизилось на розовых стопах,
Жемчужною росой обрызгав землю, –
Как уж Адам проснулся, ибо сон
Имел он легкий, порожденный чистым
Пищевареньем, испареньем нежным
От скромной пищи; шелеста листов
Иль шепота ручья под нежной дымкой
Тумана предрассветного, когда
Аврора хочет распусть свой веер,
Иль пенья пташек утренних в кустах
Довольно было, чтобы он проснулся.
Тем более он удивлен был, видя,
Что Ева не проснулась: беспокойно
Она дышала, кудри разметав,
С горящими щеками. Приподнявшись,
Влюбленным взором, с нежностью сердечной,
Смотрел Адам на эту красоту,
Которая и в сне и в пробужденьи
Была особой прелести полна.
Затем он кротким голосом, подобно
Зефиру, обвевающему Флору¹¹³,
Ее руки коснувшись, сказал:

«Проснись, моя красавица-супруга,
Последняя, бесценная находка,

¹¹³ *Флора* – римская богиня цветов, отождествляется с греческой Хлоридой, супругой *Зефира*, бога западного ветра.

Последний, самый лучший дар Небес,
Мой друг и вечно новая мне радость!
Проснись! Смотри: уже сияет утро,
И нас зовут уж свежие поля;
Встань, чтобы нам не пропустить восхода,
Чтоб посмотреть, как пышно уж взошли
Посадки наши нежные, как дивно
Лимонная вокруг роща расцвела,
Что каплет с мирры и с травы душистой,
Как все природы краски хороши,
Как на цветке пчела уже уселась
И сладкий сок старается извлечь!»

Так он шептал – и разбудил супругу;
Она же, взор со страхом на него
Уставив и обняв его, сказала:
«О ты, один, в ком думы все мои!
В ком слава вся моя, все совершенства!
Как рада видеть я твое лицо,
Как рада я, что утро возвратилось!
Ах, в эту ночь (такой еще доньше
Не знала ночи я) не о тебе
Я грезила, как прежде, – если точно
Все то, что мне приснилось, были грезы;
Я грезила не о работах дня
Минувшего, не о труде на завтра, –
Обида и смятение снились мне,
Каких до этой ночи беспокойной
Не знала я. Послышалось мне вдруг,

Что кто-то, наклонясь мне близко к уху,
Зовет меня – так ласково – гулять;
Я думала, что это твой был голос.
Он говорил: встань, Ева; что ты спишь?
Так хорошо теперь, прохладно, тихо;
Молчанье нарушает лишь одна
Ночная птица нежная, что в сладком
Томленьи песню страстную поет;
Луны лик полный царственно сияет
И теням ночи прелесть придает.
И для чего? Никто того не видит;
Лишь небо смотрит тысячью очей;
Но на кого смотреть природа жаждет
Всего охотней, как не на тебя,
Чей вид – всем радость, всем очарованье,
Чья красота влечет к себе весь мир?
На этот зов – как будто твой – я встала,
Но не нашла тебя; и я пошла
Тебя искать; одна блуждала долго
И по путям каким-то вдруг пришла
Я к Дереву запретному познания.
Оно прекрасным показалось мне –
Прекрасней, чем я днем его видала,
И я смотрела на него, дивясь.
Тут кто-то рядом стал со мной – крылатый,
Подобный видом жителям Небес,
Которые являлись нам с тобою;
С его кудрей струился аромат
Амброзии. И он смотрел на древо.

– О дивное растение, – молвил он, –
Как ты плодами чудными богато!
Ужель никто тебя не облегчит
От бремени такого – не захочет
Никто отведать сладости твоей?
Никто – ни Бог, ни человек? Ужели
Познание так должны мы презирать?
Что тех плодов вкусить мешает? Зависть
Иль осторожность тот запрет внушила?
Но запрещай кто хочет: никому
Не дам я отстранить меня отныне
От благ, тобой предложенных, – затем
Ты и растешь. И тут, не медля боле,
Отважную он руку протянул
И, плод сорвав, его отведал. Ужас
Сковал меня при дерзких тех словах,
Поддержанных таким же дерзким делом,
А он возликовал: о дивный плод
Божественный! Сам по себе ты сладок,
Но вдвое слаще, сорванный так смело!
Мне кажется, что здесь он запрещен
Лишь потому, что для богов он нужен
Иль может превратить людей в богов!
И почему ж не превратиться людям
В богов? Добро, чем более оно
Распространится, тем обильней станет;
Тем не унижен будет и Творец,
А лишь получит более почета.
Приди ж и ты, счастливое создание,

Прекрасное, как Ангелы Небес, –
Воспользуйся и ты плодом тем, Ева!
Блаженна ты – еще блаженной станешь,
Хоть и не станешь лучше, чем была.
Вкуси плода и будь с тех пор богиней
Среди богов; не только на земле
Ты будешь жить, а воспаришь и в воздух,
Подобно нам; потом и в Небеса
Проникнешь ты, как это заслужила;
Увидишь ты, как боги там живут,
И заживешь там и сама, как боги.
Так он сказал, и ближе подошел,
И часть плода, которым так отважно
Он овладел, к устам моим поднес.
Приятный, вкусный аромат так сильно
Тогда мой голод возбудил, что мне
Казалось невозможным не отведать
Плода, – и я отведала его.
И вдруг я с ним под облака взлетела
И видела, как подо мной Земля
Простерлась вдаль и вширь неизмеримо,
Открыв разнообразные виды;
И я дивилась своему полету
И возвышенью дивному. Но вдруг
Исчез мой спутник, я же вниз упала
И погрузилась вновь в глубокий сон.
О, как теперь я рада, что проснулась
И что все это было лишь во сне!»

Так рассказала Ева все, что было
С ней ночью. Грустно молвил ей Адам:

«Друг милый, совершеннейший мой образ
И половина лучшая моя!
Не менее, чем ты, и я взволнован
Тревогами твоими в эту ночь,
И весь твой сон не нравится мне странный:
Боюсь, что происходит он от Зла.
Откуда бы, однако, Злу явиться?
В тебе его быть не могло: ты чистой
Сотворена. Но знай, что есть в душе
Способностей немало низших; разум –
Их вождь, а вслед за ним воображение
Владеет ими. От предметов внешних,
Которые пять чувств во время бдения
Воспринимают, создает оно
Нам образы – воздушные виденья;
Соединяя их иль разделяя,
Наш разум строит все, что утверждать
Иль отрицать мы можем, образуя
То, что зовется знаньем или мнением;
Когда ж природа отдыхает, он
В свое жилье отдельное уходит.
И вот порой, в отсутствие его,
Ему воображение подражает,
Но, образы некстати съединив,
Смятенье лишь нередко производит –
Особенно во снах, – в словах и деле

Перемешав прошедшее с позднейшим.
Мне кажется, подобное же сходство
Я нахожу меж этим сном твоим
И нашею беседой накануне,
Хотя и с неким странным прибавленьем.
Но не грусти о том: нередко Зло
Приходит Богу или человеку
На ум и, не одобрено, опять
Уходит прочь, не оставляя вовсе
Ни пятен, ни ущерба за собой.
Так и теперь питаю я надежду,
Что то, чего страшилась ты во сне,
Ты наяву решительно отвергнешь.
Не бойся же, не омрачай печалью
Ты этот взор, который должен быть
Яснее и приветливей, чем утро,
Улыбкою встречающее мир!
Пойдем теперь к занятиям нашим новым
Меж свежих рощ, фонтанов и цветов,
Открывших выход лучшим ароматам,
Которые в них накопила ночь
Тебе на утешенье и на радость!»

Так ободрял он милую супругу,
И вскоре успокоилась она,
Но все ж из глаз стряхнула по слезинке,
Их поспешив кудрями отереть.
Другие ж драгоценные две капли,
Которые стояли в тех очах,

Как в хрустале прозрачном, поцелуем
Он снял как знак ее печали нежной
И страха пред грозившим ей грехом.
Так прояснилось все, и снова дружно
Они стремятся в поле; но сперва,
При выходе из-под тенистой крыши,
Когда блеснул пред ними свет дневной
И показалось солнце, лишь недавно
Взошедшее над краем океана,
Послав свои росистые лучи
Вдоль по Земле, во весь восток широкий,
К полям счастливым Рая и Эдема,
Они склонили головы свои
И начали обычные молитвы,
Которые, как утреннюю дань,
Они всегда усердно возносили
В различной форме. Слов разнообразье,
Как и восторг священный, украшали
Непроизвольно их хвалу Творцу;
Сама собой у них слагалась песня
И красноречье сладкое лилось,
С их уст легко то прозой, то стихами,
Звучнее лютни или арфы нежной:

«Твои все это славные дела,
Отец добра, Владыка Всемогущий!
Твое создание этот чудный мир, –
О, как же должен сам Ты быть чудесен!
Неизреченный, выше всех Небес

Ты восседаешь; Ты для нас невидим,
Иль слабо лишь Тебя мы узнаём
В делах Твоих малейших, — но и в этом
Твоя нам благодать вечная видна,
Которая превыше наших мыслей,
Как вечное могущество Твое!
О, говорите те, кто лучше может,
Чем мы, Его поведать, — дети света,
Вы, Ангелы! Вы видите Его,
Вы славите Его вокруг престола
Святой небесной песнью день и ночь!
Вы, на Земле и Небе все создання,
Соединитесь, чтоб Его хвалить!
Пусть в той хвале Он первый, и последний,
И средний будет — вечно, без конца!
И ты, из звезд прекраснейшая, ночи
Последнее звено иль, лучше, первый
Восхода вестник, верный дня залог,
Венчающий кружком своим блестящим
Улыбку утра, восхваляй Его
В своей ты сфере в сладкий час рассвета!
И ты, о солнце, око и душа
Вселенной, громко о Его величьи
Свидетельствуй, звучи Ему хвалой
В своем теченьи вечном — при восходе,
На высоте зенита, на закате!
И ты, луна, которая то солнце
Встречаешь при восходе, то бежишь
С толпою неподвижных звезд, влекомых

Движеньем и вращеньем небосвода,
И вы, пять прочих странствующих звезд,
Свершающих таинственный свой танец
В гармонии чудесной, воспевайте
Хвалу Тому, Кто свет воззвал из тьмы!
Ты, воздух, вы, все прочие стихии,
Старейшее рожденье недр природы, –
Вы в непрерывном беге четверном,
В смешении своем разнообразном
Дающие питание всем вещам, –
Всегда Творца великого хвалите!
Вы, влажные туманы и пары,
Что серыми вздымаетесь волнами
С дымящихся озер иль с гор высоких,
Пока вас солнце не позолотит, –
Вздымайтесь в честь Создателя вселенной,
Чтоб свод небесный тучами одеть
Иль пасть дождем на жаждущую сушу
И тем хвалу Великому воздать!
Вы, ветры, с четырех углов вселенной
Несущие дыхание свое, –
Его хвалите тихо или громко!
Вы, сосны исполинские, качайте
Вершинами и с вами все растения,
Главу свою склоняя перед Ним!
Вы, ручейки, в своем журчащем беге
Прозрачных струй мелодией живую
Гремящие, – Его хвалите вы!
Вы, все живые души в этом мире,

Свои соедините голоса!

Вы, птицы, чьи восходят песнопенья
До врат небесных, — на своих крылах
К Нему свою хвалу вы возносите!

Вы, твари все, скользящие в воде,
Иль по полям шагающие статно,
Иль по земле ползущие внизу, —
Свидетелями будьте — воспевали ль

Ему хвалу мы вечером и утром,
В долинах, на холмах иль у ручьев
В тени деревьев, дабы Его прославить!
Хвала Тебе, Владыка всей вселенной!

О, будь столь благ, чтоб дать нам лишь добро!
И если Зло к нам в эту ночь прокралось,
Рассей его, как свет рассеял тьму!»

Так оба, непорочные, молились,
И в мысли их мир прочный низошел,
И обрели они покой желанный.
Затем они к своей работе сельской
Спешат, меж трав росистых и цветов,
Туда, где плодоносные деревья
Свои чрезмерно ветви распростерли
И где была нужна работа рук,
Чтоб помешать излишнему сплетенью,
Иль где потребно было винограда
Обвить вокруг ильма: нежно, как супруга,
Он обнял крепкий мужественный ствол
И кисти вокруг росистые развесил,

Плодом усыновленным украшая
Его сухие ветви. Милосердно
Взирал на них великий Царь Небес.
И вот к Себе призвал Он Рафаила,
Общительного духа, что когда-то
Сопровождал Товию¹¹⁴ и его
От смерти спас в опасном браке с девой,
В замужество вступавшею семь раз.

«Ты слышал, Рафаил, – сказал Предвечный, –
Что Сатана, из Ада ускользнув
И долгий путь пройдя сквозь бездну мрака,
Творит в Раю, – как ночью он смущал
Чету людей, как в их лице намерен
Он разом погубить весь род людской.
Иди ж и проводи как друг в беседе,
В Раю с Адамом половину дня.
Его ты встретишь там в тени беседки,
Куда, чтоб зной полудня переждать
И отдохнуть там от труда дневного,
А также чтоб поесть или уснуть,
Придет он. Поведи свою беседу
Так, чтобы понял он, сколь он блажен
И что блаженством этим он владеет
Вполне свободно, волею своей;
Скажи ему, что так как эта воля
Свободна, то изменчива она;

¹¹⁴ ...Рафаила, общительного духа, что когда-то сопровождал Товию... – см. примеч. к с. 117.

Остереги его, дабы не слишком
Себя он в безопасности считал;
Открой ему, напротив, всю опасность
И от кого ему она грозит;
Открой ему, кто Враг его, который
Отпал недавно от Небес, а ныне
Стремится, чтоб другие точно так,
Как он, свое утратили блаженство.
Насильем? Нет, в том встретит он преграду:
Коварством, ложью действовать он будет.
Об этом всем дай человеку знать,
Чтоб он, по воле собственной нарушив
Святой завет, не мог потом сказать,
Что был застигнут он врасплох, что не был
Предупрежден иль предостережен».

Так говорил ему Отец наш Вечный
И тем всю справедливость совершил.
Святой же Ангел, выслушав веленье,
Его немедля начал исполнять.
Средь тысячи блестящих Духов Неба,
Стоял он, крылья пышные свои
Сложив вокруг себя; легко вспорхнул он
Из их среды и быстро полетел
Сквозь Небеса; все ангельские хоры
Повсюду расступились перед ним,
Путь открывая через эмпиреи.
Вот он домчался до небесных врат,
И перед ним они раскрылись сами

На золотых своих петлях — так дивно
Божественный их Зодчий сотворил.
Ни облачком, ни звездами отсюда —
Ничем его не заслонялся взор,
И Землю он перед собой увидел,
Хоть малую казалась она,
Подобная другим блестящим сферам, —
Узрел на ней и Божий сад, и кедры,
Венчавшие высокие холмы.
Ее ясней он различал, чем ночью
Мог Галилей, смотря в свое стекло,
Увидеть то, что он считал за страны
И области на светлом лунном диске,
Ясней, чем лоцман видит средь Циклад
Пятном туманным Самос или Делос,
Вдали встающий. Наклонясь вперед,
Летит он быстро сквозь эфир небесный
Среди миров; вот рассекает он
Полярный ветер быстрыми крылами;
Вот реет он уж в воздухе земном
На высоте орлиного паренья,
И на него вокруг дивятся птицы:
Он фениксом является меж них¹¹⁵
Единственным, который, пепел свой
Неся, летит в египетские Фивы,

¹¹⁵ ...Он фениксом является меж них... — Феникс — мифическая птица египтян, которая через каждые 500 лет, когда умирал ее отец, прилетала в храм солнца, чтобы схоронить там пепел отца, положенный в яйцо из аравийской смолы.

Чтоб схоронить его во храме солнца.
Вот он уже спустился на утес
Восточный Рая, образ свой обычный
Приняв: шестикрылатый Серафим,
Со всех сторон он осенен крылами,
Из коих два, с его широких плеч
Спускаясь, пышной мантиею царской
Ему роскошно одевали грудь,
Другие два легли, как звездный пояс,
Вкруг чресл его, покрывши их и бедра,
Как разноцветный золотистый пух,
А третья пара покрывала ноги,
От пяток исходя, кольчугой нежной
Из перьев, светлых, как лазурь небес.
Так он стоял, подобный сыну Майи¹¹⁶,
И оперенье отряхал свое,
Небесное вокруг благоуханье
Распространяя. Ангелы, на страже
Стоявшие, тотчас его узнали
И с почестями встретили его,
Согласными с его высоким саном
И порученьем Господа ему:
Им было ясно, что за неким делом
Великим он ниспослан. Их шатры
Блестящие он миновал и вскоре
Вошел в благословенные поля
Чрез рощи мирры, кассии и нарда,
Струившие бальзам из всех цветов;

¹¹⁶ *Майя* – дочь Атланта, у которой от Зевса родился Гермес (Меркурий).

Здесь роскошью безумною природа
Блистая в первой юности своей,
И девственной фантазией играла,
И расточала сладости вокруг
Без всякого числа и без расчета.
Адам увидел издали его
Сквозь лес душистый, сидя у беседки
В тени, при входе; солнце в этот час,
В зенит поднявшись, жаркими лучами,
Казалось, проникало в глубь земли
И согревало даже свыше меры.
Внутри ж беседки Ева в это время
Готовила обед из разных сочных
Плодов, дающих аппетит здоровый,
И, чтобы жажду утолить, питье
Из сладких соков, молоку подобных,
Различных ягод и из винограда.
Ее окликнул радостно Адам:

«Иди сюда, смотри скорее, Ева!
Вот вид, достойный зренья твоего!
Смотри, какое чудное виденье
Подходит к нам по этому пути, –
Как будто бы второе солнце в полдень
Взошло! Быть может, новую приносит
Нам заповедь небесный тот посол
И удостоит нас быть нашим гостем.
Иди же – все, что лучшего в запасе
Имеешь ты, обильно собери,

Чтоб с честью принят был небесный странник.
Прилично нам даятелю воздать
Его деяньем, щедро уступая,
Что щедро нам дано; природа здесь
Роскошно множит рост свой плодоносный,
И чем ее мы больше облегчим
От бремени, тем даст плодов нам больше:
Она велит запасов не жалеть!»

«О мой Адам, — ему сказала Ева, —
Комок земного праха, освященный
И одухотворенный Богом! Малый
Достаточен запас, когда вокруг
В любое время и на каждой ветви
Висят повсюду зрелые плоды,
За исключением разве тех, что лучше
Становятся от сохранения, или
Тех, коих сок чрезмерно водянист
И от брожения портится. Однако
Я поспешу сорвать со всех деревьев,
Со всех растений самый лучший выбор
Плодов и сочных овощей, чтоб мог
Гость ангельский наглядно убедиться,
Что на Земле свои рассыпал блага
Бог столь же щедро, как и в Небесах».

Так говоря, поспешно обратилась
К своим делам хозяйственным она,
Полна забот, чтоб выбрать угощение

Как можно лучше и в таком порядке,
Чтоб вкус один другому не вредил,
Чтоб кушанья не портили друг друга,
Плохим соединеньем, но, напротив,
Ласкали б вкус приятной чередой.
Итак, она старается, срывая
Со всех ветвей все, что дает Земля,
Мать общая, – что в Индии Восточной
Иль Западной она приносит нам,
На берегах Понтийских или Пунийских¹¹⁷
Иль там, где Алкиной¹¹⁸ царил, – плоды
Возможных всех сортов – то с жесткой кожей,
То с мягкой, то с длинно-волосистой,
То в скорлупе – и щедрою рукой
Все ставит их на стол; а для напитков
Искусно выжимает виноград
И безобидный муст готовит, также
Разнообразных ягод сладкий сок
И молоко растительное, ловко
Плодов различных косточки разбив.
Есть у нее и чистые сосуды
Для этих всех напитков. Наконец
Спешит она душистыми ветвями
И розами устлать беседки пол.

¹¹⁷ ...На берегах Понтийских или Пунийских... – Понт – область малоазийского побережья Черного моря, и побережье Карфагена (берега Пунийские) славились своим плодородием.

¹¹⁸ Алкиной – царь феаков, радушно принявший у себя Одиссея («Одиссея», глава 12).

Меж тем великий праотец наш общий,
Поднявшись, пошел навстречу гостю,
Неся богоподобному привет.
Он шел один, без всякой свиты, кроме
Своих природных совершенств: он сам.
В себе самом носил свой сан высокий,
Торжественней, чем скучная вся пышность
Князей, с их длинной свитою коней,
Ведомых за узду, и слуг в одеждах,
Покрытых златом, чтобы ослепить
Толпу, на них взирающую жадно.
Приблизившись, Адам хотя без страха,
Но с кротким подчиненьем и почтеньем
Склонился перед высшим существом
И молвил: «Ты, я вижу, небожитель:
Не кто иной, как жители Небес,
Не обладает образом столь дивным;
И так как ты с престола в Небесах
Сошел сюда в блаженные селенья,
Своим их посещением почтив,
То удостой у нас двоих, которым
Всевышний дал край этот во владенье,
Провести отдохновения часы
В тенистой той беседке и отведать
Все то, что сад нам лучшего дает,
Пока спадет полудня зной великий
И солнце, ниже к западу сойдя,
Нам принесет желанную прохладу».

И доблестный ответил Ангел кротко:
«Адам, затем сюда я и пришел;
Притом ты создан так и обитаешь
В таком блаженном месте, что достоин
К себе небесных Духов приглашать.
Пойдем с тобою в тень твоей беседки;
Весь день, пока к нам вечер не придет,
Я быть могу с тобой». И вот в древесный
Приют они пришли, который им,
Как дерево Помоны¹¹⁹, улыбался
И ароматом сладостным дышал;
Его собою украшала Ева,
Одетая лишь собственной красой,
Прекраснее стократ, чем Нимфы леса
Иль три богини, в наготе своей
На древней Иде спорившие гордо¹²⁰.
Приветствуя посланника Небес,
Она нужды в одежде не имела,
Как добродетель чистая, и мысли
Нескромные не красили ланит.
Ей Ангел произнес привет священный –
Такой, который много лет спусть
Услышала Пречистая Мария,
Вторая Ева: «Радуйся, о мать
Людского рода! Плодоносным чревом

¹¹⁹ *Помона* – римская богиня древесных плодов.

¹²⁰ ...*три богини, в наготе своей на древней Иде спорившие гордо*... – Афродита, Гера и Афина, предложившие Парису судить, кто из них прекраснее.

Своим ты миру больше дашь сынов,
Чем эти все плоды разнообразных
Древес Господних на твоём столе!»

Обширный стол составлен был из дерна.
Сиденья были мшистые вокруг,
А на столе обильно возвышалось
Все то, что осень щедрая дает:
Здесь, впрочем, и весна и осень дружно
В дарах участие принимали. Краткий
Перед обедом велся разговор,
Без опасенья, что обед простынет;
Затем сказал наш праотец: «Небесный
Наш гость, отведай разнородных благ,
Которые Земля дает без меры
На пропитанье и в усладу нам
По повеленью нашего Кормильца,
От Коего исходит все добро.
Быть может, пища эта и безвкусна
Для Духа, но другой не знаю я:
Ее лишь всем дает Отец Небесный».
Ему ответил Ангел: «Потому
То, что дает Он (да поется вечно
Хвала Ему!) на пищу человеку,
Который сам отчасти также Дух,
Пригодно в пищу и чистейшим Духам,
И требует подобной чистой пищи
Бесплотное настолько ж существо,
Как существо разумное людское.

В том и другом немало низших есть
Способностей и чувств; то и другое
Способно видеть, слышать, обонять
И осязать, имеет вкус и в тело,
Переварив, употребляет пищу,
А после, превращенье претерпев,
Телесное становится духовным.
Знай: все, что Богом создано, должно
Поддерживаться пищей; элементы
Грубейшие тончайшим на питанье
Идут: земля собой питает воду,
Вода и суша – воздух; воздух кормит
Собой огни небесные, и низший
Из них – луну; когда на лунном лике
Ты видишь пятна, это след нечистых
Паров земных, которые еще
В субстанцию луны не превратились.
И месяц также испаряет пищу
С сырого шара в высшие миры:
А солнце, всем им свет свой уделяя,
Питается от влажных их паров
И каждый вечер трапезу вкушает,
Спускаясь в океан. Хоть в Небесах
Амброзией цветут деревья жизни
И нектара исполнен виноград,
Хоть каждый день мы утром собираем
Со всех ветвей медовую росу
И перлами усеяна там почва,
Но Бог и здесь, по благости Своей,

Рассыпал столько новых наслаждений,
Что можно их с небесными сравнить.
Поэтому не думай, что способен
Твоим я угощением пренебречь».

Затем, за стол усевшись, приступили
Они к еде; и Ангел также ел —
Не кажущимся образом, для виду,
Как богословы любят толковать:
Он обнаружил настоящий голод
И с аппетитом пищу поглощал,
Дабы ее усвоить; проникает
Она легко и быстро в тело духов.
И удивляться этому нельзя,
Коль скоро мы припомним, что алхимик
Огнем углей коптящих превращает —
Иль думает, что может превратить, —
Металлы, из руды простой и грязной
Добытые, в сверкающее золото.
Нагая Ева, за столом служа,
Им сладостями кубки наполняла.
О милая невинность, райской сени
Достойная! Теперь, как никогда,
Заслуживать могли бы извиненья,
В тебя влюбившись, Божии сыны!
Но в их сердцах любовь без страсти плотской
Царила; ревность им была чужда,
Которую любовник оскорбленный

Терзается, в ней Ад свой находя.
Когда ж они питьем и вкусной пищей
Насытились, себя не отягчив, –
Тотчас же мысль явилась у Адама –
Не упустить благоприятный случай
Беседы этой важной, чтоб узнать
Побольше о делах иного мира,
О жизни тех, которые его
Во всем столь выше, чей лучистый образ
Божественным блистает отраженьем,
Чьи дарованья высшие и силы
Столь превосходят силы человека.
И вот к слуге высокому Небес
Такую речь он скромную направил:

«Сожитель Бога! Ныне вижу я,
Как человека ты почтил любовью.
Сюда, под кровлю низкую мою,
Ты снизошел, земных плодов отведал;
Хоть пища та – не ангельская, все ж
Ее с такою принял ты охотой,
Что, кажется, небесные пиры
Тебя насытить лучше не могли бы, –
А как их можно с нашими сравнить?»

Ему ответил иерарх крылатый:
«Адам, единый Всемогуший есть,
От Коего все вещи происходят
И снова возвращаются к Нему,

Коль от добра они не отвратятся.
Все совершенным создано, из общей
Материи первичной, в разных формах
И степенях субстанции иль жизни, —
Но тем духовней, утонченней, чище,
Чем ближе по природе к Божеству
Иль чем к Нему усерднее стремится
В своей особой деятельной сфере.
Таким путем духовной высоты
И тело может достигать по мере
Способностей своих. Так от корней
Зеленый стебель высшего устройства
Восходит вверх; он производит листья
Еще воздушней; наконец дает
Цветок прекрасный, в высшем совершенстве
Струящий свой духовный аромат;
Цветок и плод, как пища человека,
В нем достигая высших степеней,
Претерпевают дальше превращенье
В дух жизненный, животный и разумный:
Так жизнь и чувство создают они,
И пониманье, и воображенье;
От них душа имеет разум свой,
Притом двоякий: или к рассуждению
Он больше склонен, или к созерцанью;
Вам первое присуще, нам — второе;
Различие лишь в степени, а суть —
Одна у них. Итак, не удивляйся,
Что вещи, Богом посланные вам

На благо, я, как вы, не отвергаю,
А ем и также превращаю в тело
Мое. Придут, быть может, времена,
Когда и люди с Ангелами вместе
Жить будут и привыкнут к их еде,
Найдя ее не слишком легкой пищей;
Быть может, под влияньем пищи этой
И ваше тело превратится в дух
И, окрылясь, как мы, в эфир небесный
Поднимется иль будет обитать,
По выбору, здесь иль в Раю небесном.
Возможно это, если сохраните
Покорность вы и верную любовь
Сыновнюю к Тому, Чьи вы создания.
До тех же пор спокойно наслаждайтесь
Блаженством всем, которое вместить
Вы можете в блаженном этом месте,
Пока у вас на большее нет сил».
И патриарх людей ему ответил:
«Дух благосклонный, милосердый гость!
Ты дивно описал мне путь, которым
Расширить наше знание можем мы;
Ты разъяснил мне лестницу природы
От центра до окружности ее,
По ступеням которой, в созерцанья
Созданий Божьих, к Богу восходить
Мы понемногу можем. Но скажи мне,
Что значит это предостережение –
Что мы должны покорность сохранить?

Как можем мы не сохранить покорность
Тому иль позабыть любовь к Тому,
Кто сотворил нас из земного праха
И поселил в таком чудесном месте,
Где мы блаженны выше меры, — больше,
Чем мы желать могли бы иль мечтать?»

Тут Ангел молвил: «Сын Земли и Неба,
Внемли моим словам. Своим блаженством
Ты Господу обязан; если сможешь
Блаженство это сохранить, то будешь
Обязан тем себе лишь одному,
Через свою покорность: помни это!
О том тебя предупреждаю я.
Тебя Бог создал, правда, совершенным,
Однако же не неизменным; правда,
Ты по природе добр, но сохранить
Ту доброту в твоей полнейшей власти.
Свободною владеешь волей ты,
Нет над тобой судьбы, тебе неизвестной,
И нет необходимости слепой.
Покорности Бог хочет добровольной,
Не принужденной, коей никогда
Не примет Он; подумай, в самом деле,
Как могут несвободные сердца
Быть в верности испытаны? Как может
Служить Ему охотно тот, чья воля
Судьбой заране определена
И выбора в поступках не имеет?

Я сам и Силы ангельские все,
Сидящие пред Богом на престолах,
Блаженны точно так же, как и вы,
До тех лишь пор, пока Ему покорны,
И нет иной опоры нам! Мы служим
Ему свободно, ибо любим мы
Его вполне свободно; в нашей воле –
Любить Его иль не любить, держаться
Его – иль пасть. И некие уж пали,
Ему покорность преступив, и были
Низвергнуты с Небес в глубокий Ад.
О страшное паденье! От такого
Блаженства – и в такую бездну бед!»

Ему сказал великий прародитель:
«Божественный наставник! Слушал я
Твои слова с вниманьем глубочайшим
И с большим наслаждением, чем пенье
Ночное Херувимов на холмах
Окрестных; знаю также, что я создан
Вполне свободным в воле и в поступках;
Но все же я уверен был всегда,
Уверен и теперь, что не забудем
Мы никогда к Создателю любви
И что повиноваться будем вечно
Единому, Которого веленья
Столь праведны. Но то, что ты сказал
О происшедшем в Небесах, сомненья
Внушает мне; желал бы я услышать

Поболее, коль согласишься ты,
О тех событиях. Странно и чудесно
Должно быть это; выслушана быть
В безмолвии глубоком эта повесть
Достойна. Но пред нами – долгий день:
Окончило едва лишь половину
Своей дороги солнце и теперь
Путь остальной едва лишь начинает
По кругу необъятному Небес».

Так умолял Адам; и Рафаил,
Немного поразмыслив, согласился:

«Великого, о первый из людей,
Ты просишь у меня; к задаче трудной
И грустной мне придется приступить.
Как рассказать в словах, для человека
Понятных, все дела незримых духов
Враждующих? Как расскажу без горя
О гибели столь многих, прежде славных
И совершенных до паденья их?
Как, наконец, открыть и выдать тайны
Иного мира – и законно ль это?
Но ради блага твоего готов
Решиться я на это; то, что выше
Людского понимания, постараюсь
Тебе я объяснить, уподобляя
Духовное телесному; а впрочем,
Земля, быть может, только неба тень,

И более небесное земному
Подобно, чем привыкли думать вы.

«Еще мир этот не существовал;
Хаос царил в местах, где ныне Небо
Вращается и где теперь Земля
Подвешена за центр. И вот однажды
Великий год небесный день принес
(Затем, что даже в вечности движенье
Во времени свершается и мерит
Оно собой все временные вещи
Прошедшим, настоящим и грядущим) –
День роковой, когда высокий зов
Властителя все ангельские рати
Пред троном Всемогущего собрал.
Со всех концов Небес они явились,
Бесчисленны, с начальствами своими,
В блистательном строю. Подъяты пышно,
Сверкали мириады мириад
Хоругвей и знамен высоких, вея
Над ними и собою означая
Деленье на подвластные отряды
И степени; носили те знамёна
Блестящие – святые знаки дел
И подвигов великих, совершенных
Любовию и ревностью святой.
Когда в неописуемо громадном
Пространстве, круг за кругом, обступили
Они Его сияющий престол,

С горы высокой пламенной, которой
Вершина так сияла, что была
Невидима, Отец наш Бесконечный,
Имея одесную во блаженстве
Божественного Сына, нам изрек:

«Вы, Ангелы, внимлите, дети света,
Престолы, Власти, Доблести и Силы,
Навеки непреложный Мой завет:
Сегодня я родил Того, кто будет
Моим Единым Сыном называться;
Его на сей святой горе на царство
Помазал Я; Он будет одесную
Меня сидеть; Он будет ваш Глава;
И Я дал клятву пред Самим Собою,
Что будут все пред Ним на Небесах
Склонять свои колена, признавая
Его навеки Господом своим.
Он – Мой наместник; под Его правленьем
Единою все слейтесь душой
В блаженстве вечном. Тот, кто непокорен
Ему, – Мне непокорен; тот нарушил
Навек союз священный между нами,
Отпал от Бога он и лицезренья
Блаженного; низвергнут будет он
Во тьму и бездну и томиться будет
Там вечно, без возврата, без конца!»

Так говорил нам Всемогуций; всеми,

Казалось, речь одобрена была, —
Казалось так, на деле же — не всеми.
Как и другие праздничные дни,
День этот проведен был в песнопеньях
Вокруг горы священной той и в плясках
Мистических, скорей всего подобных
Движениям планет на небосводе
И прикрепленных звезд на нем: так сложны,
Запутанны они, так сплетены,
Что в них как будто вовсе нет порядка, —
Однако же тем правильной они,
Чем кажутся неправильной. При этом
Такие песни сладкие звучали
Божественной гармонией, что им
Сам Бог внимал с великим наслаждением.
Вот наконец и вечер подошел
(На Небесах у нас есть также вечер
И утро, ради смены, нам приятной,
Хотя необходимости в том нет), —
И после пляски к сладкому обеду
Охотно приступили все: повсюду,
Где их круги стояли, вдруг явились
Столы и пища Ангелов на них;
Пурпурный нектар там сверкал в сосудах
Жемчужных иль алмазных иль из золота
Массивного, и дивное вино
Небесных виноградников струилось.
Возлегли на цветах и увенчав
Главы цветами, пили и вкушали

Они в своем блаженном единении,
Бессмертием и радостью дыша,
Не пресыщаясь, ибо полной мерой
Избыток служит там, перед лицом
Владыки Всеблагого, эти блага
Дарившего им щедрою рукой
И радостно взиравшего на радость.
Вот ночь уже спустилась в облаках,
Амброзию струивших, от вершины
Горы высокой Божией, откуда
И свет и тень исходит; изменило
Свой лик блестящий небо в полусвет,
Приятный взору (темным не бывает
Там покрывало ночи), – отдых сна
На всех спустился розовой росой
(Лишь око Бога никогда не спит);
По всей равнине, вширь и вдаль, – обширней,
Чем если бы весь этот шар Земли
В одну развернут плоскость был (громадны
Владенья Бога), – ангельские рати,
В бесчисленных отрядах и полках,
Расположили лагерь вдоль течения
Живых потоков, меж деревьев жизни;
Равнина вдруг покрылась без числа
Шатрами и беседками, в которых,
Обвеяны прохладным ветерком,
Спокойный сон свой Ангелы вкушали.
Не спали только те, кто вокруг престола
Всевышнего по очереди пели

Хвалебный дивный гимн Ему всю ночь;
Не спал и Сатана (зови отныне
Его ты этим именем: иное
Носил он прежде имя, но его
На Небесах с тех пор не произносят).
Один из первых, если не первейший
Он был среди Архангелов, велик
Могуществом, благоволением Бога
И чином выдающимся своим,
Но завистью был отягчен глубокой
К Божественному Сыну, в этот день
Почтенному Отцом Своим великим,
Который объявил Его Царем,
Помазанным Мессиею; дух гордый
Не мог такого зрелища снести
И счел себя обиженным; глубокой
Досадою и злобой он проникся;
И вот, как только полночь принесла
Всеобщий сон отрадный и молчанье,
Решился он, собрав все легионы
Свои, покинуть гордо этот край,
С презреньем удалиться от престола
Всевышнего, покорность преступив;
И, разбудив ближайшего по чину
К себе, повел такую тайно речь:

«Спокойно спишь ты, дорогой товарищ?
Ужель твои смежает веки сон?
Ужели ты забыл, что за веленье

Слетело с уст Всевышнего вчера?
Ты поверять свои привык мне думы,
Как я всегда свои тебе вверял;
Когда не спали, были мы согласны, —
Ужели сон теперь нас разлучит?
Даны, как видишь, новые законы
Тем, кто царит; у тех, кто подчинен,
Должны и мысли новые возникнуть,
И вновь теперь мы обсудить должны,
Что, может быть, произойдет отныне.
Подробнее об этом говорить
Небезопасно здесь; собери ж скорее
Старейшин всех от этих мириад,
Которыми начальствуем мы оба,
И сообщи приказ им мой: спешить,
Пока не снят покров тенистой ночи,
Со всеми, чьи знамена мне покорны,
В край северный, в подвластную нам область,
Чтоб обсудить и приготовить там
Прием достойный нашему Мессии,
Великому Царю, и воспрять
Его веленья новые; все царство
Он, торжествуя, будет обходить
И нам дарует новые законы».

Так говорил ему Архангел лживый
И подчинил влиянью своему
Зловредному доверчивую душу
Соратника, который стал сзывать

По одному правителей подвластных
И рассказал, что слышал: что верховный
Глава велит поднять великий стяг
И выступить в поход, пока не сняты
С небес покровы темноты ночной.
При этом он им объяснил причину
Распоряженья этого, а также
В них постарался ревность возбудить
Двусмысленною речью и разведать
Их верность иль невинность совратить.
Но все они повиновались сразу
Велению и зову своего
Великого властителя: не даром
Великое он имя в Небесах
Имел и чином был весьма возвышен.
Лицо его влекло их за собой,
Как утренней звезды сиянье мощно
Влечет рой звезд; итак, он хитрой ложью
Сумел увлечь треть воинства Небес.
Но Вечное Недремлющее Око,
От коего и самым сокровенным
Нельзя укрыться мыслям, с высоты
Святой горы, где ночью золотые
Светильники сияли перед ним,
Увидело, без помощи их света,
Какой назрел мятеж, кем поднят он,
Распространен между сынами утра
И сколько их противится веленью
Высокому Его; тогда с улыбкой

Единственному Сыну молвил Бог:

«О Сын, в котором, в полном отраженьи,
Я созерцаю славу всю Мою,
Преемник всемогущества Господня!
Дошло, пожалуй, дело до того,
Что это всемогущество придется
Нам охранять, все средства испытать,
Чтоб удержать Нам все, что Мы издревле
Зовем Своей Божественною Властью.
Такой великий Враг восстал на Нас,
Намереваясь свой престол высокий
Воздвигнуть смело, с Нами наравне,
На севере обширном; недоволен
И этим, он замыслил испытать
В сраженьи Нашу силу, Наше право!
Так будем же готовы отрядить
На этот случай прочие все силы,
Оставшиеся нам, чтоб отстоять
Все достоянье Наше, чтоб внезапно
Нам не утратить Наш высокий сан,
Святилище все Наше, Нашу гору».
В божественном спокойствии Ему
Сын отвечал, невыразимо светел:
«Отец Мой всемогущий! Справедливо
Врагов Своих осмеиваешь Ты,
Спокойною улыбкою встречая
Их праздные волненья и попытки.
Они послужат к славе лишь Моей;

Враги увидят царственную силу,
Которая дана Мне, чтоб смирить
Их гордость; им грядущее покажет,
Сумею ли осилить непокорных,
Иль буду Я последним в Небесах».

Так молвил Сын. На крыльях торопливых
Успел уже в то время Сатана
Уйти далёко с силами своими.
Неслись они, бесчисленны, как звезды
Вечерние иль утренние; больше
Их было, чем росы жемчужных капель,
Которые на листьях и цветах
Сверкают утром при восходе солнца.
Они прошли чрез области владений
Престолов, Серафимов и Властей,
Чрез области, с которыми в сравненье
Твои, Адам, владенья все не больше,
Чем этот сад пред целою землей
И морем, если выпуклого шара
Поверхность плоско выпрямить в длину.
И вот, пройдя те области поспешно,
Вошли в пределы севера они,
И Сатана воссел там на престоле
Своем высоком, издали сверкавшем;
Стоял престол тот на горе высокой,
Сам как гора высокая на ней;
На той горе, сверкая, возвышались
Ряды алмазных башен, пирамид

И золотых утесов. Назывался
В те времена дворец роскошный этот
(Я выражусь на языке людей)
Дворцом великим Люцифера; после ж,
Стремясь сравниться с Господом во всем
И в подражанье той горе, с которой
Господь Царем Мессию объявил,
Назвал он свой дворец Горой Собранья,
Затем что здесь их полчища сошлись.
Собрав своих приверженцев под видом
Желанья обсудить прием Владыки
И верности личиной клевету
Прикрыв, такую речь повел он ловко:

«Престолы, Князи, Доблести и Власти!
Великолепны эти ваши званья,
Но я боюсь, что звуком лишь пустым
Останутся они с тех пор, как вышел
Приказ, который отдает другому
Всю власть, Его поставив выше нас
Помазанником и Царем! За этим
И поспешили в полночь мы сюда
На это неотложное собрание:
Мы обсудить должны, как встретим мы
Его с почетом новым, непривычным;
Придя сюда, коленопреклоненья
От нас Он будет требовать – такой
Еще мы дани не платили! Гнусно
Так унижаться даже пред Одним, –

Теперь вдвойне сносить должны мы это:
Приходится равно служить отныне
Единому и образу Его!
Иль, может быть, намеренья иные
Нас укрепят? Не попытаться ль нам
Ярмо, на нас возложенное, сбросить?
Хотите ли вы головы склонить,
Согнуть свои покорные колена?
Нет, не хотите, — если знаю вас
И если твердо помните вы сами,
Что вы — сыны и жители Небес,
Которых в рабстве не держал доньше
Никто; и если вы не все равны,
То всем дана вам равная свобода:
Чины и званья не противны ей —
Вполне, напротив, с нею совместимы.
Какой же разум и какое право
Нас подчинить Монарху одному,
Когда Ему мы все равны по праву?
Быть может, меньше мы Его по силе
И блеску — но свободой мы равны!
И как возможно ставить нам законы,
Когда и без законов мы безгрешны?
Тем менее за Господа считать
И обожать Его для нас прилично:
Все это оскорбительно для званий
Высоких наших, громко говорящих,
Что управлять должны мы — не служить!»

Не возражая, этой дерзкой речи
Внимали все, и только Абдиил
Восстал единый между Серафимов:
Никто с такою ревностью великой
Не обожал Всевышнего, как он.
Покорный Всемогущего веленьям,
Он ревностью суровой воспылал
И загремел потоком речи гневной:

«О лживое, надменное сужденье!
О богохульство, коего никто
Не ожидал на Небесах услышать,
И менее всех прочих от тебя,
Неблагодарный, столь превознесенный,
Стоящий выше всех твоих князей!
Как смел ты в кривотолках нечестивых
Святую волю Бога осудить,
Которую Он объявил и клятвой
Нам подтвердил, что Сын Его Единый
Над нами будет праведно царить,
Что все должны на Небесах покорно
Пред Ним склонять колена в знак того,
Что признают Его Царем законным?
По мнению твоему, несправедливо
Противоречить праву — подчинять
Свободных нас каким-либо законам
И равному над равными царить,
Могуществом владея несравненным?
Что ж, Богу сам предпишешь ты закон?

Начнешь ли ты с Ним спорить о свободе,
С Ним, Кем ты сотворен, каков ты есть,
Который сотворил все силы Неба
Таковыми, как Ему угодно было,
И всем им дал пределы бытия?
Иль благодать мы Его не испытали?
Блаженство наше, наш высокий сан
Довольно убеждают нас, как нежно
Заботлив Он, как Он далек от мысли
Унизить нас, как хочет Он скорей
Возвысить степень нашего блаженства,
Нас под одним, ближайшим нам Главой
Объединив. Но пусть ты прав: допустим,
Что равному над равными царить
Негоже. Что ж, ты сам, хотя великий
И славный, или ангельские Силы
Все вместе – разве можете сравниться
С Единородным Сыном, чрез Кого,
Как чрез Свое властительное Слово,
Отец Могучий сотворил весь мир
И самого тебя? Все Духи Неба
Им созданы в их степенях блестящих
И славою увенчаны: Ему
Обязаны своими именами
Престолы, Князи, Доблести и Власти.
И, царствуя, Он их не помрачит,
А лишь прославит, будучи Главою
Их, как один из нашего числа;
Его законы – наши же законы,

И почесть, что Ему мы воздадим,
Нам к чести будет. Прекрати же ярость
Преступную свою; не соблазняй
Других; спеши гнев праведный умерить
Отца и Сына, чтоб, пока не поздно,
Прощение ты мог у Них обрести».

Так говорил отважно пылкий Ангел;
Но ревностью своей он никого
Не убедил: нашли его сужденье
Несвоевременным, поспешным, странным.
Отступник очень этому был рад
И так ему сказал, еще надменной:

«Ты говоришь, что созданы мы все,
Притом и не из первых рук создания,
Что Сыну ту работу поручил
Отец? Как это странно мне, как ново!
Хотелось бы нам знать, откуда взял
Ученье это ты; кто, в самом деле,
Свидетелем творенья был? Ты сам –
Ты помнишь ли, как ты Творцом был создан?
А что до нас – мы времени не знаем,
Когда бы не существовали мы
Так, как теперь; мы никого не знаем,
Кто был бы раньше нас! Себе мы сами
Начало дали; силою своей
Животворящей сами мы восстали,
Как только бег судьбы свершил свой круг

И подготовил зрелое рожденье
Сынов эфира, жителей Небес!
Могущество все наше – только наше;
Научит наша смелая рука
Великим нас делам; мы испытаем,
Кто равен нам; тогда увидишь ты,
Придется ль умолять нам о пощаде
И окружим ли мы всемогущий трон
Мольбою иль осадой. Можешь этот
Снести ответ Помазаннику; сам же
Скорей беги, чтоб худшего не ждать!»

Так молвил он. Как шум глубоких вод,
Пронесся глухо ропот одобренья
Его словам по бесконечной рати;
Но Серафим, отвагою пылая,
Хотя один, врагами окружен,
Ему ответил смело: «Отчужденный
От Бога и навек проклятый Дух,
Забывший все добро и Им забытый!
Уж вижу я, что решено твое
Паденье и твоей несчастной шайки,
Которая в обман твой вероломный
Вовлечена, заражена тобой,
И преступлением твоим, и казнию!
Теперь уж не заботься сбросить иго
Мессии – Бога; тех законов кротких
Не будешь удостоен ты; другого
Веления тебе не миновать!

Отверг ты скипетр золотой с презреньем, –
Придет железный, чтобы непокорство
Твое разбить, сломить! Ты мне даешь
Совет бежать; совет хорош: спешу я
Бежать отсель, но не твоих угроз
Я опасаюсь, а бегу, покамест
Не разразился гнев огнем внезапным,
Который стгубит без разбора всех;
Жди скоро на себя ударов грома
И страшного огня, что вас пожрет;
Тогда, стена, узнаешь, Кем ты создан
И Кто тебя сумеет истребить!»

Так говорил им Абдиил отважный,
Один, который верность сохранил
Среди неверных, средь лжецов враждебных
Бесчисленных; соблазна не приняв,
Неколебим, бесстрашен он остался,
Храня свою всю верность, всю любовь.
И ни число их, ни пример нимало
От верности его не отвратили,
Не изменили твердого сознания,
Хотя один стоял он против всех.
Сквозь их ряды, презреньем их осыпан,
Он долго шел и гордо выносил
Все их нападки, не страшась насилия;
Отпор им дав, он спину повернул
К их гордым башням, обреченным каре».

Книга шестая

Содержание

Рафаил продолжает свой рассказ, как Михаил и Гавриил были посланы в бой против Сатаны и его Ангелов. Описывается первое сражение. Сатана и его Ангелы отступают под покровом ночи. Сатана созывает совет и изобретает дьявольские машины, которые на второй день битвы приводят Михаила и его Ангелов в некоторый беспорядок, но наконец они, сорвав горы, забрасывают ими войско и машины Сатаны. Так как тревога этим еще не кончается, то Бог на третий день посылает Мессию, Своего Сына, для Которого Он оставил славу победы. Мессия, в полном могуществе своего Отца, прибывает к месту сражения и, приказав легионам стоять спокойно, въезжает с громом на Своей колеснице в среду врагов и преследует их, бессильных сопротивляться Ему, до стен Неба; стены раскрываются, и враги в ужасе и смятении падают в уготованную им в качестве кары бездну; Мессия же с торжеством возвращается к Отцу.

«Всю ночь бесстрашный Ангел, без погони,
Держал свой путь через равнины Неба,
Пока перстами розовыми утро,

Пробуждено свершившими свой круг
Часами, не открыло двери света.
Есть в Божией горе, вблизи престола,
Пещера, где то свет, то темнота
Живут поочередно, создавая
Приятную тем смену в Небесах,
И как бы день и ночь там производят;
Когда уходит свет, в другую дверь
Послушно входит мрак, чтоб в час урочный
Покрыть собою небо; впрочем, мрак
Там сумеркам земным скорей подобен.
Теперь как раз сюда вступало утро
В небесной красоте, позлащено
Сияньем эмпиреев; ночь бежала
Пред ним, лучами яркими востока
Пронзенная. Увидел Абдиил
Перед собой широкую равнину,
Покрытую воинственной ратью,
Толпой несметной воинов блестящих,
И колесниц, и пламенных коней;
Вооруженьем все вокруг сверкало:
Война, война готовилась пред ним —
То самое, что он хотел как новость
Здесь возвестить! Он радостно примкнул
К союзным этим силам — с ликованием
И громкими хвалами встречен ими,
Единый между падших мириад
Не падший, не утраченный для Неба.
Они ведут его к святой горе

При кликах одобрительных, и ставят
Перед престолом Вышнего, и слышат
Из золотистой тучки кроткий глас:

«Благую часть, служитель верный Бога,
Избрал ты и победу одержал
Славнейшую; среди толпы мятежной
За истину один ты постоял
И защищал ее отважным словом
Сильнее, чем оружием. За то,
Что ты ее открыто исповедал,
Всеобщее понес ты поруганье,
Которое труднее перенести,
Чем всякое насилие. Ты стремился
Лишь правым быть перед престолом Бога,
Хоть целые миры тебя превратно
За то судили. Ныне одержи
Легчайшую победу: с этим войском
Друзей вернись к врагам с тем большей славой,
Чем более тебя они клеймили,
И силой тех сломи, кто отказал
В принятии разумного закона
И не признал царем своим Мессию,
Который это царство заслужил.
Иди же, Михаил, князь войск небесных,
И ты, к нему по доблести ближайший,
О Гавриил, – ведите в бой сынов
Моих непобедимых, это войско
Моих святых в оружии блестящем;

Их тысячи и миллионы будут
Равны числом безбожной той толпе
Мятежников. Огнем их и оружием
Бестрепетно разите; прогоните
Преступников на самый край Небес;
От Бога и от вечного блаженства
Низвергните их всех в обитель кары,
Вглубь Тартара, который уж раскрыл
Свой пламенный Хаос широкой пастью,
Чтоб ею всех их, падших, поглотить!»

Так говорил Владыки голос. Тучи
Одели гору мраком; клубы дыма
Вились вокруг и пламя вырывалось,
Тем возвещая пробужденный гнев,
И загремел с вершины помраченной
Еще грознее звук эфирных труб.
И вот по знаку этому все Силы,
Стоявшие на стороне Небес,
В квадрат соединившийся могучий
Необоримой крепости, пошли
В молчании блестящих легионов
При звуках дивной музыки, вливавшей
Геройский пыл в их смелые сердца,
Имея во главе богоподобных
Вождей, в защиту Бога и Мессии.
Ничем не нарушался крепкий строй;
Ни встречною горою, ни тесниной,
Ни быстрою рекою их ряды

Не разделялись: в высоте громадной
Поход их совершался, воздух нес
Поспешные шаги их без препятствий.
Как некогда весь птичий род промчался
В порядке стройном на своих крылах
Через Эдем по Божью призыву,
Чтоб от тебя принять им имена, —
Так мчался их громадный рой путями
Небесными, и много областей
Прошли они, десятикратно больших,
Чем вся Земля. Вот наконец вдали,
От края и до края горизонта,
Огнистая явилась полоса
На севере, воинственного вида;
Приблизившись, увидели они
Над ней щетину из торчащих копий
Бесчисленных, и шлемов рой густой,
И множество щитов разнообразных
С хвастливыми эмблемами. То войско
Мятежное спешило Сатаны
В свирепый свой поход: они мечтали
В тот самый день — в открытом ли бою,
Или напав врасплох — взять гору Бога
И посадить вождя их, самозванца
И Божия завистника, на трон.
Но их мечты пустыми оказались
И ложными уже на полпути.
Казалось, правда, нам сначала странным,
Что Ангелы на Ангелов идут,

Грозя друг другу встречу враждебной, —
Те Ангелы, которые так часто
На торжествах блаженства и любви
Единодушно гимны воспевали
Предвечному Создателю, как дети
Единого великого Отца;
Но битвы шум уж начинался; резкий
Клич нападения положил конец
Всем мирным мыслям. Посреди неверных
Отступник возвышался, будто бог,
На солнечно-блестящей колеснице,
Величия божественного образ,
Толпою Херувимов окружен,
Обставлен их щитами золотыми.
Но вот он с трона пышного сошел:
Осталось между их и нашим войском
Лишь узкое пространство, промежуток
Опаснейший; лицом они к лицу
Стояли, на огромном протяжении,
Грозящим строем. Перед авангардом,
Еще в сражение не вступившим, гордо
Огромными шагами Сатана
Прошел и стал, высокий и громадный;
Алмазами и золотом сверкало
Его вооруженье. Абдиил,
Стоявший меж сильнейших и готовый
К отважнейшим делам, не мог снести
Такого вида гордого; бесстрашно
Так рассуждал в душе он сам с собой:

«О Небо! Сколько сходства со Всевышним
Еще осталось в нем, хотя исчезли
Его и честь и верность! Не должны ль
Отпасть его могущество и сила,
Коль скоро добродетели уж нет?
Не должен ли он, дерзкий, оказаться
Слабейшим, хоть на вид необорим?
На помощь Всемогущего надеясь,
Я испытаю силу всю его,
Как испытал его рассудок в споре,
И лжив, испорчен оказался он;
Конечно, будет справедливо, если
Тот, кто в защите истины был прав,
Одержит и в сражение верх и будет
В обоих состязаньях победитель.
Конечно, этот способ груб, негоже
Рассудку с силой спорить; все ж, однако,
Рассудок должен силу победить».

Обдумав это, из рядов собратий
Он выступил, на полдороге встретил
Отважного Врага, в котором гнев
От встречи той тем больше разгорелся,
И так ему бесстрашный вызов бросил:

«Попался ты, гордец? Ты возмечтал
Своей достигнуть цели без препятствий,
Неохраненным Божий трон найти;

Надеялся, что все его покинут
Из страха перед силою твоей
Иль под влияньем слов твоих могучих.
Безумец! Не подумал ты, сколь праздны
Угрозы Всемогущему оружием!
Он из вещей малейших без конца
Всегда создать сумеет рать за ратью,
Чтоб безрассудство низложить твое!
Да и один, без помощи, Он может
Своей все достигающей рукой
Одним ударом вмиг с тобой покончить
И рать твою низвергнуть в бездну тьмы!
Притом ты видишь, что не все с тобою
Идут одним путем: довольно есть
Таких, что ставят выше верность Богу
И чтут Его, хоть ты не видел их,
Когда среди толпы тебе послушных
Один, казалось, заблуждался я,
Со всеми несогласный; ныне видишь,
Как велико число со мной согласных;
Итак, пойми, хоть поздно, что порой
И тысячи способны заблуждаться
И правы лишь немногие из них!»

Ему великий Враг, скосив с презреньем
Глаза, ответил: «Горе для тебя,
Мятежный Ангел, для моей же мести,
Тебя искавшей прежде всех, приятно,
Что ты из бегства своего пришел,

Чтоб получить достойное возмездье
От вызванной тобой моей десницы
И первый мой удар принять за то,
Что ты дерзнул безумными словами,
Внушенными противоречьем, спорить
С тем, что принять решила треть богов,
Собравших свой синод для подтверждения
Всех прав своих божественных. Пока
Они в себе божественную силу
Все чувствуют, не могут никого
Они признать на свете всемогущим.
Но так как вышел ты вперед собратий,
Гонясь за честью, чтобы я тебя
Немного ощипал, то пусть пример твой
Предтечей будет пораженья прочих.
Я медлил только для того, чтоб это
Ты знал и чтоб хвалиться ты не мог,
Что я тебя оставил без ответа;
Я полагал, что небо и свобода —
Одно и то же для небесных Духов;
Теперь же вижу я, что большинство
Ленивое избрать готово рабство,
Слугами быть средь праздников и песен,
И этих ты рабов вооружил;
Что ж, пусть сразятся рабство и свобода:
Их подвиги покажет этот день».

Ему ответил Абдиил сурово:
«Ты снова заблуждаешься, отступник,

И заблуждаться вечно будешь ты
С тех пор, как сбился с истинной дороги.
Напрасно ты клеймишь названьем рабства
Служение поставленному Богом
Главе и, через то, самой природе;
Бог и природа нам одно и то же
Велят: вполне достойно, чтоб царил
Достойнейший и выше был всех прочих.
Напротив, рабством было бы служить
Безумцу иль тому, кто нападает
На более достойного; рабы
Те, кто тебе отныне служит; ты же
Сам несвободен – раб своих страстей,
Хоть нас бесстыдно попрекаешь рабством.
Цари в Аду – там сколько хочешь правь,
Меня ж оставь служить навеки Богу
В Небесном Царстве и в блаженстве вечном,
Божественным велениям Его,
Достойным послушанья, повинуюсь.
Но жди не царства, а цепей в Аду;
Пока же от меня прими, который
Пришел, как ты сейчас сказал, из бегства,
Привет на нечестивую главу!»

Сказал – и, высоко взмахнувши славным
Мечом своим, он с быстротою бури
Его на шлем обрушил Сатаны
Так быстро, что ни взор, ни помышленье, –

Тем меньше щит врага, – предотвратить
Того удара не успели. Разом
Назад на крупных десять он шагов
Попятился, и только на десятом,
Уже согнув колено, на копье
Огромное успел он опереться.
Так оседает гордая гора
С сосновым лесом, если вихрь могучий
Иль горные потоки подорвут
Ее основы. Были изумленьем
И яростью мятежников вожди
Объяты, видя, как сражен сильнейший
Из них; а наши радостно вскричали,
Увидя в том предвестие победы,
И страстно в бой стремились. Михаил
Велел подать архангельской трубою
Знак к нападению; в ширину Небес
Разнесся звук ее, и рати верных
Всевышнему воскликнули: осанна!
Противники не стали также медлить
И также грозный свой сомкнули строй, –
И разразилась яростная буря,
И огласились криком Небеса,
Неслышанным дотолем; страшный грохот
Оружья об оружье загремел,
И завертелись бешено колеса
В бой полетевших медных колесниц;
Ужасен был шум битвы; над главами
Сражавшихся, свистя, летали тучи

Стрел пламенных, и сводом из огня
Покрыты были бившиеся рати;
Под тем огнистым сводом друг на друга
Они стремились бурно, нападая
С неистребимой яростью. Тряслись
От грохота все Небеса, и если б
В те времена Земля существовала,
До центра и она бы потряслась.
И нечему дивиться тут: миллионы
Отважных, сильных Ангелов в той битве
С той и другой сражались стороны,
Из коих и малейший, без сомненья,
Владеть бы мог стихиями земными
И силы их себе все подчинить;
Насколько же была громадней сила
Бесчисленного войска против войска
Такого же! Она могла, конечно,
Ужаснейший разгром произвести
И разорить, коль не разрушит вовсе
Блаженную отчизну – Небеса.
Но Вечный их Владыка Всемогуший
Из области возвышенной своей
Взирал на них и умерял их силы,
Хотя число их было таково,
Что даже каждый легион отдельный
Большим казался войском, а по силе
Равнялся каждый Ангел легиону;
И хоть вожди на битву их вели,
Но каждый воин сам вождем казался:

Он знал, когда идти, когда стоять,
Куда в разгаре битвы обратиться,
Когда открыть, когда сомкнуть ряды.
Никто о бегстве иль об отступлении
Не помышлял; никто не показал
Ничем, чтоб он чего-либо страшился;
Сам полагался каждый на себя,
Как если б только от него победа
Зависела. Деянья вечной славы
Тут без числа свершались; велика
Была та битва и разнообразна:
То на ногах сражались они,
То, в воздухе паря, заполняли
Его собой, и весь он был в огне.
Так долго шел их бой с успехом равным;
Но наконец на помощь Сатана —
В тот день творивший чудеса отваги,
Не находивший равного себе —
Направился к отряду Серафимов,
Теснимому свирепым нападеньем.
Уж издали он видел, как косил
Меч Михаила, целые фаланги
Врагов сражая; то взвиваясь вверх,
Подъятое обеими руками,
То опускаясь, лезвие его
Опустошало их ряды ужасно.
Чтоб отвратить такое разрушение,
Свой щит спешил подставить Сатана,
Огромный, крепкий, как утес, покрытый

Алмазными слоями десять раз.
Заметив, что подходит он, Архангел
Прервал на время труд свой боевой
И радостно надеялся покончить
Войну междоусобную Небес,
Сразив иль взявши в плен вождя неверных;
И, обращая пламенный свой лик
К противнику, такую речь он начал:

«Виновник зла, неведомого прежде
На Небесах, пока ты не восстал,
А ныне столь обильного! Ты видишь,
Какую ненавистную борьбу
Ты возбудил средь братий! Ненавистна
Она для всех, хоть бременем своим
Всего сильнее тебя она придавит
И всех своих приверженцев. Зачем
Смутил ты мир Небес благословенный
И бедствия принес, каких никто
До мятежа преступного не ведал?
Зачем ты злобу тысячам внушил,
Дотоле твердым, верным, ныне лживым?
Но не надейся прочих возмутить,
Оставшихся святыми; будешь изгнан
Ты из пределов Неба; не потерпит
Оно, как место вечного блаженства,
Преступных дел насилия и войны!
Беги ж отсель и зло, как порожденье
Твое, возьми с собой в обитель Зла,

В Ад уберись с толпою нечестивых –
Там замышляй коварство и вражду,
Пока не покарал тебя меч этот
Иль местию быстреею от Бога
Не свергнут ты стремглав для злейших мук!»

Так говорил князь Ангелов; но гордо
Ему противник отвечал: «Не думай
Угрозами пустыми испугать
Того, кому дела твои не страшны.
Скажи, ты мог ли в бегство обратить
Малейшего из них? А кто и падал,
Тот не вставал ли вновь, не побежден?
Ужели ж легче думаешь угрозой
И повеленьем ты меня изгнать?
Нет, не надейся так борьбу окончить,
Которую ты Злом зовешь, мы – славой;
Надеемся мы выиграть этот бой
Иль Небо сделать Адом, о котором
Ты бредишь, чтоб, по крайней мере, жить
Свободно здесь, коль царствовать не будем.
Итак, бежать я вовсе не намерен
Ни от тебя, ни от всех сил твоих,
С так называемым Всесильным вместе, –
Тебя, напротив, встретить я искал!»
Затем, не тратя слов, немедля оба
Сготовились на бой, невыразимый
Словами; ибо кто, хотя бы Ангел,
Способен передать иль уподобить

Земным вещам столь дивные дела,
Поднять воображенье человека
До высоты могущества богов?
Богopodobны ростом и осанкой,
Вооруженьем и движеньем каждым,
Стояли два врага, достойны оба
Решать вопрос о власти в Небесах;
Вот грозные мечи они взмахнули
И описали страшные круги
По воздуху; блистали, как два солнца,
Широкие щиты их; в ожиданьи
И ужасе застыли все вокруг;
Где Ангелов толпа еще недавно
Теснилася, с обеих там сторон
Все расступились, им оставив поле
Широкое, страшась остаться в вихре
Ужасной этой бури. Таковы
(Насколько можно малое с великим
Сравнить) перевороты, что в природе
Случаются, — как если б меж созвездий
Война возникла и, горя враждой,
Сразились бы средь неба две планеты
И с грохотом столкнулись их шары.
Подняв почти всесильную десницу,
Стояли оба, грозный свой удар
Наметив так, чтоб все решил он сразу
И в повтореньи не было б нужды;
И ни один из двух бойцов другому
Не уступал по зоркости и силе.

Однако же меч Михаила, данный
Из арсенала Божьего ему,
Имел такое свойство, что разрушить
Он мог нетленным лезвием своим
Все острое и твердое. Опушен
На меч Врага с ужасной силой, вмиг
Его рассек он пополам, и тут же
Вонзился быстрым поворотом он
В бок правый Сатаны. Тогда впервые
Боль Сатана почувствовал и, корчась,
Согнулся – так болезненно пронзен
Он был насквозь огромной, страшной раной.
Но скоро ткань эфирная опять
Сомкнулась: не могла она остаться
Надолго разделенной; лишь из раны
Поток нектарной красной влаги вышел –
Небесных Духов кровь – и запятнал
Блестящее его вооруженье.
Со всех сторон сбежалось к нему
На помощь много Ангелов могучих:
Одни – чтобы защитить его, другие –
Чтоб отнести его на их щитах
К роскошной колеснице, что стояла
Вдали от места битвы. Там он лег,
Стеня, зубами скрежеща от боли,
А также от досады и стыда,
Что не явился он непобедимым,
Что так унизил гордость он свою, –
Он, Богу силой равным быть мечтавший.

Но вскоре исцелился он: ведь Духи
Во всех своих частях всю силу жизни
Равно содержат, полные ее,
Не так, как хрупкий человек, в котором
Довольно ранить внутренности, сердце,
Иль голову, иль печень, или почки:
Лишь полное уничтожение может
Убить их; ткань воздушная их тел
От ран страдает столько же, как воздух;
В их сердце, голове, очах, ушах,
Уме и чувствах – поровну есть жизни,
А потому себе они дают
Любую форму, как хотят, и могут
Какой угодно образ, цвет, размер
И плотность принимать по произволу.
Меж тем в других местах великой битвы
Свершались также славные дела.
Там, где святая сила Гавриила
Сражалась и внесла в ряды врагов
Свои знамена, царь Молох свирепый
Архангела на поединок вызвал,
Грозясь, что, к колеснице привязав
Его потащит за собой, а также
Не побоялся изрыгнуть хулу
На Вечного, Единого, Святого –
Но был разрублен вплоть до чресл и, воя,
С оружием разбитым побежал.
И точно так же на обоих флангах,
Сражаясь, Уриил и Рафаил

Противников своих, хотя громадных
И защищенных панцирем алмазным, —
Адрамелеха с Асмодеем, двух
Властителей могучих, победили,
Которые не меньше, чем богами,
Считаться пожелали и, за это
Проучены, бежали, унося
Ужаснейшие раны под кольчугой
И латами. Равно и Абдиил
Не мешкал, не щадил толпы безбожной:
Своим ударам силу дав вдвойне,
Сразил он Ариила с Ариохом
И Рамиила, опалив, поверг.
Я б мог еще о тысячах поведать,
Их здесь увековечив имена,
Но Ангелы-избранники довольны
Небесной славой — славы на земле
Не надо им. Противники же наши,
Хоть были также смелы и могучи
И славы боевой вполне достойны, —
Изглажены навек их имена
Из книг Небес и памяти священной:
Забвению они обречены,
Затем что сила, с истиной и правом
Разлучена, не стоит похвалы,
Достойна лишь стыда и порицанья;
И слава их — не слава, а тщеславье,
А вся их знаменитость лишь позор;
За то им кара — вечное молчанье.

Итак, из них сильнейших много пало;
Враги поколебались; в их ряды
Уже во многих мы местах проникли
И в беспорядок рать их привели;
Усеялось обломками оружия
Все поле; перевернуты вверх дном,
Лежали колесницы, с ними рядом
Возничие и пламенные кони,
Все в пене; те, что были на ногах,
Утомлены, в смятении отступали,
С трудом лишь защищались, ослабев
И в первый раз объаты бледным страхом
И чувством боли, прежде незнакомым;
Бесславно в бегство бросились они,
Доведены до этого несчастья
Грехом непослушанья, — те, кому
Ни страх, ни боль, ни бегство не известны
Дотолле были. Войско же святых,
Напротив, нерушимою фалангой,
Сплотясь, как прежде, двигалось вперед,
Защищено от ран, в своих доспехах
Несокрушимых: это превосходство
Дала им их невинность; сознавали
Они в себе свободу от греха
И не были повинны в непокорстве;
За то и битва им была легка,
И боль от ран их не могла постигнуть,
Хоть сила и теснила их порой.

Но вот уж ночь в права свои вступила
И сумраком одела Небеса
И принесла с собою перемирье
Желанное, и шум войны затих.
Под темным тем покровом победитель
И побежденный прекратили бой.
Оставив за собою поле битвы,
На нем разбили лагерь Михаил
И Ангелы его, поставив стражу
Из Херувимов пламенных вокруг,
А Сатана с ордой своей мятежной
От них далёко отступил во мрак,
И там, себе покоя не давая,
Своих князей созвал он на совет.
Такую речь повел он без смущенья:

«Любезные соратники мои,
В опасности испытанные ныне
И силою не сломленные вражьи!
Достойными явились вы не только
Свободы — эта цель для нас мала;
Нет, к большему стремимся мы: к господству,
И к почести, и к славе величайшей!
Вот день прошел в сомнительном бою, —
А если день, то почему не вечно
Такие могут продолжаться дни?
Вы видели, что мог Властитель Неба,
Все лучшее вокруг себя собрав,

Послать противу нас: считал Он это
Достаточным, чтоб нас смирить, — однако
На деле этой цели не достиг;
Итак, считать, мне кажется, мы можем
Теперь, что Он способен ошибаться,
Хотя доньше верили, что Он
Всеведущ. Правда, мы вооруженьем
Слабей, а потому мы понесли
Урон известный, ощутили муки,
Каких не знали прежде, — но, узнав,
Мы презирать их скоро научились.
Теперь узнали мы, что наше тело,
Рожденье эмпиреев, не способно
Смертельных повреждений потерпеть,
Неистребимо, и, хотя бы раны
Его пронзили, раны те сомкнутся,
Исцелены природной нашей силой;
И если столь ничтожно это зло,
Мы без труда отыщем и лекарство.
Быть может, мы оружие найдем
Сильнейшее, крепчайшие доспехи
На пользу нам, а врагам на зло
Иль что-нибудь еще, что нас сравниет, —
Природа ж наша — та же, что у них.
Быть может, есть и тайные причины,
Которые дают им перевес;
Но так как мы свой разум сохранили
И всю способность здраво рассуждать,
Поищем, поразмыслим, чтоб узнать их».

Сказал и сел. За ним сейчас же встал
Нисрох¹²¹, первейший из князей неверных.
Он только что пришел из страшной битвы,
Усталый, мрачный видом и в доспехах
Изрубленных. В ответ промолвил он:
«О ты, освободивший нас от новых
Властителей, нам возвративший право
Божественной свободы! И богам,
Однако, при условиях неравных –
Оружие неравное имея –
Бороться трудно, муки вынося,
Когда враги тем мукам недоступны,
К ним вовсе не чувствительны. Конечно,
Должно нас это к гибели привести.
Что, в самом деле, значит сила, храбрость,
Хотя бы беспримерная, когда
Подавлено все это страшной мукой,
Всю силу подчиняющей себе?
Тогда опустит руки и сильнейший!
Приятностей пускай лишимся мы, –
Не станем мы жалеть о них, довольны
Собою: в том довольстве наш покой;
Но боль есть величайшее несчастье,
Есть худшее из зол и, становясь
Чрезмерной, превосходит все терпенье.
Поэтому, когда бы кто-нибудь

¹²¹ *Нисрох* – ассирийский бог, храм которого стоял в Ниневии (4-я Книга Царств, 19: 37).

Для нас придумал новое орудье,
Которым мы могли бы поразить
Противников неуязвимых наших,
Иль защитил нас так же, как они
Защищены, — хвалы бы он не меньшей
Заслуживал, чем наш освободитель».

Ему сказал спокойно Сатана:
«Что правильно считаешь ты важнейшим
Для нашего успеха, я придумал.
Все видим мы блестящую поверхность
Эфирную, на коей мы стоим, —
Простор полей небесных безграничный.
Роскошными растениями, цветами,
Струящими амброзию, плодами,
Камнями драгоценными и златом
Та почва разукрашена; но кто
Поверхностен настолько, чтоб не думать
О том, откуда это все растет,
О том, какие вещества сокрыты
Там, в глубине, — невзрачные, простые,
Но полные и духа и огня,
Пока их луч небесный не коснется
И под его влиянием они
Не расцветут, открывшись свету Неба?
Вот эти-то нам вещества и надо
Из глубины достать, с их темной силой
Природною, с их внутренним огнем;
Их в длинные и круглые машины

Набьем мы плотно, а затем когда
Их с одного конца зажжем мы искрой,
Тогда, расширясь с бешеною силой
И загремев как гром они пошлют
С большого расстояния навстречу
Войскам врагов такую массу зла,
Что разорвут их в клочья, опрокинут
Все встречное; подумают со страхом
Они, что мы лишили Громовержца
Ужасного оружия Его.
Недолог будет труд наш: до рассвета
Успеем все окончить мы. Итак,
Не падайте же духом и не бойтесь;
Соединенью силы и ума
Ничто не слишком трудно, и тем меньше
Прилично нам в отчаянье впадать».

Окончил он. Речь эта подкрепила
В них бодрость ослабевшую и вновь
Зажгла почти угасшие надежды.
Дивились все тому, что изобрел
Их предводитель, и дивился каждый,
Как этого не изобрел он сам, –
Таким казалось легким то, что раньше
Они за невозможное сочли.
Быть может, и в твоём потомстве, если
Когда-нибудь возобладает Зло,
Найдутся люди, склонные к злодейству
Иль дьявольским доступные внушеньям,

Которые опять изобретут
Подобные ж орудия на муку
Сынам греха, для страшных дел войны
И для взаимной бойни беспощадной.
С совета вмиг к работе все бегут;
Никто не медлит, без числа готовы
Работники; они в один момент
Разрыли почву Неба повсеместно
И в ней нашли природы все дары
В их грубом виде. Серу и селитру
Смешав и обработав, превратили
Их ловко в зерна черные они
И зерен тех запасы накопили.
Другие вскрыли жилы минералов
(Каких немало и внутри земли),
Дабы из них создать свои машины
И для метанья страшные шары;
А третьи спешно запасают трубки
Для зажиганья – гибельный снаряд,
Рождающий огонь прикосновеньем.
Так под покровом ночи, до зари,
Окончили они все это тайно
И привели в порядок в тишине,
Никем не заподозрены нимало.

Чуть на востоке утро в небесах
Блеснуло, победители восстали
От сна, и песня утренней трубы
Призвала их к оружию. Стояла

Во всеоружьи золотом их рать;
Другие же с холмов вокруг смотрели
Иль, разослав легковооруженных
Разведчиков, искали, где их Враг
Укрылся – обратился ли он в бегство
Иль к битве вновь готовится, стоит
Иль движется. И вскоре повстречали
Они его: знамена распустив,
Он шел навстречу медленно, но твердо.
Спешит назад, не медля, Зофиил,
Быстрейший на крылах из Херувимов,
И так им громко в воздухе кричит:
«В бой, снова в бой, воители, готовьтесь!
Враг близок! Тот, кого считали мы
Бегущим, добровольно облегчает
Нам долгий труд преследовать его!
Не бойтесь, что бежит он: плотной массой
Он движется, и на его лице
Зловещую решимость я заметил.
Так застегните ж все свои доспехи
Алмазные, плотней надвиньте шлемы,
Держите крепче круглые щиты,
Подняв их вверх: насколько я предвижу,
Не мелкий дождь посыплется на нас,
А целый град огнистых стрел пернатых!»

Так он предостерег их, и немедля
Сигнал тревоги был по войску дан,

И в боевой порядок без смятенья
И без труда построились они
И двинулись Врагу навстречу. Вскоре
Он показался. Медленно он шел,
Тяжелый и громадный, в середине
Рядов своих, дабы коварство скрыть,
Влача свои бесовские машины,
Со всех сторон их войском заслонив.
Увидев нас, они остановились,
Мы также; вскоре вышел Сатана
Вперед и громким голосом воскликнул:
«Передние ряды, раздайтесь шире
Направо и налево, чтобы ясно
Все видели, кто ненавидит нас,
Как мы желаем мира и согласия
И как в объятья рады их принять,
Коль примут нас, не обратив к нам спину,
В чем сомневаюсь я. Пусть Небеса
Свидетелями будут, как охотно
Свою задачу исполняем мы;
А вы, что к той приставлены задаче,
Исполните ее и предложенья
Все наши изложите ясно, кратко
И громко, чтобы слышать все могли!»

Так он над нами издевался речью
Двусмысленной. Он замолчал – и вмиг
Раздвинулся направо и налево
Широкий фронт и отступил назад.

Открылось нечто новое пред нами
И странное: тройной широкий ряд
Столбов, лежащих на колесах (ибо
Казались нам орудья Сатаны
Столбами или полыми стволами
Дубов высоких горных или сосен
С обрубленными сучьями, дуплистых);
Из меди, из железа или камня
Стволы те были сделаны; притом
На нас их жерла страшные зияли,
И это предвещало мир плохой.
За каждым позади по Серафиму
Стояло с длинной трубкою в руке,
И сверху пламя было в трубках этих.
Стояли мы в раздумье, но недолго:
Вдруг трубки опустили все они
И приложили к узкому отверстию.
И вдруг покрылось небо все огнем,
А после темным дымом омрачилось,
Извергнутым из жерл машин, чей рев
Наполнил воздух весь ужасным шумом,
И вместе с тем всю внутренность свою
Извергли в нас их дьявольские глотки, —
Сцепленье стрел ужасных громовых
И град шаров железных. Все, кто в войске
Победоносном ими был задет,
Кого коснулся их удар свирепый,
Не удержались на ногах, хоть прежде
Они стояли твердо, как скала;

Попадали тут тысячи рядами –
Архангелы и Ангелы; притом
Оружье их лишь помогло паденью:
Без тяжести его они могли б
Проворно избежать удара, сжавшись
Иль ускользнув, как Духи; но теперь
Постигло их ужасное крушение;
Не помогло б и разомкнуть ряды.
Что было делать им? В атаку прямо
Бросаться? Повторился бы отпор,
Удвоив только гнусное паденье,
На смех врагам: на смену Серафимов
Стал новый ряд, готовый повторить
Залп громоносный. В полном же расстройстве
Вспять обратиться было бы стыдом,
Который был для них всего ужасней.
Их положение трудное увидя,
Вскричал к своим с насмешкой Сатана:

«О други! Что же гордый победитель
К нам не идет? С такой отвагой прежде
Он выступал – и вот, как только мы
Фронт развернули и, ему объятья
Раскрыв (что больше сделать мы могли?),
Хотели предложить условия мира,
Намеренья он круто изменил!
Противники бегут куда-то наши
Иль как-то странно топчутся на месте,
Как будто танцевать они хотят,

Хотя для танца, впрочем, их движения
Немножко дики, странны. Или это
От радости, что им предложен мир?
Однако я надеюсь, что, как только
Мы наше предложение повторим,
Оно их быстро приведет к решению».

В насмешливом таком же тоне вторил
Ему своею речью Велиал:
«Да, полководец! Наше предложение
Серьезно было, твердо, полновесно,
Неотразимо силой убежденья
И, кажется, понравилось им всем,
Иных же чрезвычайно поразило.
Кто выдержать его всю силу может,
Быть должен стойким с головы до ног,
А если кто не выдержит – увидим,
Что враг наш прям и стоек не всегда».

Так шутками обменивались оба
И, насмехаясь, в гордости своей
В руках своих считали уж победу,
Надеялись, что выдумкой такой
Сумеют столь легко они бороться
С Предвечным Всемогуществом. И вот
Они над Божьим громом издевались
И Божию осмеивали рать –
Лишь потому, что мы на время были
В невольном замешательстве – на время

Недолгое притом: гнев наконец
Нас научил и указал оружие,
Сильнейшее всех адских их машин
(Такую силу Бог и превосходство
Вложил в могучих Ангелов своих);
Все Ангелы, вооруженье бросив,
Как молнии помчались вдруг к горам
(Приятное долин чередованье
С горами, что ты видишь на Земле,
Землею лишь заимствовано с Неба)
И с оснований стали их срывать.
С подошвы сняв холмы со всем, что было
На них, — камнями, лесом и ручьями —
И взяв их за косматые верхи,
Они помчались в битву. Изумленье
И страх объяли вражескую рать,
Когда враги увидели, как горы,
Подошвой вверх, на них несутся грозно;
И вот на все ряды машин проклятых
Обрушились холмы и погребли
Под тяжестью своей все их надежды.
И вслед на них самих, собою воздух,
Как тучи, помрачая, понеслись
С ужасной быстротою гор громады
И придавили целые полки.
От панцирей им было только хуже:
Раздавлены, раздроблены в куски,
Они вонзались в тело, причиняя
Страданья нестерпимые. Стеня,

Под бременем они боролись долго,
Пока из той не вырвались тюрьмы,
Хотя они и были Духи света
Чистейшего, пока своим грехом
Не омрачились и не загубели.
Затем схватились, подражая нам,
Они за то же самое оружие
И вырвали ближайшие холмы;
Тут в воздухе, летая с громким свистом,
Гора с горою сталкивались дико,
Под ними же кипел жестокий бой.
Шум был ужасен: перед этой бойней
Война казалась нежною игрой;
Погибло бы в крушении том все Небо,
Когда бы Всемогущий наш Отец,
В святилище спокойно на престоле
Сидящий, обсуждая суть вещей,
Весь этот беспорядок не предвидел.
Намеренно его Он допустил,
Дабы Свое решение исполнить
И мщением врагам своим почтить
Помазанника Сына, облакая
Его Своим могуществом. И вот,
Участнику небесного престола,
Он так промолвил Сыну Своему:

«Моей великой славы излиянье,
Возлюбленный Мой Сын! Ты, в Чьем лице
Невидимой божественности силу

Я всей вселенной видимо явил,
Ты, Чьей рукой свершаются веленья
Мои, Ты, всемогущество второе!
Два дня, как Мы считаем в Небесах,
Прошли уже два дня с тех пор, как вышел
Со всей своею ратью Михаил,
Чтоб непокорных усмирить. Ужасна
Была их битва, и должно быть так,
Когда такие два врага сойдутся.
Я предоставил их самим себе;
Ты знаешь, что Я равными их создал, –
Греховность лишь их делает слабей,
Но слабость та еще не проявилась
Достаточно: Я с карой не спешу,
А потому продлиться может вечно
Их бой и не решится он ничем.
Все, что могла, война уж совершила –
Сняла безмерной ярости узду;
Оружием они избрали горы,
Борьба бушует дико в Небесах
И угрожает гибелью вселенной.
Итак, два дня прошли; день третий – Твой;
Тебе его Я предназначил; долго
Я это все терпел лишь для того,
Чтоб слава окончанья той великой
Войны осталась только за Тобой:
Один лишь Ты ее окончить можешь.
В Тебя Я столько благодати и силы
Излил, что все – и Небеса и Ад –

Увидят, сколь превыше всех сравнений
Могущество Твое, и самый ход
Борьбы мятежной той Я так направил,
Чтоб показать, что Ты достойней всех
Принять Мое всемирное наследье,
Что по заслугам Ты Мое приял
Священное помазанье на Царство.
Иди же, сильный силою Отца,
Возьми Себе Мою Ты колесницу,
Которой бег колеблет Небеса;
Возьми с Собою все Мое оружие,
Мой лук и гром; Мой всемогущий меч
Неси на битву при бедре могучем;
Преследуй тьмы сынов и от Небес
Их прогони на дно ужасной бездны, –
Пусть там поймут, что значит презирать
Всевышнего и их Царя – Мессию!»

Так говорил Он, озаряя Сына
Сияньем всех лучей своих; и Сын
Отца неизреченную всю славу
В лице своем воспринимал чудесно.
И Божество Сыновнее рекло:
«О высший из Престолов всех небесных,
Отец Мой, первый, лучший, величайший,
Святейший! Знаю: Ты всегда искал
Прославить Сына, Я ж стремлюсь по праву
Тебя прославить: слава в том Моя
И возвышение, в том Моя вся радость,

Что Ты ко Мне благоволишь и волю
Через Меня Свою свершаешь; Мне же
Свершать ту волю – высшее блаженство.
Я принимаю скипетр от Тебя
И возвращу его еще охотней,
Когда, в конце, Ты будешь все во всем
И Я в Тебе навеки; кто любезен
Тебе – любезен Мне, и ненавистен,
Кого Ты ненавидишь. Совершу
Твою Я кару, как свершаю милость;
Везде, во всем Я верный образ Твой.
Могуществом Твоим вооруженный,
Я Небеса освобожу от злых
И прогоню мятежников немедленно
В жилище, уготованное им;
Пусть там, во тьме, в цепях они томятся,
Червя неумирающего снеть,
За то, что оказали непокорство
Тебе, Кому покорствовать – блаженство.
Тогда одни святые все Твои,
Ограждены от стаи нечестивых,
Вокруг святой горы соединятся,
Чтоб непритворно “аллилуйя” петь,
Хваля Тебя, и Я, как вождь их, с ними».

Промолвил – и, на скипетр опираясь,
С высокого престола Он сошел,
Где восседал Он одесную Славы.
В тот миг святое третье утро встало

И озарило светом небо. Вихрем
Помчалась колесница Божества,
Объята ярким пламенем блестящим,
Влекомая лишь внутреннею силой,
Без всякого вращения колес,
В сопровожденьи четырех чудесных
Сопутников, по виду Херувимов,
Имевших каждый по четыре лика;
Покрыты были звездами тела
Тех Ангелов, а крылья их глазами;
Колеса же берилловые также
Усеяны глазами были все,
Меж коими огни сверкали ярко.
Над головами их хрустальный свод,
Сияя, возвышался; был поставлен
Сапфировый на колеснице трон,
Украшен чистым янтарем, а цветом –
Как радуга росистая. На троне
Сидел, во всеоружии небесном,
Сын Божий; был на Нем урим¹²² лучистый
Божественной работы. Рядом с ним,
С орлиными крылами, одесную
Победа возвышалась; за плечами
Имел Он лук могучий и колчан,
Трезубцев грома полный. Разливался
Вкруг яркий свет; курился дым, и грозно
Взвивались искры. Так вперед Он неся,

¹²² *Урим* (по-еврейски значит «блеск») – жреческий нагрудник с двенадцатью драгоценными камнями.

И десять тысяч тысячей святых
Несли за Ним; Он издали был виден.
И двадцать тысяч Божьих колесниц
(На каждой стороне по половине
Того числа) Его сопровождали.
Так по хрустальным небесам, на крыльях
Могучих Серафимов, на престоле
Сапфировом своем примчался Он,
Сияя вдаль и вширь; своими прежде
Врагов Он был замечен, и восторг
Нежданный их объял, когда, сверкая,
Мессии стяг великий в Небесах,
Руками верных Ангелов несомый,
Явился. Михаил свою всю рать
Отвел под это знамя; оба фланга,
Сплотясь, сошлись к Единому Главе.
Божественная сила расчищала
Путь перед ним; велением Его
К своим местам все возвратились горы,
Как только был его услышан глас;
Свой прежний вид себе вернуло небо,
И новыми цветами расцвели
Его холмы и тихие долины.
Все это совершилось пред глазами
Его врагов злосчастных, но они
Все ж при своем упрямстве оставались,
Безумное решение приняв
Собрать все силы для мятежной битвы,
В отчаянье решенье почерпнув.

Как может быть среди небесных Духов
Такое извращение ума?
Какое, впрочем, знаменье способно
Надменных убедить; какое чудо
Смирит упрямца закоснелый дух?
То, что могло б исправить их, служило
Им лишь к тому, чтоб их ожесточить;
Великую Его увидя славу,
Объяты были завистью они,
Стремилися величьем с Ним сравниться
И смело в бой готовились вступить,
Надеясь или силой, иль обманом
И Бога и Мессию одолеть
Иль вместе пасть в крушении всеобщем.
Итак, в последний бой они пошли,
С презреньем отвергая отступление
Иль бегство. И великий Божий Сын
Сказал тогда Своей отважной рати:

«Не двигаясь, в блистательном строю,
Мои святые Ангелы, оставайтесь!
Отвага ваша Господу была
Угодна; вы бесстрашно постояли
В бою за дело правое свое;
Что повелел Господь, то вы свершили
Непобедимо; но другой руке
Дано исполнить кару над ордою
Проклятою; месть совершит Господь
Иль тот, кому ее Он поручает.

Сегодня дело не в числе бойцов,
А потому лишь стойте и смотрите,
Как Божий гнев Я изолью на этих
Безбожников. Не вас, а лишь Меня
Они презреньем оскорбили, зависть
Ко Мне за то питая, что Отец,
Которому все Царство, власть и слава
Принадлежат на Небесах, Меня
Почтить великой честью соизволил.
Поэтому и казнь их на Меня
Возложена; пусть воля их свершится,
Пусть испытают в битве, кто сильней –
Они ли все иль Я один; лишь силой
Они все измеряют, превосходства
Иного не ища и не заботясь
О тех, кто превосходит их; и Я
Иного спора их не удостою!»

Так Сын сказал, и страшно изменилось
Лицо Его, суровый вид приняв,
Невыносимый взору; полный гнева,
Он на врагов безумных обратился,
И крылья звездоносные свои
Четыре Херувима распустили,
И тень вокруг них зловещая легла,
И загремели грозные колеса
Великой колесницы, будто шум
Быстротекущих вод иль топот войска
Громадного. Мрачнее темной ночи

Он на врагов помчался нечестивых,
И от Его пылающих колес
Вся эмпиреев твердь заколебалась –
Вся, кроме трона Бога. В миг один
Проник Он в середину вражьей рати
И правою рукою десять тысяч
Разящих молний с силою метнул,
Которые в сердца врагов вонзились.
Оглушены, противиться они
Не в силах были, мужество утратив
И праздное оружие уронив.
А Он помчался по щитам и шлемам,
По головам поверженных Престолов
И распростертых сильных Серафимов,
Которые желали в этот миг,
Чтоб горы вновь покрыли их, в защиту
От гнева беспощадного Его.
И бурею вокруг летели стрелы
От тех четвероликих четырех,
Чье тело было все вокруг покрыто
Глазами, и от тех живых колес,
Что были все усеяны очами;
Единый ими Дух руководил,
И каждый глаз сверкал светлее молний
И извергал губительный огонь,
Разя врагов проклятых. Ослабели
Они, лишась своей обычной силы;
Без чувств они, разбиты, пали ниц.
Но силы Он Своей лишь половину

Употребил, остановил Свой гром
На полпути, не истребить их вовсе
Хотел – лишь с корнем вырвать из Небес.
Он падших вновь восставил и, как стадо
Пугливых козлищ, пред Собой погнал,
Вослед за ними громы посылая,
Преследуя их ужасом и страхом
До стен хрустальных Неба; вдруг пред ними
Разверзлись те стены в ширину –
И страшная, громадная открылась
Пред ними бездна мрачной пустоты.
Устрашены ужасным этим видом,
Они невольно ринулись назад –
Но позади теснил их страх сильнейший;
И вот стремглав низвергнулись они
Через край Небес, гонимы вечным гневом
Пылающим, в бездонную пучину.

Услышал Ад тот грохот нестерпимый,
Увидел Ад, как Небеса с Небес
Свергаются; бежать хотел он в страхе,
Но слишком прочно на основах мрачных
Судьбою был он в бездне укреплен.
И падали они так девять суток.
Хаос ревел в смятении: в десять раз
Он чувствовал себя смущенным больше
В анархии своей, когда толпа
Громадная такая разореньем
Ужасным переполнила его.

Но наконец, разинув зев широкий,
Ад поглотил их всех; над ними он
Замкнулся, стал для них жилищем вечным;
Он поли неугасимого огня,
Обитель мук и скорби беспредельной.
А Небеса, от бремени навек
Освободясь, возрадовались, быстро
Пролом их стен закрылся, и опять
Ограда их на место возвратилась.
Единственный великий победитель
Врагов своих, Мессия повернул
Назад на триумфальной колеснице.
Ему навстречу двинулись, ликуя,
Святые все, стоявшие безмолвно,
Свидетели могущества Его,
И, пальмами Владыку осеняя,
Воспели все отряды и чины
Царя победоносного и Сына
И Господа, достойного царить.
И, торжествуя, шествовал чрез Небо
К селеньям Он Могучего Отца,
К Его святому храму и престолу,
И в славе был Отцом Своим Он встречен,
И одесную Вечного воссел.
Так, измеряя мерою земною
Небесные дела, я рассказал
Тебе, что ты просил, дабы примером
Прошедшего тебя предостеречь,
Я рассказал о том, чего, быть может,

Без этого весь род людской вовеки
Не знал бы: о великом том раздоре
И о войне, кипевшей в Небесах
Меж ангельскими силами, о страшном
Паденьи тех, кто слишком был высок
В своих стремленьях – вместе с Сатаной
Кто возмутился. Ныне Сатана
Завидует и твоему блаженству
И замысел лелеет отклонить
Тебя от послушанья, чтоб, подобно
Ему, ты своего лишился счастья
И вечную с ним кару разделил.
Он месть свою находит и отраду
В том, чтоб тебя, Всевышнему назло,
Участником своих терзаний сделать.
Не слушай же его ты искушений,
Остереги жену: она слабей,
Чем ты; умей из страшного примера,
Который слышал ты, извлечь всю пользу;
Ты знаешь кару непокорства. Твердо
Они стояли и, однако, пали, –
Так помни же и бойся согрешить».

Книга седьмая

Содержание

Рафаил по просьбе Адама рассказывает, как и для чего был сотворен этот мир: как Бог, после изгнания Сатаны с его Ангелами с Небес, объявляет, что Ему угодно сотворить новый мир и новых созданий, которые будут в нем жить. Бог посылает во славе Своего Сына в сопровождении Ангелов, поручая Ему совершить дело творения в шесть дней. Ангелы прославляют песнопениями совершение этого дела, и Сын Божий снова восходит на небо.

Сойди с Небес, Урания¹²³, коль верным
Тебя я ныне именем зову, —
Ты, коей глас божественный услышав,
Превыше я Олимпа воспарил,

¹²³ *Сойди с Небес, Урания... не из числа ты девяти...* — у греков было девять муз: Клио (муза истории), Каллиопа (муза эпоса), Евтерпа (муза лирической поэзии), Мельпомена (муза трагедии), Эрато (муза любовной поэзии и мимики), Полигимния (муза гимнов), Талия (муза комедии), Терпсихора (муза танцев), Урания (муза астрономии). Таким образом, своей Урании Мильтон придает совершенно особое значение. Поскольку в ее власти небесные предметы, Уранию призывал Данте, прежде чем петь о Рае. У поэтов Возрождения Урания стала покровительницей высокой эпической поэзии.

Превыше, чем Пегас¹²⁴ певцов возносит!
Не имя – сущность лишь твою зову;
Не из числа ты девяти, живущих
На высоте Олимпа: Небеса –
Твоя отчизна; раньше, чем явились
Громады гор, чем реки потекли,
Вела ты с вечной мудростью беседу,
Сестрой своей, и с нею ты играла
В присутствии всеильного Отца,
Небесной песнью слух Его пленяя!
Тобою вознесенный, я дерзнул
На Небеса Небес проникнуть смело,
Как гость земной, и воздух эмпиреев,
Тобой смягченный, жадно я вдыхал.
Дозволь же мне в родную мне стихию
Вернуться снова безопасно вниз,
Чтоб конь крылатый без узды не сбросил
Меня, как сбросил он Беллерофонта¹²⁵ –
Который в высь такую не взлетал, –
Чтоб я, как он, не заблудился, сброшен,

¹²⁴ *Пегас* – мифический крылатый конь поэтов, на котором они воспаряют в своих песнопениях. Значение это придано ему лишь в позднейшие времена, древние же греки не приурочивали его к поэзии. Конь этот выскочил, по их мифам, из Медузы, когда Персей отрубил ей голову.

¹²⁵ 200. *Беллерофонт* – мифический греческий герой, убивший Химеру (см. примеч. к с. 62); по Пиндару, он захотел подняться на Пегасе до неба; разгневанный этой дерзостью, Зевес послал овода, который, жаля Пегаса, довел коня до бешенства, и конь сбросил Беллерофонта, который упал и сделался хромым и слепым.

В полях Элейских!¹²⁶ Только половину
Успел своей исполнить песни я;
Но ныне круг мой сузился – яснее
Вокруг себя я вижу сферу дня,
Стою на твердой почве, не витаю
Над полюсом, уверенней пою
Своим я смертным голосом, без страха,
Что ослабеет иль умолкнет он,
Хотя мне петь приходится в дни злые¹²⁷,
В дни злобные, меж злобных языков,
Во тьме, среди опасностей грозящих,
В печальном одиночестве. Но все ж
Я не совсем один: ты навещаешь
Мои ночные грезы, ты приходишь,
Когда зарей румянится восток.
Руководи ж, Урания, моею
Ты песнею, хотя бы песне той
Внимали лишь немногие; избавь лишь
Ты от помехи варварской ту песню –
От Вакха и поклонников его,
От той толпы безумной, что в Родопе
Измучила фракийского певца¹²⁸.

¹²⁶ ...*В полях Элейских!* – Элея или Эолида, – местность в Малой Азии, близ Геллеспонта (Дарданелл).

¹²⁷ ...*Хотя мне петь приходится в дни злые... во тьме...* – здесь Мильтон опять намекает на свою слепоту (см. примеч. к с. 82) и на печальные обстоятельства конца своей жизни.

¹²⁸ ...*От той толпы безумной, что в Родопе измучила фракийского певца.* – Родопские горы на Балканском полуострове ныне носят название Деспото-Даг.

Ему леса и горы с восхищением
Внимали, но и песнь его, и лиру
Толпы крик дикий заглушил, и Муза
Певца не защитила своего.
Ты ж окажи молящему защиту:
Небесного происхождения ты,
А та была лишь грезой пустою.
Скажи, богиня, что произошло,
Когда окончил Рафаил, Архангел
Приветливый, свое предупреждение
Адаму, показав ему пример
Отступников постигшей страшной кары,
Чтоб и Адаму иль его потомству
Не потерпеть такой же кары, если б
Единую ту заповедь они
Нарушили о древе запрещенном,
Которую им было так легко
Хранить, имея самый лучший выбор,
Чтоб услаждать свой вкус, переходя
От древа к древу. И Адам и Ева
Внимательно прослушали ту повесть,
Объяты изумленьем и раздумьем,
Рассказ услышав о таких делах,
Для них высоких, странных, непонятных,
Как злоба и вражда среди Небес,
Война в соседстве близком с Божьим миром,
Среди блаженства яростный мятеж,

Здесь Орфей был растерзан вакханками за то, что с презрением отказался участвовать в их оргиях.

Хоть скоро был подавлен он – отпрянул
Обратно, как от берега прибой,
На тех, кем он затеян был: конечно,
В стране блаженства был он нетерпим.
Рассеялись сомнения Адама;
Но вместе с тем созрело в нем желанье
Безгрешное – поболее узнать
О многом, что его касалось ближе:
Откуда этот мир – земля и небо,
Которые он видел вокруг себя,
Произошли, когда, с какою целью
И из чего они сотворены;
Что было вне Эдема и в Эдеме,
Пока в нем не явился человек.
Так, чувство жажды утолив, глазами
Мы провожаем свежие струи
Бегущие – и пить желаем снова.
И гостю он небесному сказал:

«Великие, чудесные события.
Дела, каких не знает мир земной,
Ты рассказал, божественный наставник,
Ниспосланный благоволеньем Божиим
С высот небесных, чтоб предостеречь
Нас вовремя о том, чего лишиться
Могли бы мы, не зная о вещах,
Недостижимых знанью человека.
За это Бесконечному Добру
Должны мы быть безмерно благодарны,

Приняв предупреждение Его
Торжественно и твердо, чтобы верно
Служить всегда Его высокой воле,
Цель нашего в том видя бытия.
Но если нас ты все же удостоил
Рассказа о вещах, лежащих выше
Земного разума, — если мудрость
Всевышняя нашла, что это нужно
Нам знать, — тогда, прошу, не откажи
И дальше снизойти и нам поведать
То, что нам знать, быть может, столь же важно:
Как и когда возникло это небо,
Которое мы видим в вышине,
С подвижными несчетными огнями
И все, что вокруг пространство создает
Иль наполняет, — этот воздух чистый
Вокруг цветущей радостно земли;
Чем побужден был наш Творец Великий
В Его святом покое вековечном
Среди Хаоса снова приступить
К творенью — как Он то творенье начал,
Когда его окончил? Нам об этом
Ты расскажи, коль не преступно знать
Нам это все. Мы спрашиваем это
Не для того, чтоб нам разведать тайны
Его предвечной власти, но затем,
Чтоб прославлять дела Его тем больше,
Чем более о них мы будем знать.
Притом великий свет дневной далёко

Свой бег еще не кончил, хоть и вниз
Спускается; он в Небе ждет, он внемлет,
Удержан мощным голосом твоим,
И долее промедлит, чтоб услышать
О собственном своем происхождении,
О том, как весь природы мир возник
Из вечной бездны, не имевшей формы.
А если бы вечерняя звезда
И месяц также слушать поспешили
Ту повесть, ночь с собой бы принесла
Безмолвие, и сон, тебе внимая,
Свои бы вежды не сомкнул, иль сами
Его к себе не допустили б мы,
Чтоб песнь твою нам до конца дослушать
И отпустить тебя перед зарей».

Так он молил блистательного гостя.
И с кротостью богоподобный Ангел
Ему сказал: «Не откажу тебе
И в этой скромной просьбе. Как, однако,
О дивных Всемогущего делах
Я расскажу достойными словами?
Как описать их может Серафим,
Как их поймет ум слабый человека?
Но все ж, насколько можешь ты постичь
Все это, пусть оно не будет скрыто
От слуха твоего, дабы тем лучше
Ты прославленью Бога мог служить

И через то иметь тем больше счастья.
Я разрешение свыше получил
Давать тебе ответы на вопросы
В границах, знанию твоему доступных;
Но спрашивать о большем воздержись
И не надейся собственным талантом
Узнать о сокровенных тех вещах,
Которые незримый наш Владыка –
Единый лишь Всеведущий – покрыл
Навеки мраком, на земле и в небе
К их знанию никого не допустив.
Довольно и без них вещей найдется,
Достойных изучения и познания;
Подобно знанье пище: через меру
Не следует вкушать его; пусть ум
Лишь то приемлет, что объять он может;
Избытком будет только подавлять
Он сам себя, и мудрость превратится
В безумие: так точно пресыщенье
Лишь к несваренью вредному ведет.

Когда был изгнан Люцифер с Небес¹²⁹
(Так называй его: он был когда-то
Блистательней средь Ангелов, чем это
Светило средь небесных всех светил).
Когда он пал со всей своею ратью
Пылающей сквозь бездну в место кары

¹²⁹ *Когда был изгнан Люцифер с Небес...* – Люцифером или Фосфором древние называли утреннюю звезду (планета Венера).

И Божий Сын великий возвратился
С победою среди своих святых,
Тогда Отец наш Вечный Всемогущий
Их множество с престола обозрел
И так сказал Божественному Сыну:

«Ошибся он, завистливый наш Враг:
Он полагал, что все, как он, мятежны;
С их помощью надеялся достигнуть
Он этой высшей силы недоступной
И высшего престола Божества;
Он был намерен, Нас лишив престола,
Его в свое владенье захватить,
И он увлек своим обманом многих,
Которым здесь отныне места нет;
Но большая гораздо часть осталась
Верна, как вижу; Небеса имеют
Довольно населенья, чтоб хранить
Владычество свое во всей вселенной
И посещать высокий этот храм
И в нем свершать торжественные службы
И должны обряды соблюдать.
Однако же, чтоб Враг не утешался
Содеянным им Злом, не говорил,
Что Небеса опустошить сумел он
И тем как будто Мне нанес ущерб,
Намерен Я ту возместить потерю
(Насколько можно то назвать потерей,
Что потеряло уж само себя);

Намерен Я создать теперь мир новый
И новых в нем созданий поселить –
Бесчисленный род человека. Будет
Он жить не здесь – до той поры, пока
Заслугами своими постепенно
Себе он не откроет путь и доступ
К обителям небесной высоты,
Испытанный повиновеньем долгим.
Тогда Земля, жилище человека,
Сама собою превратится в Небо,
А Небо в Землю, – станет весь тот мир
Единым царством, в единении сладком
И в радости безмерной, без конца.
Пока же здесь живите на просторе
Вы, дети Неба, чрез Тебя, Мой Сын
Возлюбленный, Мое живое Слово,
Создам Я мир: скажи и соверши!
Мой дух да осенит Тебя, с Тобою
Да будет все могущество Мое!
Иди и повели великой бездне,
Определясь, стать Небом и Землей!
Та бездна безгранична, но пространство
Не пусто: наполняю Я Собой
Всю бесконечность; уходить могу Я,
Ничем не ограничен, Сам в Себя,
Свою не обнаруживая благодать,
Которая свободна почивать
Иль деятельной быть; необходимость
И случай не касаются Меня

Вовеки, и судьба – Моя есть воля!»

Так говорил Творец, и Божество
Сыновнее, Его живое Слово,
Исполнило все то, что Он сказал.
Дела мгновенны Божии – быстрее,
Чем время иль движение; но так как
Нельзя их человеку объяснить,
Не пользуясь словами, расскажу я
Их так, чтоб мог понять их ум земной.
Великая, торжественная радость
Взыграла в Небе при словах Творца,
Когда Свою Он объявил нам волю.
Воспели мы Всевышнему хвалу,
Мир и благоволение человеку
Грядущему; восславили Того,
Чей справедливый гнев изгнал безбожных,
Их покарав, от Божия лица
И от жилища праведных, Чья мудрость
Добро из Зла сумела сотворить,
Кто вызвал к жизни род созданий лучших
На смену Духов Зла и тем Добро
Распространил навек по всей Вселенной.
Так воспевали Ангелы Творца.
Сын между тем, готовый к предприятью
Великому, явился весь в лучах,
Могуществом всеильным опоясан,
В величии Божественном; любовь
И мудрость бесконечная светились

В Его лице — сиял в Нем весь Отец.
Вокруг Его великой колесницы,
Бесчисленны, собрались Херувимы
И Серафимы, Власти, и Престолы,
И Доблести — крылатые все Духи —
И множество крылатых колесниц
Из арсенала Божия: стояли
Их мириады с древности глубокой
Меж двух рядов высоких медных гор,
Готовые к торжественному часу.
И ныне сами вынеслись они —
Затем что жил в них дух — перед Владыкой,
И распахнулись вечные врата
Небесные, со звуком гармоничным
На золотых вращаясь петлях,
Дабы в своем могущественном Слове
Царь славы и Творца великий Дух
Свободно мог проследовать к творенью.
И вот остановились они
У края Неба, как у берега моря,
Пред бездною неизмеримой, мрачной,
Бушующей, как дикий океан,
До дна свирепой бурей возмущенный,
Чьи волны ввысь вздымались, как горы,
Вершинами плескали в Небеса
И с центром перемешивали полюс.

«Умолкните, бушующие волны!
Ты, бездна, успокойся!» — изрекло

Свое веленье Творческое Слово. —
Окончите свирепый ваш раздор!»
И вслед за тем на крыльях Херувимов
Сын, озаренный славою Отца,
Спустился вниз, в Хаос, в мир нерожденный,
Которым был Его услышан глас,
И вслед за ним блистательная свита
Спустилася, чтоб созерцать творенье
И чудеса могущества Его.
Остановились быстрые колеса
Огнистые, и циркуль золотой
Он в руку взял, чудесное орудье
Из Божьей мастерской, — чтоб очертить
Границы мира и всего творенья.
Одно оставив в центре острие,
Другим обширный круг сквозь тьму и бездну
Он описал вокруг Себя и молвил:
«Так простирайся, мир! Да будут здесь
Твои границы и твоя окружность!»
Так создал ваше Небо Бог и Землю,
Пока еще без формы и без жизни;
Над бездною лежал глубокий мрак,
Но над водой спокойною носился
Дух Божий, животворные Свои
Над ней широко крылья распуская;
И влил Он жизнь и жизни теплоту
Во всю ту массу жидкую, и книзу,
Холодный, черный, Тартаром рожденный,
Враждебный жизни вещества осадок

Направил Он; затем соединил
Подобное с подобным, остальное ж
Все по своим местам распределил,
А промежутки воздухом наполнил;
И вот, сама себя уравновесив,
За центр была подвешена Земля.
«Да будет свет!» – рек Бог – и свет явился, –
Эфирная, первейшая из всех
Субстанция, восставшая из бездны, –
И от востока, родины своей,
Светить сквозь мрак он начал, заключенный
В шарообразном облаке лучистом:
В то время солнца не было еще –
Скрывалось оно в шатре туманном.
И вот увидел Бог, что свет – хорош,
И свет от тьмы тогда по полушарьям
Он отделил, и свет нарек Он днем,
Тьму – ночью. Так, сменяясь, первый вечер
Составил с первым утром первый день.
И хоры все небесные воспели,
Восславили тот миг, когда блеснул
С востока свет из мрака, знаменуя
Тот день рожденья Неба и Земли.
И радостью и громким ликованием
Вселенной круг наполнили они,
И зазвучали арфы золотые
И гимны Богу и Его делам;
Весь первый вечер, первое все утро
Создателю звучала их хвала.

И снова Бог сказал: «Да будет твердь
Средь вод, и пусть она разделит воды
От вод!» И твердь явилась в тот же миг, —
Хрустальный, жидкий, чистый и прозрачный
Стихийный воздух, вкруг распространенный
До самой крайней выпуклости шара
Вселенной, как надежная стена
Меж верхними и нижними водами,
Затем, что как земля, так прочий мир
Построились на лоне вод спокойных,
Хрустальный составлявших океан,
И вдаль от них Хаос был отодвинут
С его шумливым беспорядком, чтобы
Две крайности, соприкасаясь близко,
Разрушить все создание не могли.
И небом Бог ту твердь нарек. И хоры
Небесные Его воспели снова, —
Был вечер, было утро, — день второй.

Земли была уже готова форма,
Но в лоне вод скрывалась она,
Незрелому зародышу подобно,
И не была видна снаружи; всюду
По ней распространялся океан,
Однако же не праздный: теплотою
Ее он плодоносною смягчал,
Готовя мать великую к зачатию
И насыщая влагой плодovitой.

И Бог сказал: «Вы, воды все под небом,
Распределитесь по своим местам,
И пусть от вас освободится суша!»
И вдруг из моря вынырнули горы
Великие, подняв свои хребты
И тучами верхи свои окутав;
А на местах, откуда встали горы,
Осело дно и вширь и в глубину,
Обширное воде доставив ложе;
И устремились горы в котловины
С веселою поспешностью, крутясь,
Подобно каплям, в шарики на пыльной
Поверхности собирающимся быстро;
Иные же хрустальными стенами
Отвесно стали вниз от берегов,
Велению Бога быстро повинуюсь.
Как созывает войско звук трубы
(О чем ты от меня довольно слышал)
И к знамени собирается оно,
Так волн гряды, спеша, тесня друг друга,
Неслись везде, где находили путь;
Где путь был крут – они свергались шумно,
Где ровен был – спокойнее текли;
Им ни холмы, ни горы не мешали
Там или здесь дорогу проложить –
То под землей, то, змейкой извиваясь
Вокруг, они в далекий шли обход
И мягкий ил привольно бороздили.
Легко им было течь, пока Господь

Не повелел везде быть суше, кроме
Тех мест, где реки с той поры текут,
Заключены в определенных руслах.
И сушу Он тогда нарек землей,
А водоем великий общий – морем;
Увидел Он, что это хорошо,
И молвил: «Пусть, зеленою травую
Одевшись, земля произведет
Дающие зерно породы злаков
И деревья, дающие плоды,
И семена их все в земле да будут!»
Едва сказал Он это, и земля,
Пустынная дотоле и нагая,
Невзрачная, без всяких украшений,
Травой оделась нежною, и зелень
Приятная ее покрыла лик,
И расцвели на ней повсюду травы
Различными цветами, и вздохнула
Земная грудь их сладким ароматом.
И виноград густой, висясь, возрос,
И поползла стеблем пахучим тыква,
И колосистой ратью встал тростник,
И множество кустарников кудрявых
Своею свежей зеленью сплелись,
И, наконец, восстали, будто в танце,
Деревьев статных стройные ряды,
Украшены обильными плодами
Иль почками цветочными; лесами
Покрылись горы, рощами – долины,

Кустами okayмилися ручьи.
И вот Земля подобна стала Небу –
Так хороша, что боги здесь могли б
Охотно жить иль странствовать с отрадой
Под сению ее священных рощ.
Хотя дождя Господь еще на землю
Не посылал и не было на ней
Для обработки почвы человека, –
Но от земли всходил сырой туман,
И освежал он каждое растенье
И каждую из многих нежных травок,
Которые Бог раньше сотворил,
Чем над землей стебли их показались.
И видел Бог, что это – хорошо.
Был вечер, было утро, – был день третий.

И вслед за тем Всесильный вновь сказал:
«Да будут в небе звезды и светила,
Чтоб знаками служить для разделенья
Дней от ночей, годов и их времен;
А также долг на них Я возлагаю
С высот небесных освещать всю землю».
И все свершилось по Его словам.
Бог сотворил великих два светила –
Великих по их важному значенью
Для человека; большему из них
Он вверил управление дня теченьем,
А меньшему чредой назначил ночь;
И создал Он бесчисленные звезды

На небесах, чтоб землю озарять,
И день и ночь поочередно править,
И отделять повсюду свет от тьмы.
Итак, из всех светил небесных первым
Он создал солнце – темную сперва
Эфирную громаду, – после – месяц,
За ним же – звезды разных величин,
Усеяв ими свод небес, как поле;
Затем он света большую взял часть
Из тучи, для него шатром служившей,
И в солнечную сферу поместил,
Которая во все впитала поры
Свет жидкий, чтоб прочнее удержать
Лучи и стать дворцом великим света.
Отсюда, как из общего ключа,
Свет стали черпать звезды остальные
В золотые урны; им позолотились
Звезды прекрасной утренней рога.
Чрез ту окраску или отблеск звезды
Свои питают меньшие тела,
Хотя они для зренья человека
Лишь потому являются так малы,
Что от него весьма удалены.
Сперва с востока царственной лампадой
Явилось солнце, как владыка дня,
Блестящими лучами озаряя
Вкруг горизонт и радуясь начать
Свой долгий путь высокий через небо.
Пред ним в веселой пляске пронеслись

И сумерки рассвета, и Плеяды,
Свое влияние сладкое излив.
Как зеркало его, стоял с ним вровень
На западной, напротив, стороне
Не столь блестящий месяц, принимая
В свой полный лик заимствованный свет, –
В другом пока он свете не нуждался:
На этом расстоянии он стоял
До самой ночи, вокруг небесной оси
Свой совершая круг; затем с востока
Вступал в свое он царство, разделяя
С толпой светил слабейших власть свою –
Со звездами, что тысячами тысяч,
Как блесками, покрыли небосвод.
Так весело украсились впервые
Светил всходящих или нисходящих
Блистательной толпою небеса, –
Был вечер, было утро, – день четвертый.

И Бог сказал: «Пусть произведет
Вода отныне из икры обильной
Ползущих и плывущих разных тварей,
Одушевленных жизнью, а земля
Птиц да родит, которые на крыльях
Пусть воспарят свободно до небес!»
И создал Бог в воде китов огромных
И разных пресмыкающихся тварей,
Обильно ими воды населив,

А на земле — род птиц разнообразных.
И видел он, что хороши они,
И, всех благословляя их, Он молвил:
«Плодитесь, размножайтесь в морях,
Озерах, речках и ручьях бегущих,
А птицы — размножайтесь на земле!»
И вмиг во всех морях, во всех проливах
Во всех озерах, бухтах стаи рыб
Несметными роями закишили¹³⁰;
Сребристую своею чешуей
Иль плавниками пестрыми сверкая,
Они под изумрудной зыбью моря
Местами так теснились, что, казалось,
Своею массой составляли мель.
Поодиночке или в виде стаек
Они паслись среди морской травы,
Иль меж кораллов весело шныряли,
Иль тешились проворною игрой,
На солнце грея спинки золотые,
Иль между створок раковин жемчужных
Лежали, влажной пищи ожидая,
Иль, в панцире суставчатом ютясь,
Из-под утесов стерегли добычу.
Над водной гладью прыгали, резвясь,
Горбатые дельфины и тюлени;

¹³⁰ *И вмиг во всех морях, во всех проливах... стаи рыб несметными роями закишили...* — под рыбами здесь разумеются всякие водные животные, подобно тому как и теперь французские крестьяне называют poisson не только рыбу, но и раков, моллюсков и прочее, что живет в воде.

Огромные, неловкие киты
Движеньем грубым море волновали;
Меж них левиафан, из всех созданий
Громаднейший, когда лежал на дне,
Утесу был подобен, если ж плавал,
Казался он пловучею землей.
А на земле меж тем в пещерах теплых,
И в норках, и везде по берегам
Из скорлупы выклеывались птицы –
Бесперые птенцы сперва, но вскоре
Оделись оперением они
И воспарили к небу, презирая
В своем полете низменность земли.
Орел и аист на вершинах кедров
И на утесах гнезда строить стали;
Иные птицы в воздухе просторном
Летали беспорядочно; другие,
Разумней их, в определенный строй
Распределяясь, путь свой направляли,
Умея время года избирать,
Через моря и земли, караваном
Воздушным, ускоряя свой полет
Поочередно; так журавль разумный,
Несомый ветром, ежегодный путь
Свершает свой, и воздух раздается,
Бесчисленными перьями гоним.
А мелких пташек рой по веткам прыгал,
Леса и рощи пеньем веселя,
На пестрых крыльях радостно порхая

До вечера, когда лишь соловей
Песнь продолжал свою, стена любовно.
Другие на озерах серебристых
И на ручьях своей пушистой грудью
В воде купались; гордый лебедь плыл,
Дугою выгнув шею, поднимая
Над телом крылья белые свои,
И лапами, как веслами, греб воду;
Иные же, равнину вод покинув,
На крепких крыльях в воздухе неслись.
Другие птицы по земле бродили;
Петух хохлатый громкою трубой
Час утра возвещал; павлин нарядный
Шел величаво, радужный свой хвост,
Украшенный глазами, распуская;
Так рыбами наполнились все воды,
Весь воздух — роем птиц разнообразных;
Был вечер, было утро — пятый день.

Пришел шестой, последний день творенья,
Приветствуем и вечером и утром
Гармонией звучавших сладко арф.
И Бог сказал: «Пускай Земля отныне
Произведет созданий новых род —
Скот всевозможный, и ползущих тварей,
И всяческих зверей земных». Земля
Повиновалась и открыла недра
Плодливые свои и родила
Бесчисленных созданий совершенных,

Снабженных всеми членами для жизни.

Из недр земли восстали, как из нор,
Породы диких всех зверей, какие
Живут в лесах, полях, кустах, пещерах,
Бродить попарно стали меж дерев,
Рогатый скот – среди полян зеленых;
Одни поодиночке, а другие
Стадами или стаями паслись,
От сочных трав равнины обнажая;
С мохнатой гривой лев, упершись крепко,
Старался вылезть из земли и вдруг,
Скачком освобождаясь, как будто с цепи
Сорвавшись, прыгал, отряхая гриву;
И тигр, и рысь, и пестрый леопард,
Встав из земли, с себя ее стряхали,
Набрасывая холмики, как крот;
Из-под земли, с ветвистой головою,
Встал и олень проворный; бегемот
Явился, неуклюжий и громадный;
Стада овец bleющих тонкорунных
И – средние меж тварями земными
И водными – явились конь речной¹³¹
И крокодил, покрытый чешуями.
Явилась и ползучих тварей рать –
Породы все червей и насекомых;

¹³¹ *Конь речной* – бегемот, иногда его называют также речной лошастью, но здесь под этим именем разумеется особое мифическое животное, подобно тому как и далее описываются черви с крыльями, змеи с волосистой гривой и т. п.

Как веер, распуская перепонки,
Служившие им крыльями, игрой
Роскошных красок и рисунков нежных
Блистали насекомые в одежде
Роскошной летней, в пятнах и полосках
Пурпурных, золотых, зеленых, синих;
А черви тело длинное свое
Влачили, почву бороздя следами, —
Притом не все ничтожны по размерам:
Иные были крупны, вроде змей,
Большой длины и толщины и даже
Имели крылья. Полз и муравей
Усердный, бережливый, о грядущем
Заботливый, имея в малом теле
Большое сердце. Может быть, эмблемой
Послужит он для общины людской,
Все поровну делящей справедливо.
Явился также рой прилежных пчел,
Которые своих супругов-трутней
Питают сладкой пищею и строят
Для меда ряд ячеек восковых.
Явились и бесчисленные стаи
Других, которых свойства знаешь ты,
Которым сам назначил ты названия, —
Излишне было б это повторять.
Меж них ты и змею, конечно, знаешь,
Хитрейшую из тварей всех земных,
Порой больших размеров, с медным взором
И страшной гривой волосистой, впрочем

Послушную, не вредную тебе.
Итак, сияло в полной славе Небо
И совершало все свои движенья
С тех пор, как в первый раз рука Творца
Ему его вращенье предписала;
И улыбалась ласково Земля
Во всей красе, во всем своем богатстве;
Вся суша и весь воздух, вся вода
Наполнились зверями, птицей, рыбой, –
Все бегало, летало, пресмыкалось
Иль плавало; но день шестой творенья
Еще не кончен был: недоставало
Последнего и лучшего создания –
Конца всех дел; недоставало твари,
Которая б не наклонялась низко,
Подобно прочим, а ходила б прямо
Во весь свой рост, одарена рассудком –
Могла б, подняв с достоинством чело,
Умело править тварями другими
И познавать сама себя, чрез то
Уподобляясь жителям небесным;
Могла бы благодарно сознавать
Источник благ, дарованных ей в жизни,
И сердцем, взором, голосом своим
Стремилась бы к Тому, кто дал все это,
И чтит б Бога Вышнего, который
Ее поставил во главе творенья.
И вот мы все услышали тогда,
Как Всемогущий наш Отец Предвечный

(Он вездесущ, присутствуя во всем)
Рек Своему возлюбленному Сыну:

«Теперь Мы человека сотворим;
Да будет в нем Наш образ и подобье;
Пусть надо всем царит он на земле –
Над рыбами в воде, и над зверями
На суше, и над птицами в эфире,
Над всем, что, пресмыкаясь по земле,
Живет на ней!» Промолвив это слово,
Он сотворил тебя, Адам, тебя,
О человек! Земного праха глыбу
Он взял и сотворил тебя, и в ноздри
Тебе дыханье жизни Он вдохнул;
По образу ты сотворен был Божью,
И душу ты живую получил.
Ты мужем сотворен был, но в подруги
Он дал тебе жену и вас двоих
Благословил и род ваш вместе с вами:

«Плодитесь, размножайтесь, населяйте
Всю землю и господствуйте над ней –
Над рыбами в воде, над птицей в небе,
Над всей живою тварью на земле!»

Где был ты создан, именем то место
Не названо; но вскоре, как ты знаешь,
Тебя Господь в сад этот поселил
Среди деревьев этих Божьих дивных,

Приятных и для зренья, и для вкуса,
И в пищу дал тебе их сладкий плод;
Тебе в разнообразье бесконечном
Он предоставил их; лишь одного
Не должен ты касаться – Древа знания
Добра и Зла: вкусив его плода,
Умрешь ты; смерть – за этот грех возмездье.
Будь осторожен, умеряй желанья,
Дабы тебя внезапно не постигли
Грех и его спутник черный – смерть.

Окончил Бог Свой труд и, созерцая
Его, нашел творенье совершенным;
Был вечер, было утро – день шестой.
Итак, свершив Свой труд без утомленья,
Творец вернулся в Небеса Небес
К Себе, в Свои возвышенные сферы,
Чтоб созерцать оттуда новый мир,
Расширивший собой Его владенья,
Чтоб с высоты престола Своего
Смотреть, как он хорош, как он прекрасен,
Как отвечает замыслу Творца.
Вознеся Он, сопровождаем кликом
Восторженным, и десять тысяч арф
Симфонией звучали неземною.
Звучала вся земля, весь воздух пел
(Ты слышал это, должен это помнить);
Все Небеса звучали, все созвездья,
И с восхищеньем дивной песне той

Планеты неподвижные внимали,
Пока, ликуя, весь небесный хор
Творца, сопровождая, возносился.

«Откройтесь, предвечные врата, –
Так воспевали Ангелы, – откройтесь!
И пусть войдет великий наш Творец,
В шесть дней окончив дивный труд создания –
Вселенную! И впредь вам суждено
Не раз открыться, ибо Вседержитель
Намерен посещением Своим
Избранников в грядущем удостоить,
И праведных жилища навещать,
И посылать своих гонцов крылатых
С высокой вестью милостей Своих!»
Так пел небесный хор; а Он, Великий,
Пройдя через блистательный портал,
Проследовал дорогою прямою
В жилище Бога вечное – путем
Широким и возвышенным, где почва
Есть золото, а мостовая – звезды,
Который видишь ты в ночную пору,
Как пояс, охвативший небеса, –
Путь Млечный, весь усеянный, как пылью,
Бесчисленными звездами. В тот час
Седьмой был вечер на земле в Эдеме:
Садилось солнце, сумерки с востока
Уже всходили, предваряя ночь.
Тогда к вершине той горы священной,

Где Бог имеет вечный Свой престол,
Вознеся Сын могучий, одесную
Великого Отца, Который с Ним
Творил незримо, не сходя с престола, –
Затем что Вседержитель вездесущ –
И создавал с Ним мира все устройство,
Во всех делах Начало и Конец;
И ныне от трудов Своих почил Он
И день седьмой покоем освятил.
Но Он почил не в тишине священной:
Звучали сладко арфы, звуки труб
Торжественно гремели, раздавались
И пенье флейт, и мелодичный звон
Струн золотых, и мощные аккорды
Органов величавых, и прекрасно
С той музыкой сплетались голоса,
Поодиночке или стройным хором.
Дым из золотых курильниц поднимался
И облаками гору окружал.
Хор славил шесть великих дней творенья:
«Велик, Иегова, Ты в Своих делах,
Нет Твоему могуществу пределов!
Чья мысль Тебя измерит, чей язык
Тебя опишет! Более великим
Себя явил Ты ныне, чем в тот день,
Когда низверг Ты Ангелов-гигантов!
Тогда Себя громами Ты прославил,
Но более велик творенья труд,
Чем разрушенье грозное творенья!

Кто может быть соперником Твоим,
Могучий Царь? Кто власть Твою умалит?
Безумную, надменную попытку
Отступников легко Ты отразил
И тщетные их планы все разрушил;
Напрасно помышляли нечестивцы
Тебя унижить, сократить число
Служителей Твоих; кто ищет силу
Твою ослабить, сам того не зная,
Лишь умножает мощь Твою: из Зла
Тем более Добра Ты созидашь!
Тому свидетель – этот новый мир,
Второе небо, от ворот небесных
Поблизости, в хрустальном океане
Основанный, почти неизмеримый,
С бесчисленными звездами, из коих
Есть каждая, быть может, целый мир,
Которых Ты лишь знаешь назначенье;
И между этих звезд одна – Земля,
Прекрасное жилище человека,
Свой собственный имеет океан.
О, трижды вы блаженны, человеки,
Которых так возвысил Бог, создав
По образу вас Своему, чтоб верно
Его вы чтили! Вам Он дал во власть
Свои владенья – землю, воздух, воду,
Чтоб вы собой умножили число
Служителей Его, святых и чистых!
О, трижды вы блаженны, если только

Сумеете вы твердыми пребыть
И то блаженство сохранить навеки!»

Так пел их хор, и всюду в Небесах
Гремело «аллилуйя». Так субботы
Священный праздник справили они.
Как видишь, я твою исполнил просьбу,
Тебе поведав о начале мира
И обо всем, что было до тебя.
О том своим потомкам ты расскажешь;
Теперь же если хочешь, то спроси
О чем-нибудь еще: все, что доступно
Уму людскому, я готов сказать».

Книга восьмая

Содержание

Адам спрашивает о движениях небесных тел и получает неопределенный ответ, причем Ангел советует ему спрашивать о вещах, более полезных для его знания. Адам подчиняется и, желая все-таки подолее удержать Рафаила, рассказывает то, что он помнит о своем собственном создании, о своем поселении в Раю, далее о своей беседе с Богом относительно одиночества и потребности в соответствующем обществе, о первой встрече своей и браке с Евою. Его беседа с Ангелом по этому поводу. Ангел, повторив свои увещания, удаляется.

Окончил Ангел свой рассказ, оставив
В ушах Адама звук своих речей –
Столь сладкий, что Адам сидел безмолвно,
Как будто все еще ему внимая,
И наконец лишь, как бы пробудясь,
Он Ангелу ответил благодарно:

«Чем отблагодарить тебя достойно,
Чем я могу тебя вознаградить,
Божественный повествователь, щедро

Мою познания жажду утоливший!
Ты удостоил, снизойдя, как друг,
Ко мне, поведать о вещах великих,
Без этого недостижимых нам,
И твой рассказ я слушал с удивленьем
И с радостью и, как тому прилично,
Благоговел пред славою Творца.
Но все ж осталось кое-что неясным,
Что только ты мне можешь разрешить.
Когда смотрю я на создание это
Прекрасное, на этот дивный мир
Земли и Неба, то, сравнив размеры
Их меж собой, я вижу, что Земля
Есть маленькая точка лишь, крупинка
Пред этим необъятным небосводом
С его толпой бесчисленных светил,
Которые, вращаясь, проходят
Безмерные пространства (что они
Вращаются – об этом заключаю
Я по различным расстояниям их
И возвращеньям быстрым ежедневным);
И вот, они все служат для того,
Чтоб освещать ту темную крупинку
То днем, то ночью, в остальном же всем
Великие те звезды бесполезны.
Об этом рассуждая, я дивлюсь,
Как мудрая, воздержная природа
Неравенство такое допустила,
Создав чрезмерно щедрою рукой

Так много тел великих, благородных,
Разнообразных — для одной лишь цели,
Как кажется, по крайней мере, нам.
Предписано им вечное движенье
День изо дня, без отдыха; меж тем
Земля, которой легче бы, казалось,
Подвинуться, на месте все стоит,
Светил важнейших пользуясь услугой,
Без всякого движенья достигая
Той цели, принимая лишь как дань
Свет и тепло, которые приносят
Светила ей, свершая бесконечный
Свой путь, притом с поспешностью такой,
Что ей ни меры нет, ни описанья».
Так говорил наш праотец: при этом,
Как видно было по его лицу,
В глубокие он думы погрузился.
Заметив это, Ева, что сидела
Неподалеку, встала и ушла
С величественной скромностью — так мило
И грациозно, что кто это видел,
Не мог о том уходе не жалеть.
Пошла она к цветам своим, к деревьям
Плодовым, чтоб еще раз посмотреть,
Как поспевают все ее питомцы;
Они же расцвели еще бодрей
С ее приходом — чрез прикосновение
Руки прекрасной радостней росли.
Она ушла не потому, чтоб было

Ей скучно слушать разговор такой,
Чтоб для нее он был высок чрезмерно, —
Нет, это удовольствие себе
Она хотела про запас оставить,
Чтоб ей Адам все это рассказал
Наедине: рассказчика-супруга
Предпочитала Ангелу она,
Его охотней спрашивать бы стала.
Известно было ей, что в разговор
Адам внести сумел бы отступленья
Приятные, серьезный свой рассказ
С супружеской чередовал бы лаской;
От уст его ей не одни слова
Приятны были. Где мы встретим ныне
Подобную чету, соединенье
Такое уваженья и любви!
С божественной осанкою гуляла
Она по саду — впрочем, не без свиты:
Как за царицей, Грации за ней
Со всех сторон прекрасные следили,
Пуская в сердце каждого стрелу
Желания — ее бессменно видеть.
А Рафаил, приветно снисходя
К сомнениям Адама, так ответил:

«Пытливость, любознательность твою
Нимало я в тебе не порицаю:
Ведь Небо — Божья книга, пред тобой
Раскрытая, чтоб ты, ее читая,

Учился разделению времен
На дни, часы, и месяцы, и годы.
Чтоб этого достичь, не все ль равно,
Что движется – Земля иль свод небесный, –
Коль скоро счет ты правильно ведешь.
А прочее великий Архитектор
От Ангелов премудро так же скрыл,
Как от людей: не разглашал Он тайны
Великие Свои, чтоб те, кому
Прилично ими только восхищаться,
Не вздумали б дела Его судить.
Иль, может быть, Он сделал это с целью –
Коль скоро возмечтают их умы,
Что Он небес устройство предоставил
Суждениям их и спорам, – посмеяться
Над странными их мнениями, над тем,
Как мысленно они построят небо,
Как будут звезды вычислять, водить их,
Системы строить, снова разрушать
И придавать им внешность вероятья
И сферу опоясывать небес
Кругами – то из центра, то вне центра,
И рисовать причудливо на ней
Круги, кружочки, циклы, эпициклы.
Подобное я вижу и в твоих
Суждениях, которые, быть может,
Ты своему потомству передашь:
Ты думаешь, что не должны светила
Крупнейшие и яркие служить

Светилам меньшим и не столь блестящим,
Что не должны они столь долгий путь
Свершать, когда Земля стоит на месте
И получает выгоду одна.
Однако же сперва о том подумай,
Что яркий блеск их и величина
Еще не означают превосходства:
Что хоть в сравненьи с небом и мала
Твоя Земля и не сверкает ярко,
Но, может быть, добра в ней больше есть,
Чем в солнце, чье бесплодное сиянье
Само не созидает ничего
Без помощи Земли той плодоносной:
Бездеятельны все его лучи,
Пока она в себя их не воспримет.
Притом же эти дивные светила
Не столько служат для самой Земли,
Насколько для тебя, ее владельца;
А если небеса так необъятны,
То это для того, чтоб видел ты
Величие Творца, Который сделал
Тот мир таким просторным и далеким,
Чтоб понял человек, что он живет
Не у себя: лишь малая частичка
Ему для обитания дана,
А прочее имеет назначенье,
Известное лишь Богу. Быстроту
Вращения всех этих звезд несчетных
Ты припиши могуществу Его

Всесильному, которое сумело
Вещественным телам почти дать скорость,
Какая духу свойственна. Меня
Не назовешь ты медленным, надеюсь,
Узнав, что, утром от престола Бога
Отправившись, я ранее полудня
Был здесь уже, в Эдеме, расстояние
Пройдя, невыразимое числом.
Я это говорю и допускаю,
Что есть движенья в небе, для того лишь,
Чтоб показать сомнений тех твоих
Неосновательность; не значит это,
Чтоб утверждал я, что оно так есть,
Как кажется тебе с Земли отсюда.
Бог, чтобы удалить Свои пути
От уловленья чувством человека,
Так отодвинул небо от земли,
Что зренье земнородное, дерзая
Туда проникнуть, в этой высоте
Без пользы для себя блуждать лишь будет.
Что, если Солнце служит центром мира,
А прочие все звезды вокруг него,
Притягиваясь им и притяженью
Взаимное имея меж собой,
Круги свои различные свершают?
Что, если вечно странствуют они,
То ввысь, то вниз стремятся, то заходят,
Идут вперед, идут назад, стоят?
Таких ты знаешь шесть; Земля, быть может,

Такая же седьмая, хоть тебе
И кажется стоящею на месте,
Но незаметно для тебя свершает
Три разные движенья. Может быть,
То, что готов ты приписать движеньям
Отдельных сфер, лишь кажется таким,
А косвенно зависит от движений
Совсем иных; быть может, вовсе Солнце
Не совершает дня и ночи ромб,
А выше звезд невидимая сфера
Вращенье дня и ночи производит.
Или, может быть, и это все не так:
Земля сама, к востоку приближаясь,
Одною стороною ловит день,
Другую ж, отвращая от Солнца,
Встречает ночь и лишь наполовину
Освещена. Что, если этот свет
Земля, в прозрачный воздух отражая,
Шлет на Луну и служит ей звездой,
Светящею Луне днем точно так же,
Как ночью шлет Луна свой свет Земле?
Быть может, на Луне есть также суша,
Поля и обитатели; ты видишь
Там пятна: пятна те, быть может, тучи,
Которые ей посылают дождь,
А дождь плоды, быть может, производит,
Смягчая почву, и плоды те служат
Кому-нибудь на пищу. Может быть,
Найдешь ты в небе и другие солнца

И много лун, их спутников, светящих
Друг другу светом женским и мужским¹³²
(Соединенье двух полов великих
Повсюду оживляет этот мир),
И, может быть, живут на каждой сфере
Создания, имеющие душу.
Конечно, можно сомневаться в том,
Чтоб это все обширное пространство
Живых владельцев было лишено,
Бездушно и пустынно и служило б
Лишь для сиянья, чтобы уделять
От каждой сферы понемногу света
И посылать так далеко сюда,
На эту обитаемую сферу,
Чтоб от нее назад он отразился.
Но так ли точно это все иль нет,
Царит ли в небе Солнце, над Землею
Восходит ли, восходит ли Земля
Над ним, оно ль с востока начинает
Путь пламенный, она ли тихий путь
От запада ведет ему навстречу,
Вращаясь вокруг оси незаметно
И унося вращением своим
Тебя со всей своею атмосферой, –
О том не беспокойся, не пытайся
Проникнуть в сокровенное умом

¹³² ...Найдешь ты в небе и другие солнца и много лун... светящих друг другу светом женским и мужским... – древние астрономы приписывали солнцу свет мужской, а луне – женский.

И предоставь все это ведать Богу:
Ему служи и бойся лишь Его!
Пусть Он располагает всем твореньем
Во всех местах, как хочется Ему;
Ты ж наслаждайся тем, что дал Он, — Раем
И Евою прекрасною твоей.
А Небо слишком высоко, чтоб мог ты
Знать, что там происходит. Мудрым быть
Умей внизу и помышляй о том лишь,
Что твоему потребно бытию;
Не грезь о тех иных мирах, о тварях,
Что там живут; не думай, каковы
Природа их, и жизнь, и совершенство;
Доволен будь и тем, что ты узнал
Не только о Земле — о высшем Небе».

Тогда Адам, отбросив все сомненья,
Сказал: «Вполне меня ты просветил,
Чистейший ум небесный, Ангел ясный,
И от смущенья дум освободил,
Жить научил меня путем легчайшим
И показал, что не должны мы портить
Броженьем смутной мысли сладость жизни.
Бог повелел и дал возможность нам
Жить без забот и без тревог напрасных,
Лишь сами бы не отягчали мы
Себя исканьем знаний бесполезных.
Но ум наш и фантазия влекут
Невольно нас к блужданиям бесконечным,

Пока наш опыт не покажет нам,
Что нужно знать не о вещах далеких,
Туманных, сложных, но скорей о том,
Что вокруг мы видим в жизни ежедневной, —
Что в этом наша главная вся мудрость;
Вне этого — лишь дым и суета
Иль дерзость безрассудная; те знания
Лишь делают неопытными нас,
Невеждами в делах, для нас важнейших.
Итак, сойдем с заоблачных высот
И будем рассуждать о тех предметах,
Которые полезнее для нас.
Быть может, мы вещей тогда коснемся,
О коих можно будет расспросить,
И ты ответишь на мои вопросы
С обычной благосклонностью твоей.
Ты рассказал о том, что было раньше,
Чем стал себя я помнить; ныне я
Могу мою историю поведать,
Которой ты, быть может, не слышал:
Ведь день еще велик! Ты замечаешь,
Как хитростью пытаюсь я тебя
Здесь дольше удержать моим рассказом,
Желая страстно — если не надеясь, —
Чтоб ты еще мне что-нибудь сказал.
Мне кажется, пока сижу с тобою,
Что я на Небесах; с тобой беседа
Приятней мне всех сладостных плодов
Высоких пальм: те утоляют голод

И жажду после нашего труда,
В час отдыха приятного; твои же
Так сладостны слова и столько в них
Есть прелести божественной, что вечно
Их сладостью насытиться нельзя».

И с кротостью небесною ответил
Ему Архангел: «Праотец людей!
И ты в своих речах имеешь сладость
И красноречья также не лишен;
И на тебя Господь излил обильно
Дары Свои снаружи и внутри,
Тебе прекрасный сообщив Свой образ:
Молчишь ли ты иль говоришь — всегда
Ты красоты и грации исполнен
В движениях всех и всех твоих словах.
Поверь: как небожители, мы ценим
Тебя, земного жителя, не меньше,
Как Божия, такого же, как мы,
Слугу, следя с восторгом за путями,
Какими человека Бог ведет.
Мы видим, что Господь любовью равной
И человека так почтил, как нас.
Поэтому рассказывай о жизни
Своей: в тот день, когда ты создан был,
Я был как раз в отсутствии, был послан
В далекий путь, неведомый и темный, —
К воротам Ада шел наш легион,
Дабы следить, чтоб, вырвавшись оттуда,

Шпион или Враг не помешал созданию,
Чтоб Бог, разгневан вылазкою дерзкой,
С твореньем разрушение не смешал.
Не потому послал Он нас, конечно,
Чтоб Враг нарушить волю мог Его, –
Он часто нам дает Свои веленья
Для службы лишь, как Повелитель наш,
Чтоб упражнять нас в быстром послушании.
Мы наглухо закрытыми нашли
Те мрачные врата; засовом крепким
Задвинут был и загорожен вход;
Но издали уж был услышан нами
Там страшный шум – не пенье и не пляска, –
Нет, крики мук, стенанья громких жалоб
И яростные вопли там звучали.
Как радостно вернулись мы назад
В обитель света, к вечеру субботы!
Но начинай же свой рассказ: я жду;
Ту повесть будет мне приятно слушать
Настолько ж, как тебе – мои слова».

Так говорил богоподобный Ангел;
И прародитель наш ему сказал:

«Конечно, нелегко для человека
Свое начало описать: кто знает
Происхождение самого себя?
Решаюсь я на это лишь в расчете

С тобой беседу как-нибудь продлить.
Как бы от сна глубокого очнувшись,
Увидел я, что на траве лежу
Среди цветов, во влажности душистой.
Которая лучами солнца вскоре,
Однако, иссушилась, улетев,
Как легкий дым. И сразу прямо к небу
Направил я свой изумленный взор,
Затем вскочил движеньем инстинктивным,
Как будто устремясь туда, и прямо
Встал на ноги. Вокруг себя я видел
Холмы, долины, и тенистый лес,
И солнцем озаренные равнины,
И светлые журчащие ручьи;
И двигались вокруг живые твари –
Бродили иль летали; птичий щебет
Звучал с ветвей; все улыбалось вкруг,
Благоухая; радостью великой
Переполнялось сердце у меня.
Сам на себя я стал смотреть и тело
Исследовал свое, и то ходил,
То бегал я, движением упругим
Порывам силы следуя живой;
Но кто я был, откуда, как явился –
Не знал. Я попытался говорить –
И сразу же заговорил: покорно
Язык служил мне, сразу называя
Все, что я видел. «Радостное солнце, –
Сказал я, – ты, прекрасный, яркий свет,

Так дивно озаряющий всю землю;
Вы все — холмы, долины, рощи, реки,
Поляны, — вы, прекрасные создания,
Которые здесь движетесь вокруг, —
Скажите мне, коль видели вы это,
Откуда я и как сюда пришел?
Не сам же я собой на свет явился —
Великим Неким, верно, создан я
Творцом могучим, благодати безмерной!
Скажите ж мне, как мне Его узнать,
Как обожать Того, Кому обязан
Движеньем я и жизнь свою
И всем невыразимым чувством счастья?»
Так восклицая, шел я все вперед —
Куда, не знал и сам — и удалялся
От места, где вдохнул впервые воздух,
Где я узрел блаженный этот свет.
Но мне ответа не было. В раздумьи
Присел я на зеленую скамейку
Дерновую, покрытую цветами,
И первый сладкий сон меня объял,
Давленьем мягким чувства мне стесняя
И нежно отуманивая их:
Казалось мне, что вновь я погружаюсь
В бесчувственность — что исчезаю я.
Но вдруг у головы моей явилось
Виденье сна, присутствием своим
Внушая мне, что все ж я существую,
Что я живу. Пришел, казалось, Некто

Во образе Божественном и молвил:
«Твое жилище ждет тебя, Адам!
Встань, первый человек, родоначальник
Бесчисленных людей! Меня ты звал,
И Я пришел, дабы тебя в обитель
Твою отвести — в сад твоего блаженства».
Так Он сказал, взял за руку меня
И поднял, — и через поля и воды,
По воздуху, к земле не прикасаясь,
К горе лесистой Он меня привел,
Где наверху равнина расстилась, —
Обширное, прекраснейшее место
С роскошными деревьями; дорожки
Там были и беседки; так прекрасно
Там было все, что виденное раньше
Почти уж мне прекрасным не казалось.
На всех деревьях чудные плоды
Тяжелые висели, взор пленяя,
И сразу страстно захотелось мне
Сорвать их и поесть. Тут я проснулся
И пред собой увидел наяву
Все, что во сне так ясно рисовалось.
И вновь бродить по саду бы я стал,
Когда б не показался меж деревьев
Божественный Путеводитель мой.
Обрадован, с благоговейным страхом
И обожаньем я к Его ногам
Припал. Подняв меня, Он кротко молвил:
«Я — Тот, кого искал ты; Я — Творец

Всего, что здесь ты видишь над собою,
И вокруг себя везде, и под ногами;
Тебе я в дар назначил этот Рай:
Владей им, от плодов его питайся –
От всех деревьев, что здесь в саду растут,
Ешь с радостью, не бойся недостатка;
Лишь к одному, которого вкушение
Добра и зла познание дает,
Не прикасайся: я его поставил
Залогом послушанья твоего
И верности там, посредине сада,
Близ Древа жизни. Не забудь того,
Что я скажу тебе в предупреждение:
Страшись его плодов, последствий горьких
Беги! Когда отведаешь ты их
И заповедь единую преступишь
Мою, неотвратимо ты умрешь;
В тот день ты станешь смертным и утратишь
Свое блаженство: изгнан будешь ты
Отсюда прочь, в мир горя и печали».

Сурово этот твердый свой запрет
Он произнес; еще доныне грозно
В ушах моих звучит он, хоть и в воле
Моей беды грозящей избежать.
Но вскоре вновь любовью просветлело
Лицо Его, и так Он продолжал:

«Не только край сей чудный, я всю Землю

Тебе с твоим потомством отдаю:
Владейте ею, пользуйтесь господством
Над тварями, которые живут
В воде, на суше, в воздухе, — над рыбой,
И птицами, и всякими зверями.
В знак этого тебе Я покажу
Зверей и птиц все разные породы;
Я приведу их, чтобы имена
Ты всем им дал и чтоб они явили
Тебе покорность полную свою.
Ее, конечно, принесут и рыбы
В своем жилище водяном, хотя
Сюда к тебе прийти они не могут;
Стихии влажной им нельзя сменить
На воздух: он для них чрезмерно редок».

Так Он сказал; и стали подходить
Ко мне попарно звери все и птицы;
Ласкаясь, звери низко прижимались
К земле, а птицы — крылья опускали.
Поочередно я их называл
И все их свойства знал — таким познанием
Меня внезапно одарил Господь.
Но я меж них не находил, однако,
Чего хотелось мне найти; и вот
Я так сказал небесному Видению:

«О, как Тебя я назову, который
Всех тварей выше, выше человека,

Всего на свете выше? Слишком слаб
Язык мой, чтобы найти Тебе название!
Как мне почтить Тебя, Творец вселенной,
Творец всех благ для человека? Щедро
Всех наделил Ты в благодати Своей!
Но с кем я разделю все эти блага?
Что в счастье мне, когда я одинок?
Как может всем воспользоваться этим
Один, — а если б пользоваться стал,
Какая будет в том ему утеха?»
Так смело и открыто я сказал;
А светлое Виденье, улыбаясь
Еще светлей, мне молвило в ответ:

«Какое ж одиночество находишь
Ты здесь вокруг? Иль не полна земля
Различнейшими тварями? И воздух
Не полн ли ими? Все они должны
Служить тебе, играть перед тобою;
Ты знаешь их повадки, их язык;
Они твой также знают и имеют
Понятия достаточно. С ними
Ты можешь время проводить, над ними
Господствовать, — твое обширно царство».

Так мне Владыка мира говорил,
Казалось, тем мою решая участь.
Я ж, умолая, чтоб Он разрешил

Мне говорить, с мольбой покорной молвил:

«Не оскорбляйся на мои слова,
О Сила Неба! Мой Творец могучий,
Будь милостив к речам моим, молю!
Не Сам ли Ты наместником Своим
Поставил здесь меня и этих тварей
Не Ты ль поставил низко подо мной?
Какое ж меж неравными быть может
Сообщество, содружество, согласие?
Взаимным это быть должно, должны
Мы столько ж отдавать, как получаем:
В неравенстве ж один чрезмерно слаб,
Уступчив, а другой — могуч и властен:
Не могут быть согласными они
И тягостны друг другу скоро станут.
Я говорю об обществе таком,
Которое могло б принять участие
Разумное в разумном наслажденьи;
Животное ж не может никогда
Таким быть другом человеку; звери
Блаженствуют с подобными себе —
Лев, например, со львицей — так искусно
Попарно их Ты всех соединил;
А зверь со птицей или птица с рыбой
Уж никогда не могут так сойтись,
И бык сойтись не может с обезьяной;
А человек и зверь такую пару
Составить могут менее всего».

И мне Всесильный возразил без гнева:
«Как вижу Я, находишь ты, Адам,
Приятнейшим и самым высшим счастьем
Возможность приобрести себе друзей,
Без них же радость для тебя не в радость.
Но что ж тогда ты скажешь обо Мне?
Достаточно ль блаженным ты считаешь
Меня? Я есмь от вечности один,
Другого Я не ведаю от века
Подобного, а равного — тем меньше.
С кем Мне вести беседу, кроме тех,
Кого Я создал, и, конечно, низших,
Чем Я; и расстояние между ними
И Мной громадно: бесконечно больше,
Чем разница меж ними и тобой».

Он замолчал, а я, склонясь покорно,
Ему ответил: «Высший из всего,
Что в мире есть! Путей Твоих предвечных
Постигнуть высоту и глубину
Рассудку человека непосильно.
Ты совершен в Себе Самом; в Тебе
Нет недостатков; человек же только
Стремится к совершенству! Вот причина,
Что ищет равных он себе: он хочет
Найти в общении с ними утешенье
В своем несовершенстве или помощь.
Не надобно Тебе и размножаться:
И без того в бесчисленных Ты тварях

Распространен везде, хоть и один;
А человек уж тем, что многочислен
Он должен быть, показывает ясно,
Что, одиноким будучи, далек
От совершенства он! Себе подобных
Он ищет, хочет образ свой размножить,
Чтоб сгладить недостатки одного;
Для этого ж любовь ему потребна,
Взаимная, доверчивая дружба.
Ты, в тайном бытие Твоем, один,
Общенье наилучшее находишь
С Самим Собой; но если б Ты хотел,
Свое создание мог бы Ты возвысить
До высоты, какой Тебе угодно, –
С Собою слить, Божественным соделать;
А я – своим общеньем не могу
Восставить пресмыкающихся тварей,
И в том общении мне утехи нет».
Так я, осмелясь, говорил, свободой
Своей отважно пользуясь; и был
Я милостиво выслушан, и голос
Божественный мне ласково ответил:

«Я испытать хотел тебя, Адам;
Я вижу, что понятие ты имеешь
Не только о зверях, которым дал
Ты имена столь правильно, но также
И о самом себе; ты выраженье
Дал духу, что внутри тебя живет,

И показал, что образ Свой не зверю
Я сообщил, общение с которым
Признал ты неприличным для тебя:
Свободен был и правилен твой вывод,
И впредь ты должен так же рассуждать.
Я ранее, чем ты сказал Мне это,
Знал, что нехорошо для человека
Быть одному, и для тебя назначил
Я общество иное, чем ты видел:
Я тварей тех привел лишь для того,
Чтоб испытать, сколь правильно ты судишь
О нужном и приличном для тебя.
То, что теперь Я дам тебе, конечно,
Понравится тебе: твое подобье,
Другое “я”, помощника тебе –
Как раз все то, чего ты сердцем жаждешь».

Так молвил Он; и больше ничего
Не слышал я: моя земная сущность
Его небесным существом была
Подавлена, которому столь долго
Противостать пытался я, чрезмерно
В беседе той высокой напрягаясь.
Как будто ослеплен и уничтожен
Предметом, бывшим выше чувств моих,
Склонился я, как бы ища опоры
Во сне, внезапно на меня сошедшем
На помощь мне, сомкнув мои глаза.
Он очи мне сомкнул, зато оставил

Свободною фантазии обитель
И зренье в чувстве внутреннем моем;
Сквозь сон, как в столбняке, казалось, видел
Я самого себя, как я лежал;
Как светлый Образ, пред которым бодро
Стоял я наяву, вдруг надо мною
Нагнулся и, раскрыв мой левый бок,
Ребро оттуда вынул; вышел теплый
Сердечный дух, и заструилась кровь
Из раны той широкой; но внезапно
Вся плотью вновь наполнилась та рана
И заросла; а Он, ребро взяв в руки,
Его в иную форму превратил;
И вот — из рук Его создание вышло —
Как человек, но лишь другого пола, —
Столь милое, прекрасное, что все,
Казавшееся мне прекрасным в мире,
В сравненьи с ней представилось ничтожным
Иль выраженье высшее нашло
Лишь в ней одной, в ее прекрасном взоре.
С тех пор она влила мне в сердце сладость,
Какой дотоле я не знал; весь мир
Любовью для меня одушевился.
И вдруг она исчезла — я остался
Один во тьме. Но вот проснулся я
И стал ее искать, решаь навеки
Оплакивать ее, коль не найду,
И от всех прочих радостей отречься.
Вдруг, уж почти надежду потеряв,

Увидел я ее – такую точно,
Как видел я во сне, – во всей красе,
Какую дали ей Земля и Небо,
Дабы внушала всем она любовь.
Навстречу шла она ко мне, незримо
Руководима голосом Творца,
Уж зная о святых обрядах брака,
И грация во всех ее шагах
Была, и Небеса в очах прелестных,
Достоинство и нежность в каждом жесте!
И, вне себя, в восторге я вскричал:

«Теперь мне больше ничего не надо!
Сдержал Твое Ты слово, добрый, щедрый
Творец, всего прекрасного податель, –
Не пожалел Ты предоставить мне
И этот дар Твой, всех других прекрасней!
Кость от моих костей, от плоти плоть,
Мое второе “я” перед собою
Теперь я вижу! Женщина – ей имя, –
Из тела мужа Ты ее извлек!
Отца и мать муж для нее забудет
И весь к своей привяжется жене,
И будут два они – едино тело,
Едино сердце и единый дух!»
Меня она услышала. Хоть, Богом
Ведомая, и шла она ко мне,
Но девственная скромность, и невинность,
И чувство чести, свойственное ей,

Не позволяли ей идти так прямо,
Навязчиво, без тени сватовства
Со стороны моей; и вот обратно
Она пустилась, тем сильнее во мне
Желанья возбудив. Сама природа,
Хоть помыслов греховных и была
Чужда она, внушила ей стремленье,
Меня увидев, обратиться вспять.
За нею я последовал, и, зная,
В чем состоит почетный долг супруги,
С достоинством она мне отдалась.
Румяную, как радостное утро,
Ее отвел я в брачную беседку;
Все Небеса, все звезды в этот час
Счастливейшим влияньем нас дарили
И вся Земля приветствовала нас;
Ликуя, пели птицы; свежий, нежный
Шептал любовно в листьях ветерок,
С кустов на нас свежая ароматы;
И шли часы, и вот нам птица ночи
Влюбленная запела брачный гимн,
И над холмом звезды вечерней светоч
Поспешно брачный факел нам зажег.

Итак, тебе я все сказал о жизни
Моей, свою историю довел
До высшей точки счастья земного,
Каким я наслаждаюсь. Должен я
Тебе сознаться, что хоть все предметы

Другие вокруг приятны также мне,
Но все же к ним я больше равнодушен
И слишком страстно их я не желаю.
Я говорю о радостях еды,
О том, что мне ласкает чувство зренья
Иль обонянья, о цветах, плодах,
Прогулках, о приятном птичьем пеньи;
Но на нее с восторгом я смотрю,
С восторгом прикасаюсь к ней. Впервые
Блаженство страсти с нею я узнал –
Чудесное, особенное чувство:
Сильней и выше прочих наслаждений
Я был всегда; лишь против красоты
И чар ее могучих я бессилен.
Быть может, так ошибкою природы
Я создан, – место слабое во мне
Оставила она, и я не в силах
Поэтому противиться красе;
Иль, может быть, из бока было взято
Чрезмерно много; потому ль иль нет,
Но женщина украшена природой
Чрезмерно с внешней стороны; внутри
Она не столь, однако, совершенна.
Я понимаю очень хорошо,
Что главною природы целью было
По внутренним всем свойствам и уму
Поставить ниже женщину, чем мужа,
Дав внешнюю за то ей красоту;
Она походит меньше на тот Образ,

Который нас обоих сотворил,
И менее господство выражает,
Нам данное над прочим миром всем, –
Но каждый раз, как к ней я приближаюсь,
Мне кажется она столь совершенной,
Столь знающей все свойственное ей,
Что все ее слова, ее желанья
Всегда готов я мудрыми, благими
И верхом добродетели признать.
Пред нею никнет высшее все знание,
В беседе с нею мудрость, смущена,
Теряется и кажется безумной.
Власть и рассудок служат ей, как будто
Она была творенья первой целью,
Но после лишь случайно создана;
И, словом, чтобы довершить все это,
Такое в ней величие души,
Такое благородство в ней и прелесть
Я созерцаю, что она внушает
Мне страх благоговейный пред собой,
Как будто стражей ангельской хранима!»

Нахмутив брови, Ангел отвечал:
«Не обвиняй природу: совершила
Она свое – свершай и ты свое,
И к мудрости не будь так недоверчив;
Но будешь ты оставлен ею, если
Сам не оставишь ты ее в тот миг,
Когда она тебе всего нужнее.

Чем так ты восхищен и что приводит
Тебя в восторг подобный? Красота?
Она прекрасна, спору нет, достойна
Вполне и ласк твоих, и уваженья,
Любви твоей, но подчиненья – нет!
Сперва ее сравни с собой спокойно,
Потом суди. Нет в мире ничего
Полезнее порой для человека,
Как уважение к самому себе,
Поддержанное правом и рассудком.
Чем более покажешь ты его,
Тем более она готова будет
Тебя своим главою признавать
И внешность силе внутренней уступит.
Природа так украсила ее,
Чтобы нравилась тебе она, и чести
В ней много, чтобы честно ты любил
И уважал свою супругу; промах
Она заметит твой, как только ты
В глазах ее быть мудрым перестанешь.
Но если выше прочих всех утех
Телесную ты эту ценишь сладость,
С которой в размножении своем
Невольно связан человек, то вспомни,
Что то же ценит каждый зверь и скот;
Что не могло бы это чувство общим
Настолько быть для них и для тебя,
Когда бы нечто высшее в нем было,
Достойное, чтоб человека дух

Ему совсем подпал под игом страсти.
Что высшего, достойного тебя,
Полезного, разумного найдешь ты
В ее приятном обществе – люби!
Любовью наслаждайся, а не страстью:
Где страсть царит, нет истинной любви.
Любовь уму для утонченья служит
И расширяет сердце; в чувстве правды
И в разуме – основы для нее;
Она тебе есть лестница, по коей
К любви небесной восходить ты можешь.
Не погрязай же в плотском наслажденьи:
Затем ведь для себя среди зверей
И не нашел ты общества и друга».

Ему Адам, немного пристыжен,
Ответил: «Ни прекрасная наружность,
Ни что-либо иное, что всем тварям
При размноженьи свойственно (я, впрочем,
Обряды ложа брачного ценю
Гораздо выше – свято чту их тайны),
Меня к себе так сильно не влечет,
Как множество поступков грациозных,
Как тысячи тех милых мелочей,
Которые из слов ее и действий
Вседневно истекают для меня
С любовью и доверчивостью сладкой
И непритворно связывают нас
Единодушьем разума и сердца.

Гармония супружеской четы
Приятнее всех сочетаний звуков.
Но я не подчиняюсь ей; тебе
Открыл свое я внутреннее чувство,
И если в ощущениях своих
Разнообразных ясно отдаю я
Себе отчет, не значит, чтобы я
Им подпадал: я их ценю свободно
И лучшему последовать готов.
Ты за любовь меня не порицаешь;
Любовь ведет, сказал ты, к Небесам:
Она и путь нам, и путеводитель.
Итак, позволь задать еще один
Вопрос; скажи мне: любят Духи Неба
Иль нет? И как свою они любовь
Друг другу выражают? Только взором?
Смешением лучей? Прикосновеньем,
Лишь мысленным притом, иль настоящим?»

Ему ответил Ангел, улыбаясь
И розовым румянцем (цвет любви)
Зардевшись: «Будь доволен тем, что знаешь,
Что мы блаженны, без любви же нет
Блаженства. Все, что чистого вкушаешь
В своем телесном наслажденья ты
(А чистым ты был создан от природы),
Вкушаем также в высшей мере мы,
Причем преграды нет нам в оболочках,
Суставах, членах: обнимаясь, Духи

Друг с другом съединяются вполне
И чистое стремится слиться с чистым!
Им в местной связи надобности нет,
Как там, где плоть соединиться тесно
Стремится с плотью и с душой душа.
Но мне пора; садясь, уходит солнце
За мыс земли зеленый, край далекий
Цветущих Гесперидских островов:
Знак, что я должен уходить. Будь крепок,
Живи себе в блаженстве и любви,
Но более всего люби на свете
Того, к Кому любовь – повиновенье,
И заповедь великую храни;
Страшись, чтоб страсть, твой покорив рассудок,
Тебя не побудила сделать то,
Что по свободной воле ты б не сделал.
Твое и всех сынов твоих спасенье
Иль горе их зависит от тебя:
Запомни это! Если тверд пребудешь,
Возрадуюсь я на тебя и мир
Блаженный весь со мною возликует.
Так стой же крепко: устоять иль пасть –
От твоего зависит лишь решенья
Свободного; внутри ты совершен,
И помощи извне тебе не нужно;
Умей все искушенья отразить!»

Сказал – и встал. Адам с благоговеньем
Последовал за ним: «Уходишь ты,

Небесный светлый гость, посол эфира,
Ниспосланный мне Тем, чью власть и благодать
Я обожаю! Добр ты был ко мне
И ласков в снисхождении бесконечном,
И благодарной памятью всегда
Тебя я буду чтить; ты ж к человеку
Будь дружелюбен и часто приходи!»

Они расстались: Ангел в Небеса
Взлетел сквозь мрак, Адам ушел в беседку.

Книга девятая

Содержание

Сатана, который обошел всю Землю, обдумывая свой коварный замысел, возвращается ночью под видом тумана в Рай и входит в спящую змею. Адам и Ева утром идут на свою работу, которую Ева предлагает распределить по разным местам, так чтобы каждый работал отдельно. Адам не соглашается, ссылаясь на опасность: Враг, о котором их предупредили, может покуситься на нее, встретив ее одну. Ева, не желая, чтоб на нее смотрели как на недостаточно сильную, настаивает на своем уходе, так как ей хочется испытать свою силу. Адам в конце концов уступает. Сатана находит ее одну, с хитростью приближается, сперва смотрит на нее, потом заговаривает, превознося Еву усердной лестью над всеми созданиями. Ева, удивляясь, что змея разговаривает, спрашивает, как она научилась человеческой речи и достигла такого разума, которого прежде не имела. Змея отвечает, что приобрела речь и разум, вкусив от одного из деревьев в саду. Ева просит привести ее к этому дереву, которое оказывается заперщенным Древом познания. Змея, осмелев, посредством разных уловок и уговоров побуждает ее наконец съесть плод. Ева, которой вкус плода понравился, некоторое время раз-

думывает, сообщить ли об этом Адаму или нет, но наконец приносит ему плод и рассказывает, кто убедил ее отведать плода. Адам, сперва ужаснувшись, но видя, что она погибла, из любви решается погибнуть вместе с нею; утешая себя мыслью, что опасность не столь уж велика, он также съедает плод. Действие плода на них обоих; они стараются прикрыть свою наготу, затем начинается ссора между ними; они обвиняют друг друга.

Конец теперь моим повествованиям
О том, как Бог иль Ангел был в гостях
У человека, с ним в кругу семейном
Приветливо сидел, обед с ним сельский
Делил, беседу долгую с ним вел
И возраженья милостиво слушал!
Трагический отныне тон придать
Своей я песни должен: осквернился
Преступным недоверьем человек,
Вовлекся он в мятеж и непокорство;
А Небо отвернулось от него,
Ему и чуждым стало, и враждебным,
Разгневалось и, карою грозя,
Произнесло над ним свой суд правдивый,
И этот мир юдолюю горя стал,
И Грех в нем со своею тенью, Смертью,
И скорбный вестник Смерти,
Нищета, с тех пор живут. Печальная задача –
Рассказывать об этом! И однако,

Не меньше героического в ней,
Чем в повести о том, как гнев Ахилла
Преследовал бегущего врага¹³³
И трижды обежал вокруг стен троянских,
Иль как ярился Турн¹³⁴ из-за невесты
Утраченной, Лавинии своей,
Иль как Нептун был гневен, иль Юнона
Вредила грекам и Цитеры¹³⁵ сыну;
Лишь смог бы я рассказ свой изложить
Достойно вещих слов моей великой
Небесной покровительницы Музы,
Которая приходит по ночам
Без просьб моих и в грезах мне диктует
Стихи несочиненные мои!
Не сразу я избрал предмет для этой
Поэмы героической моей,
И поздно приступил я к исполненью!
Не склонен был я по своей природе
Описывать войну – предмет, который
Единственным доныне почитался
Достойным героических поэм;
Считалось высшим мастерством поведать

¹³³ ...Чем в повести о том, как гнев Ахилла преследовал бегущего врага... – в «Илиаде» Гомера описывается, как Ахилл гнался за Гектором, убившим его друга Патрокла, и как они три раза обежали вокруг Трои.

¹³⁴ ...Иль как ярился Турн... – в «Энеиде» Вергилия описывается борьба пришельца с латинскими князьями, между прочим с Турном, женихом Лавинии, которой завладел Эней.

¹³⁵ Цитера – Венера (мать Энея).

В крикливых, утомительных словах,
Как сказочные рыцари рубились
В сраженьях фантастических; а твердость
Долготерпенья, мучеников доблесть
Не находили для себя певца;
Ристалища описывались, игры,
Вооруженье пышное, щиты
С девизами причудливыми, кони,
Их украшенья, сбруя, чепраки,
Наряд бойцов в турнирах, поединках,
Роскошные придворные пиры,
Прислуга их, лакеи, сенешали –
Ничтожные предметы для искусства,
Которых описание не может
Значенья героического дать
Ни действующим лицам, ни поэме!
Не мастер я на эти описанья
И не люблю их; выбрал я предмет,
Сам по себе высокий и способный
Мое возвысить имя, если век
Чрезмерно поздний, иль холодный климат,
Иль годы крылья духа моего
Не сломят, – и легко б они сломили,
Будь эта песня только от меня,
А не от той, чей сладкий голос ночью
Слова ее нашептывает мне!

Уж солнце село; быстро закатился

За ним и Геспер¹³⁶, яркая звезда,
Что сумерки земле с собой приносит, –
Посредник краткий между днем и ночью, –
От края и до края горизонт
Обволокла уж полусфера ночи,
Когда вернулся к Раю Сатана,
Бежавший от угрозы Гавриила,
Обдумав зрело свой обман коварный,
Направленный к паденью человека.
Презрев все то, что самому могло б
Ему грозить, бесстрашно он вернулся.
Бежал он ночью, в полночь и пришел,
Всю землю обойдя, остерегаясь
Явиться днем, с тех пор как Уриил,
Правитель солнца, раз его заметил
И Херувимам, что у райских врат
Держали стражу, дал предупреждение.
Гонимый беспокойством с той поры,
Он семь ночей во тьме блуждал в пространстве;
По кругу равноденствия¹³⁷ он трижды
Прошел; четыре раза весь путь ночи
От полюса до полюса свершил,
И каждый пересек притом колурий¹³⁸,

¹³⁶ *Геспер* – вечерняя звезда, та самая, которая утром называлась Фосфором (ср. примеч. к с. 230).

¹³⁷ *Круг равноденствия* – экватор небесной сферы, пересекающийся с эклиптикой (см. примеч. к с. 108) в двух точках равноденствия.

¹³⁸ *Колурии* – два больших круга небесной сферы, из которых один проходит через точки равноденствия (см. выше), другой – через точки солнцестояния

И на восьмую ночь пришел назад
И в стороне, лежавшей против входа,
Где стража херувимская была,
Себе лазейку тайную наметил.
То было место (ныне нет его,
Хотя не время сгладило то место,
А грех), где Тигр потоком в глубь земли
Уходит быстро у подножья Рая,
Чтоб показаться вновь у Древа жизни.
Нырнул с рекою вместе Сатана
И с нею вместе вышел он в тумане
И места, где бы спрятаться, искал.
Он обошел все море и всю землю,
Прошел он от Эдема через Понт
К болоту Меотийскому¹³⁹; за Обью
Он был, и Южный полюс посетил,
И от Оронта¹⁴⁰ к западу промчался
До Дарии¹⁴¹, к пределам океана,
Оттуда же к стране, где Инд и Ганг
Текут; бродя по всей земле, усердно
И тщательно он изучал всех тварей,
Чтоб высмотреть, которая из них
Могла б служить его всех лучше козням,
И наконец нашел он, что змея –

(последние лежат на окружности эклиптики на середине между точками равноденствия).

¹³⁹ *Болото Меотийское* – Азовское море.

¹⁴⁰ *Оронт* – река в Сирии, ныне Нахр-эль-Ази.

¹⁴¹ *Дария* – страна в Центральной Америке, на Панамском перешейке.

Хитрейшее из всех земных животных.
И вот он, после долгих размышлений,
Сомнений, колебаний многократных,
К решению пришел, что эта тварь
Является удобным сосудом,
В который влить он может свой обман;
Что он, войдя в змею, всего скорее
От самых зорких глаз закроет мрачный
Свой замысел; что все змеи уловки
Не будут подозрительны: припишут
Ее природной хитрости все то,
Что в прочих тварях дьявольским внушеньем
Казаться бы могло, превосходя
Обычный ум животных. Так решил он,
Но прежде в скорбной жалобе излил
Печаль свою и злобную досаду:

«Как ты, Земля, подобна Небесам!
Быть может, даже лучше их! Обитель,
Достойная богов, сотворена
Вторую мыслью, вновь преобразившей
Все старое! Не заменил, конечно,
Бог лучшее Свое создание худшим!
Земное небо ты, и вокруг тебя
Другие небеса сияют ярко
Служебными лампадами тебе,
Лишь для тебя весь свет свой изливают,
Лишь ты одна — предмет и средоточье
Священного влиянья их лучей!

Как в Небесах центральная Бог сила
И вокруг распространяется на все,
Так в центре ты стоишь, и отовсюду
Дары светил стекаются к тебе.
В тебе, не в них находит проявленье
Вся сила их в лице деревьев, трав
И ряда постепенного созданий
Одушевленных, ростом, чувством, смыслом
Различных, и, всех выше, в человеке!
С каким бы наслажденьем по тебе
Я странствовал, когда бы радость видеть
Мог в чем-нибудь; как любовался б я
Твоих долин и гор приятной сменой,
Равнинами, реками и лесами,
То сушею, то морем, берегами
Лесистыми, красой утесов, гротов!
Но нет мне в них убежища нигде!
Чем более веселья вокруг я вижу,
Тем более страдаю я внутри,
Противоречьем горестным снедаем:
Все доброе, что вижу я, — мне яд,
И в Небесах всего мне было б хуже.
Нет, не ищу жилища я ни здесь,
Ни в Небесах, пока не подчинится
Мне Царь Небесный; не надеюсь я
Несчастливым меньше быть, когда достигну,
Чего ищу; вся цель моя лишь в том,
Чтоб и других такими же соделать,
Как я, хотя бы за это на меня

Все злейшие обрушились несчастья.
Своим суровым думам нахожу
Я облегченье только в разрушении;
Я должен уничтожить иль привести
К греху, с собой несущему погибель,
Того, кому на благо это все
Сотворено, с чьей гибелью и счастьем
Все это тесно связано; итак,
Сгублю его, и быстро все погибнет,
И вишь и вдале разрушится весь мир!
Средь адских сил мне вечной славой будет,
Что я в единый день испорчу все,
Что Он, так называемый Всесильный,
Творил, трудясь шесть дней и шесть ночей;
И ранее — кто знает, как Он долго
Обдумывал все это, хоть, быть может,
Задумал это Он лишь с той поры,
Как я в ту ночь освободил от рабства
Бесславного едва ль не половину
Всех Ангелов и разрешил толпу
Поклонников Его; и вот из мести
Иль чтоб пополнить убыль слуг своих,
Решился Он (затем ли, что иссякла
Былая сила в Нем и уж не мог
Он Ангелов создать, коль скоро все мы
Им созданы, иль чтоб тем больше нас
Унизить) вместо нас создать иное
Творенье из земли и одарить
Его, из столь презренного начала,

Дарами Неба, взятыми у нас!
Что Он решил, то вскоре Он исполнил:
Он человека сотворил и в дар
Ему – весь этот мир великолепный,
И землю Он ему в жилище дал,
Его над нею сделав господином,
И – о негодование! – отрядил
К его услугам Ангелов крылатых,
Слуг пламенных, дабы его хранить
Здесь, на Земле! Пред этою их стражей
Дрожать я должен, избегать ее
И, кутаясь тайком в туман полночный,
Здесь в темноте скользить и пробираться
Сквозь все кусты, чтоб, спящую змею
Найдя, в ее извивах тесных скрыться
И замысел мой мрачный пронести.
О гнусное паденье! Я, который
Стремился высшим быть среди богов,
Ютиться принужден в животной твари,
Смешать с животной слизью, воплотить
В животное ту сущность, что стремилась
Божественным стать высшим существом!
Но ради честолюбья, ради мести
На что не снизойду я? Тот, кто хочет
Возвыситься, порой спускаться должен
Настолько же, насколько воспарял;
Он должен ждать, что рано или поздно
Он злейшим униженьям подпадет.
Мечь, сладкая сперва, падет, я знаю,

Со временем тем горше на меня;
Но пусть! О том я думать не желаю;
Поставил твердо целью я себе,
Что, если с Высшим я в борьбе не сладил,
Так отомщу тому, кто вслед за ним
Во мне всех больше зависть вызывает, –
Ему, любимцу новому Небес,
Ему, досады сыну, человеку,
Искусно сотворенному из глины,
Кого воззвал Создатель, нам назло,
Из праха. Зло за Зло – нет платы лучше!»

И он пополз сквозь мокрый иль сухой
Кустарник, под личиною тумана,
В своих полночных поисках змеи.
И вскоре он нашел ее: свернувшись,
Она лежала в несколько кругов,
В середине коих голова торчала,
Полна тончайших хитростей; не в яме
Она ютилась, не в пещере мрачной:
Безвредная пока, она спала
Открыто на траве, – не опасался
Ее никто, и никого – она.
И Дьявол в рот ее вошел и вскоре,
Ее умом животным, в голове
Иль в сердце, завладев, разумной силой
Его снабдил, но сна ее притом
Он не прервал и утра ждать остался.

Когда забрезжил свет святой в Эдеме
Над влажными цветами, фимиам
Свой утренний струившими, все твари
От алтаря великого Земли
Безмолвную хвалу свою послали
Создателю, Ему наполнив ноздри
Ее благоуханьем благодарным.
От сна восстала и чета людей
И голос свой хвалебный съединила
С безмолвным хором тварей бессловесных;
Полюбовались утра красотой
И воздуха благоуханьем сладким
И стали обсуждать они, как лучше
Исполнить им свой все растущий труд.
Громадный сад работы слишком много
Давал для двух работников; и вот
Такую речь держала к мужу Ева:

«Адам, как ни стараемся мы здесь,
За садом, за цветами как ни ходим,
Приятный труд наш совершая, все же,
Пока у нас помощников не будет,
Работа наша будет лишь расти,
Для наших малых сил всегда чрезмерна.
Что днем мы срежем, выпрямим, подвяжем
Как бы в насмешку, в ночь одну иль две
Вновь буйно разрастется, одичает.
Поэтому обдумай, рассуди
О том, что мне на ум пришло недавно.

Разделим труд наш: ты пойдешь туда,
Куда захочешь иль куда потребно,
И жимолость там будешь обвивать
Вкруг дерева иль плющ направишь виться,
А я в той куще розовых кустов
И мирт трудиться буду до полудня.
Когда так близко оба мы с тобою
Работаем друг к другу, то не диво,
Что часто мы меняемся при этом
Улыбками иль взорами, беседу
Ведем всегда о том и о другом;
Поэтому работаем мы мало,
Хоть рано начинаем мы свой труд,
И час еды, не заслужив, встречаем.

Адам на то ей кротко возразил:
«О Ева, о единая подруга,
Которая без всякого сравненья
Милей мне прочих всех живых созданий!
Ты верно рассудила, хорошо
Ты рассчитала, как всего нам лучше
Исполнить труд, назначенный нам Богом.
Хвалю тебя: нет лучше ничего
Для женщины, как знание домоводства
И добрые советы мужу в нем.
Но наш Господь не так уже нам строго
Труд предписал, чтоб времени не дать
Для отдыха, для пищи иль беседы
(Беседа ведь есть пища для ума)

Иль для того, чтоб мы менялись сладко
Улыбками иль взорами (улыбки
Проистекают также от ума);
Все это недоступно лишь животным,
У нас же служит пищей для любви,
Одной из высших целей нашей жизни.
Бог сотворил нас не на тяжкий труд,
А на приятный, и с разумной целью
Он наслажденье мудро соединил.
Все эти вокруг дорожки и беседки,
Конечно, можем мы с тобой вдвоем
От зарастанья охранять настолько,
Насколько нужно нам гулять, пока
Нам не помогут молодые руки;
Но если постоянные беседы
Тебе уже наскучили, то я
На краткую разлуку согласился б:
Уединенье тихое порой
Приятней нам, чем общество любое,
И после кратковременной разлуки
Тем радостнее встреча. Я о том
Не беспокоюсь – опасаюсь только,
Чтоб без меня не пострадала ты;
Ты помнишь ведь, о чем предупрежденье
Мы получили, – знаешь, что за Враг,
Злой и коварный, нашему блаженству
Завидует, утративши свое;
Что он стремится хитрым нападеньем
Повергнуть нас в несчастье и позор.

И он, конечно, где-нибудь таится
Поблизости и жадную надежду
Лелеет порознь нас с тобой найти,
Не смея тронуть нас, пока мы вместе
И помощь можем оказать друг другу,
Он или попытается отвлечь
От Бога нас, иль нам испортить счастье
Супружеской любви, которой он
Завидует всего, пожалуй, больше,
Иль худшее придумает еще.
Не покидай же верного ты друга,
Того, от чьей ты плоти создана,
Кто дать всегда готов тебе защиту!
Там, где грозит бесчестье иль беда,
Всегда всего надежней и приличней
Для женщины – с своим супругом быть:
Он охранит ее иль с ней погибнет».

Но в девственном величии своем
Ему на это отвечала Ева,
Как будто за любовь свою она
Нежданно неприятность получила,
Приняв суровый, хоть и милый вид:

«О порожденье Неба и Земли
И повелитель всей Земли! Я знаю,
Что мы имеем страшного Врага,
Который хочет нас сгубить; об этом
И ты мне говорил, и я сама

Подслушала, как Ангел, расставаясь,
Сказал тебе: в тенистом я углу
Тогда стояла, возвратясь из сада,
Чуть лишь закрылись вечером цветы.
Но если мы с тобой Врага имеем,
Который нас намерен искушать,
То все ж не ожидала я услышать
Сомненья в твердой верности моей
Тебе и Богу. Дерзкого насилья
Ты не боишься: мы не таковы,
Чтоб умереть иль заболеть могли мы;
Не примем мы его иль отразим;
Итак, боишься ты его обмана,
А это значит то же, что бояться,
Что верность и любовь мою легко
Своим обманом подорвать он может.
Как эта мысль могла тебе прийти,
Адам? Как мог ты дурно так подумать
О той, кого ты так всегда любил?»
Адам ей примирительно ответил:
«Дочь Господа и человека, Ева
Бессмертная! От всякого упрека
И от греха свободна ты! Тебе
Я дал совет не уходить отсюда
Не потому, чтоб мало верил я
В тебя, но чтобы самую попытку
Коварного Врага предотвратить.
Кто искушает, тот, хоть и напрасно,
Бесчестьем низким может запятнать

Того, кого он искусить желает,
Предположив, что искушенья он
Не выдержит, не неподкупна верность.
Ты и сама отвергла б не без гнева,
Не без душевной боли это зло,
Хотя бы враг был над тобой бессилен.
Поэтому превратно не толкуй
Мое желанье отворотить то горе
Иль неприятность от тебя одной,
Когда на нас двоих наш враг, хоть смел он,
Едва ли бы отважился напасть
Иль на меня скорей тогда напал бы.
Не презирай и хитрости его:
Весьма хитер быть должен, чье коварство
Сумело даже Ангелов увлечь;
И помощь друга не считай излишней:
Я под влияньем взора твоего
Всех доблестей приобретаю силу;
Когда ты здесь, я становлюсь умней,
Бодрее, крепче; даже, если нужно,
Телесную я силу проявлю;
В твоих глазах я из стыда, что буду
Я кем-нибудь осилен, побежден,
До крайности все напругу усилю.
Ужели ж ты в присутствии моем
Подобного в себе не видишь чувства?
И если искушение при мне
Ты выдержишь, не лучшее ль то будет
Свидетельство о доблести твоей?»

Так говорил Адам, как муж семейный,
В заботе о супружеской любви.
Но Ева, находя, что слишком мало
Он ценит верность честную ее,
С настойчивостью милой возразила:

«Ужели ж наш удел — всегда так жить
В осаде тесной вражеской, не в силах
Поодиночке отразить Врага,
Страшась его насилья иль коварства?
Все страх беды — какое ж счастье тут?
Но ведь беда еще не грех: обиду
Наносит дерзкий Враг нам только тем,
Что нашу верность смело презирает;
Бесчестья в этом нет нам: на него
И обратится все его прозренье;
Так что ж его бояться и бежать?
Скорее нам двойною честью будет,
Когда его предположение ложным
Окажется: мы в этом мир найдем,
Благоволенье Неба, для себя же
Уверенность в себе. Притом что значит
Вся наша верность, доблесть и любовь,
Коль скоро мы ее не испытаем
Без посторонней помощи, одни?
Не будем же подозревать, что наше
Блаженство столь несовершенным сделал
Творец наш мудрый, что, вдвоем иль нет,

Мы вечно все ж в опасности. Непрочно
Блаженство это наше, если так,
И Рай – не Рай, когда он так опасен».
Адам на то ей пылко возразил:
«О женщина! Все сделал и устроил
Бог безупречно; творческой рукой
Не мог Он ничего несовершенным
Иль не вполне достаточным оставить,
А человека – менее всего;
Так и блаженство наше безопасно
От внешней силы. Но лежит опасность
Внутри самих нас, в области сил наших!
Противу воли собственной своей
Вовеки человек не пострадает;
Но волю Бог свободную нам дал;
Что разуму послушно, то свободно;
А разум – справедливым сделал Он,
Но повелел ему быть осторожным
И бдительным, чтоб кажущимся благом
Не соблазниться и не побудить
К чему-нибудь неправому, внушая
Обманутой им воле сделать то,
Что Господом запрещено нам строго.
Поэтому совсем не недоверье,
А нежная любовь меня влечет
Остерегать тебя; и точно так же
Прошу тебя остерегать меня!
Мы крепки, но мы можем ошибиться;
Возможно, что наш разум повстречает

Какой-нибудь, украшенный врагом,
Предмет блестящий и, врасплох застигнут
Впадет в обман, забыв всю осторожность,
Которую Господь нам завещал.
Так не ищи ж нарочно искушенья –
Его всего нам лучше избегать;
И лучше бы тебе со мной остаться,
А искушение к нам само придет,
Без поисков. Коль хочешь постоянство
Свое явить, яви сперва покорность;
Кто твердости твоей при искушении
Не испытал, как может утверждать,
Что ты ему противостать способна?
Когда же ты уверена, что если
Не будем искушенья мы искать,
То нас оно скорей врасплох застанет,
Тогда иди, затем что, против воли
Оставшись здесь, тем более ты будешь
Отсутствовать. Иди в своей природной
Невинности; надейся на себя
И доблесть всю свою, сberi все силы:
Свое Бог сделал – сделай ты свое».

Так патриарх людей сказал; а Ева,
Упорствуя, хоть и с покорным видом,
На то ему промолвила в ответ:

«Итак, согласен ты, хоть осторожность
Советуешь, – в особенности вижу

Я это из твоих последних слов,
Что искушение, если мы не будем
Искать его, врасплох застать нас может.
Тем более охотно я иду;
Не думаю притом, чтоб Враг столь гордый
Ко мне, слабейшей, к первой подошел:
Тем с большим он позором отступил бы».

Сказавши это, из руки супруга
Она освободила нежно руку
И, будто нимфа Делии¹⁴², легка,
Как ореада¹⁴³ иль дриада¹⁴⁴, быстро
В кусты порхнула; Делии самой
Она была, однако, грациозней
И величаво, как богиня, шла,
Но без колчана и без стрел, имея
Садовые орудья лишь с собой –
Продукт искусства грубого, простого,
Не знавшего огня, иль, может быть,
Их принесли ей Ангелы в подарок.
Подобною Палесе¹⁴⁵ иль Помоне
В красе своей являлася она –
Помоне, убежавшей от Вертумна¹⁴⁶,

¹⁴² *Делия* – одно из прозвищ Дианы, богини охоты, по месту ее рождения (остров Делос).

¹⁴³ *Ореада* – нимфа гор.

¹⁴⁴ *Дриада* – лесная нимфа.

¹⁴⁵ *Палес* – богиня скотоводства.

¹⁴⁶ *Вертумн* – древнеиталийский бог времен года и их различных даров,

Иль молодой Церере, Прозерпину
Еще от Зевса не зачавшей. Муж
Следил за нею долго пылким взором,
Желая, чтоб осталася она,
И повторяя просьбы возвратиться
Как можно поскорее; а она
На это каждый раз ему сулила
К полудню вновь уже в беседке быть
И все там приготовить для обеда
И сна послеобеденного. Ах,
Несчастливая, обманутая Ева!
Возврата нет тебе, другой исход
Тебе грозит! Ты с этого мгновенья
Не будешь больше сладкого иметь
Обеда, ни здорового покоя!
Уж меж цветов душистых и кустов
Тебя погибель ждет с коварством адским,
Дабы пресечь тебе твой путь беспечный
Иль отпустить назад тебя, лишив
Невинности, и верности, и счастья!
Уже с рассвета, в образе змеи,
Пустился Враг на поиски повсюду
Четы, еще единственной, людей,
В которых род людской весь заключался,
Наметив их добычею себе.
Искал во всех полях он и беседках,
Во всех местах красивейших бродил,
Где ради удовольствия сажали

Они растенья разные, — искал
Обоих, но мечтал, удачи ради,
Без мужа Еву повстречать, — на это
Однако, не надеясь как на редкость.
Вдруг видит он, что выше всех надежд
Сбываются его желанья: Ева
Стоит в кустах одна, окружена,
Как облаком, цветочным ароматом,
Наполовину скрытая в ветвях
Меж ярких роз цветущих, поминутно
К ним нагибаясь, чтобы поддержать
Цветы, которых пестрые головки —
Пурпурные, лазурные, златыми
Усеянные крапинками, — вяло
Висели вниз на тонких стебельках:
Заботливо она их поднимала,
Стеблями мирт подвязывая их, —
Сама цветок прекраснейший, беспечно
Забыв себя и от опоры лучшей
Своей вдали, пред близкой, страшной бурей.
Пошел он к ней навстречу, пробираясь
Сквозь чащу кедров, сосен, стройных пальм,
Виясь меж ними смело, то скрываясь
В густой траве, то выходя на свет
Меж деревец и кустиков цветущих,
Что Ева насадила вдоль ручьев.
Прекрасно было это место Рая —
Роскошнее всех сказочных садов

Ожившего Адониса¹⁴⁷ иль славных
Рощ Алкиноя, где Лаэртос сын
Гостил, иль тех садов, существовавших
Уже не в сказках, где премудрый царь¹⁴⁸
С прекрасною египетской невестой
Любовные утехы находил.
Браг любовался этим дивным местом,
Но более – хозяйкою его.
Так, если город густонаселенный
Домов громадой тесной давит нас
И водостоки воздух заражают
И вдруг мы летним утром из него
В окрестности выходим, где ласкают
Наш взор вокруг веселые деревни
И фермы, все нам нравится вдвойне:
И запах трав, и сена ароматы,
Стада коров, и пастбища, и каждый
Вид свежий сельский, каждый сельский звук;
А если мимо легкою стопою,
Как нимфа, дева милая пройдет,
Из-за нее все, что казалось мило.
Для нас еще становится милей,

¹⁴⁷ *Адонис* – прекрасный мифический юноша; погиб на охоте, сраженный
вепрем. Он был символом весны; в честь его в Греции и Риме существовали
празднества, продолжавшиеся два дня во время весеннего равноденствия:
в первый день вспоминалась его гибель, а во второй – его воскресение,
причем, между прочим, выставлялись сосуды со скоро увядающими растениями
(Адонисовы сады).

¹⁴⁸ *Премудрый царь* – Соломон.

А более всего – сама та дева,
И вид ее – верх радости для нас.
Так и Змея с восторгом созерцала
Цветущий сад, приют прекрасный Евы,
Которая в столь ранний час одна
Трудилась здесь. В красе своей небесной,
Прелестная, как Ангел, но нежнее
И женственней, в невинности своей
И грации во всех своих малейших
Движениях и действиях, – она
Его коварству страх благоговейный
Внушала, отнимая у него
Решимости всю силу и отвагу.
Он, Зло само, от собственного зла
Как будто отрешился и на время,
Остолбенев, стал добр, обезоружен
От злобы, от коварства и вражды,
От зависти и мстительности. Впрочем,
Ад, что всегда внутри его горел,
Хотя бы в Небесах он находился,
Его восторги скоро прекратил
И возбудил тем злейшие в нем муки,
Чем больше видел он, что не ему
Блаженство уготовано. И, быстро
Собравши весь свой гнев, он подкрепил
Себя злорадно мыслями такими:

«Куда вы, думы, завлекли меня!
Каким волненьем сладким побудили

Забыть, зачем пришел я в этот край!
Нет, не любовь, а ненависть пусть вечно
Кипит во мне; нет, не надежда Рая
Для Ада, не надежда испытать
Здесь радости – лишь радость все разрушит,
Оставив только радость разрушенья, –
Вот все, что мне осталось! Упустить
Могу ли улыбающийся случай?
Вот женщина – одна, всем нападениям
Доступная; муж – сколько вижу вокруг –
Далек; его скорей бы я боялся:
Умом он выше, мужествен и крепок
И как герой сложен, хоть из земли, –
Небезопасный враг мне; не подвержен
Притом и ранам он, не так, как я.
Так я унижен Адом, так ослаблен
Страданиями в сравненьи с тем, чем в Небе
Я был! Она ж – божественно прекрасна,
Любви богов достойна; не страшна –
Лишь красотою страх она внушает.
Поэтому не с ненавистью явной
Я к ней теперь приближусь, а под маской
Любви – вот верный путь ее сгубить».

Так говорил Враг человека, в теле
Змеи сокрытый, злой ее жилец,
И путь свой он направил ближе к Еве –
Не мелкими зигзагами, как прежде,
Не пресмыкаясь низко по земле,

Но на хвосте поднявшись, опираясь
На обороты свернутых кругов,
Которые лежали друг на друге
И поднимали голову его
С гребнём; глаза горели, как карбункул,
Зеленая же шея с золотистым
Отливом возвышалась меж извивов
Спирали, волочившейся в траве.
Красив был вид его; не появлялось
Нигде змеи красивейшей с тех пор:
Ни те, в которых Кадм и Гермiona
В Иллирии когда-то превратились¹⁴⁹,
Ни боги Эпидавра¹⁵⁰, ни змея,
В которую Юпитер превратился,
С Олимпией в Аммоне забавляясь,
Ни та, чей образ принял он тогда,
Когда он славу Рима, Сципиона¹⁵¹,
Как бог Капитолийский, породил.

¹⁴⁹ ...*Ни те, в которых Кадм и Гермiona в Иллирии когда-то превратились...* – здесь у Мильтона Гермiona смешивается с Гармонией, супругой Кадма. Зевс дал Кадму в супруги Гармонию, с которою Кадм царствовал в основанном им городе Кадмее (впоследствии Фивах); затем Кадм сделался царем в Иллирии и, оставив власть своему сыну, превратился в дракона, как и жена его, и оба они переселились в елисейские поля.

¹⁵⁰ *Эпидавр* – город в Арголиде; там находился храм Эскулапа с культом священных змей.

¹⁵¹ *Сципион* (Публий Корнелий Сципион Африканский; ок. 234–183 до н. э.) – о происхождении Сципиона Великого, знаменитого победителя Ганнибала при Заме, ходили разные чудесные слухи. Говорили, например, что его мать Олимпия родила его от Юпитера, который посещал ее в образе огромного змея.

Сперва он боком тихо подползает,
Как некто, робко ищущий приема,
Страшась своим приходом помешать,
Иль как корабль у мыса или устья,
Ведомый в гавань штурманом искусным,
Под ветром курс меняет много раз
И паруса то спустит, то распустит, –
Так он кружил извилистым путем,
Играя в изворотах перед Евой,
Чтоб взор ее привлечь; она ж, трудясь,
Хоть шелест листьев слышала, однако
Змеи не замечала по привычке
Не обращать вниманья на зверей,
Пред ней игравших часто и послушных
Ей более, чем стадо превращенных
Цирцеи зова слушалось¹⁵². Но вот
Он стал смелей и прямо перед Евой
Без зова встал, как бы любясь ею,
Свой гребень нагибал и выставлял
Блеск гладкой шеи, голову склоняя,
Вилял хвостом, лизал ее следы
И наконец немым тем поклоненьем
Заставил Еву на его игру
Взглянуть. Тогда, обрадован вниманьем
Ее, вдохнул он голос свой змее
И, языком заговорив змеиным,
Так искушение хитрое повел:

«Владычица, не удивляйся – если
Способна удивляться ты, сама
Первейшее, единственное диво, –
И это небо кротости, твой взор,
Ты не вооружай досадой гневной
За то, что я дерзаю любоваться
Тобой, забыв благоговейный страх,
Внушаемый тобою и приличный
Особенно в уединении этом.
Чудеснейшим являешься подобьем
Ты твоего чудесного Творца!
Любуется тобою все живое,
В дар данное тебе; пред красотой
Небесною твоею с обожаньем
Склоняется, узрев ее, весь мир!
Но в этом месте замкнутом и диком,
Меж грубыми зверями, кто же может
Хотя бы вполтину оценить
Красы твоей всю прелесть, исключая
Единственного мужа (что же значит
Один?), когда достойна ты царить
Среди богов богинею, которой
Бесчисленные Ангелы служили б,
Как свита ежедневная твоя!»
Так льстил ей искуситель, предисловье
Начав к своим речам; и в сердце Евы
Нашли дорогу льстивые слова,
Хоть голосу она весьма дивилась.

Не без смущенья молвила она:

«Что это значит? Речью человека
Мне говорит животное, со смыслом
Таким же человеческим в словах!
Я знала, что по крайней мере речи
Господь лишил животных, сотворив
Немыми их и слов членораздельных
Не дав им; что касается ума,
Я сомневалась: много разуменья
Во взорах их я видела, а также
В их действиях различных. Ты, змея,
Хитрее прочих тварей всех, я знаю;
Но чтобы речью человеческой ты
Владела, я никак не ожидала.
Удвой же это чудо, Расскажи,
Как из немой ты стала говорящей
И почему так дружески ко мне
Относишься, одна из всех животных.
Скажи: вниманья стоит твой рассказ!»

Ей отвечал коварный искуситель:
«Легко мне, повелительница мира,
Блистательная Ева, рассказать,
Что ты велишь, и всем твоим веленьям
По праву подчиняться мы должны.
Сперва была я прочим всем животным
Подобна, что питаются травой,
Которую ногами попирают,

И были мысли грубы все мои
И низки так же, как и эта пища.
Я различала только пищу, пол
И прочее подобное — о высшем
Я ни о чем помыслить не могла.
Но вот однажды, по полям блуждая,
Увидела я дерево вдали,
Чьи ветви наклонялися под ношен
Плодов румяных, дивно золотистых.
Я ближе подползла, чтоб посмотреть, —
И вот с ветвей повеял вкусный запах,
Ласкавший вкус мой; мне он был приятней,
Чем аромат сладчайшего укропа,
Чем молоко с сосцов овец иль коз,
Что капает по вечерам обильно,
Не всосано ягненком иль козленком,
Играющим вокруг матери. Во мне
Зажглось желанье страстное отведать
Плодов тех чудных, и решила я
Желанье то немедленно исполнить.
Советники властительные — голод
И жажда — лишь ускорили решимость
Мою достать соблазна полный плод
И остроту моим стремленьям дали,
И, мшистый ствол обвив, полезла я
Наверх: плоды так высоко висели,
Что их насилу б мог достать Адам.
Стояли там вокруг другие звери,
И с завистью, как я, они взирали

На те плоды, но не могли достать.
Среди ветвей высоких очутившись,
Где в изобилии было то, к чему
Стремилась я, — срывать я жадно стала
И есть плоды; дотоле никогда
Не ощущала я такой отрады
Ни от еды, ни от питья. Насытись,
Заметила я вскоре, что во мне
Какая-то свершилась перемена
Чудесная: рассудок мой возрос,
А с ним явилась и способность речи,
Хотя остался прежним облик мой.
С тех пор высоким и глубоким думам
Я начала все чаще предаваться
И мыслить всеобъемлющим умом
О Небе, о Земле и о предметах
Всех видимых на них и между ними;
Хорошим я, прекрасным все нашла —
Но все, что хорошо, все, что прекрасно,
В божественном я образе твоём,
В небесном красоты твоей сиянии
Нашла объединенным. Нет тебе
Подобной или равной! Потому-то
Я и пришла, хоть, может быть, некстати,
Сюда, чтоб любоваться на тебя
И восхвалять тебя, кого по праву
Владычицей считают всех творений,
Миродержавной нашей госпожой!»

Так хитрая змея ей дерзко льстила;
А Ева, ей все более дивясь,
Промолвила в ответ неосторожно:

«Змея, твоя чрезмерная хвала
Невольное сомнение мне внушает
В достоинствах чудесного плода,
Так на тебе сказавшихся впервые.
Но где же это дерево растет?
Далёко ли отсюда? Ибо много
Господь в Раю деревьев насадил
Различных: многих мы еще не знаем —
Такое их обилие здесь растет;
Нетронутый, запас плодов великий
Висит на них, не портясь, до поры,
Когда людей на свете больше станет
И большее число рабочих рук
Освободит от бремени природу».

Лукавый уж ей радостно ответил:
«Владычица, нетруден путь туда
И недалек: пройти нам стоит только
За тот ряд мирт, по берегу ручья,
Сквозь группу мирр цветущих и бальзамных
Деревьев. Если хочешь, то тебя
Я проведу туда легко и скоро».

«Веди», — сказала Ева. И лукавый,
Виясь и выпрямляясь с быстротой,

Повел ее туда, на Зло проворный.
Надеждой окрыленная, змея
Сверкающий свой гребень поднимала,
Подобный тем блуждающим огням,
Что из паров сгущенных возникают
Над жирной почвой влажного болота,
В сыром, холодном воздухе ночном
Воспламеняясь от его дрожанья;
В них, говорят, вселяется злой Дух,
И, светом их обманчивым мерцая,
Спешит ночного спутника сманить
С дороги в лужи темные и ямы,
Где гибнет он – и некому помочь.
Так злобная змея сверкала ярко
И Еву, мать доверчивую нашу,
Вслед за собой вела в обман коварный,
Ко Древу знания, корню наших зол!
Его увидев, Ева так сказала:

«Напрасно мы пришли сюда, змея;
Мне это бесполезно, хоть и много
Плодов я вижу. Свойствам их полезным,
Коль хочешь, верь сама; они, конечно,
Чудесны, если могут совершить
Великое такое превращенье.
Но к этому мы дереву никак
Не смеем прикоснуться, ни отведать
Его плодов. Господь так повелел,
И было то веленье – глас единый

Из уст Его; во всем же остальном
Живем мы лишь по собственным законам,
И разум наш – единый наш закон».

Ей искушитель отвечал коварно:
«Вот как! Господь вам, значит, не дозволил
Вкушать плоды со всех деревьев в саду,
Хоть господами в мире вас поставил?»

Ему, еще свободна от греха,
Сказала Ева: «Есть Он разрешил нам
Со всех деревьев; одно лишь это древо
Прекрасное изъял Он и сказал:
“С него не ешьте и не прикасайтесь
К плодам его, дабы не умереть”».

Едва она промолвила свой краткий
Ответ, как искушитель, осмелев,
Чтоб показать любовь свою и ревность
На пользу человека, как бы видя
Обиду, нанесенную ему,
И воспылав негодованьем страстным,
Ударился в иную хитрость: начал,
Как бы в смущении, извиваться он,
Как бы стараясь сохранить приличие,
И принял вид торжественный, как будто
Речь важную собираясь повести.
Как в древности оратор знаменитый
В Афинах или в Риме, где цело

Великое когда-то красноречье,
Печально замолчавшее с тех пор,
Готовясь к речи важной и серьезной,
Сбирал свои все силы, выдавая
Лишь жестами безмолвное волнение
Свое, и, наконец заговорив,
Пускал высоких слов потоки быстро,
Без предисловий, чтоб не замедлять
Свое стремление к истине и праву, –
Так искуситель, воодушевшись,
Во весь свой рост поднявшись, страстно начал:

«О ты, святое, мудрое и мудрость
Дающее растение! Матерь знания!
Как ясно силу всю твою в себе
Я чувствую! Не только различаю
Вещей причины – вижу я пути
Сил высших, хоть они и велемудры!
Не верь, царица мира, и не бойся
Угроз тех страшных: не умрете вы!
Откуда смерть придет к вам? От плода ли?
Он жизнь вам даст для знания. От Того,
Кто угрожал вам? Посмотри, однако,
Ты на меня: я ела – и живу
И даже стала много совершенней,
Чем рок судил мне, только потому,
Что свой удел я превзойти решилаась.
Ужели недоступно человеку
То, что доступно зверю? Разве Бог

На вас Своим воспламенится гневом
За столь пустой проступок? Разве Он
Не будет вас скорей хвалить за храбрость,
За то, что смерти страх — что б эта смерть
Ни значила — не отвратил нимало
Вас от стремленья смелого к тому,
Что осчастливит вас, что даст вам знанье
Добра и Зла? Добра — как это верно!
А что до Зла, то — если точно Зло
На свете есть — не лучшее ли средство
Узнать его, чтоб после избегать?
Не может Бог карать вас и быть правым,
А если Он не прав, то Он — не Бог,
А потому и нечего бояться
И слушаться Его, — страх самый смерти
В вас должен страх пред Богом подавить.
Зачем Он запретил вам это? Только
Затем, чтоб вас в невежестве держать,
Чтоб вы пред Ним благоговели слепо!
Он знает, что в тот день, как этот плод
Съедите вы, вмиг озарятся светом
Глаза у вас, бродящих в полутьме;
Откроются, прозреют ваши очи,
Вы будете, как боги, знать Добро
И Зло вполне, как боги это знают.
Я человеком сделалась внутри —
Вы, с этим в соответствии, конечно,
Должны богами стать: как человеком
Стал зверь — так богом станет человек.

Вот ваша смерть в чем состоит, быть может!
Умрете вы как люди, чтобы стать
Богам! Пусть грозят вам этой смертью:
Ее вам остается лишь желать!
И что такое боги, чтобы люди
В них превратиться не могли, как только
Божественную пищу станут есть?
Нам говорят, что боги были прежде,
Чем мы, и нашей пользуются верой,
Чтоб убедить, что в мире все — от них.
Я в этом сомневаюсь, ибо вижу,
Что эта вокруг прекрасная земля,
Лучами согреваемая солнца,
Все производит, боги ж — ничего.
Ведь если все — от них, кто ж в это Древо
Добра и Зла познание заключил
И кто поест его плодов — сейчас же
Имеет мудрость против воли их?
И в чем обида им от человека,
Коль также к знанию устремится он?
И чем мешает Богу ваше знание
Иль пользование ваше этим древом,
Когда все вещи в мире — от Него?
Иль это зависть? Разве может зависть
В груди небесной жить? Вот, вот причина —
И есть еще другие, — почему
Вам плод тот чудный нужен непременно!
Возьми ж его, богиня-человек,
Сорви без страха и вкушай свободно!»

Так кончил он коварные слова,
Которые чрезмерно легкий доступ
Нашли к ней в сердце. Пристально смотрела
Она на плод, который соблазнить
Одним своим мог видом, и звучали
В ушах ее злодея уговоры,
Которые притом казались ей
Исполненными разума и правды.
Меж тем уж час полуденный пришел,
И голод в ней проснулся, ароматом
Прекрасного плода еще усилен,
И засветилось у нее в глазах
Стремление плод тот тронуть иль отведать;
Но, медля все ж исполнить это, так
Она сама с собою рассуждала:

«Действительно, достоинства твои,
О лучший из плодов, хоть человеку
Ты запрещен, должны быть славны, дивны,
Коль скоро запрещенное твое
Вкушенье твари, прежде бессловесной,
Такое красноречье принесло
И языку безмолвному внушило
Такую произнестъ тебе хвалу.
Тебя и Тот хвалил, Кто запрещает
Плоды твои: тебя Он называл
Познания Древом – Деревом познания
Добра и Зла. Вкушать твои плоды
Он не дозволил, – это запрещенье

Тебе, однако, только к чести служит:
Ты можешь, значит, сообщить Добро,
Которое нам не дано; не зная
Добра, нельзя иметь его; иль, если
Его имеем мы, о том не зная,
То это все равно что не имеем.
Нам, попросту сказать, запрещено
От Бога знание; нам Он запрещает
Добро! Он мудрость запрещает нам!
Такой запрет нас связывать не может.
Но если смерть нас после цепью свяжет,
К чему свобода внутренняя нам?
В тот самый день, как мы тот плод прекрасный
Отведаем, должны мы умереть.
А что ж змея не умерла? Вкусила
Она плодов — и все-таки живет,
Владеет знанием, говорит и мыслит,
А прежде лишена была рассудка.
Иль смерть для нас придумана одних?
Иль пища та разумная доступна
Животным лишь, а нам запрещена?
Да, кажется, животным лишь... Однако
Животное, которое впервые
Ее вкусило, зависти чуждаясь,
Нам радостно приносит то добро,
Которое ему доставил случай.
Вот нам свидетель, чуждый подозрений,
Бесхитростный, правдивый, дружелюбный!
Чего же мне бояться? Иль, верней,

Как знать, чего мне следует бояться,
Когда ни Зла не знаю, ни Добра
И ничего не ведаю о Боге,
О смерти, о преступном и законном?
Но здесь растет лекарство от всего –
Божественный плод этот, милый взору,
Меня зовущий взять его, отведать,
Дающий мудрость силою своей!
Что ж мне мешает взять его спокойно,
Чтоб разом ум и тело напитать?»

И вот она в недобрый час поспешно
Достала плод, схватила, стала есть...
Земля свою почувствовала рану;
От недр своих глубокий, тяжкий вздох
Природа испустила, знаки горя
Во всех своих делах она явила,
Затем что в миг один погибло – все.
Коварная змея в кусты нырнула –
Легко ей было сделать это: Ева,
Поглощена вкушением плода,
Уж ничего вокруг не замечала.
Такого наслажденья ни один
Дотоле плод ей не давал, казалось, –
Действительно ли это было так
Иль рисовалось лишь в воображеньи
От гордого желанья все познать, –
Достигнуть и божественности также.
Поспешно, жадно ест его она,

Не зная, что ест – смерть. И вот, насытясь,
Как будто опьяненная вином,
В шутиливом и приятном настроении,
Она себе самодовольно молвит:

«Могучее и доблестное древо,
Дражайшее из всех деревьев в Раю!
Благословенный дар твой сообщает
Нам мудрость! Обесславлено ты было,
И праздно твой прекрасный плод висел,
Как будто сотворен он был без цели.
Отныне будешь первой ты моей
Заботой; утро каждое я с песнью
К тебе пойду, воздам тебе хвалу,
И буду вечно облегчать я бремя
Ветвей твоих, доступное для всех;
И, вскормлена тобою, я созрею
Для знанья; все, как боги, буду знать –
И пусть тогда завидуют другие
Мне в том, чего мне дать они не в силах.
Будь этот дар от них, не рос бы он
Здесь так свободно. И тебя я также
Благодарю, о мой руководитель
Надежнейший – мой опыт: без тебя
Я вечно бы в невежестве осталась,
А ты мне двери мудрости открыл,
Дал доступ к ней, таившейся так скрытно.
И я, быть может, скроюсь: далеко
И высоко отсюда небо, слишком

Удалено, чтоб можно было видеть
Оттуда все, что на Земле творится;
Другой заботой занят, может быть,
Великий Запретитель наш и ею
От вечного надзора отвлечен,
Иль мирно со шпионами своими
Сидит. Но как к Адаму я явлюсь?
Скажу ль ему о важной перемене,
Случившейся со мной, чтоб разделить
С ним все мое блаженство, или, лучше,
Избыток знания удержу себе
Без дележа, чтоб этим мне пополнить
Все то, чем обделен наш женский пол,
И тем его любовь еще усилить,
Стать равною ему иль, может быть,
Кой в чем и выше; я того желала б:
Кто ниже – разве может быть свободен?
Так было б хорошо... А если Бог
Все это видел, если смерть наступит?
Тогда – тогда я перестану быть
И вступит в брак Адам с другою Евой,
С ней будет наслаждаться, я ж – исчезну...
Нет, нет, об этом мысль одна есть смерть.
Так, решено: пускай Адам разделит
Со мной удел блаженства или горя!
Он так мне мил, что тысячи смертей
Перенесу я, только бы с ним вместе,
А без него мне будет жизнь не в жизнь!»

Сказав, она от дерева пошла,
Но прежде перед ним склонилась низко,
Как будто силу в нем почтить желая,
Дающую сок мудрости, рожденный
От нектара, питья богов. Меж тем
Адам, свою подругу ожидая,
Ей из цветов отборных сплел венок,
Чтоб золотые кудри ей украсить
И сельский труд наградой увенчать,
Как делают жнецы с царицей жатвы.
О радости великой он мечтал,
Утешиться хотел в разлуке долгой;
Но все ж болело сердце у него,
Предчувствуя недоброе невольно:
Он слышал, как оно неровно билось.
Навстречу к ней пошел он тем путем,
Какой она избрала утром; должен
Он проходить был мимо Древа знания;
Там он ее и повстречал, как только
Она пошла от дерева. В руке
Она держала ветвь с плодами, нежно –
Пушистыми, чудесный аромат
Струившими, вновь сорванными ею.
К нему она спешила. На лице
Адам увидел у нее уж слово
Готовое, стремление оправдаться,
И лстиво Ева молвила ему:

«Адам, ты удивлялся, что не шла я?

Я о тебе соскучилась сама –
Таким мне время долгим показалось!
Такого нетерпения любви
Доныне, право, я еще не знала
И не хочу вторично испытать;
Нет, пробовать теперь я не отважусь,
К чему, без пробы, так стремилась я:
Мучительно в разлуке быть с тобою!
Но странною причиной я была
Задержана: ты, верно, удивишься,
Узнав ее. То дерево ничуть
Не вредно нам, как это нам сказали,
И не опасно есть его плоды;
Вкушение их нисколько не приводит
К неведомому Злу; напротив, нам
Оно глаза чудесно открывает
И делает богами тех, кто ест!
И я недавно также их поела.
Премудрая змея (быть может, ей
Тот плод не запрещен был иль запрета
Не слушалась она), отведав их,
Не умерла, как этим нам грозили,
А получила человеческий голос
И ум и дивно стала рассуждать:
Она меня так ясно убедила,
Что я плодов отведала и сразу
Увидела ее всю правоту.
Я вижу ясно то, что прежде смутным
Являлось мне; расширился мой дух,

Окрепло сердце – к божеству я ближе.
Я к этому стремилась для тебя
Главней всего, а без тебя готова
Была бы я всем этим пренебречь.
Блаженство мне тогда блаженство, если
Участвуешь ты в нем, а если нет –
Противно, скучно, надоест мне скоро.
Поэтому отведай же и ты,
Чтоб нас соединил единый жребий,
Одна была б нам радость и любовь!
А если не отведаешь, мы будем
Различьем нашим разъединены
И для тебя нельзя мне будет сбросить
Божественность: уж поздно, не судьба!»

Так молвила она с веселым видом,
Но на щеках ее уже горел
Румянец нездоровый. Страшной вестью
О преступлении Евы поражен,
Стоял Адам, весь бледный; хладный ужас
По жилам заструился у него,
И задрожали все его суставы.
Из ослабевших рук упал венок,
Сплетенный им для Евы, и увяли
Печально обвалившиеся розы.
Безмолвно, бледный, долго он стоял,
И речь он вел немую сам с собою:

«О ты, из всех прекраснейшее Божьих

Созданий, ты, последнее из них
И лучшее, в котором воплотилось
Все высшее, что зренью или мысли
Представиться могло бы, — все святое,
Божественное, доброе, любви
Достойное! Зачем ты так погибла!
О, для чего внезапно пала ты,
Искажена, и растлена, и смерти
Обречена! Как ты презреть решилась
Запрет тот строгий, оскорбить тот плод
Священный! Некий хитростный, проклятый
Обман Врага тебя на то сманил
И погубил меня с тобою вместе;
Да, я решился умереть с тобой!
Как жить мне без тебя? Как мне лишиться
Твоей беседы милой и любви
И снова жить в лесу здесь одиноко!
Пусть Бог другую Еву сотворит,
Пусть вновь возьмет ребро мое — разлука
С тобою вечно в сердце будет жить!
Нет, нет! С тобою тесно от природы
Я связан: плоть от плоти ты моей,
Кость от костей моих; твой жребий будет
Моим всегда — в блаженстве или в горе!»

Так думал он и, как бы овладев
Собою после страшного испуга
И после дум смущенных подчинись
Тому, что он считал непоправимым,

Он Еве так спокойно отвечал:

«Отважный шаг затеяла ты, Ева
Бесстрашная, огромную опасность
Ты вызвала, так смело посягнув
На плод святой, которой с вожделеньем
Нельзя нам было даже созерцать
Как запрещенный и тем меньше трогать.
Не говоря уже о том, чтоб есть.
Но прошлого, конечно, не воротишь;
Что сделано, то сделано: не может
Того никто поправить – ни судьба,
Ни даже Сам Господь всесильный. Впрочем,
Быть может, не умрешь ты; может быть,
Проступок твой теперь не так уж гнусен,
Затем что плод уж был вкушен другими:
Он ранее был осквернен змеею,
Он стал доступен, святости лишен;
Да и змея осталася живою,
Не умерла и, как ты говоришь,
Достигла высшей жизни, человеку
Подобна став; все это побуждает
И нас, плода отведав, как она,
Стремиться, соответственно, стать выше,
А это может лишь повести к тому,
Что будем боги мы иль полубоги,
Как Ангелы. Не думаю я также,
Что Бог, Создатель мудрый, хоть грозил,
Серьезно пожелал бы уничтожить

Нас, лучшее Его создание, выше
Всех дел Его поставленное Им.
С паденьем нашим все, что сотворил Он
Для нас, должно, конечно, также пасть;
И так весь Свой великий труд напрасным
Признал бы Он; творить и разрушать,
Труд даром тратить неприлично Богу;
И если даже может Он создать
Все заново, губить нас не захочет,
Чтоб не доставить торжества Врагу,
Который бы сказал: неверно счастье
Любимцев Бога; долго угодить
Никто Ему не может; Он низвергнул
Меня, потом сгубил Он человека –
За кем-то будет очередь теперь?
Врагу такого повода к злословью
Не даст Он. Впрочем, жребий мой с твоим
Связал я и готов на ту же кару:
И если это – смерть, то смерть с тобой
Мне будет жизнью. Чувствую я сердцем,
Как тесно я с тобой природой связан;
В тебе – мое все существо; что будет
С тобою – то же будет и со мною,
И разлучить нельзя нас: мы – одно,
Едина плоть. Ты сгинеешь – и я сгину».

Так говорил Адам; она ж в ответ:
«О, славное свидетельство безмерной
Любви, пример возвышенный и дивный!

Хотела бы ему я подражать,
Но далеко не так я совершенна,
Как ты, Адам: достигну ли того?
Как я горжусь своим происхождением
От плоти дорогой твоей, как рада
Словам твоим о единеньи нашем!
Одно в нас сердце и одна душа,
И этот день всего докажет лучше
Нам это; он покажет, что скорей,
Чем убояться смерти или худших,
Чем смерть, последствий, из любви ко мне
Ты совершишь такое ж преступленье,
Такой же грех — коль это грех, — как я,
Вкусив плода прекрасного, чья сила
(Добро всегда к Добру приводит, прямо
Иль косвенно) сегодня нас приводит
К такому испытанию любви,
Какого мы доныне не знавали!
Когда б подумать я могла, что смерть,
Которую грозили нам, наступит
Вслед за моей попыткой, — я одна
Все вынесла б тогда, не убеждала б
Тебя к тому, что мир погубит твой,
Особенно теперь, когда я вижу,
Как твердо ты мне верен, как сильна
Твоя любовь, что нет ей равной в мире.
Но чувствую совсем иное я —
Не смерть, а жизнь, еще полнее прежней,
Свободный взор, и новые надежды

И радости, и столь чудесный вкус,
Что все, что прежде мне казалось сладким,
Теперь мне пресным кажется и грубым.
Верь опыту, Адам, отведай смело,
А смерти страх пусть ветер унесет!»

Так говоря, супруга обнимала
И плакала от радости она,
В восторге от его столь благородной
Любви, что он готов из-за нее
Понести и Божий гнев, и кару смерти.
В награду (за угодливость такую
Злосчастную такая и награда
Прилична) искусительных плодов
Она дала ему с той ветки вдоволь,
А он не постеснялся их поесть,
Хоть знал, что делать этого не должен;
Он не обманут был, но обольщен,
Вполне поддавшись чарам женской ласки.
Вновь задрожала внутренность Земли,
Как будто вновь страданья ощутила,
И снова вся природа восстонала;
Стемнело небо, прокатился гром,
И капли слез с Небес упали грустно;
Свершился первородный смертный грех!
Адам на то не обращал вниманья –
Ел досыта; и Ева не страшилась
Свой повторить проступок, чтоб смягчить
Сообществом супруга преступленье.

И вот, как бы опьянены вином,
Они в блаженстве плавали, и в грезах
Казалось им, что в них уж расцвела
Божественность и на могучих крыльях
Возносит их над жалкою землей.
Но лживый плод совсем не в этом виде
На них свое влияние показал:
В них возбудил он плотские желанья;
Адам на Еву похотливо стал
Смотреть – она ему платила тем же;
Горели оба страстью. Наконец
Адам ей так сказал в шутливом тоне:

«Я вижу, Ева, что твой вкус хорош,
Изящен; вкус же в доброй мере – мудрость:
Ко всякому суждению прилагаем
Мы это выражение, веря Небу.
Хвалю за угощение: ты сегодня
Прекрасно позаботилась о нем.
Мы много потеряли, не вкушая
Доныне этих сладостных плодов,
И вкуса настоящего не знали.
Коль вещи запрещенные всегда
Так хороши, то пожалуй нам надо,
Что дерево одно лишь, а не десять
Запрещены. Однако же теперь,
Насытись, нам с тобой подумать надо,
Как трапезу прекрасную такую
Достоиную забавой увенчать.

С тех пор как в первый раз тебя я встретил
И в жены взял, ни разу не была
Краса твоя такою совершенной,
Не возбуждала так во мне желанья
Тобою насладиться, ты милей
Сегодня, чем когда-нибудь, — конечно,
Благодаря чудесному плоду».

Так он ей молвил, взором и руками
Любовные намеренья свои
Ей выражая; Ева понимала
Его вполне, и взор ее горел.
Взяв за руку жену, ее к скамейке
Тенистой он повлек, над коей крыша
Ветвей зеленых низко наклонялась, —
Он вел, и не противилась она.
Покрыто было ложе все цветами:
Фиалки, асфodelь и гиацинт —
Земли цветущей нежная одежда —
Его устлали густо; здесь они
Любви утехой щедро насладились,
Запечатлели грех совместный свой
И долго пылкой страстью утешались,
Пока не погрузились оба в сон,
Утомлены любовною игрою.
И скоро сила лживого плода,
Которая веселыми парами
Их душу обольстила и ввела
Их внутренние силы в заблужденье,

Вся испарилась, и тяжелый сон,
Рожденный нехорошими мечтами,
Обремененный совестью нечистой,
Покинул их. Проснулись они,
Не отдохнув, взглянули друг на друга
И сразу увидали, как открылись
У них глаза и как темно в душе.
Невинность, им служившая завесой,
Собою заслонявшей знание Зла,
Исчезла; их спокойствие, сознание
Их правоты, природная правдивость
И честь, их окружавшая, — исчезли;
Остался обнаженным грешный стыд:
Лишь он их покрывал, своим покровом
Еще ужасней обнажая их.
Так некогда потомок мощный Дана,
Самсон¹⁵³, могучий Геркулес, восстав
От ложа филистимлянки Далилы
Позорного, проснулся, потеряв
Красу своих кудрей и с ней всю силу.
Утратив добродетель всю свою,
Безмолвно, со смущением на лицах,
Они сидели долго, как немые,
И наконец Адам, хотя смущен
Не меньше Евы, так сказал печально:

¹⁵³ *Самсон* – ветхозаветный Судья – герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. История его обмана Далилой излагается в Книге Судей (16: 19).

«Не в добрый час склонила ты свой слух
К словам червя фальшивого, о Ева,
Который у кого-то научился
Подделаться под голос человека:
Он лживо возвышение нам сулил,
А верно лишь одно паденье наше!
Действительно, открылись наши очи,
Узнали мы Добро и Зло – и что же?
Добро утратив, Зло мы обрели!
Печален плод познания, если в этом
Его вся суть: нагими нас с тобой
Оставил он, невинности, и чести,
И чистоты, и верности лишил
И запятнал природные все наши
Достоинства; на лицах наших он
След наложил позорный сластолюбья,
Откуда много Зла произойдет
И кончится стыдом, что Злом зачато.
Как покажу теперь свое лицо
Я Богу или Ангелам, которых
Так часто я с восторгом созерцал?
Их образы небесные отныне
Своим сияньем будут ослеплять
Земное существо мое: не в силах
Их лицезренье вынести буду я!
О, если бы в уединении диком
Мне вечно жить в каком-нибудь лесу,
Где ветви бы дерев не пропускали
Ни света звезд, ни солнечных лучей

И покрывали б все густую тенью,
Подобно тьме вечерней! Вы меня
Покройте, сосны! Кедры-исполины,
Ветвей своих бесчисленных стеной
Меня загородите, заслоните,
Чтоб больше их не видеть никогда!
Теперь пойдем с тобою в нашем горе
Поищем, чем бы лучше нам прикрыть
На первый раз хоть эти наши части,
Которые нам кажутся стыдней
Всех прочих и для взора неприличней;
Быть может, здесь мы дерево найдем,
Которого широких, мягких листьев
По несколько сошьем и опояшем
Вкруг наших чресл, чтоб средние те части
Прикрыть, затем чтоб гость наш новый, стыд,
Там не сидел и нам не слал упреков».

Такой совет он дал; в густую чащу
Они вдвоем пошли и вскоре там
Нашли одно из фиговых деревьев¹⁵⁴ —
Не то, чьи громко славятся плоды, —
Из тех, что в Малабаре и Декане¹⁵⁵
Индийцы знают и поныне: ветви
Оно распростирает в ширину

¹⁵⁴ ...Нашли одно из... деревьев... из тех, что в Малабаре и Декане индийцы знают и поныне... — речь идет о так называемых мангровых деревьях, растущих в разных тропических странах.

¹⁵⁵ Малабар и Декан — страны в Индии.

И, наклонясь, они пускают корни,
Из коих вновь дочерние деревья
Толпой вокруг древа-матери растут;
Так на колоннах этих создается
Высокий свод тенистый, а меж них
Блуждает эхо, и пастух индийский,
Полуденного зноя избегая,
В прохладную туда приходит тень
И загоняет стадо в промежутки,
Прорубленные в чаще той густой.
С таких деревьев они собрали листья,
Широкие, как амазонок щит,
И, кое-как их сшив, вокруг чресл надели –
Покров напрасный, если им они
Свой грех и грозный стыд прикрыть мечтали!
На прежнюю нагую славу их
Так не похож он был! Подобный пояс –
Из перьев лишь – носили дикари
В Америке, когда она открыта
Была Колумбом; дикие, нагие,
Они среди деревьев по островам
И по лесистым берегам блуждали.
Так нарядившись и свой стыд отчасти
Прикрыв, как им казалось, но в душе
Не чувствуя нимало облегченья,
Уселись рядом Ева и Адам
И стали плакать; и не только слезы
Из глаз струились – худшая внутри
В душе у них забушевала буря:

Проснулись страсти, ненависть и гнев,
Сомнение, недоверье, несогласье
И потрясли до глубины их душу –
Когда-то область мира, а теперь –
Обитель беспокойства и тревоги;
Рассудок власть над ними потерял,
И слов его не слушала их воля,
И взяли страсти чувственные верх
Над разумом и власти домогались,
Стремясь над высшим низшее поставить.
И вот Адам, расстроен, с искаженным
Лицом и в новом необычном тоне
Возобновил прервавшуюся речь:

«О, если б ты послушалась меня,
Осталась бы со мною, как просил я,
Когда в несчастный утренний тот час
Тобою овладело вдруг желанье
Какое-то гулять! Тогда бы мы
Счастливыми остались, не сидели б
Так, как теперь, лишась всего добра,
Посрамлены, обнажены и жалки!
Да, пусть никто не ищет без нужды
Возможности испробовать ту верность,
Которую обязан он хранить:
Исканья эти – самый лучший признак,
Что верность та уже готова пасть».

В ответ ему, оскорблена упрёком,

Вскричала Ева: «Как ты мог сказать
Такие мне слова, Адам жестокий!
На недостатки, слабости мои
Иль, как сказал ты, на мое желанье
Гулять свалить ты хочешь всю вину
В том, что и при тебе могло случиться,
Пожалуй, и с самим тобой! Случись
То искушение там иль здесь, в обмане
Ты сам не заподозрил бы змею,
Когда она так ясно говорила:
Как ждать вражды могла б я от нее?
Не видно было, почему бы стала
Она желать мне зла иль мне вредить?
Что ж, ты хотел бы, чтоб ни на мгновенье
Я от тебя не смела отойти?
Тогда бы лучше прямо мне остаться
Ребром твоим, на месте неподвижным!
А если я уж так слаба, зачем
Ты, мой глава, не запретил мне прямо
Идти, коль так опасно это было?
Чрезмерно ты сговорчив был тогда:
Ты сам одобрил, отпустил, позволил!
А если б сам ты был довольно тверд,
Не согрешила б я, ни ты со мною!»

Ей, гневом в первый раз воспламенясь,
Вскричал Адам: «Так вот любви награда
За то, что я неблагодарной Еве
Остался верен даже и тогда,

Когда она уже погибла! Мог бы
Я жить и все блаженство сохранить,
Но предпочел ему я смерть с тобою, –
И ты меня же укоряешь в том,
Что согрешила ты, что слишком слабо
Я от греха удерживал тебя!
Но что же мог я сделать? Я усердно
Предупреждал тебя, остерегал,
Предсказывал грозящую опасность
От скрытого лукавого Врага;
Что ж больше? Мог употребить я силу –
Но над свободной волей силы нет.
Тебя самонадеянность объяла,
Уверена была ты, что не встретишь
Опасности иль выдержишь ее
Со славой! Виноват и я, быть может,
Но только в том, что слишком я ценил
Все, что в тебе казалось совершенным,
Воображая, что не смеет Зло
Тебя коснуться. Ныне в этом горько
Раскаиваюсь я: ошибка эта
Меня до преступления довела,
А ты теперь меня же обвиняешь.
Так будет с каждым, кто, чрезмерный вес
Придав жены достоинствам, позволит
Ей действовать, как воля ей велит.
Ни в чем она знать удержу не хочет,
А дай ей волю и случись беда –
Ты ж виноват, что слаб ты и уступчив!»

Так бесполезно тратили они
Часы, в беде друг друга обвиняя,
Себя же не желая осудить,
И не было конца напрасным спорам.

Книга десятая

Содержание

Узнав о преступлении человека, сторожевые Ангелы покидают Рай и возвращаются на Небо, чтобы оправдать свою бдительность. Их оправдание принимается, так как Бог объявляет, что они не могли предупредить вторжения Сатаны. Он посылает Своего Сына, чтобы судить грешников; Сын нисходит и сообщает им соответствующий приговор, затем из милосердия одевает их и снова восходит на Небо. Грех и Смерть, которые до тех пор сидели у врат Ада, узнают об успехе Сатаны в новом мире и о грехе, содеянном человеком; они решаются не сидеть более только в Аду, но последовать за своим господином, Сатаной, в обитель человека. Чтобы облегчить путь из Ада к этому миру и обратно, они мостят широкую дорогу, или мост, через Хаос по следам Сатаны. Отправляясь на Землю, они встречают его, гордого своим успехом и возвращающегося в Ад; их взаимные поздравления. Сатана прибывает в Пандемониум и в полном собрании его хвастливо рассказывает о своей победе над человеком. Вместо одобрения его встречает всеобщее шипение слушателей, которые внезапно вместе с ним все превращаются в змей, согласно суду, произнесенному над ними в Раю; затем

они привлекаются видением запрещенного древа, внезапно вырастающего перед ними, жадно стремятся схватить плоды его, и жуют прах и горькую золу. Дальнейшие действия Греха и Смерти. Бог предрекает конечную победу Своего Сына над ними и возрождение всего мира; на первое же время приказывает Ангелам произвести некоторые перемены на Небесах и в стихиях. Адам, более и более уясняя себе свое падение, горько оплакивает его и отвергает соболезнования Евы; она не отстает от него и наконец склоняет к примирению, затем, чтобы избежать подобного же упадка их потомства, она предлагает Адаму насильственные способы, которые он не одобряет. Отдаваясь лучшим надеждам, он указывает ей на последнее сделанное им обетование, что семя жены отомстит Змию; затем он увещевает ее искать вместе с ним примирения с оскорбленным Божеством путем раскаяния и молитв.

Меж тем уже известно стало в Небе
О гнусном деле Сатаны в Раю,
О том, как Ева хитрою змеею
Совращена была и как она
Супруга соблазнила к роковому
Вкушению запретного плода.
Что может ускользнуть от ока Бога
Всезрящего! Что может обмануть
Всевышнего всеведущее сердце!
Во всех делах Он мудр и справедлив;

Не ставил Он препятствий Сатане,
Чтоб искушал он душу человека,
Который сильно был вооружен
Свободной волей и вполне свободен
Открыть и отразить все ухищренья
Врага, хотя бы под личиной друга.
Известен людям был и навсегда
Долженствовал в их памяти храниться
Завет великий, чтоб они не смели
Ни трогать, ни вкушать запретный плод,
Кто б их ни искушал: его нарушив,
Они тем самым впали в преступленье
И за свои различные грехи,
Конечно, заслужили наказание.
От райских врат поспешно к Небесам
Тогда вернулись ангельские стражи
В немой печали о судьбе людей;
Узнав об их прискорбном положеньи,
Они дивились, как лукавый Враг
Проникнуть мог незримо. Злая новость
С Земли достигла скоро врат Небес
И всех там огорчила; мраком скорби
Покрылись все ангельские лики,
Но, кротким милосердием смягчаясь,
Блаженства не лишила их она.
Вокруг пришельцев весь народ эфирный
Сбежался, чтоб послушать их рассказ
О том, как все случилось. Для отчета
Затем к Престолу Вышнему они

Направились поспешно, чтоб усердые
Там оправдать и бдительность свою,
И цели этой без труда достигли.
Отец Небесный, Вечный, Всемогуший,
Сокрытый в тучах, сквозь раскаты грома
Так провещал им голосом Своим:

«Вы, Ангелы, собравшиеся ныне,
Вы, Силы, возвратившиеся днесь
От стражи безуспешной, — не печальтесь
И не тревожьтесь о вестях с Земли;
Усерднейшим стараньем и заботой
Вы не могли предупредить того,
Что было вам предсказано недавно,
Когда впервые искуситель злой
Летел к Земле из Ада через бездну.
Я предсказал вам, что иметь успех
В своем он будет злобном предприятии,
Сумеет человека соблазнить
И обольстить, что человек поверит
Его наветам лживым на Творца.
Я не велел, чтоб он необходимо
Погиб; нимало не коснулся Я
Его свободной воли; сам собою
Он чашу равных наклонил весов.
Но вот он пал, и остается только,
Чтоб смертный приговор его постиг
За грех его, чтоб в тот же день он умер.
Пусть мнит он, что угроза та пуста,

Затем что не сражен еще он смертью,
Которой, как внезапного удара,
Боялся он; но не пройдет и дня,
Как ясно он увидит, что отсрочка
Не есть отмена. Если доброту
Отверг он, то не сможет справедливость
Отвергнуть. Но кого же Я пошлю
Судить его? Кого, как не Тебя,
Мой Сын и Мой Наместник? Поручил Я
Тебе весь суд на Небесах, в Аду
И на Земле. Пусть в этом все увидят
Намеренье Мое соединить
Суд с милосердьем; другом человека,
Посредником его явился Ты
И добровольно предложил быть жертвой
И вместе искупителем его;
Ты пожелал и Сам стать человеком –
Суди ж его теперь, когда он пал».

Так говорил Отец и одесную
Весь блеск Своей Он славы изливал,
Всем Божеством, ничем не заслоненным,
Сияя Сыну; Сын же, отражая
Тот блеск и весь сияя, как Отец,
С божественною кротостью ответил:

«Отец Мой вечный, Ты повелевай;
Мое же дело на Земле и в Небе
Твою святую волю исполнять

Так, чтоб во Мне, Твоем любимом Сыне,
Твое благоволение было вечно.
Иду судить Я грешников земли;
Ты ведаешь, что, кто бы осужденье
Ни произнес, возляжет на Меня
Оно тягчайшим бременем, как только
Наступит час Мой; так перед Тобой
Я обещал; о том Я не жалею,
Уверенный, что этим Я смягчу
Их казнь, которой Сам Я подвергаюсь.
Потщусь Я справедливость с милосердьем
Так сочетать, чтоб их вполне утешить
И вместе гнев умилоствовать Твой.
Сопровождать Меня никто не должен
На этот суд – виновная чета
Одна да будет там передо Мною;
А третий, удалившийся теперь,
Уж осужден; противник всех законов,
Своим он самым бегством уличен,
И для змеи других улик не нужно».

Промолвив так, с сияющего трона
И от соседства Божества Он встал;
Престолы, Власти, Княжества, Господства
До врат Небес Его сопровождали,
Откуда открывался на Эдем
И всю его окрестность вид широкий.
Он прямо вниз спустился: быстрота,
С какою боги странствуют, не знает

Мер времени, хотя б мы их считали
Быстрейшими мгновеньями. В тот час
На западе уже спускалось солнце,
Склоняясь от полудня; ветерок
Уж обвевал вечернею прохладой
Земную грудь, и, также охладясь,
Гнев Божий, милосердием умерен,
Сошел в лице Посредника-Судьи,
Чтоб приговор изречь над человеком.
В саду глас Божий на закате дня
Услышав, люди быстро, муж с женою,
В густую чащу скрылись; но, приблизясь,
Господь Адама громко спросил:

«Где ты, Адам? Ты с радостью когда-то
Встречал Меня, завидя Мой приход
Издалека; теперь ты где-то скрылся
И, недовольный, Я хожу один
Там, где ко Мне без поисков охотно
Почтенья долг навстречу выходил?
Иль менее заметен Я? Иль в чем-то
Ты изменился, что тебя здесь нет?
Иль что-нибудь тебе мешает выйти?
Ответствуй, повинуйся, выходи!»

Адам тут вышел, а за ним и Ева
Шла тихо, неохотно, позади,
Хоть первую была по преступленью;
Смущенье выражали лица их,

И не было любви у них во взоре
Ни к Богу, ни друг к другу: только грех,
Досада, стыд, отчаянье, смятенье,
Упрямство, злоба, хитрость были в нем.
И вот Адам, смущенно, запинаясь,
Ответил Богу кратко: «Я услышал
Тебя в саду и, голосом Твоим
Испуган, скрылся, потому что наг я».

Ему без гнева кроткий Судия
Ответил: «Прежде слышал ты Мой голос
Нередко и нимало не боялся
И радовался даже; почему ж
Теперь тебе он страшен? И откуда
Ты знаешь, что ты наг? Не ел ли ты
От дерева, с которого не должен
Ты есть был по запрету Моему?»

Ему сказал Адам, подавлен скорбью:
«О Небо! Тяжело мне здесь стоять
Пред Судией моим! Иль взять я должен
Вину всю на себя, иль обвинит
Мою вторую половину, жизни
Участницу моей; ее мне верность
Ценить я должен, жалобой своей
Я не хочу вовлечь ее в паденье;
Но грозная велит необходимость
Мне это сделать; если б я, несчастный,
И захотел на голову свою

Один принять весь грех, все наказание,
Хотя б невыносимое, и тем
Себя утешить, Ты легко открыл бы
Все то, что я старался бы сокрыть.
Она, жена, которую Ты в помощь
Мне дал, как дар Твой лучший, столь добра
Столь хороша, божественно прекрасна,
Что от ее руки не ожидал
Я никакого зла, что мне казалось
Хорошим все, что делала она,
Оправдано самим ее деяньем, —
Она дала мне плод, и я поел».

И Представитель Вышнего на это
Ему сказал в ответ: «Она ль твой Бог,
Что ты ей так во всем повиновался?
Иль для того тебе ее Я дал,
Чтоб в ней руководителя ты видел?
Иль вышею, чем ты, ее Я создал,
Иль сотворил хоть равную тебе,
Чтоб ты вполне от мужества отрекся
И положение высшее свое
В сравненья с ней, дарованное Богом,
Забыл? Ее Я создал из тебя
И для тебя, и в смысле совершенства
Ты несравненно выше, чем она.
Ее, конечно, создал Я прекрасной,
Достоиную привлечь твою любовь,

Но не затем, чтоб ты ей подчинялся;
Дары ее природы таковы,
Что хороши они под управлением,
Но неприлично ей повелевать.
В своем лице ты власть хранить был должен,
Когда б себя как следует ценил».

Сказал и к Еве кротко обратился:
«Скажи, жена, что сотворила ты?»

И Ева, сразу каясь, отвечала,
Подавлена стыдом пред Судией,
Забыв свою всю смелость и болтливость:
«Змеею я обманута была
И с дерева того плодов поела».

Господь, услышав это, прежде всех
Изрек Свой суд высокий над змеею,
Хотя она – животное была
И не могла в грехе том оправдаться,
Направив обвиненье на того,
Кто злодеянья своего орудьем
Ее избрал и этим осквернил
Всю цель ее создания; этим делом
Ее природу опорочил он
И через то подверг ее проклятью;
Знать более того для человека
Не нужно было (истинной причины
Проклятья и не знал он): через это

Не менее виновен стал бы он;
Но, в сущности, Господь направил кару
На Сатану, виновника греха,
Хотя нашел пока Он наилучшим
Придать суду таинственную форму
И так изрек проклятие змее:

«За то, что это сделала ты, вечно
Будь проклята, будь ниже всех зверей
И всех скотов, на брюхе пресмыкайся
И, ползая, ешь вечно прах земной.
Вражду между тобою и женою
Я положу, меж семенем жены
И семенем твоим навеки; семя
Жены главу твою сотрет, а ты
В пенту ее потомство жалить будешь».

Так говорил Божественный Оракул,
И оправдались все Его слова
В тот день, как Сын Марии, новой Евы,
Христос, узрел, как Сатана, надменный
Князь воздуха, упал с высот Небес
Как молния, а Он, восстав из гроба,
Обезоружив Власти и Князей,
В Своем великом торжестве открылся
И, восходя в сиянии к Небесам,
Темницу и томившихся в темнице
Вознес с Собой сквозь воздух, сквозь то царство,
Которое присвоил Сатана,

И тем был путь открыт, чтоб мы в грядущем
Главу его ногами растоптали.
Так Он предрек крушение Сатаны
И вслед жене изрек Свой суд высокий:
«Отныне Я умножу скорбь твою
В зачати: в мучениях ты будешь
Рождать детей, и мужу своему
Ты подчинишься; вечно над тобою
Владыка и правитель будет он».

И наконец Он суд изрек Адаму:
«За то, что ты послушался жены
И ел от древа, о котором строго
Тебе сказал Я – от него не ешь, –
Из-за тебя Я землю проклиная:
Всю жизнь свою в печали и в труде
Ее плодами будешь ты питаться;
Волчец и терн она произрастит
Наперекор трудам твоим, и будешь
Ты рад, как птица, злакам полевым;
И будешь в поте своего лица
Ты есть свой хлеб, пока не возвратишься
Ты снова в землю; из земли ты взят, –
Так помни ж о твоём происхождении:
Ты прах земной и обратишься в прах».

Так Судия и вместе с тем Спаситель,
Судил Он человека; кару смерти

Он объявил, но день ее отсрочил.
Затем, над ними сжался, в наготу
Стоявшими пред ним – что в это время
Могло им повредить, – не погнушался
Он оказать им помощь, как слуга,
И как потом у слуг своих Он ноги
Омыл, так ныне, как отец семьи,
Их наготу заботливо прикрыл Он,
Дав им одежды из звериных кож, –
Убиты ль были звери эти или
Лишь сбросили, змее подобно, кожу
И заменили новою ее;
Врагов своих услужливо одел Он
И не одну лишь внешность их прикрыл –
Их обнажение внутреннее также,
Которое еще позорней было,
Покровом правоты своей одев,
От глаз Отца укрыв Он милосердно.
Затем к Нему вознесья быстро Он
И на Его блаженном лоне снова,
Как в старину, всю славу восприял
И, гнев Отца умиловив делом,
Свершенным по велению Его,
Все рассказал (хоть был Отец всеведущ)
О человеке, речь свою притом
С заступничеством кротким съединяя.

Меж тем, когда еще не появился
Грех на земле и не свершился суд,

Сидели Смерть и Грех друг против друга
У адских врат, теперь открытых настежь
И яростное пламя изрыгавших
В Хаос с тех пор, как Враг чрез них прошел,
Когда их Грех ему открыл. Молчанье
Нарушил Грех, ко Смерти обратясь:

«О сын, зачем мы праздно друг на друга
Глядим, когда отец наш, Сатана,
В других мирах преуспевает славно
И лучшее жилище там готовит
Для нас, любимых отпрысков своих?
Наверное успех он там имеет:
Когда б он неудачу потерпел,
Сюда давно вернулся б он, конечно,
Врагами к Аду яростно гоним,
Затем что нет другого в мире места
Пригоднее для мести или кары.
Мне кажется, что новую в себе
Я чую силу, – крылья вырастают,
Господство мне дано над этой бездной
Обширной; волнует всю меня
Симпатия иль родственная сила
Какая-то, на дальних расстояньях
Могущество являющая нам,
Соединяя в дружеском общении
Таинственную связью все родное.
Ты, тень неотделимая моя,
Пойдешь со мною: в мире нет той силы,

Чтоб Грех могла со Смертью разлучить.
Но чтоб отец, оттуда возвращаясь,
Не затруднился перед этой бездной
Непроходимой, пропастью ужасной,
Попробуем отважнейшее дело
Свершить, тебе приятное и мне:
Построим путь прямой чрез эту бездну,
Дабы он вел из Ада в новый мир,
Где Сатана владычествует ныне,
И пусть сооруженье это будет
Всем адским силам памятник навек
И облегчит с тем миром сообщение
Иль полный переход туда, быть может.
С дороги я, конечно, не собоюсь,
Влекомая своим инстинктом новым».

И тощая Греху сказала Смерть:
«Иди, куда влечет тебя судьбина
И мощное стремленье; по пятам
Я за тобой пойду и не отстану;
С дороги также сбиться мне нельзя –
Такой я сильный запах ощущаю
Мясной, добычу чую без числа,
Вдыхаю тленье всех живых созданий.
И в смелом предприятии твоём
Я помогу тебе участием равным».
Так говоря, вдыхала жадно Смерть
Предчувствие смертельной перемены,
Недавно происшедшей на Земле.

Как стоя хищных птиц пред днем сраженья
За много миль уж чувствует вдали,
Где армия располагает лагерь,
И по чутью слетается туда
И пред собой живые трупы видит,
Которые на следующий день
Кровавый бой в добычу им доставит, –
Так чудище свирепое водило
Ноздрями в темном воздухе, вдали
Желанную свою добычу чуя.
И вот от адских врат помчались оба
В анархию Хаоса, в эту даль
Пустынную и мрачную, и с силой
(Была та сила велика) хватать
Все, что в том море попадалось, стали –
И плотное, и мягкое, – все то,
Что волны разъяренные кидали;
И с двух сторон сгребли они все это
В одну большую массу к пасти Ада,
Подобно двум полярным сильным ветрам,
Которые в Кронийском море¹⁵⁶ гонят
Друг к другу горы льдов и создают
Как будто путь от берегов Печоры
К востоку до богатого Катая¹⁵⁷.
Ту массу Смерть своею булавой

¹⁵⁶ *Кронийское море* – Северный Ледовитый океан.

¹⁵⁷ *Катай* – мифическая страна на крайнем западе Атлантического океана, существование которой принималось старинными географами, не знавшими еще о существовании Америки.

Окаменила, сделала сухою
И хладною, по ней как бы трезубцем
Удары нанося, и укрепила
Ее, как Делос, плававший когда-то¹⁵⁸;
А остальную массу вещества,
Уставив на нее свой взор Горгоны,
Она недвижной сделала, затем
Асфальтовым ее скрепила илом;
Широкую, как адовы врата,
Она вглубь Ада провела ту насыпь
И с ней громадный мол соединила,
Который в мост чудовищной длины
Переходил, на высочайших арках
Вздывавшийся над пенистою бездной,
И неподвижно примыкал к пределам
Земного мира, с этих пор ограды
Лишенного на жертву Смерти злой;
Вел от него отныне путь широкий,
Удобный, легкий, гладкий прямо в Ад.
Так (если можно малое с великим
Сравнить) когда-то Ксеркс, чтоб подчинить
Себе народы Греции свободной,
Дворец Мемнона свой покинув в Суд,
Придя на брег морской, построил мост
Чрез Геллеспонт, чтоб с Азией Европу

¹⁵⁸ ...как Делос, плававший когда-то... — по преданию, остров Делос (один из Цикладских островов) некогда плавал и был остановлен на месте Нептуном, когда на этом острове нашли себе приют Латона, родившая Аполлона и Артемиду (Диану).

Соединить, и гневно бичевал
Пучину негодующего моря.
Так и они здесь чудо из чудес
Сооруженья мостового дружно
Воздвигли, длинный ряд громадных скал,
Над бездной покоренною нависших.
Мост по следам тянулся Сатаны
До места, где у крайнего предела
Земной вселенной опустился он.
Алмазными столбами и цепями
Они скрепили все сооруженье;
И прочен стал их мост, чрезмерно прочен.
И так они достигли точки той,
Где эмпиреи Неба с нашим миром
Граничат; Ад же слева вдалеке
От них остался; три ведут дороги
Оттуда к каждой из трех этих стран.
И вот уж путь к Земле они открыли
И к Раю устремились, как вдруг
Узрели Сатану: как светлый Ангел,
Меж Скорпионом и Центавром¹⁵⁹, он
Парил в зените; солнце ж восходило
Как раз в тот час в созвездии Овна.
Он изменил свой образ, и, однако,
Родные дети, несмотря на то,
Его и в новом образе узнали.
В тот час, когда он Еву соблазнил,
В кусты он быстро скрылся незаметно

¹⁵⁹ ...*Меж Скорпионом и Центавром*... – названия созвездий.

И, вид свой изменив, там ждал последствий
Коварного поступка своего.
Он видел, как, беды не ожидая,
С супругом Ева повторила грех,
Он видел стыд их, поиски одежды
Напрасные, чтоб этот стыд прикрыть;
Когда же он увидел, что Сын Божий
Нисходит, чтоб творить над ними суд,
Бежал он в страхе, не надеясь, правда,
Укрыться, но боясь, чтоб Божий гнев
Его за грех не покарал немедля.
Когда же суд свершился, ночью вновь
Он в Рай вернулся, грустную беседу
Четы несчастной слышал, между жалоб
Узнал он и об участи своей
И понял, что грозит беда в грядущем,
Но не сейчас. Обрадован всем этим,
Тогда с вестями в Ад он поспешил
И на границе области Хаоса,
К подножью моста дивного прибыв,
Нежданно там детей любимых встретил,
Которые ему навстречу вышли.
Была той встречи радость велика,
При виде же чудовищного моста
Она еще усилилась. Дивясь,
Стоял он долго; наконец молчанье
Прервала дочь любезная его,
Прекрасный Грех, такое слово молвив:

«Отец, великий этот подвиг — твой,
Твои все это славные трофеи,
Хоть ты на них глядишь как на чужие!
Ты — первый автор, первый зодчий их!
Давно уже я сердцем угадала,
Которое в гармоний чудесной
С твоим согласно бьется у меня,
Что на земле ты преуспел, и вижу
Я по твоим глазам, что это — так.
И вместе с тем, хотя миры с тобою
Нас разделяли, чувствовала я,
Что я и этот сын твой устремиться
Должны к тебе, — так связью роковой
Съединены мы трое неразрывно.
Не мог тогда нас удержать ни Ад,
Ни путь непроходимый сквозь пучину,
И по твоим прославленным следам
Помчались мы вперед неудержимо.
Ты довершил свободу нашу, ты
Из адских врат нас вывел, ты дал силу
Сооруженье это укрепить
И чудный мост чрез бездну перебросить.
Весь этот новый мир отныне — твой;
Завоевал ты доблестью своею
И то, что строил не своей рукой;
Ты возвратил нам мудростью великой
С избытком все, что потеряли мы,
И отомстил за поражение в Небе;
Здесь царствовать ты будешь как монарх,

Коль там не мог ты царствовать; пускай же
Твой Победитель будет там царить,
Где Он по праву битвы пребывает,
А нам с тобой отдаст Свой новый мир,
Его лишенный собственным проклятьем.
Отныне власть делить ты будешь с Ним;
Ему – все то, что вне пределов наших
В квадрате эмпиреев там лежит,
Тебе же – мир весь этот округленный,
Где ты отныне воцарился, став
Еще опасней для Его престола».

И ей ответил с радостью князь тьмы:
«О дочь моя прекрасная, о сын мой
И внук! Со славой доказали вы
От Сатаны свое происхождение
(Горжусь я этим именем как Враг
Всесильного Небесного Владыки);
Великую заслугу предо мной
И перед всем обширным адским царством
Приобрели вы, одержав победу
Так близко от Небесных врат; вы ею
Дополнили мой подвиг, съединив
И Ад, и этот мир в едино царство
С удобным сообщеньем. Потому
Немедленно я по дороге вашей
Сойду сквозь тьму к моим союзным силам
Чтоб их о тех победах известить
И с ними их отпраздновать; вы ж двое

Меж этих многочисленных миров,
Принадлежащих ныне вам, направо
Сойдите в Рай; там можете теперь
Вы действовать и царствовать блаженно,
Владычество свое установив
На всей Земле и в воздухе повсюду.
Особенно ж старайтесь человека
Вы покарать, который господином
Единственным объявлен в мире том:
Его поработите и убейте.
Туда, как заместителей своих,
Я шлю вас и даю вам полномочья
На всей Земле и силу без границ,
Которая вся от меня исходит.
От ваших сил, соединенных ныне,
Зависит власть моя над новым царством,
Которое, свой подвиг совершив,
Я через Грех доступным сделал Смерти.
Коль будете владеть вы им, убытка
Ад не потерпит. Действуйте ж смелей!»

Так он сказал и отпустил их. Быстро
Они помчались меж созвездий частых,
Свою отраву сея на пути.
Поражены их ядом, гасли звезды,
И яркие планеты, потерпев
Удар от них, померкли. Сатана же
По их дороге в Ад пошел; ревел
Хаос по обе стороны преграды,

Его делившей пополам, и прыгал
В бессильном гневе он на ряд устоев,
Смеявшихся над яростью его.
Через адские врата вступил свободно
В Ад Сатана и видел, что вокруг
Все пусто, все покинуто; те стражи,
Которые сидели прежде здесь,
Покинули свой пост и улетели
В мир верхний, а все прочие ушли
Вглубь преисподней, окружив толпою
Великий Пандемоний, главный город
И Люцифера гордое жилище
(Так звали Сатану, по сходству с ним
Блистательной звезды того ж названья).
Вокруг стояли стражей легионы,
А главные вожди, собрав совет,
С тревогой обсуждали, что могло бы
Владыку их так долго задержать.
Им, уходя, он отдал приказанье
Всем ждать его, и ждали с нетерпением.
Как рать татар от русского врага
Из Астрахани по равнинам снежным
Уходит или софи¹⁶⁰ Бактриан¹⁶¹,
Спасаясь от рогов луны турецкой,
Бегут, покинув царство Аладула,
К Тавризу иль Казвину¹⁶², – так и здесь

¹⁶⁰ *Софи* – персидский титул знатных и владетельных особ.

¹⁶¹ *Софи Бактриан* – Бактрия – древнее название части Средней Азии.

¹⁶² *Тавриза* и *Казвина* – города в Персии.

Все полчища, низринутые с Неба,
Покинули – за много темных миль –
Границы Ада и, вокруг столицы
Расположась заботливою стражей,
Тревожно ждали славного вождя,
Покинувшего их для приключений
И поисков в неведомых мирах.
Но он, простого Ангела наружность
Приняв, прошел, как воин рядовой,
Через их толпу, никем из них не узнан,
В Плутонов зал невидимо вступил
И там на трон взошел, под балдахин
Роскошной ткани, пышно распростертым,
Стоявший и сверкавший величаво
И царственно у верхнего конца.
Незримый, долго он сидел безмолвно
И созерцал сидевших вокруг него.
Вдруг, как из тучи, выступила ярко
Глава его, сияя, как звезда
Иль даже ярче, всей одета славой,
Какая оставалась у него
С времен паденья, или ложным блеском.
Изумлена внезапно тем сияньем,
Вперила взор Стигийская толпа
В того, кого давно желала видеть:
Вернулся их могучий, славный Вождь!
Они его приветствовали громко
И все князья их ринулись к нему,
Свои покинув мрачные диваны,

И поздравляли радостно его,
А он, подав рукою знак к молчанью,
С такою речью обратился к ним:

«Престолы, Власти, Княжества, Господства!
Вас не по праву только так зову я –
Действительно владенья есть у вас!
Я объявляю ныне вам, вернувшись
С победою превыше всех надежд,
Что с торжеством вас выведу отсюда,
Из этой адской ямы – страшной, гнусной,
Проклятой, из жилища скорби, бед,
Тюрьмы тирана нашего! Владеем
Отныне мы обширным новым миром,
Немного меньше родины небесной,
Который я для вас завоевал
С опасностью великой. Долго было б
Рассказывать вам все, что делал я,
Что претерпел, что вынес, пролагая
Свой путь в пустынной, бесконечной бездне
С ее ужасной смутой; чрез нее
Широкий, ровный путь теперь проложен
Грехом и Смертью, чтобы облегчить
Ваш переход торжественный отсюда;
Но я с трудом сам путь свой пролагал
Чрез всю непроходимую ту пропасть;
Я погружался в недра вечной Ночи
И дикого Хаоса; ревность их
К их сокровенным тайнам воздвигала

Мне всякие препятствия в пути, —
Противились они с мятежным криком,
Ссылаясь на верховную Судьбу.
И наконец нашел я мир тот новый,
О коем в Небесах уже давно
Была молва, — чудесное создание,
Верх совершенства! Человека там
Бог поселил в Раю и дал блаженство,
На счет блаженства нашего, ему.
И вот его я соблазнил обманом,
Создателю заставив изменить, —
И чем же? Удивитесь вы безмерно,
Услышав это: яблоком! А Бог,
Обидевшись на это (не смешно ли?),
Любимца-человека и весь мир
Дал Смерти и Греху во власть и в жертву,
А стало быть, и нам, и без забот,
Без риска, без тревог мы жить там можем,
И царствовать, и править человеком,
Как прежде он был должен править всем.
И надо мной изрек Свой суд Он, правда,
Иль, собственно, не надо мною даже,
А над змеей, чей образ принял я,
Чтоб человека обмануть. Положит
Вражду Он между мной и человеком:
Его в пятах я буду жалить, он же
Сотрет главу мне семенем своим.
Когда все это будет — неизвестно.
Ну кто ж такой ценой не купит мир,

Будь даже кара во сто раз страшнее?
Вот вам отчет о том, что сделал я.
Что ж остается нам еще, о боги,
Чтоб полное блаженство воспринять?»

Сказавши так, он несколько мгновений
Стоял и ожидал их общий крик
И громкие услышать одобренья;
Однако вместо этого он вдруг
Со всех сторон иные звуки слышит:
Бесчисленных змеиных языков
Ужасный свист и злобное шипенье,
Как будто общий порицанья знак.
Дивится он, однако же недолго:
Приходится на самого себя
Врагу дивиться; сжалось, заострилось
Лицо его, а руки приросли
К бокам, срослись, переплетаясь, ноги,
И рухнул он на брюхо в виде змия
Громадного, противясь, но напрасно:
Он уступить был должен Высшей Силе,
Его в тот самый образ воплотившей,
В котором он грешил, согласно с тем,
Как осужден он был. Заговорить
Хотел он, но лишь мог издать шипенье
Своим вилообразным языком,
Всем прочим языкам вилообразным
В ответ: их всех постигло превращенье
Такое ж; образ приняли змеиный

Собратья все его по мятежу.
Ужасно раздавалось их шипенье
По залу, и кишели на полу,
Виясь, хвосты и головы чудовищ:
Церасты¹⁶³, скорпионы, амфисбены,
И аспиды, и гидры, и ехидны,
И дипсы; гуще был их рой, чем тот,
Который вырос из земли, покрытой
Горгоны кровью; больше их, чем змей,
Которых кормит остров Офиуса¹⁶⁴.
И между них вздымался Сатана
Громадней всех их, в образе дракона,
Длинней того, что порожден был солнцем
В долине древней Пифии¹⁶⁵ из ила, –
Гигантского Пифона: он остался
И в этом виде прочих всех сильней.
Они за ним последовали в поле,
Где прочие отверженцы Небес,
Свой строй сомкнув, стояли в ожиданьи
Торжественного выхода Вождя;
И вдруг, взамен того, перед собою
Они толпу громадных видят змей.

¹⁶³ *Церасты* – рогатые гадюки; *амфисбена* – название некоторых змееподобных ящериц; *аспиды* и *дипсы* – породы ядовитых змей; *гидры* и *ехидны* – названия мифических змееподобных чудовищ.

¹⁶⁴ *Офиус* – остров у берегов Испании, считавшийся необитаемым из-за обилия водившихся на нем змей.

¹⁶⁵ *Пифия* или *Дельфы* – город, где находился оракул Аполлона Пифийского; здесь Аполлон поразил громадного дракона – *Пифона*.

Объял их ужас; страшной в то же время
Симпатией они объяты были,
Почувствовав, что сами изменились:
Их руки опустились, приросли,
Упали копья и щиты, и сами
Они упали, как бы заразясь
От прочих, и ужасное шипенье
Вкруг огласило воздух — такова
Была за грех их кара. Одобренья
В устах их превратились в громкий свист,
Их торжество — в позор, который сами
Они себе произнесли. Вблизи
Внезапно роща выросла, по воле
Того, Который правит в Небесах,
Чтоб отягчить еще их наказание;
Ее деревья были все плодами
Нагружены, подобными тем самым,
Которые приманкою избрал
В Раю для Евы хитрый искуситель.
Удивлены явленьем странным тем,
Они в него свои вперили взоры:
Казалось им, что запрещенных древ
Явилось вдруг не одно, а много,
Конечно, к их несчастью и стыду, —
И вот, терзаясь жаждою палящей
И голодом ужасным, хоть и знали,
Что послано в насмешку это им,
Они полезли на стволы невольно
И, обвиваясь, облепили их

Плотнее, чем на голове Мегеры
Клубки волос змеиных. Жадно рвали
Они плоды, прекрасные на вид,
Похожие на те, что на деревьях
Близ смоляного озера висели
Там, где Содом пожаром истреблен,
Но их еще обманчивей, не только
Для осязания – также и для вкуса:
Надеясь ими голод утолить,
Преступники во рту вдруг ощущали
Не плод, а горький пепел и золу
И с отвращеньем вон их извергали,
Выплывая с шумом. И опять
Томил их голод и терзала жажда,
И снова ненавистною едой
Их отравлялся рот, и сажа с пеплом
Болезненно их челюсти сводили;
И повторился много раз над ними
Обман за то, что человек однажды
В обман был ими хитростью введен.
Так непрерывным голодом терзались
Преступники и мучились, шипя,
Пока Господь им снова не дозволил
Принять их прежний образ. Говорят,
Однако, что приходит ежегодно
Им некий срок в течение ряда дней
Испытывать такое унижение,
Чтоб тем каралась гордость их и радость,
Что соблазнен был ими человек.

Другое ж нам преданье сообщает,
Что некие рассеялись из них
И в божества к язычникам попали,
Которых соблазнить им удалось.
Так, некий змий, рекомый Офионом¹⁶⁶,
С женою Эвриномой – может быть,
Подобьем Евы отдаленным – правил
На высоте Олимпа, и оттуда
Сатурн и Опс его изгнали раньше,
Чем Зевс Диктейский¹⁶⁷ был рожден на свет.
Меж тем в Эдем с поспешностью чрезмерной
Примчалась пара адская, и власть
Грех восприял; греховное деянье
Там раньше уж свершилось, ныне ж Грех
Явился сам, чтоб жить там постоянно,
Сопровождаем Смертью по пятам, –
На бледного коня еще не села
Покамест Смерть¹⁶⁸. И Грех ей молвил так:

«О ты, второе Сатаны рожденье,
Скажи, всепобеждающая Смерть,
Как новые владенья эти наши,
Которых мы с таким трудом достигли,

¹⁶⁶ *Офион* – имя одного из древнейших титанов.

¹⁶⁷ *Зевс Диктейский* – Дикте – гора на острове Крите, где совершался культ Зевса.

¹⁶⁸ ...*На бледного коня еще не села покамест Смерть.* – Смерть, восседающая на бледном коне, – апокалипсический образ: «...и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “Смерть”, и Ад следовал за ним...» (Откровение, 6: 8).

Находишь ты? Не правда ль, много лучше
Здесь, чем в Аду, где на пороге мы
С тобой во тьме крошечной восседали,
Безвестные, не страшны никому,
От голода и сами еле живы?»

Урод, Грехом рожденный, отвечал:
«Меня такой терзает вечно голод,
Что все равно мне – Небо, Рай или Ад:
Мне лучше там, где больше мне добычи,
А здесь, хотя и много пищи вокруг,
Но слишком мало, чтоб наполнить чрево,
Утробу ненасытную мою».

Ему кровосмесительная мать
Ответила: «Съешь эти травы вокруг,
Плоды, цветы, затем зверей различных,
И рыб, и птиц: кусочек недурной!
Все, что своей косою Время скосит,
Нещадно, без разбору пожирай;
Я ж в человеке поселюсь, проникну
В его породу, отравлю все мысли
Его, все взгляды, действия, слова
И подготовлю так его, чтоб стал он
Тебе последней, лучшей добычей».

Таковыми обменявшись речами,
Они по разным разошлись путям,
Чтоб разрушать все вокруг или делать смертным

И рано или поздно все губить.
Всевышний с недоступного престола,
Среди святых, увидя это все,
Такое слово молвил светлым Силам:

«Смотрите, как два адских эти пса
Стремятся с жаром разрушать и портить
Тот мир, который Мною сотворен
Столь добрым и прекрасным и остался б
Таким, когда б безумье человека
В него не допустило этих фурий
Губительных, которые Меня
В безумьи обвиняют! Точно так же
Князь Ада и соратники его
Винят Меня за то, что попустил Я
Их так легко войти и завладеть
Чудесным этим местом и как будто
Потворствую Моим врагам надменным.
Они смеются надо Мной, как будто
В припадке страсти Я им все оставил
На произвол и на бесчинство их.
Не ведают они, что Я их Сам
Призвал, как адских псов, дабы пожрали
Они весь сор, всю мерзость и всю грязь,
Которыми, свершив свой грех постыдный,
Все то, что было чисто, запятнал
Преступный человек; что ждать Я буду,
Пока, насытясь, переполнив чрево
Всей всосанной и поглощенной грязью,

Готовые от пресыщенья лопнуть,
От одного удара Твоего,
Возлюбленный Мой Сын победоносный,
И Грех и Смерть, низвергнуты в Хаос,
Собой навеки не заткнут пасть Ада,
Печатью став на хищные уста.
Тогда Земля и Небо обновятся,
Все будет чисто, свято, и ничто
Творенья Моего не запятнает;
До тех же пор – проклятье им Мое!»

Окончил Он, и грянуло в ответ
Со всех сторон согласно «аллилуйя!»,
Как шум морской, гремели голоса:

«Всеправедны пути Твои, о Боже,
И все веленья праведны Твои!
О, кто Тебя ослабит, кто унизит?
Хвала Тебе и Сыну Твоему?
Он будет человека возродитель,
Он возведет в течение веков
Во славе Небо новое и Землю
Иль в дольний мир с Небес их низведет».
Так пел их хор; в то время, поименно
Своих могучих Ангелов призвав,
Господь давал Свои им порученья,
Как лучше перестроить этот мир.
Велел Он Солнцу изменить движенье

И свет свой так, чтоб на земле царил
То жар, то холод, трудновыносимый,
От севера б грозил седой мороз,
А с юга зной ужасный приносился;
Путь новый был и бледной дан Луне,
И прочим всем пяти планетам также:
Предписано являться им то в доле
Шестой своей, то в четверти, то в трети,
И вредное влиянье выражать,
Противостав друг другу, и порою
В зловещие вступать соединенья —
То предвещать Земле зловердный дождь,
То при восходе иль закате солнца
Грозящие ей бури предрекать.
И ветры получили размещение
По всем своим углам, чтоб бушевать
По берегам, и в воздухе, и в море,
И вихрем бури ужас наводить,
И гром катить сквозь потемневший воздух.
Велел, по слухам, Ангелам Господь
По отношению к главной оси Солнца
Нагнуть на двадцать градусов иль больше
Земную ось; с усилием они
Весь шар Земли великий наклонили.
Есть слух, что Солнцу повелели также
От круга равноденствия свой путь
Склонить на то же расстоянье к Тавру,
К семи небесным сестрам Атлантидам¹⁶⁹,

¹⁶⁹ ...К семи небесным сестрам Атлантидам... — имеется в виду созвездие

К спартанским Близнецам, под тропик Рака,
Затем, ко Льву и, к Деве, и к Весам
Пройдя, сойти под тропик Козерога,
Чтоб изменились климаты Земли,
Где вечная весна царила прежде,
При равенстве всех дней и всех ночей,
За исключением полюсов, где вечен
Был свет дневной и не являлась ночь,
И Солнце, возмещая удаление
Свое от этих мест, по горизонту
Вокруг ходило, прогоняя снег
Как из страны холодной Эстотийской¹⁷⁰,
Так и на юге, из всех стран, лежащих
Южнее Магелланова пролива,
Ни запада не зная, ни востока.
Когда же был вкушён запретный плод.
То, как Фиест¹⁷¹ покинул пир ужасный,
Вдаль отступило Солнце от Земли:
Иначе как бы вынес мир живущий,
Будь даже он безгрешен, жгучий зной
И страшный холод, более, чем ныне?
Все эти перемены в Небесах,
Хоть медленно, на всей земле и в море
Произвели такие ж перемены:
Со звезд сошли болезни, родились

Плеяд.

¹⁷⁰ ...Как из страны холодной Эстотийской... – имеется в виду Канада.

¹⁷¹ *Фиест* – брат Атрея, был приглашен последним на обед в Микенах, где ему были поданы тела его убитых сыновей Тантала и Плейсфена.

Зловредные туманы и пары,
Горячие испорченные газы;
От северной далекой Норумбеги¹⁷²,
От самоедских хладных берегов,
Тюрьму свою железно-ледяную
Ломая, сыпля бурный снег и град,
Борей¹⁷³, и Кекий, и Аргест, и Фрасций
Ревели, с корнем вырывая лес,
До дна взрывая море; им навстречу
Свиристствовали с юга Нот и Афр
И нагоняли тучи грозовые
С высот Сьерра-Лионы¹⁷⁴; поперек
С восхода и с заката ветры дули
С меньшей силой: и Зефир, и Эвр¹⁷⁵,
Сирокко и Либеккий. Так в природе
Безжизненной неистовства пошли;
Затем Раздор, как дочь Греха, впервые
Ввел смерть среди созданий неразумных,
Родив меж ними страшную вражду:
Зверь воевал со зверем, птица с птицей
И рыба с рыбой; перестав питаться
Травой, они друг друга стали жрать,
Утратили почтенье к человеку

¹⁷² ...От северной далекой Норумбеги... – речь о Гренландии.

¹⁷³ Борей – северный ветер, Кекий (Аквилон) – северо-восточный, Аргест – восточный, Фрасций – северо-западный, Нот – южный, Афр – юго-западный.

¹⁷⁴ ...С с-Лионы... – горы в африканской Гвинее.

¹⁷⁵ Эвр – юго-восточный, Зефир – западный; Сирокко и Либеккий – позднейшие названия жарких южных ветров.

И стали избегать его иль злобно
Смотреть, когда он мимо проходил.
Все эти знаки внешних бед растущих
Адам отчасти видел, хоть в лесах,
В глубоком мраке скрыться он старался,
Отдавшись скорби; но внутри себя
Еще сильнее он чувствовал все горе;
И вот, волнуем бурей страстей,
Он в жалобах печальных изливался:

«О жалкое паденье из блаженства!
Ужель так гибнет этот славный мир
Которого я вышею был славой,
Отныне же не только не блажен,
Но проклят и от Бога укрываюсь,
Чье лицезренье прежде было мне
Блаженством высшим! Но пускай на этом
Страданья бы окончились мои:
Я заслужил их и согласен кару
За них нести; но это не поможет:
Что ем, что пью, что я произведу –
На всем лежит проклятье. Прежде сладко
Звучавший глас “плодись и размножайся”
Теперь как голос смерти мне звучит!
Зачем плодиться мне и размножаться?
Чтоб умножать на голову мою
Проклятья? Все мои потомки будут
Во все века терпеть то зло, то горе,
Которое мой грех на них навлек,

И проклинать меня: “Да будет проклят
Нечистый предок наш! Его должны
Благодарить за эти мы страдания!”
И будет благодарность их проклятьем!
Так ко всему, что вынесу я сам,
Прибавится всех их несчастий бремя
И на меня всей тяжестью своею
Обрушится как на источник Зла.
О краткое блаженство Рая, — страшной,
Тяжелою ты куплено ценой!
О Боже, разве я просил Тебя из глины
Создать меня? Просил ли я Тебя
Воззвать меня из тьмы и дать мне место
В саду прекрасном? Если ж не просил,
Ужели не нашел Ты справедливым
Меня во прах начальный возвратить?
Ото всего я рад бы отказаться,
Все возвратить, что в жизни получил,
Коль скоро был не в силах я исполнить
Твоих велений слишком строгих, чтобы
Мне данные все блага сохранить.
Довольно было б этого лишения,
Чтоб наказать меня, а Ты прибавил
К тому еще страдания без конца!
Непостижим мне суд Твой! И однако,
Я сознаю, что слишком поздно ныне
Ропщу: я должен был бы отказаться,
Когда Ты ставил те условия мне.
Ты принял их, Адам! Ты наслаждаться

Согласен был, а на условия ропщешь!
Пусть сотворил без твоего согласия
Тебя Господь, но что сказал бы ты,
Когда твой сын, своим непослушаньем
Тебя обидев, стал бы говорить:
“Зачем ты дал мне жизнь? Ведь не просил я
Тебя о том?” Ужели ты ему
Простить бы мог такой упрек надменный?
А между тем ведь был бы он рожден
Не по желанью твоему, а в силу
Простой необходимости природной;
Тебя ж Своею волей сотворил
Господь, – Его я собственность и должен
Служить Ему; дары Его – лишь милость,
И в наказаньи также волен Он.
Пусть так; Его я покоряюсь каре;
Я прах и должен возвратиться в прах.
Приветствую я час уничтоженья,
Когда б он ни пришел! Но для чего
Рука Его откладывает кару,
Которую хотел Он в тот же день
Свершить? Зачем живу, не умираю,
Дразнимый смертью? Для чего мне длить
Страданья и не гибнуть? О, как рад бы
Я встретить смерть, назначенную мне,
И сделаться бесчувственной землею!
Как рад бы лечь, забыться вечным сном,
Как бы на лоне матери! Спокойно
Тогда я спал бы; голоса Его

Тогда я не боялся бы, как грома,
И не грозило б худшее ничто
Тогда ни мне, ни моему потомству!
Одно сомненье мучит лишь меня:
Быть может, я не весь умру; быть может,
Дыханье жизни чистое – душа,
Которую вдохнул Бог в человека, –
Не умирает вместе с этим прахом
Телесным; может быть, в моем гробу
Или в другом ужасном, мрачном месте
Жизнь буду длить я, как живой мертвец?
О, страшно, страшно, если это правда!
Но как же так? Ведь только дух грешит,
Когда живет, и смерть живому духу
За грех возмездье, плоть же без него
Жить иль грешить одна никак не может.
Итак, я весь умру, и пусть на этом
Сомненья успокоятся мои.
Ведь если Вседержитель бесконечен,
То разве бесконечен гнев Его?
Будь это даже так, зато не вечен
Я, человек, – на смерть я осужден.
Как может длиться кара бесконечно
Над тем, кто смертью кончит жизнь свою?
Иль может Бог смерть сделать бессмертной?
Хоть Бог и всемогущ, но это было б
Противоречьем чересчур большим,
Свидетельством лишь слабости, не силы.
Ужель, карая человека, Бог

Конечному дать мог бы бесконечность,
Чтоб Свой насытить ненасытный гнев?
Так прах земной изъял бы Он из власти
Законов всех природы: ведь причины
Лишь действуют в пределах вещества,
А не во всей своей природной силе.
А если смерть не есть один удар,
Лишающий сознания, как я думал,
А вечное несчастье от сегодня
И без конца, во мне и вне меня!
О горе мне! Я вновь терзаюсь страхом,
И эта мысль как громом поражает
Мою незащищенную главу!
И смерть и я — равно мы оба вечны,
Воплощены в создании живом,
И не один я — все мое потомство
Несет проклятье. Славное наследство
Я вам оставил, сыновья мои!
О, если б мог я все его истратить
На самого себя и не оставить
Вам ничего, — о, как тогда вы стали б
Благословлять, не проклиная меня!
Зачем за грех, единым совершенный,
Должно все человечество страдать
Невинное? Но можно ли невинным
Его назвать? Все то, что от меня
Произойдет, испорчено заране,
Развращено и волей, и умом
И будет и в поступках, и в желаньях

Подобно мне. Так может ли оно
Быть правым перед Богом? Нет, все споры
Напрасны: принужден я правоту
Его признать; мои все ухищренья
И рассужденья тщетны; лабиринт их
Лишь уличает самого меня;
И первый и последний я источник
Всего дурного: пусть же осужденье
И Божий гнев обрушатся всецело
На одного меня! Увы, желанье
Безумное! Ты можешь ли снести
Один все это бремя? Тяжелее
Оно, чем вся Земля, чем этот мир,
Хотя его с женою той зловредной
Ты разделяешь! Все, чего ты жаждешь,
И все, чего боишься ты, равно
Убежища тебе не оставляет,
И ты – несчастья злейшего пример
И в прошлом, и в грядущем: Сатане лишь
Подобен ты и карой, и грехом!
В какую бездну ужаса и страха
Ты, совесть, увлекла меня – и нет
Исхода мне, все глубже лишь тону я!»

Так в тишине ночной стонал Адам
И, одинокий, жаловался громко;
И ночь была уже не такова,
Как до грехопадения человека, –
Не кроткою прохладою дышала,

Но, сумрака зловещего полна,
Ужасною его пугала тьмою,
И в угрызеньях совести казались
Ему все вещи страшными вдвойне.
Ничком простертый на земле холодной,
Он проклинал создание свое
И смерть винил за медленность, жалея,
Что не пришла она, как Бог сказал,
В тот день, когда он согрешил. «Что ж медлишь
Ты, смерть? Я трижды был бы рад принять
Удар твой, чтоб конец настал желанный!
Иль Истина сдержать не хочет слова?
Божественная правда не спешит
На деле оправдаться; не приходит
Смерть на мой зов; суд правый Божества,
Увы, на все мольбы мои и вопли
Не ускоряет медленных шагов!
О вы, леса, ключи, холмы, долины,
Не так вы прежде откликались мне
На мой призыв; звучало ваше эхо
И отвечало песнею иной!»

Печальная вдали сидела Ева;
Страданья мужа видя, подошла
Она к нему и ласковою речью
Старалась скорбь несчастного смягчить;
Но ей ответил он, взглянув сурово:

«Прочь от меня, змея! Такое имя

Тебе всего приличнее с тех пор,
Как ты связалась с тем, кто ненавистен
И лжив, как ты! Тебе недостает
Такого же змеиноного лишь вида,
Чтоб от коварства, скрытого внутри,
Остерегал он вовремя всех тварей,
Дабы, прикрыв чрезмерной красотой
Ложь адскую, ты их не уловляла.
Но и при этом я бы сохранил
Свое блаженство, если бы не гордость
И страсть твоя пустейшая гулять –
Притом еще в опаснейшее время, –
Благодаря которой ты отвергла
Мое предупреждение и защиту;
Хотела ты, чтоб на тебя, любуясь,
Смотрели – будь хоть это Дьявол сам,
Которого ты одолеть мечтала;
Но, встретившись с коварною змеей,
Была ты одурачена, а после
Я был тобой обманут – потому,
Что я в тебя, как в плоть свою, поверил,
Считал тебя премудрой, твердой, зрелой,
Все нападения отразить способной.
В то время я еще не понимал,
Что это все скорей пустая внешность,
Чем добродетель истинная; ты –
Не больше, как ребро мое кривое,
Притом еще и с левой стороны,
Которое, как член излишний, к счастью,

Бог выбросил из тела моего.
О, для чего Господь, Создатель мудрый,
Велевший, чтобы жили в Небесах
Одни лишь духи мужеского пола,
Такую новость на Земле устроил,
Природы обольстительный порок,
Не создал здесь одних мужчин, без женщин,
И способа иного не нашел
Производить людей! Тогда б избегли
Беды мы этой и дальнейших бед
И на земле бесчисленных волнений,
Которые от женского коварства
Проистекут, которые с собою
Нам принесет зловредный этот пол:
Иль долго муж не встретит подходящей
Жены и брак несчастный заключит;
Иль ошибется в выборе, иль, если
Найдет, кого желал бы он иметь,
Увидит, что ее дурной характер
Избрал другого, худшего, в мужья;
Иль их любви родители воздвигнут
Препятствия, иль лучший выбор свой
Он встретит слишком поздно, после брака
С другой, ему принесшей зло и стыд;
Так будет вечным горем отравляться
Жизнь человека, мир семьи страдать!»
Сказал – и отвернулся он. Но Ева
Не отступала; сквозь потоки слез
И кудри разметав, она припала

К его ногам и, обнимая их,
Рыдала, о прощеньи умолая:

«Не покидай же так меня, Адам!
Свидетель Небо, как тебя люблю я,
Как чту тебя от сердца глубины!
В неведеньи тебя я оскорбила,
Несчастный случай ввел тебя в обман!
Молю тебя, припав к твоим коленам, –
Пока живу я, не лишай меня
Приветных взоров, помощи, совета
В моем несчастьи, в крайности моей!
Одна моя ты сила и опора;
Что без тебя мне делать, как мне жить?
Быть может, краткий час нам жить осталось,
Так пусть же будет между нами мир.
Одной с тобой мы связаны обидой,
Объединимся ж мы в одной вражде
К тому Врагу, который нам указан
В суде, который Бог нам произнес, –
К змее жестокой! На меня же, горем
Сраженную, не изливай ты злобы:
Я уж погибла, я еще несчастней,
Чем ты! Хоть оба согрешили мы,
Но согрешил ты только против Бога,
Я ж – против Бога и тебя, Адам!
Я возвращусь туда, где нас судили,
И воплями тревожить буду Небо,
Пока оно свой приговор не снимет

С твоей главы и на меня одну –
Всех этих зол причину – не обрушит:
Мне, мне одной нести весь Божий гнев!»

В слезах она умолкла. Униженье
Жены, у ног его лежавшей долго,
Чтоб выплакать прощенье для себя,
В Адаме возбудило состраданье.
И вот его смягчилось сердце к ней,
Которая была ему недавно
Отрадой лучшей в жизни, а теперь
У ног его влачилась покорно,
Прекрасная, как прежде, примиренья,
Поддержки и совета у того
Ища себе, кто ею был обижен.
Обезоружен, весь свой гнев забыв,
Ее он поднял с мирными словами:

«Все так же ты неосторожна, так же
Порывиста! Сама не знаешь ты,
Чего желаешь! На себя всю кару
Принять ты хочешь; ах, умей сперва
Снести часть свою: едва ли ты способна
Снести весь гнев, которого ты знаешь
Малейшую лишь часть, а между тем
С трудом мою досаду переносишь.
О, если бы мольбы способны были
Высокие решения изменить,
Скорей тебя я поспешил бы к месту

Суда и к Небу громче бы зывал,
Чтоб на мою главу привлечь всю кару,
Затем что слишком слаб твой пол и нежен.
Ты вверена была мне, и тебя
В опасную минуту я оставил.
Не будем же теперь мы больше спорить
И осуждать друг друга: нас с тобой
И без того довольно осудили.
Скорей прилично состязаться нам
В делах любви, чтоб облегчить друг другу
То бремя, что нести нам суждено,
И каждый часть свою пусть переносит.
Насколько вижу, смерть, что в день суда
Должна была постигнуть нас, не сразу
Придет, а после многих, долгих дней,
Как медленное зло, чтоб увеличить
Страдания наши и потомков наших
Всех будущих, — несчастное потомство!»

Собравшись с духом, Ева отвечала:
«Адам, мне горький опыт показал,
Как мало значат все мои сужденья
Перед твоими, как я заблуждаюсь,
К каким они несчастьям привели.
И все ж, как ни ничтожна я, ты, снова
Меня в свои подруги взяв, надежду
Даешь мне вновь обрести твою любовь,
Единую утеху мне и в жизни,
И в смерти. Я не скрою от тебя,

Что в беспокойных думах мне явилось
Для облегченья наших крайних мук,
Чтоб им найти конец, хотя тяжелый
И грустный, но переносимый легче,
Чем эти все страдания без конца.
Нас более всего забота мучит
О тех, кому начало мы дадим,
Заранее на горе обреченных
И наконец на смерть; для нас ужасно
Причиной быть несчастья для других,
Для наших же детей, и мир проклятый
Несчастнейшим народом населить,
Который после жизни, полной скорби,
Чудовище свирепое пожрет.
Однако в нашей власти до зачатья
Предупредить явление на свет
Несчастливого, проклятого народа.
Бездетен ты – бездетным и пребудь,
И смерть куска желанного лишится,
Принуждена, пожрав лишь нас двоих,
Голодное свое насытить чрево.
А если слишком трудно для тебя,
Обмениваясь взорами, беседой,
Живя в любви со мною, воздержаться
От действий всех любви и от объятий
Супружеских, желаньем без надежды
Томиться, видя, что и я томлюсь,
Живя с тобой, подобным же стремленьем, –
Что было бы для нас страшней всего,

Что нам грозит, — освободим скорее
Себя самих и вместе все потомство
От ужаса, висящего над нами!
Поищем смерти, если нас она
Искать не хочет, и собственноручно
Свершим ее деянье над собой!
Не будем вечно содрогаться, видя
В конце концов вдали все ту же смерть;
Путей к ней много — выберем кратчайший,
Разрушив разрушение разрушением!»

Окончила она иль оборвала,
Отчаяньем томима, эту речь.
О смерти мысль так сильно овладела
Ее душой печальной, что она
Сама смертельной бледностью покрылась.
Адам, однако, на ее совет
Согласьем не ответил: напрягая
Внимательный свой ум, заметил он,
Что им возможны лучшие надежды,
И Еве так тогда он возразил:
«Твое презрение к этой жизни, Ева,
И к наслаждениям плотским говорит
Как будто в пользу мысли, что ты выше,
Чем это все; однако твой совет
Нам истребить себя опровергает
Такую мысль: показывает он,
Что не презрение к радостям, а жалость
Утратить то, что ты чрезмерно любишь,

Тобой владеет. Если ж смотришь ты
На смерть как крайний выход из несчастья,
Надеясь тем всей кары избежать,
То вспомни, что Господь мудрей, конечно,
Свой смертоносный гнев вооружил,
Чем так, чтоб ты могла его столь просто
Предупредить. Боюсь я, что тогда
Смерть эта, нами взятая насильно,
От кары, нам назначенной, ничуть
Нас не избавит, а упорство наше
Всевышнего способно побудить
Так сделать, чтобы смерть в нас обитала.
Поищем же других, не столь опасных
Решений: их я, кажется, имею
В виду. Припомни Господа слова,
Что семенем своим змее сотрешь ты
Главу. Утехи мало было б в том,
Когда б Господь, как я предполагаю,
Не разумел под именем змеи
Великого Врага, который скрылся
В змее, чтоб соблазнить нас. Сокрушить
Его главу – да, это б было мстью,
Которой мы лишились бы, когда б
Себя мы сами смертью истребили
Иль вовсе отказались от потомства,
Как предлагаешь ты: тогда наш Враг
От своего ушел бы наказания,
А мы двойную кару понесли б.
Не будем же мы думать о насильи

Над жизнью нашей, о бесплодьи этом
Намеренном: оно нам не дает
Надежд, питая гордость лишь и злобу,
Досаду, нетерпенье и борьбу
Противу Бога и Его по праву
Наложенного ига! Вспомни, Ева,
Как кротко Он нас слушал и судил,
Без гнева и без порицанья! Ждали
Немедленной мы гибели, считая,
Что это значит смерть в тот самый день;
И что же? Для тебя лишь предсказал Он,
Что будешь в муках ты носить детей
И их рождать; но эти муки скоро
Вознаградятся радостью, как только
Увидишь ты плод чрева своего.
Меня проклятье косвенно задело:
Он проклял землю, я же буду должен
Трудом великим хлеб свой добывать.
Что ж за беда? Быть праздным было б хуже,
А труд меня поддержит. Чтобы холод
Не повредил нам, Он, без наших просьб,
Прикрыть нас позаботился одеждой:
Судя, нас, недостойных, пожалел!
Насколько же тогда еще охотней
К молениям нашим склонит Он свой слух
И в милосердии вечном нас научит
Времен суровых года избегать,
Сносить и дождь, и снег, и град, и холод!
Уж начинается небо, изменив

Свой вид, нам с гор предсказывать ненастье;
Уж стал сырой, холодный ветер дуть,
С дерев стряхая пышные их кудри;
Приходится искать убежищ нам
Надежнейших и теплоты, чтоб члены
Согреть окоченевшие, пока
Звезда дневная не ушла, оставив
На жертву нас холодной, темной ночи;
Подумать нужно, как бы нам собрать
Лучи его, в сухих телах, быть может,
Чрез отраженье скрытые, — добыть
Их, например, сухих кусков двух треньем,
Которое воспламенило б воздух;
Так, видел я недавно, что две тучи,
Сойдясь, быть может, согнанные ветром,
Столкнувшись с силой, молнией косой
Вдруг озарились и внезапно пламя
Смолистую кору сосны иль ели
Зажгло, и я уж издали тепло
Приятное почувствовал. Возможно,
Что тот огонь способен послужить
Нам вместо солнца. Пользоваться этим
И средствами иными, чтобы легче
Переносить те бедствия, которым
Подверглись мы за наши преступления,
Наверное, Господь научит нас,
Коль мы Ему помолимся и будем
Просить Его о милости. Итак,
Без страха за удобства этой жизни

С поддержкою Его мы проживем,
Пока не кончим эту жизнь, во прахе
Найдя последний отдых, дом родной.
Теперь всего приличней нам с тобою
Пойти туда, где нас Господь судил;
Падем мы там пред Ним благоговейно,
Покаемся смиренно во грехах
И о пощаде вознесем моления;
Слезами там мы землю оросим
И вздохами вокруг наполним воздух
От сокрушенных горестью сердец,
Томимые печалью непритворной
И кроткого смирения полны.
Не сомневаюсь я, что Он смягчится,
Преложит гнев на милость! В час, когда
Он гневным наиболее казался,
Не видели ль в Его мы взоре ясном
Благоволения, милости, любви?»

Так говорил наш прародитель, каясь,
И Ева также каялась в душе.
И вот они пришли, рука с рукою,
На место, где Создатель их судил,
И пали перед Ним благоговейно,
Покаялись смиренно во грехах
И о пощаде вознесли моления,
Слезами оросили грудь земли
И вздохами наполнили вкруг воздух,
Томимые печалью непритворной

И кроткого смирения полны.

Книга одиннадцатая

Содержание

Сын Божий преподносит Отцу молитвы наших кающихся прародителей и ходатайствует за них; Бог принимает молитвы, но объявляет, что люди не должны более оставаться в Раю. Он посылает Михаила с отрядом Херувимов, чтобы удалить людей из Рая, предварительно открыв Адаму будущее. Сошествие Михаила. Адам указывает Еве на некоторые многозначительные знамения; затем он замечает приближение Михаила и идет к нему навстречу. Ангел возвещает им, что они должны удалиться. Жалобы Евы. Адам пробует оправдаться, но подчиняется. Ангел ведет его на высокий холм и в видении показывает ему, что должно случиться до потопа.

Так, каясь и склонясь, Адам и Ева
Молились, и сошла на них с Небес
Господня милость, с их окаменевших
Сердец все бремя тяжкое сняла
И обновленной плотью их одела.
И воссылали оба к Небу вздохи
Невыразимой скорби, что внушил
Им дух молитвы, и достигли Неба

Те вздохи их скорее громких слов.
Просители то были непростые,
И просьба их была не меньше той,
Что воссылалась в древности глубокой
(Как старое преданье говорит,
Не столь, однако, старое, как это)
Девкалионом и невинной Пиррой
Пред алтарем Фемиды, чтобы снова
Людей, потопом грозным истребленных,
Восстановить¹⁷⁶. Свободно к Небесам
Молитвы их парили, и с дороги
Завистливый их ветер сбить не мог;
Лишенные телесной оболочки,
Они прошли в Небесные врата
И окружились дымом фимиама,
Что воскурял на алтаре златом
Великий наш Заступник, и предстали
Перед престолом Вышнего; Сын Божий
Их радостно представил, говоря:

«Вот первые плоды любвеобильных

¹⁷⁶ ...чтобы снова людей, потопом грозным истребленных, восстановить. —

По греческим преданиям, мир однажды также был опустошен потопом. Именно Зевс по истечении медного века истребил посредством потопа преступный род человеческий, кроме благочестивого Девкалиона с женою Пиррой, которые спаслись на корабле, построенном ими по совету Прометея. Они высадились на горе Парнас, принесли жертву Зевсу и на вопрос Девкалиона, как воссоздать людей, оракул Фемиды (богини правосудия) в Дельфах посоветовал ему бросать назад через свою голову «кости великой матери». Девкалион с Пиррою стали бросать через себя камни, и камни эти превратились в людей.

Твоих забот о человеке, Отче!
Воззри на них! Я с дымом фимиама
Их заключил в кадильнице златой
И подношу Тебе, как Твой слугитель!
Плоды приятней эти из семян,
Что в сокрушенных Ты сердцах посеял,
Чем все, что мог возделать человек,
Чем принесли бы все деревья Рая,
Когда б, еще безгрешен, он там жил.
Склони ж Свое к молениям этим ухо
И вздохи эти, хоть без слов, услышь!
Слов не находит человек в молениях, —
Позволь Мне быть предстателем его
И искупить вину его! Добро ли
Он делает иль Зло — все на меня
Ложится: Я заслугою исправлю
Дела его и за него умру.
Прими ж Меня! Во Мне благоуханья
Его молений благостно прими
И дай ему с Тобою в примиренья
Прожить число его урочных дней,
Хотя бы в скорби, до минуты смерти,
К которой присужден он (лишь смягчить,
Не отменить Твой приговор прошу Я)
И к лучшей жизни воскреси Его,
Где в радости жить будут, во блаженстве
Все Мною искупленные, со Мною
В единстве, как с Тобою Я един!»

Рассеялись вокруг Престола тучи,
И, ясный, отвечал Ему Отец:
«Возлюбленный Мой Сын! О чем Ты просишь
Для человека – все да будет так:
Ходатайство Твое – Мое веленье.
Но больше жить не должен он в Раю:
Препятствует тому закон природы,
Что Мною установлен; элементы
Те чистые, которые не знают
Дурного и смещения не терпят
С тем, что им чуждо, прочь его извергнут,
Затем что грех в нем душу загрязнил,
Дабы в среде он жил такой же грубой
И смертный хлеб свой ел, чтоб к разрушению
Готовиться, рожденному грехом,
Который мир весь заразил и сделал
Из чистого нечистое. Творя,
Я человеку дал два дивных дара:
Блаженство и бессмертье; потерял
Он первое – тогда второе может
Ему лишь к вечным мукам послужить,
А потому Я смерть ему назначил;
Смерть облегченьем будет для него:
Пусть после жизни, полной испытаний
И бед тяжелых, укрепившись в вере
И добрыми делами заслужив
Вторую жизнь, кто праведен, проснется
Для обновленных Неба и Земли.

Но созови сюда синод блаженных
Со всех концов Небес; Я не хочу
Скрывать от них суда над человеком,
Как не скрывал над Ангелами злыми
Суда; хоть вера прочих и тверда,
Пусть в ней они тем тверже укрепятся».
Окончил Он, и Сын дал знак высокий
Служителям всем светлым Божества —
Дал знак трубой (той самую, быть может,
Которая, когда Господь сходил
С Небес, звучала громко на Хориве
И снова будет, может быть, звучать
В день общего суда), и звук чудесный
Наполнил вмиг все области Небес.
Из кущ благословенных, из беседок,
Одетых амарантом, от ручьев,
От вод блаженных жизни, где сидели
В беседе беспечальной дети света,
Спешат они, услыша горний зов,
И вот уж стали все вокруг Престола,
И Всемогущий волю им изрек:

«Сыны Мои! Вы знаете, что ныне
Стал человек подобен нам: он знает
Добро и Зло с тех пор, как он вкусил
Запретного плода. Пускай гордится
Он этим знанием: потеряв Добро,
Он приобрел лишь Зло; стократ счастливей
Он был бы, если б был доволен знанием

Добра, а Зла бы вовсе он не знал.
Теперь скорбит он, кается, моленья
Мне шлет: все это Я ему внушил.
Давно я знаю сердце человека,
Как он изменчив, к суете привержен,
Когда он предоставлен сам себе.
Теперь, чтоб не дерзнул он к Древу жизни
Приблизиться и есть его плоды,
Чтоб вечно жить (иль думать, что жить вечно
Он будет), Я решился удалить
Его из сада Моего; пусть пашет
Ту землю, из которой взят он: будет
Пригодней эта почва для него.
Ты, Михаил, – тебе Я поручаю:
Из Херувимов пламенных возьми
Сил, сколько нужно, для охраны Рая,
Чтоб Сатана, на помощь человеку
Иль чтоб свободным местом завладеть,
Не произвел бы новых беспорядков.
Спеши туда и грешную чету
Без сожаленья удали из Рая
(Их, несвятых, из этих мест святых)
И возвести им, что со всем потомством
Они навеки изгнаны оттуда.
Но чтобы их не слишком поразил
Мой приговор суровый и печальный
(Я видел, что смягчились их сердца,
Что свой они оплакали проступок),
От всяких устрашений воздержись

И, если терпеливо покорятся,
Без утешенья их не отпусти.
Открой Адаму даль времен грядущих,
Как Я тебе внушу; прибавь притом,
Что Свой союз с людьми возобновлю Я
Через посредство семени жены, –
И пусть уйдут, хоть грустные, но с миром.
А у восточной Рая стороны,
Где от Эдема вход всего доступней,
Поставь на страже Херувимов, чтобы
Они, колебля пламенным мечом,
Издалека оттуда отстраняли
Всех подходящих, не пуская их
Ко Древу жизни, чтобы сад Господень
Не сделался убежищем злых Духов
И чтоб, украв плоды с дерев, опять
Они не соблазнили человека».

Окончил Он; и быстро в дальний путь
Сготовился Архангел; Херувимов
Блестящих, вечно бдительных, отряд
С ним вместе вышел. По четыре лика
Они имели, будто дважды Янус¹⁷⁷;
Весь образ их усеян был глазами,
Которых было более число,

¹⁷⁷ *Янус* (Janus) – двуликий римский бог; его храм или, вернее, посвященные ему ворота (janua – дверь) стояли открытыми во время войны и закрывались во время мира.

Чем Аргус¹⁷⁸ их имел, и недоступны
Те очи были сну под звуки флейты
Аркадской иль Меркурия свирели,
И жезл его не усыпил бы их.
Меж тем проснулась Левкотей¹⁷⁹, света
Священного приветствуя возврат,
И свежую росой окропила
Земную грудь. Моление совершив,
Адам и Ева (первая супруга)
В душе своей почувствовали бодрость,
Ниспосланную свыше, и надежду
От мрачного отчаянья спастись,
И радость, хоть еще и не без страха;
И Еву так приветствовал Адам:

«Легко поверить нам с тобою, Ева,
Что все Добро, какое видим мы,
Нисходит с Неба; несколько труднее
Увериться, что и от нас до Неба
Подняться может нечто, что могло бы
Влиять на мысли или волю Бога
Блаженного. Но кажется мне все ж,
Что сила есть подобная в молитве
И даже в кратком вздохе, восходящем

¹⁷⁸ *Аргус* – силач, все тело которого было усеяно глазами; Гера (Юнона) приставила его стражем к Ио, обращенной в корову, но Гермес (Меркурий) убил его, после чего Гера поместила глаза Аргуса на хвосте павлина.

¹⁷⁹ *Левкотей* (белая богиня) – одно из спасительных морских божеств; Мильтон делает ее богиней утра.

От нас к престолу Вышнего. Когда
Коленопреклоненно я молился,
И Божество старался примирить,
И перед Ним всем сердцем преклонялся,
Казалось мне, что вижу я Его,
Как кротко Он и милостиво внемлет
Словам моим! Росла во мне надежда,
Что благосклонно выслушан я Им!
Мир в грудь мою вернулся, и я вспомнил
О том, что Он нам обещал: что семя
Твое сотрет главу змеи. О том
Сперва забыл я, ужасом сраженный;
Теперь же в этом черпаю я веру,
Что горечь смерти уж для нас прошла,
Что жить мы будем! С радостью великой,
Мать рода человеческого, Ева,
Приветствую тебя! По праву носишь
Ты это имя, мать всего живого!
Через тебя жить будет человек
И мир весь будет жить для человека!»

И с кроткой грустью Ева отвечала:
«Достойна ли такого званья я,
Преступница! Тебе служить я в помощь
Сотворена, а стала западней!
Упреков я достойна, недоверья
И всяческой хулы! Но бесконечно
Великий мой Судья был милосерд,
Что мне, впервые смерть всему принесшей,

Источником быть жизни Он велел.
Как добр и ты, что именем меня
Назвать ты удостоил столь высоким, –
Иное имя заслужила я!
Однако нас работа полевая
Уж ждет, хоть и не спали мы всю ночь:
В поту лица нам ныне труд предписан;
Смотри: уж утро в розовый свой путь
Пошло вперед, хоть мы не отдохнули.
Пойдем же, и отныне ни на миг
С тобой я не расстанусь, где б работать
Мне ни пришлось, как ни была б работа
Трудна, хотя б до вечера продлилась.
Пока мы здесь живем, что может быть
Нам слишком трудным в этом дивном месте?
Хоть мы и пали, все-таки с тобой
Прожить мы можем здесь свой век в довольстве».

Так говорила Ева, таковы
Смиренные ее желанья были,
Но не к тому вела ее судьба.
Природа вскоре знаменья явила
В зверях и птицах; воздух потемнел,
Исчезло утра краткое сиянье.
Вблизи от них Юпитерова птица¹⁸⁰
С высот небесных быстро вдруг спустилась,
Преследуя чету двух пестрых птиц;
Затем, спустясь с холма, охотник первый,

¹⁸⁰ *Юпитерова птица* – орел.

Могучий зверь, что царствует в лесах¹⁸¹,
Помчался вслед за парюю оленей –
Смирненнейших из всех зверей лесных,
Стремившихся к дверям восточным Рая.
Адам на них с тревогою во взоре
Смотрел и Еве молвил наконец:

«О Ева, верно ждут нас перемены!
Немые Небо знаменья нам шлет,
Нас о своих намереньях желая
Предупредить, предостеречь, быть может,
Чтоб не чрезмерно уповали мы
На избавление от тяжелой кары,
Увидя, что отложена нам смерть
На некоторый срок. Как долго будет
Жизнь наша длиться – как мы можем знать?
Мы знаем только, что мы – дети праха
И возвратиться в прах должны, – не больше.
Иначе что же может означать
Двойное это бегство – через воздух
И по земле – в один и тот же час,
В едином направлении? На востоке
Зачем явилась тьма в середине дня,
А с запада, напротив, показалось
Средь облаков как бы сиянье утра,
Которое на небе голубом
Вокруг лучистый свет свой разливает
И медленно спускается, как будто

¹⁸¹ ...Могучий зверь, что царствует в лесах... – лев.

Неся с собою что-то к нам с Небес?»

Он не ошибся: в том сияньи светлом
Действительно спустилась с Неба рать
Послов Небес на облаке лазурном
И на холме в Раю расположилась.
Блистательным видением ему
Предстала бы она, когда б сомненье
И плотский страх не омрачали взор
Адама. Эта рать была не меньше
Блистательна, чем та, которой вид
Иакову предстал в Маханаиме¹⁸²,
Когда он лагерь ангельский узрел,
Иль та, что появилась в Дофаиме¹⁸³
На пламенной горе, в шатрах огнистых,
Сирийскому царю навстречу выйдя,
Который, как убийца, чтобы взять
Единоho лишь человека, в битву
Пошел без объявления войны.
Князь Сил Небесных рать свою оставил
На том холме, велев им Рай занять,
А сам один пошел искать Адама.
Увидев гостя дивного вдали,

¹⁸² *Маханаим* – так нарек библейский патриарх Иаков место на востоке от реки Иордан, где увидел он «ополчение Бога ополчившееся» и где «встретили его Ангелы Божии» (Книга Бытия, 32: 1–2).

¹⁸³ ...*что появилась в Дофаиме...* – сирийский царь Вендад послал ночью войска окружить город Дофаим, чтобы схватить пророка Елисея. На помощь Елисею пришло ангельское войско (4-я Книга Царств, 6: 17).

Адам тогда поспешно молвил Еве:
«Теперь великих, Ева, жди вестей,
Решающих судьбу, быть может, нашу, –
Быть может, новый будет нам закон!
Я вижу, что из тучи той блестящей,
Которая вдали одела холм,
Идет один из воинов небесных,
И, сколько вижу по его осанке,
Немалый чином – верно, из числа
Престолов иль Властей: так величаво
Он смотрит; он не грозен, так что страха
Не ощущаю я; но и не так,
Как Рафаил, общителен и кроток,
Чтоб я к нему спокойно подошел:
Серьезен и величествен он видом.
Его, чтоб не обидеть, должен я
Теперь с почтеньем встретить; ты же скройся».

Окончил он. Архангел подошел –
Не в образе своем небесном дивном,
Но в виде человека и одет,
Как человек, чтоб встретить человека.
Поверх его блестящих лат одежда
Пурпурная накинута была –
Красивее, чем пурпур Мелибеи¹⁸⁴
Иль Сарры¹⁸⁵, что герои и цари

¹⁸⁴ *Мелибея* – город в Фессалии, славившийся изготовлением пурпурной краски для одежд.

¹⁸⁵ *Сарра* – еврейское название Тира.

Носили в старину во время мира;
Сама Ирида¹⁸⁶ красила ту ткань.
Шлем звездоносный с поднятым забралом
Не закрывал лица его, чей вид
Был как у мужа юного, который
Быть отроком недавно перестал.
От пояса, как с круга зодиака
Небесного, спускался грозный меч –
Страх Сатаны; в руке копьё сверкало.
Адам пред ним склонился до земли, –
Он царственно, главы не наклоняя,
Цель объяснил прихода своего:

«Адам, не нужно долгих предисловий,
Чтоб изложить веление Небес:
Довольно знать тебе, что ты услышан,
И смерть, которой за проступок свой
Ты подлежал, отсрочена на время;
Господь тебе дает ряд долгих дней,
Чтоб каялся в своем ты преступлении
И злое дело добрыми делами
Загладил бы. Со временем Господь
С тобой вполне, быть может, примирится
И снимет узы смертные с тебя,
Но дольше жить в Раю не позволяет.
Я послан удалить тебя отсюда,
Чтоб землю ты пахал, из коей взят:
Тебе пригодней будет эта почва».

¹⁸⁶ *Ирида* – богиня радуги, посланница богов.

Он замолчал. Адам, услышав весть,
Был прямо в сердце поражен; от горя
На месте он оледенел и чувства
Все помутились у него. А Ева,
Которая все слышала, хотя
И спряталась, тут плачем разразилась
И выдала убежище свое:

«О страшный, неожиданный удар,
Ужасней смерти! Мне – лишиться Рая,
Тебя покинуть, родина моя,
Вас, милые тенистые прогулки,
Тебя, страна, достойная богов!
Надеялась я здесь, хоть и в печали,
Дождаться дня, когда умрем мы оба!
А вы, цветы, которые, конечно,
Нигде, как здесь, не можете расти, –
Вы, первая моя забота утром
И вечером последняя, – как нежно
Ходила я за вами, как следила
За распусканьем почек, имена
Давала вам! Кто вас теперь оправит,
Вас возрастит под солнцем, по рядам
Рассадит вас, польет водою чистой?
И ты, беседка брачная моя,
Которую украсила я щедро
Всем, что приятно обонять и видеть, –
Как мне тебя покинуть, как уйти

В тот нижний мир, суровый, дикий, мрачный!
Как будем там дышать мы, воздух чистый
Привыкнув здесь вдыхать, как будем жить,
Питавшись здесь бессмертными плодами!»

Архангел кротко плач ее прервал:
«Не жалуйся так, Ева, откажись
С терпением от того, что по заслугам
Ты потеряла, и чрезмерно сердцем
Так не цени того, что не твое.
Ты не одна уйдешь: пойдет с тобою
Твой муж; за ним ты следовать должна
И родиной считать его жилище».

Адам, очнувшись от остолененья
Холодного и мысли все собрав,
Почтительно промолвил Михаилу:
«О небожитель из числа Престолов
Иль высший между ними (ты, по виду,
Князь из князей)! Послание свое
Ты объяснил нам ласково; иначе
Ты мог бы грозным словом нас сразить,
А исполненьем нас убить на месте.
Но все-таки та весть, что ты принес,
Едва для хрупкой плоти выносима,
Отчаянья полна, печали, скорби!
Должны покинуть эти мы места
Счастливые, приют родной и милый,
Единую утеху наших глаз,

Знакомую, привычную, — другие
Места для нас так чужды, неприветны,
Не знают нас, и мы не знаем их!
Когда б я мог надеяться, что волю
Того, Кто может все, я изменю
Мольбами непрерывными, я воплем
Ему не перестал бы докучать;
Но все мольбы перед Его решением
Бесповоротным — то же, что дыханье
Пред ветром, прогоняющим обратно
Его туда, откуда изошло,
И я велению Вышнего послушен.
Мне тяжелей всего, что, уходя,
Я от Его лица навек скрываюсь,
Не буду больше лицезреть Его!
Здесь посещал бы я благоговейно
Места, где удостоил Он меня
Божественным присутствием; я стал бы
Рассказывать сынам своим, как Он
На той или этой мне горе явился,
Как, видимый, под деревом стоял,
Как голос я Его меж этих сосен
Услышал, у ручья с Ним говорил.
Из свежего Ему я дерна много
Воздвиг бы благодарных алтарей
И каждый из ручья блестящий камень
Собрал бы, чтобы памятник из них
Сложить Ему, векам на поученье;
На алтарях тех приносил бы в жертву

Ему я смол душистых аромат,
Цветы, плоды... Там, в этом нижнем мире,
Где я найду явление Его,
Следы Его священных ног? Увидев
Его во гневе, я бежал; но ныне,
Когда Он вновь призвал меня к Себе
И обещал мне жизнь и род продолжить,
Я с радостью готов бы созерцать
Хоть крайний луч Его великой славы
И чтить Его стопы издалека».

И с благосклонным взором Михаил
Ему ответил: «Знай, Адам, что Богу
Принадлежит все Небо, вся Земля,
Не этот лишь утес. Он наполняет
Присутствием Своим всю сушу, море
И воздух; все, что на Земле живет,
Им рождено, Его согрето силой.
Тебе всю Землю Он дает во власть:
Не презирай дар этот и не думай,
Что Божество присутствие Свое
Имеет лишь в пределах этих тесных
Эдема, или Рая. Рай, быть может,
Твоей столицей был бы; ты отсюда
Распространил бы род всех поколений;
Сюда они со всех концов земли
Сходились бы, чтоб чествовать и славить
Тебя, великий праотец людей;
Но этих прав высоких ты лишился —

Ты пал и стал с потомством наравне;
Однако верь, что в долах и равнинах
Бог есть, как здесь; присутствия Его
Ты всюду, как и здесь, увидишь знаки;
Тебя Своей Он будет окружать
Отеческой и благостной любовью,
В ней выразит тебе Свое лицо,
Покажет след путей Своих бессмертных.
Чтоб этому ты твердо верил, послан
Тебе я раньше, чем уйдешь отсель,
То показать, что в будущем случится
С тобою и твоим потомством. Будь
Готов узнать и доброе и злое,
Затем что благодать Божия должна
С греховностью людскою состязаться.
Учись терпению, радость умеряй
Печалью и благочестивым страхом
И привыкай с умеренностью равной
Переносить и счастье и беду;
Так проведешь ты жизнь всего спокойней
И лучше приготовишься к тому,
Чтоб встретить смертный час, когда придет он.
Взойдем на этот холм, а Ева здесь
Пусть спит (я сам уже смежил ей очи),
Пока ты будешь видеть наяву
Грядущее; пусть спит, как спал когда-то
И ты, пока Господь ее творил».

Ему Адам ответил благодарно:

«Взойдем, путеводитель добрый мой;
Тебе готов я следовать всем сердцем,
Деснице Неба кротко подчинясь,
Хотя она меня и наказует.
Навстречу Злу я обращаю грудь,
Вооружась, чтоб перенести страданья
И заслужить покой своим трудом,
Коль этого удастся мне достигнуть».

И вот они взошли, чтоб воспринять
Видения, дарованные Богом.
Тот холм был выше всех других в Раю,
И был с его вершины вид широкий
На полушарье целое Земли;
Он высоты такой же был великой
И кругозор такой же открывал,
Как та гора, с которой Искуситель¹⁸⁷,
С иною целью, новому Адаму,
Отшельнику, в пустыне показал
Земные царства все и всю их славу.
Адама глаз оттуда видеть мог
Все города, из древних или новых,
Которых слава некогда гремела, –
От Камбалу, столицы славной хана
Катайского, от Самарканда, где
Стоял престол Тимура, до Пекина,

¹⁸⁷ ...Как та гора, с которой Искуситель... в пустыне показал земные царства
все и всю их славу... – намек на искушение Христа в пустыне Сатаной.

Который был столицею царей
Китайских, иль до Агры и Лагора¹⁸⁸,
Двух городов Великого Могола¹⁸⁹,
До золотого Херсонеса или
До Экбатаны, где персидский царь
Страною правит, иль до Испагани,
Иль до Москвы, где русский царь сидит,
Иль до султана в славной Византии,
Чья родина – в Туране; видел он
И негуса владенья вплоть до порта
Эркоко, и владенья всех царей
Не столь могучих: Квиллоа, за нею
Мелинду и Момбазу¹⁹⁰ он узрел,
И Сбфалу¹⁹¹ (Офир¹⁹², по мнению многих),
А к югу царство Конго и Анголы,
От Нигера до славных гор Атласских
Владенья Альманзора¹⁹³, Фец, Суэц,
Марокко, и Алжир, и Трапезунд,

¹⁸⁸ *Агра* и *Лагор* – города на севере Индии.

¹⁸⁹ *Великий Могол* – титул повелителя магометанского царства, основанного в XVI веке в Индии потомками Тамерлана.

¹⁹⁰ *Квиллоа*, *Мелинда* и *Момбаза* – города Занзибара (восточный берег Экваториальной Африки).

¹⁹¹ *Софала* – береговая область Африки к югу от устья Замбези.

¹⁹² *Офир* – упоминаемая в Библии страна, из которой Соломон получал золото, слоновую кость, сандаловое дерево и проч. Что это была за страна – неизвестно; одни ищут ее на восточном берегу Африки, другие – в Северной Индии (Рёзлер), некоторые – на полуострове Малакка (Бэр).

¹⁹³ *Альманзор* – второй калиф из династии Аббасидов.

И всю Европу, и места, откуда
Рим правил миром. Может быть, вдали
Он созерцал духовным взором также
И Мексику, жилище Монтесумы,
И Куско в Перу, и богатый город
Атабалипы, также и Гвиану,
Еще не разоренную, которой
Столицу Герионовы сыны¹⁹⁴
Когда-то называли Эльдорадо.
Но для других, еще важнейших зрелищ
Снял пленку с глаз Адама Михаил,
Которую навел на них плод лживый,
Суливший зренье ясное ему;
Затем ему очанкою и рутой¹⁹⁵
Нерв зрительный очистил, чтобы лучше
Он видеть мог, и из колодца жизни
В глаза три капли светлые впустил.
Средств этих чудодейственная сила
Проникла вглубь, до умственного зренья,
И должен был Адам закрыть глаза
И, чувств лишась, упал; но добрый Ангел,
Подняв его заботливой рукой,
Призвал его все силы ко вниманью:

«Теперь, Адам, открой свои глаза

¹⁹⁴ *Герионовы сыны* – Герион – мифический царь острова Эритрея на крайнем западе.

¹⁹⁵ *Очанка и рута* – растения, соку которых приписывается благотворное влияние на глаза.

И посмотри сперва на то влиянье,
Которое твой первородный грех
Внес в часть потомства твоего – потомства,
Которое не трогало плода
Запретного, змеей не соблазнялось
И не грешило так, как ты, – однако
Твой грех его испортил и повел
К насильственным делам, гораздо худшим».

И он открыл глаза и пред собой
Увидел поле: половина – пашня,
Возделана, уставлена снопами;
Другая – с загородками для стад,
А посредине – жертвенник высокий,
Простой, из дерна. Вот усталый жнец¹⁹⁶,
В поту, принес от жатвенного сбора
На жертвенник плоды труда, притом
Без всякого порядка: и зеленых,
И желтых он колосьев наложил;
За ним пастух¹⁹⁷, на вид не столь суровый,
Принес отборных первенцев от стад,
Заклал их, жир и внутренности вынул
И, травами душистыми посыпав,
На мелкие дрова их положил
И все обряды должны исполнил.
И вот огонь блестящий благосклонно
Сошел с Небес, ту жертву истребил

¹⁹⁶ Вот усталый жнец... – Каин.

¹⁹⁷ ...За ним пастух... – Авель.

И благодарным дымом закурился;
Другой же жертвы не коснулся он,
Как принесенной Богу не от сердца.
Жнец, рассердясь, стал спорить с пастухом
И вдруг его ударил в подреберье
Тяжелым камнем так, что выбил жизнь.
Пастух упал и, побледнев смертельно,
Со стоном отдал душу вместе с кровью,
Что хлынула из горла у него.
Когда Адам увидел это, тяжко
Его заныло сердце и поспешно
У Ангела спросил он: «О учитель!
Какое-то ужасное несчастье
Случилось с этим кротким человеком,
Который жертву праведно принес;
Ужель за благочестие и веру
Такую он награду заслужил?»

И Михаил ему – взволнован также –
Сказал в ответ: «Адам, то двое братьев
От чресл твоих, и праведный из них
Неправедным убит. Причина – зависть
За то, что Небо, как ты видел сам,
От брата жертву приняло охотно;
Но отомстится этот грех кровавый,
Другого ж верность Небо наградит,
Хоть он и умер здесь перед тобою
В крови и прахе». И вскричал Адам:
«О горе, горе! Страшное деянье

И страшная причина! Но скажи:
Я, значит, смерть перед собою видел?
Так вот она! Ужель таким путем
Я возвращусь в свою родную землю?
Ужасный, безобразный вид! Ужасно
О том подумать, страшно испытать!»

И Михаил сказал: «Да, смерть ты видел
В том образе, в котором в первый раз
Она постигнет в мире человека.
Но образы ее многообразны,
И многие различные пути
В ее приводят мрачное жилище.
Но более ужасен вид ее
По внешности, чем внутренняя сущность.
Одни умрут от грубого насилья,
Как видел ты; другие от огня,
От голода умрут, от утопления;
Но все ж гораздо большее число
Безумная погубит невоздержность
В еде или питье; причина эта
Болезней страшных много породит.
Чтоб ты их знал, я покажу наглядно
Тебе толпу уродливую их,
И ты увидишь, как, начавшись с Евы,
Несчастье это будет вас губить».

И вот явилось быстро перед взором

Адама место мрачное, дом мук,
Как бы больница, где во всех болезнях
Страдальцев сотни корчились – то в спазмах
Мучительных, то в судорогах страшных,
То в агонии сердца, в лихорадках,
Конвульсиях, в падучей, в воспалениях,
В кишечных язвах, коликах жестоких,
То в бешенстве свирепом, то в тупой,
Недвижной меланхолии, в маразме,
В безумном лунатизме, в истощении,
В терзаниях всевозможнейших зараз,
В водянке, астме, тяжком ревматизме;
Ужасны были их движенья, тяжки
Их стоны; их отчаянье влекло
От ложа к ложу, жалких, изнуренных;
И, торжествуя, Смерть свое копьё
Над ними колебала, отлагая
Удар свой, хоть они ее к себе
И звали, как надежду и утеху.
Ужасен был их вид; его снести
Могло б без слез лишь каменное сердце;
Адам не удержался и рыдал,
Хоть не рожден был женщиной; что было
В нем лучшего, прониклось состраданьем
И вылилось в слезах, пока, сдержась,
Он не вернулся к мужественным мыслям.
Хотя с трудом он находил слова
Для выраженья чувств, он молвил скорбно:

«О, жалкий человеческий наш род!
Как низко пал ты, до каких несчастий
Дойти ты должен! Для чего нам жизнь,
Когда ее так грубо отнимают?
И для чего такая нам судьба?
Когда б мы знали, что мы получаем,
Мы жизни дар отвергли бы иль скоро
Просить бы стали взять его у нас
И отпустить нас с миром. Образ Божий
Так дивно, так возвышенно воссоздан
Был в человеке; для чего ж теперь,
Хоть мы и согрешили, он унижен
В страданиях таких невыносимых,
В бесчеловечных муках? Отчего,
Еще отчасти Божие подобье
Имея, не избавлен человек
От этих искажений безобразных,
Хотя бы ради образа Творца?»

И Михаил ответил: «Образ Божий
Покинул их в тот миг, когда они
Унизили его, служа безвольно
Лишь жадности своей неудержимой,
И сами уподобились тому,
Чему служили, — скотскому пороку,
Впав, по примеру Евы, в тяжкий грех.
Итак, хоть вид их кары безобразен,
Но им не образ Божий искажен,
А собственный их образ, или если

В них сохранился след его, то ими
Он искажен, затем что извратили
Они законы здравые природы,
И по заслугам гнусная болезнь
Постигла их, за то, что не почтили
Они подобья Божия в себе».

«Я вижу, что ты прав, — сказал Адам. —
Но разве нет других путей, помимо
Терзаний этих страшных, чтоб дойти
До смерти и с родным смешаться прахом?»

«Есть путь такой, — ответил Михаил. —
Лишь избегай излишества, умерен
Всегда будь в пище и питье, ищи
Лишь сытости, не угожденья чреву.
Тогда ты можешь много лет прожить,
Чтоб наконец, как плод, вполне созревший,
Спокойно в лоно матери упасть;
Тогда легко, без резкости суровой
Рукою смерти сорван будешь ты.
Тот поздний возраст старостью зовется.
Но для того утратить должен ты
И молодость, и красоту, и силу,
Увянешь, станешь телом слаб и сед,
И чувства все твои тупыми станут,
Утратишь к удовольствиям весь вкус
И юности веселую всю бодрость,
Надеждами питавшую тебя,

И холод грусти в кровь твою вселится,
И будет ею дух подавлен твой,
И наконец бальзам иссякнет жизни».

Ему наш предок отвечал: «Итак,
Не буду я ни убегать от смерти,
Ни тщиться жизнь свою продлить; хочу
Я только одного: путем легчайшим
Сложить с себя то горестное бремя,
Которое я вынужден нести
До дня, определенного судьбою,
И буду терпеливо ожидать
Дня разрушенья моего». Архангел
Ему ответил: «Жизни не люби
И не питай к ней ненависти также,
Но праведно живи, пока живешь
Тот срок, который Небо позволяет.
Теперь иное видеть будь готов».

Адам взглянул, и перед ним открылась
Широкая равнина, а на ней
Шатры цветов различных¹⁹⁸; между ними
Паслись стада; из некоторых слышен
Был мелодичный инструментов звук –
Арф и органов, – и виднелись также
Игравшие на них. Прикосновенье

¹⁹⁸ ...пред ним открылась широкая равнина, а на ней шатры цветов различных... – описываются потомки Каина, живших «в шатрах со стадами» (Книга Бытия, 4: 20–22).

Перстов их легких порождало тоны
Высокие и низкие, и стройно
Они, сплетаясь, составляли фугу.
Поодаль некий человек стоял
Пред горном и работал: сплавил вместе
Две глыбы меди и железа он
(Которые нашлись, когда случайно
Огонь сожег леса долин иль гор,
Открыл земные жилы и, расплавив,
Погнал поток горячий в пасть пещер;
Иль вымыты они водою были);
Затем наполнил жидкою рудой
Заране приготовленные формы
И разные орудья изготовил,
А с помощью орудий этих – все,
Что можно из расплавленных металлов
В различных формах сделать иль сковать.
Затем спустились к ним другие люди
С соседних возвышавшихся холмов,
Где были их жилища. Их наружность
Была пристойна; добрыми они
Казались, способными чтить Бога
И явные Создателя дела
И охранять все то, что человеку
Дает свободу и желанный мир.
Недолго те пришельцы по равнине
Одни ходили; вскоре из шатров
Явился пышный хор красивых женщин
В роскошных ожерельях и нарядах,

При звуках арф, с любовной песнью сладкой
Танцуя, к ним приблизились они.
Мужчины, хоть серьезными казались,
На них смотрели; взоры их вокруг
Блуждали; наконец, любовной сетью
Охвачены, все стали выбирать
Подруг себе, каких кому хотелось,
И о любви беседа их пошла,
Пока звезда вечерняя, как вестник
Любви, не появилась; с жаром все
Зажгли свой брачный факел и призвали
Впервые Гименея, бога брака,
И огласились пестрые шатры
Все музыкой и шумным брачным пиром.
Веселым этим зрелищем любви
И юности прекрасной, звучным пеньем,
Гирляндами цветов – пленилось сердце
Адама: от природы склонен был
К веселью он и так с отрадой молвил:

«Благословенный Ангел, мне открывший
Глаза! Гораздо лучше этот вид
И больше мне сулит надежд отрадных,
Чем два виденья первые, где злоба
И смерть и хуже смерти злые муки
Царили; здесь же, кажется, достигла
Природа целей всех своих вполне».

Но Михаил ответил: «По веселью

Ты не суди о лучшем, хоть с природой
Оно тебе и кажется согласным.
Для высшей цели, чистой и святой,
Ты создан: для того и Божий образ
Имеешь ты. Веселые шатры,
Которые ты видел здесь, — жилище
Порока: в тех шатрах живет потомство
Того, кто брата своего убил.
Они весьма прилежны в тех искусствах,
Что украшают жизнь; изобретать
Различные они умеют вещи,
Но о своем не думают Творце,
Хоть дух Его всему их научает;
Даров Его они не признают.
Но красотой их племя от природы
Одарено; ты видел этих женщин:
Подобные богиням, так прекрасны,
Так ласковы, так веселы они,
Но лишены всего добра, в котором
Честь женщины и слава состоит, —
Семейности, хозяйственности честной;
Они на то лишь рождены и так
Воспитаны, чтоб страсти похотливой
Служить, чтоб только петь и танцевать,
Чтоб щеголять, болтать, играть глазами.
Знакомясь с ними, трезвые те люди,
Жив прежде в вере твердой и простой —
За что сынами Божьими их звали, —
Утратят добродетель всю свою

И славу ради взоров и улыбок
Безбожниц тех прекрасных; будут плавать
Они в блаженстве до поры, когда
Все вместе поплывут в безбрежном море;
Они смеяться будут, но заплатит
Мир долгими слезами за тот смех».

Адам, недолгой радости лишенный,
Воскликнул: «Что за жалость, что за стыд,
Что те, кто прежде так прекрасно жили,
Свернули на превратные пути
И ослабели вдруг на полдороге!
Увы, я вижу, что причина бед
Для человека все одна и та же:
Источник горя – женщина всегда!»

«Его источник – женственная слабость
Мужчины, – строго Ангел отвечал. –
Муж должен лучше сохранять то место,
Какое он имеет по уму
И по природным высшим дарованиям.
Но приготовься новый вид узреть».
Адам взглянул – и перед ним открылось
Обширное пространство – города
И села, стены, башни и ворота;
Внутри кишел народ вооруженный,
На лицах всех была гроза войны;
Гиганты это были, с видом смелым;
Часть тешилась оружием своим,

Коней другие гордых укрошали;
Поодиночке или став в ряды,
То пешие, то конные сражались, —
И не одна забава то была.
Вот с грабежа толпа вернулась в город,
Гоня быков прекрасных и коров
С их жирных пастбищ, и стада баранов
Кудрявых, и блеющих их ягнят,
В добычу взятых. Пастухи бежали,
Едва успев спастись; но помощь им
Явилась скоро; загорелась битва
Кровавая; полки с полками бились,
И вскоре поле, где паслись стада,
Покрылось массой трупов и оружием
Разбросанным, в пустыню превратясь.
Другие тесно город осадили:
Орудья стенобитные, подкопы
И лестницы они пустили в ход;
Со стен враги их злобно защищались,
Кидая копья, дроты, камни, серу
Горящую, — со всех сторон убийство,
Гигантские и страшные дела.
В других местах по улицам герольды
Несли свои жезлы и созывали
Народ в совет. Вот несколько пришло
Людей седых и важных и воссели
Меж воинов и речи повели;
Но вот меж ними загорелись споры,
Противоречья жаркие, и встал

Муж средних лет¹⁹⁹, который между всеми
Наружностью красивой выдавался,
Стал говорить о зле и о добре,
О правде, справедливости и вере,
О мире и о Божием суде.
И стар и млад ему свистали громко,
Грозя ему насильем, и схватили б,
Когда б внезапно облако, спустись,
Его от глаз озлобленных не скрыло
И прочь из злой толпы не унесло.
Так, всюду там царило лишь насилье
И угнетенье; меч для всей страны
Законом был, и не было спасенья.

Адам, в слезах, печалью удручен,
Спросил руководителя: «Кто эти
Служители усерднейшие смерти?
Возможно ли, чтоб это были – люди?
Бесчеловечно так распространять
Смерть меж людей и грех того, кто брата
Убил, тысячекратно умножать!
Над кем они убийство совершают,
Как не над братом, – люди над людьми!
И кто был этот праведник, который,
Когда бы не вмешались Небеса,
За правоту свою нашел бы гибель?»

И Михаил ответил: «То плоды

¹⁹⁹ ...*Муж средних лет...* – Енох.

Неравных этих браков, что ты видел;
Когда добро мешается со злом,
Хотя они друг друга исключают,
То неразумья этого плоды
Чудовищны всегда душой и телом.
Вот из чего гиганты эти все
Произошли – великой славы люди,
Затем что будет в эти дни везде
Одно считаться славой и геройством:
В сраженьях побеждать и покорять
Народы и с награбленной добычей,
Как можно больше перебив людей.
С триумфом возвращаться; это будет
Верх славы; чтиться будут эти люди
Как други человеческого рода,
Цари, завоеватели и боги,
Сыны богов, хотя вернее было б
Убийцами назвать их, язвой злой.
Вот те пути, какими знаменитость
Приобретаться будет на земле;
А то, что славы истинно достойно,
В безмолвии, в тиши скрываться будет.
Тот муж – седьмой во племени твоём,
Который, как ты видел, оказался
Один в развратном мире справедливым
И злобу на себя навлек за то,
Что лишь один дерзнул держаться правды,
Хоть ненавистной всем, в своих речах, –
Был Господом причтен к святым; Всевышний,

Укрыв его благоуханной тучей,
Велел коням крылатым вознести
Его на Небо; жить он будет с Богом
В обители высокого блаженства,
Изъят от смерти; в нем тебе пример
Награды за добро; а остальные
Наказаны за прегрешенья будут,
Как это ты сейчас увидишь сам».

Адам взглянул – и все переменялось.
Утих повсюду медный шум войны,
Все обратилось к играм и забавам,
К пирам, веселью, роскоши и пляскам;
То браки заключались, то корыстный
Разврат царил, то похищали женщин,
То тайно злободетствовали с ними,
С красавицей то здесь, то там сходясь;
От кутежей рождались ссоры граждан.
Меж них ходил один почтенный муж²⁰⁰,
Который осуждал дела дурные
И убеждал вступить на путь иной.
Он на пирах нередко появлялся,
На торжествах, собраниях; побуждал
Раскаяться, исправиться; он видел,
Что души их плененные живут
Как бы в тюрьме, перед судом грозящим:
Когда ж увидел он, что все напрасно,
Он увещанья прекратил и снял

²⁰⁰ *Меж них ходил один почтенный муж... – Ной.*

Шатры свои и на горах высоких
Лес строевой усердно стал рубить
И из него большое судно строить;
В длину, и в ширину, и в вышину
Его локтями тщательно измерив,
Снаружи он покрыл его смолой,
А сбоку сделал дверь; запасы пищи
Обильно для людей и для животных
Туда сложил и – чудо из чудес
Породы все зверей и насекомых,
Одни по паре, по семи другие
Туда вошли и по порядку все
Там разместились; сам же муж почтенный,
Его три сына и все их четыре
Жены туда последними вошли,
И Бог за ними дверь ту крепко запер.
Меж тем поднялся с юга сильный ветер
И черными крылами стаи туч
Нагнал со всех сторон небес, а горы
Навстречу им сырые испаренья
Послали отовсюду. Темной крышей
Нависло небо; полил страшный дождь,
И долго лил он не переставая,
И вот водой покрылась вся земля,
И, всплыв на той воде глубокой, судно
Пошло, спокойно волны рассекая;
А прочие все твари на земле
Погибли в том потоке, и вся пышность
Людская очутилась под водой;

Безбрежное покрыло землю море,
И пышные дворцы, где прежде роскошь
Веселая царила, превратились
В жилища и приют для чуд морских.
И весь род человеческий, недавно
Еще столь многочисленный, исчез:
Одни лишь судна жители остались.
Как ты скорбел, Адам, узрев печальный
Конец потомства твоего, как грустно
На истребленье это ты смотрел!
Другой потоп – горячих слез и скорби –
Тебя, как тех сынов твоих, покрыл,
И, чувств лишась, упал ты; Ангел кротко
Тебя, однако, поднял. Снова встав,
Подавлен горем, как отец, скорбящий
О гибели детей своих и видя,
Что разом все погибло, обратился
Ты к Ангелу и жалобно сказал:

«Какое горе – это все предвидеть!
О, лучше б я грядущего не знал
И нес лишь долю собственного горя,
На каждый день назначенную мне!
Тогда все то, что я сейчас увидел,
На много бы распределилось лет,
Теперь же на меня оно все сразу
Обрушилось, предвиденьем моим
Рожденное до срока! Пусть не ищет
Вовеки человек узнать вперед,

Что будет с ним или его потомством!
Он может быть уверен лишь в дурном
И бедствия предотвратить не сможет
Предвиденьем, а будущее Зло
Не меньше настоящего послужит
Ему к мученью. Но теперь о том
Заботиться, пожалуй, уж излишне:
Предостеречь уж некого; немногим,
Избегшим наводнения, предстоит
От голода и ужаса погибнуть
Среди пустыни водяной. Я думал,
Что с прекращеньем на Земле войны
И грубого насилия понемногу
Все к лучшему пойдет: настанет мир
И счастья много дней увидят люди;
Ошибся я и вижу, что не меньше
Их портит мир, чем ужасы войны.
Зачем все это так? Скажи, небесный
Руководитель мой: ужель теперь
Конец для человечества настанет?»

И Михаил ответил: «Те, кого
Сейчас ты видел в роскоши и блеске,
Когда-то были первыми в делах
Отваги и великих предприятий,
Но добродетель истинная им
Была чужда. Пролив потоки крови,
Различных много стран опустошив
И покорив народы, славу в мире,

Добычу, власть они приобретут;
А после наслаждения предадутся,
В излишествах погрязнут, в лень впадут,
А вскоре нрав их гордый и причуды
Меж них средь мира породят вражду.
Другие, завоеванные ими,
Войной поработанные, свободы
Лишенные, с ней вместе потеряют
И добродетель всю и Божий страх,
Увидя, что в притворном благочестии
Они себе защиты не нашли
У Бога против их врагов могучих.
И скоро охладится ревность их:
Они стремиться будут к жизни легкой
И безопасной, светской иль распутной,
Стараясь все использовать, что им
Властители оставят в этой жизни.
В то время будет все еще Земля
В дарах своих обильнее, чем нужно,
Дабы людей воздержность испытать.
Так вырождаются все, все развратятся,
Умеренность забудут, справедливость,
Забудут честность, истину и веру;
Останется один лишь человек,
Один сын света в этом мрачном веке,
И против всех дурных примеров, против
Соблазнов и обычаев чужих,
Без страха пред упреками, насильем
И гневом – их он будет уличать

В пороках, им указывать путь правды,
Спокойствия и мира; будет им
Грозить за нераскаянность возмездьем;
И будет он вернуться принужден,
Осмеянный, но Бог его отметит
Как одного лишь праведного в мире.
И вот по указанию Бога он
Ковчег построит дивный, как ты видел,
Дабы спасти себя и всех своих
От гибели в крушении всемирном.
И вот, как только он и вместе с ним
Все люди и животные, которых,
Спасая, он в ковчег свой поместит,
Войдут туда, разверзнутся все хляби
Земли и Неба; будет день и ночь
Лить дождь; из всех глубин польются воды
И океан собой обременят,
Из берегов он выступит, и вскоре
Вода покроет даже выси гор;
Тогда напором волн сорвется с места
И та гора, где этот Рай стоит,
И зелени цветущей всей лишится,
И поплывут деревья по волнам
Вниз по реке в залив морской широкий,
И в море остановится гора,
Как дикий остров, голый и соленый,
Приют тюленей и крикливых птиц,
Чтоб показать, что святости пред Богом
Иметь не может место, если в нем

Нет праведных людей, его достойных.
Теперь смотри, что будет вслед за тем».

Адам взглянул: ковчег носился в море,
Которое уж стало убывать;
Рассеялись и тучи понемногу,
Гонимы ветром северным суровым,
Который гладь обширную рябил,
И выглянуло солнце, жарко грея
Широкую поверхность, как бы жажду
Стараясь этой влагой утолить;
И вот прилив сменяться стал отливом,
Стекали воды тихо в глубину,
Которая свои закрыла шлюзы,
Как небо окна влажные свои;
Ковчег уже не плыл — на дно как будто
Осел он, наверху горы высокой
Остановись; и показались вокруг
Вершины гор различных, как утесы.
Помчались шумно быстрые потоки
За морем отступающим вослед,
А из ковчега вылетел вдруг ворон,
За ним голубка, как второй посол,
Надежнейший, за ней еще вторая,
Чтоб высмотреть, найдется ль на земле
Одно хоть зеленеющее древо
Иль почва, где б она могла присесть.
И вот из них вторая возвратилась
С масличной ветвью в клюве — знаком мира.

Затем сухое выступило дно,
И патриарх со всей своею свитой
Спокойно вышел из ковчега; к небу
Воздел он руки и направил взор
Благоговейный, благодарный Богу,
И над собою облако узрел
Росистое, а в нем дугу большую
Из разноцветных ярких трех полос,
Которая мир с Богом возвещала
И новый Всемогущего завет.

И сердце, удрученное печалью,
Восторгом вновь взыграло у Адама,
И радостно он Ангелу сказал:
«О ты, который даль времен грядущих
Мне здесь, как настоящее, открыл,
Небесный мой учитель! Оживаю
Я вновь при этом зрелище: я вижу,
Что человек и твари будут жить
И семя их для жизни сохранится.
Гораздо меньше я скорблю о том,
Что целый мир сынов разврата сгинет,
Чем радуюсь спасенью одного,
Который будет праведен настолько,
Что новый мир Господь произведет
Через него и весь Свой гнев забудет.
Но разъясни мне, что дуга та значит,
Которая цветною полосой,
Как бровь Господня, распростерлась в небе?

Не служит ли ее цветистый край
К тому, чтоб влажных туч предел составить
И помешать им Землю вновь залить?»

Архангел молвил: «Правильно ты мыслишь;
Бог добровольно укротил Свой гнев,
Хотя еще недавно сожалел Он,
Что создал развращенный род людской;
Скорбел Он сердцем, видя, что повсюду
Земля одним насильем лишь полна
И что вся плоть испорчена живая;
Когда же Он всех грешных удалил,
Стал столь любезен праведник единый
Ему, что ярость Он Свою смягчил,
Решив не истреблять людского рода,
И ныне новый Свой завет дает,
Что никогда губить потопом Землю
Не будет больше, не позволит морю
Из берегов на сушу выходить
И лить дождю, зверей и человека
По всей Земле обширной затопляя;
Когда же тучи Он пошлет Земле –
Велит трехцветной радуге явиться,
Чтоб люди Божий вспомнили завет.
И вот своей обычной чередою
Пойдут теперь, сменяясь, день и ночь,
Пора посева, время жатвы хлеба,
И летний зной, и хлад седой зимы,
До той поры, когда огонь всемирный

Очистит все и новые возникнут
Веленьем Божиим Небо и Земля,
Где будут жить лишь праведные вечно».

Книга двенадцатая

Содержание

Архангел Михаил рассказывает о том, что случилось после потопа; дойдя до Авраама, он начинает постепенно объяснять, кто будет Семенем Жены, которое было обещано Адаму и Еве после их падения. Он рассказывает о воплощении Спасителя, Его смерти, воскресении и вознесении, далее о состоянии Церкви до Его второго пришествия. Адам, в высшей степени удовлетворенный и успокоенный этими рассказами и обещаниями, спускается с горы вместе с Михаилом и будит Еву, которая все это время спала, но видела приятные сны, располагающие к душевному спокойствию и покорности. Михаил берет их обоих за руки и выводит из Рая; огненный меч сверкает позади их, и Херувимы становятся на стражу около Рая.

Как в полдень путник путь свой прерывает,
Хотя и должен он спешить вперед,
Так здесь Архангел меж двумя мирами,
Разрушенным и новым, сделал отдых,
На случай если б захотел Адам
Здесь что-нибудь сказать ему. Помедлив,

Он речь свою затем возобновил:

«Конец ты видел и начало мира;
Ты видел, как вторично человек,
Как бы от новой поросли, воспрянет.
Однако зрение смертное твое,
Как вижу я, устало, ослабело;
Конечно, вашим слабым чувствам вид
Дел Божеских великих не по силам;
Поэтому дальнейшее тебе
Я расскажу, ты ж слушай со вниманьем.
Источник новый рода человеков,
Та горсть людей – во-первых, потому,
Что мало их, затем – недавней кары
Воспоминанья свежего полна –
Сперва живет с достаточным вниманьем
К добру и правде и боится Бога
И множится обильно в краткий срок.
Усердно обрабатывая землю,
Они собирают тучные плоды –
Зерно, вино и масло – и приносят
От стад нередко в жертву то бычка,
То жирного ягненка иль козленка
И так проводят дни свои спокойно,
И долгий мир царит меж ними; правит
Уклад семейный ими, под главенством
Старейшего отца. Однако вдруг
Один из них, объятый честолубьем²⁰¹,

Не захотел довольным быть, как все,
Своею братской долей: он надменно
Не по заслугам власти пожелал
Над братьями своими и тем самым
Изгнал с Земли согласие и закон,
Природой данный людям; как охотник
(Охотой на людей, не на зверей
Он тешился), войною и коварством
Одолевал он тех, кто не хотел
Его суровой власти подчиняться,
Охотником великим перед Богом
Он прозван был; в том прозвище насмешка
Была над Небом, будто равен Богу
Он был иль после Господа вторым.
От мятежа свое имел он имя,
Хотя других он в мятеже винил.
Собрав толпу, таким же честолюбьем
Объятую, как он, людей, желавших
Под властью его иль вместе с ним
Господствовать над прочими, он вышел
На запад из Эдема и нашел
Обширную равнину, где из бездны
Смолы кипящей, как из пасти Ада,
Потоки извергались. Из смолы
И кирпичей, скрепленных ею, стали
Они свой город строить; башня в нем
Высокая воздвиглась, чья вершина

основателе Вавилона, знаменитом царе и охотнике; его имя происходит, по мнению некоторых, от еврейского «марад», что значит «возмущение».

Должна была вздыматься до небес
И славу им доставить, чтоб, рассеясь
В чужих краях, оставили б они
Навеки память о себе: о славе –
Хорошей иль дурной, не разбирая, –
Первей всего заботились они.
Но Бог, который часто сходит с неба
Невидимо, чтоб посетить людей,
И ходит между их жилищ, чтоб видеть,
Что делают они, спустился к ним,
Пока еще великая их башня
Не заперла небесные врата,
И, чтобы посрамить их, дух различный
В их языки вложил, который сразу
В их памяти родной язык изгладил,
Внушив им звук нестройный чуждых слов.
И шумная, пустая завязалась
Меж строящими башню болтовня;
Никто из них не понимал друг друга,
До хрипоты они кричали, споря,
Как бы дразня друг друга и сердясь.
Был смех меж небожителей великий,
Когда они на путаницу эту
Взирали, слыша этот шум смешной.
С позором люди бросили постройку, –
Столпотворенье – имя ей с тех пор».

И, как родитель, тяжело оскорбленный,
Адам воскликнул: «О негодный сын,

Который возымел такую дерзость,
Чтоб власть забрать над братьями своими!
От Господа нам это не дано:
Он дал нам власть над зверем, птицей, рыбой,
И этот дар мы можем удержать;
Но над людьми Он людям власти не дал,
Себе над ними власть Он сохранил:
Свободен человек пред человеком!
Насильник же в своих захватах гордых
Остановиться даже не хотел
На том, что покорил он человеков:
Он бросил вызов Богу Самому
И стал Ему грозить своею башней!
Несчастный! Как же мог бы он доставить
На эту башню пищу для себя
И войска своего? Там даже воздух
Столь редок, что, взойдя за облака,
Погибнет человек от задушенья,
Хотя б он пищу там себе нашел!»

И Михаил ответил: «Справедливо
Бранишь ты сына, дерзостью своей
Смутившего покой людей, лишая
Разумной их свободы. Знай, однако,
Что с той поры, как ты греховно пал,
Нет более и истинной свободы,
Которая с разумностью всегда
Сопряжена и с нею нераздельна.
Чуть разум в человеке помрачится

Иль власть утратит, возникает рой
Безумных, беспорядочных желаний
И страсти быстро забирают силу
Над разумом, и человек, который
Свободен был, становится рабом.
Поэтому, как только он допустит
В себе господство недостойных сил
Над разумом свободным, Бог по праву
Его владыкам гордым подчиняет,
Которые, хоть и не по заслугам,
Свободу отнимают у него.
Власть быть должна на свете, хоть чрез это
Тиранам оправдания и нет.
Иные племена так удалятся
От всякой добродетели разумной,
Что не из-за несчастий, а по праву
Они утратят внешнюю свободу,
Давно свободы внутренней лишась.
Примером этой тяжелой кары может
Служить сын непочтительный того,
Кто выстроил ковчег: он, опозорив
Отца, навек был проклят от него²⁰²
И осужден, со всем своим потомством
Порочным, вечно быть “рабом рабов”.
Итак, мир новый так же, как и прежний,
Все более ко Злу склоняться будет,
И, утомясь неправдой их, Господь

²⁰² ...он, опозорив отца, навек был проклят от него... – имеется в виду Хам, один из сыновей Ноя.

От них Свое присутствие отнимет
И отвратит от них Свой взор святой,
Решив их заблуждениям предоставить,
А для Себя избрать один народ,
Который бы ему молился верно, —
Народ, который весь произойдет
От верного единственного мужа,
Что жил по эту сторону Евфрата,
Средь идолопоклонства. Ты едва
Поверишь мне, Адам, что эти люди
Могли дойти до глупости такой!
Они еще при жизни патриархов,
Спасенных от потопа, позабыли
Живого Бога — стали обожать
Взамен Его своих же рук создания
Из дерева иль камня! Всемогущий,
Видением чудесным удостоив
Того святого мужа, повелел
Ему, немедля отчий дом покинув
И всех родных и лживых всех богов,
Идти в страну, которую Всевышний
Ему укажет, где произведет
Он от него народ великий, сильный
И изольет Свои благодаяния
На это племя так, что все народы
Благословятся в семени его.
Муж праведный Ему повиновался,
Не зная той земли, но веря Богу.
И вот я вижу то, чего не можешь

Увидеть ты, — как, твердый в вере, он
Покинул всех друзей, богов, отчизну —
Великий, древний город Ур в Халдее —
И вброд идет, направив путь в Харан;
За ним идет обоз тяжеловесный,
Стада его и множество рабов;
Не в бедности отчизну он покинул,
Но вверил все имущество свое
Всевышнему, по Коего призыву
Свой путь направил он в безвестный край.
Вот в Ханаан пришел он, и я вижу,
Как у Сихема он разбил шатры,
И вижу всю соседнюю равнину
Морей: там, согласно обещанью,
Он принял в дар потомственный страну,
Что от Хамата²⁰³ с севера до южной
Пустыни простирается (тебе
Я называю страны именами,
Которых ныне нет еще у них),
С востока ж от горы Хермона к морю,
На западе лежащему; смотри
В том направлении, как я указую:
На берегу стоит гора Кармил;
Вон там из двух источников стремится,
Восточную границу образуя,
В долине Иордан. Его сыны
Владеть страною этой будут, впрочем,
Вплоть до Сенира — цепи той холмов.

²⁰³ *Хамат* или Хама — город в Сирии.

Так вспомни же теперь, что все народы
Благословятся в семени его;
Под семенем же этим разумеет
Господь Того, Кто будет твой Великий
Освободитель: Он главу змеи
Сотрет; об этом я теперь подробней
Тебе открою. Патриарх святой,
Который будет зваться Авраамом,
Оставит сына, сын же этот – внука –
Таких же верных, мудрых, знаменитых;
Внук и его двенадцать сыновей
Отправятся затем из Ханаана
В Египет – край, где Нил-река течет;
Смотри туда: вон там ее течение
Семью впадает в море рукавами.
По приглашенью сына своего
Тот внук прибудет в этот край в то время,
Когда там будет голод и нужда;
Тот сын его заслугами своими
Возвысится настолько, что вторым
Он будет в этом царстве фараонов;
Там он умрет, оставив по себе
Народ, а царь последующий, видя,
Как тот народ растет, и опасаясь,
Что будет тех пришельцев слишком много
В стране его, их станет притеснять,
Чтоб сократить число их; не гостями,
Как были прежде, а рабами станут
Они; детей их мужеского пола

Всех будут убивать, и наконец
Два брата, Богом посланные (имя
Им будет Аарон и Моисей),
Освободят народ от угнетенья
И приведут с триумфом и добычей
Его в обетованную страну.
Откажется сперва тиран безбожный
Их отпустить, не примет их послов,
Но после грозных знамений и казней
Им уступить он будет принужден.
Вода в реках Египта станет кровью;
Вши, жабы, мухи царский весь дворец
И всю страну займут вторженьем гнусным;
Скот истребится страшным падежом;
Сам царь весь будет в вередях и шишках,
И весь его народ; дождь, гром и град,
Гроза с огнем под небом всем Египта
Пройдут и все поля опустошат;
Что не пожрут они – плоды и травы
И хлеб, – пожрется тучей саранчи, –
Зеленой не останется былинки;
Густая тьма покроет всю страну,
И трое суток в ней не будет света;
И наконец, одним ударом в полночь
Всех первенцев Египта смерть сразит.
Тут, десятью ударами сраженный,
Речной дракон уступит наконец²⁰⁴

²⁰⁴ ...Речной дракон уступит наконец... – в Книге пророка Иезекииля (29: 3)
фараон называется крокодилом, лежащим в реке.

И согласится отпустить пришельцев.
Во время казней часто будет он
Смягчать свой гордый дух, но в промежутках
Как лед, растаяв и опять застыв,
Становится еще прочней и крепче –
Еще свирепей делаться он будет,
И наконец, погнавшись вслед за теми,
Кого он отпустил, со всею ратью
Морской пучиной будет поглощен,
Тогда как меж ее двух стен хрустальных,
Покорных Моисееву жезлу,
Как посуху, пройдет по дну морскому
До берега избранников народ:
Такой чудесной силою Всевышний
Вооружит святого Своего.
Присутствием Своим их охраняя,
Он Своего к ним Ангела пошлет,
Который днем пред ними в темной туче
Пойдет, а ночью в огненном столбе,
Затем чтоб днем вести их, ночью ж с тыла
Удерживать упрямого царя;
Всю ночь тот царь за ними будет гнаться,
Но будет тьма меж ними и царем,
А утром Бог, Свой грозный взор направив
Сквозь тучу и сквозь пламенный тот столб,
Внесет смятенье в войско фараона
И сокрушит колеса колесниц;
А Моисей протянет жезл могучий
Над морем, и, послушное ему,

Оно покроет бурными волнами
Ряды вооруженные врагов.
От берега тогда народ избранный
Пойдет вперед спокойно к Ханаану,
Но не прямым путем, а чрез пустыню,
Чтоб он, совсем неопытный в войне,
Не убоился жителей туземных
И в страхе не вернулся бы назад
В Египет, предпочтя грозе военной
Жизнь рабскую бесславную; ведь каждый,
И благородный, и душою низкий,
Жить больше любит в мире, чем в войне,
Коль нет к войне особых понуждений.
Притом от долгих странствий в той пустыне
Другая будет выгода для них:
Они свое устроят управление
И выберут великий свой сенат
Из всех колен двенадцати, законы
И правила во всем установив.
Господь с горы Синая, чья вершина,
Когда туда сойдет Он, задрожит,
Сам возвестит им главные законы
Сквозь молнии и гром и звуки труб;
Часть тех законов будет относиться
К делам гражданским, а другая часть —
К религии и жертвоприношениям;
При этом в разных символах и знаках
О Семени Он миру возвестит,
Которое главу змеи растопчет.

Но голос Бога страшен уху смертных!
Поэтому попросит весь народ,
Чтоб Моисей им сообщил веленья,
А страшный голос Божий перестал.
И Моисей согласие даст, увидев,
Что к Богу без посредника никак
Для человека доступ невозможен;
В своем лице он выразит Его,
Прообразуя Высшего, Который,
Предвозвещен, предсказан будет Им,
О Коем будут говорить пророки,
Великого Мессию воспевая.
Когда законы будут все даны,
Возрадуется Бог повиновенью
Людей настолько, что позволит им
Поставить Свой шатер меж их палаток —
Один Святой меж смертных будет жить.
Воздвигнется по Божию волею,
Святилище из кедра с золотою
Отделкою, а в нем — кивот Завета,
Внутри себя хранящий тот Завет;
Над тем кивотом — крышка золотая,
И два крылатых светлых Херувима,
И ярких семь светильников вокруг,
Как в зодиаке неба, представляя
Небесных семь огней; над тем шатром
Стоять днем будет облако, а ночью —
Огнистое сиянье, исключая
Те дни, когда во странствии народ

Находится. И вот, чрез много странствий,
Их Божий Ангел приведет в тот край,
Который был обещан Аврааму
С его потомством. Слишком долго было б
Рассказывать про все сраженья их,
Про царства и царей всех покоренных,
О том, как будет солнце средь небес
Стоять на месте целый день недвижно
И ночь замедлит должный свой приход
По повелению некоего мужа:
“Стой, солнце, в Гибеоне! Ты, луна,
Не покидай долины Аскалона,
Чтоб одолел Израиль до конца!”
Израилем же зваться будет третий
По Аврааме, Исаака сын,
И это имя от него получит
Потомство все, которое придет,
Чтоб овладеть землею Ханаанской».

Адам его прервал: «Небес посланник,
Мою мне осветивший темноту!
Как сладостны твои мне откровенья,
Особенно о том, что Авраама
Касается со всем его потомством!
Теперь прозрели очи у меня
И облегчилось сердце от тревоги,
Об участи моей и всех людей!
Я впереди уж вижу день желанный,
Когда благословятся все народы!

Не заслужил такого дара я,
Свершивший тяжкий грех, искавший знанья
Запретного запретными путями!
Но я не понимаю, почему
Так много разных надобно законов
Для тех, среди которых наш Господь
Иметь земное будет пребыванье?
Когда законов много, значит много
Грехов у них; но как же может Бог
Меж грешников иметь Свое жилище?»

И Михаил ответил: «Без сомненья,
Меж них царить грех будет: от тебя
Они его в наследство получили.
Законы для того им и даны,
Чтоб доказать природную порочность
Людей; законы будут возбуждать
К борьбе с законом грех, и вот увидят
Тогда все люди, что законы могут
Грех обнаружить, но не устранить,
Что оправданья призрачные слабы,
Что жертвенная кровь быков, козлов
И прочих человека не спасает:
Другая, драгоценнейшая кровь
Должна пролиться; за неправых правый
Страданья должен будет претерпеть,
И в этой правоте Его, зачтенной
За веру им, пред Богом оправданье
Найдут они, обрящет совесть мир;

Обрядами ж закона мир не может
Достигнут быть: их нравственную часть
Один исполнить человек не в силах,
А не исполнив, он не может жить.
Итак, закон еще не совершенен,
И он дается только для того,
Чтоб заменить, когда наступит время,
Его другим заветом, лучшим, новым,
Который, вместо внешнего примера,
Даст истину в себе, возвысит вас
От плоти к духу, вместо исполнения
Законов строгих даст возможность вам
Принять свободно Божье милосердие
И рабский страх сыновним заменит,
Дела закона – действиями веры.
Поэтому и Моисей – простой
Слуга закона, хоть любимый Богом, –
Не приведет народ свой в Ханаан;
Их Ешуа в то царство приведет²⁰⁵,
Которого звать будут Иисусом
Язычники; носить Он будет имя
И звание Того, кто победит
Враждебную змею и после долгих,
Тяжелых странствий чрез пустыню мира
Спасет род человеческий и даст
Ему Рай вечный и покой нетленный.
Меж тем они в земле той Ханаанской

²⁰⁵ ...Их Ешуа в то царство приведет, которого звать будут Иисусом
язычники... – Иисус Навин.

Вселятся, будут жить и процветать;
Когда грехи прервут их мир всеобщий,
Врагов на них не раз воздвигнет Бог;
Когда они раскаются, Он снова
Избавит их – сперва через судей,
Потом через царей; второй из этих
Царей, делами славными войны
И благочестьем также знаменитый,
От Господа получит обещанье
Навеки нерушимое, что трон
Останется в его потомстве вечно;
О том пророки будут воспевать,
Что в племени царя Давида (будет
Так зваться этот царь) родится сын,
Сперва тебе предсказанный как семя
Жены, предвозвещенный Аврааму,
Как отпрыск тот, в котором все народы
Благословятся, – наконец царям
Как Тот, чье царство будет бесконечно.
Но раньше будет длинный ряд царей;
Давидов сын, прославленный богатством
И мудростью, кивот священный Божий,
В шатре стоявший раньше переносном,
Перенесет в великолепный храм.
За ним пойдут цари другие, частью
Хорошие, отчасти же дурные,
Но менее хороших, чем дурных.
За гнусное их идолопоклонство
И прочие грехи, которым также

Предастся вместе с ними весь народ,
Разгневается Бог; Он их покинет
И предоставит город, храм, страну,
Святой кивот и всю Свою святыню
На расхищенье городу тому,
Который, как ты видел, за гордыню
Смятением Господь наш покарал
Тот город будет зваться Вавилоном.
И пребывать в пленении этом будет
Израиль целых семь десятков лет.
Затем Господь их приведет обратно
По милосердию Своему и помня
Обет, навек Давиду данный им.
Они из Вавилона возвратятся,
Отпущены царями, коим Бог
Внушит свободу дать им. Первым делом
Они построят снова Божий дом
И будут жить, пока их государство
Не расцветет, умеренно и мирно;
Когда ж они размножатся и станут
Богатыми, мятеж пойдет меж них,
И прежде всех среди жрецов раздоры
Пойдут – меж слуг святого алтаря,
Которым мир хранить всего приличней,
И самый храм их споры осквернят.
Власть светскую они себе захватят,
Давидово потомство устранив;
Потом ее утратят, чужеземцу
Отдав, чтоб царь помазанный, Мессия,

Родился бы без прав на царский трон.
Но вот звезда, невиданная в небе,
Его рожденье миру возвестит
И приведет к Нему волхвов восточных,
Которые придут Его искать
С дарами – фимиамом, миррой, златом.
О месте, где родился Он, расскажет
Господень Ангел сельским пастухам,
У стад стоящим на полночной страже,
И, радостно в то место поспешив,
Они услышат ангельские хоры,
Поющие Ему святую песнь:
«Младенца Мать – Дева, а Родитель –
Могущество Всевышнего!» И вот
Взойдет на трон наследственный Мессия,
Его же царство будет – вся Земля,
Его же слава будет – слава Неба!»

Тут он умолк на время, и Адам
Подавлен был восторгом беспредельным
И, кажется, как прежде от печали,
Слезами б он от радости истек,
Когда б словами не открыл ей выход:

«О ты, пророк столь радостных вестей,
Надежды величайшей указатель!
Теперь я понял, ясно понял то,
О чем я тщетно в думах изощрялся, –
Я понял, почему надежду нашу,

Предмет великих наших ожиданий,
Нарек Всесильный семенем жены!
Хвала Тебе, хвала, о Дева-Матерь!
Великая в любви небесной, Ты
От чресл моих произойдешь, и будет
Сын Вышнего – плод чрева Твоего, –
Так Бог соединится с человеком!
Теперь змея должна, конечно, ждать,
Что поразит главу ее Он смертью;
О, Расскажи, поведай – где, когда
Произойдет великая та битва,
И как змея коварная в бореньи
Ужалит Победителя в пята!»

И Михаил сказал ему: «Не думай
Об этой битве как о поединке,
Где ранит тот в главу, другой – в пята;
Не для того соединил Сын Божий
Природу Бога с плотью человека,
Чтоб с большей силой поразить врага;
Не тем путем достигнется победа
Над Сатаной, который пал с Небес
И потерпел удар еще ужасней,
Однако же был силы не лишен
Нанести тебе затем удар смертельный;
Спаситель твой ту рану исцелит
Не тем, что Сатану Он уничтожит,
А тем, что сокрушит его дела
В тебе и всем твоим потомстве; это

Возможно только через исполнение
Того, что не исполнено тобой, —
Через послушанье Божию закону,
Который Он под страхом смерти дал,
Через искупление смертью — тою карой
Которой ты и все твоё потомство
Подвержены за твой тяжёлый грех:
Для Высшей Справедливости иного
Нет примиренья и не может быть.
И вот Спаситель весь закон исполнит
Путём повиновенья и любви,
Хотя одной любви довольно было б.
Твою претерпит кару Он, войдя
В плоть человека, жизнью, полной скорби,
И смертью мучительной Своей,
И даст Он жизнь всем тем, кто будет верить
В то искупление; будет вменено
Его повиновенье им в заслугу
За веру их; но за свои дела,
Хотя б закон и сами исполняли,
Спасутся люди: Он их искупит.
Земная жизнь Его пройдет во скорби,
Средь клеветы и злобы; будет Он
Врагами схвачен и судим и к смерти
Приговорен — позорной и жестокой:
Прибьют Его гвоздями ко кресту
Его же соплеменники и смертью
Казнят за то, что жизнь Он им принес.
За то на крест Он пригвоздит с собою

Врагов твоих — закон, которым ты
Был осужден, грехи людского рода,
И перестанут те враги грозить
Всем, кто в Его поверит искупленье.
Так Он умрет, но скоро вновь воскреснет, —
Не может длиться смерти власть над Ним;
Едва заря лишь третья загорится,
Как Он восстанет, с утренней звездой,
Из гроба, свежий, как сиянье утра.
Тогда заплачен выкуп за тебя
И человек изъят от власти смерти
Чрез смерть Его: спасутся все, кто жизни,
Им данной, не отвергнут, все, кто с верой
Благодеянье примут, подкрепив
Ее делами добрыми. Тот подвиг
Твою навеки уничтожит кару —
Ту смерть, которой ты бы подлежал,
Когда бы во грехе навек ты умер.
Вот подвиг тот, который Сатаны
Главу сотрет, его разрушит силу,
Сразив и Смерть, и Грех, его два главных
Оружия; вонзится жало их
Тогда в его главу гораздо глубже,
Чем, может, Победителя пята
Он сам ужалит временною смертью,
А также искупленным всем грозить,
Которым смерть тогда сном легким будет,
К бессмертной жизни светлым воспареньем.
Воскресший оставаться на Земле

Не будет долго: в нескольких явлениях
Придет Он лишь к своим ученикам –
Мужам, его сопровождавшим всюду
При жизни; порученье Он им даст –
Учить и просвещать народы мира
О том, чему Он Сам их научил,
И о Его спасеньи; тех, кто примет
Учение их, велит Он им крестить
Текучею водой, в знак омовенья
От всех грехов для новой, чистой жизни
И мысленной готовности принять
Ту смерть, которой умер Искупитель;
И будут проповедовать с тех пор
Они Его ученье всем народам –
Не плотским Авраама лишь сынам,
А в мире всем сынам Его по вере,
И через это в семени Его
Благословятся все народы мира.
Затем Он вознесется в Небеса
С победой, торжествуя над врагами
Своими и твоими, и при этом
Пленит Он князя воздуха – змею, –
И будет Он влачить его в оковах
Через царство все, потом его оставит
Смятенного, а Сам во славу вступит
И одесную Бога сядет Он,
Превыше всех чинов высоких Неба.
Когда ж созреет мир для разрушенья,
Он вновь во всем могуществе придет

Со славою судить живых и мертвых;
Неверным Он присудит смерть навек,
А верных наградит по их заслугам
И во блаженство примет их к Себе –
Здесь, на Земле, иль в Небе, ибо будет
Тогда повсюду Рай на всей Земле,
Блаженнее, чем этот Рай Эдема,
Блаженнее стократ настанут дни».

Так кончил речь Архангел Михаил
И тут умолк, молчаньем знаменуя
Великую эпоху в жизни мира.
И, радостным объятый изумленьем,
Ему в ответ наш праотец сказал:

«О благодать без конца, без меры благодать!
И это все Добро произойдет
Из Зла, и Зло в Добро все превратится!
Сколь дивно это – более, чем чудо
Создания света из всемирной тьмы!
Я начинаю, право, сомневаться –
Жалеть ли мне, что грех я совершил,
Иль радостью проникнуться, что это
К тем большему лишь повело Добру
И к высшей славе Бога, к проявлению
Тем большему любви Господней к людям,
К возобладанию милости над гневом!
Поведай же, однако, мне: когда
Наш Искупитель вознесется в Небо,

Как будет жить немногих верных горсть
В толпе неверных, меж врагами правды?
Кто поведет Его народ? Кто будет
Их защищать? Не будут ли их мучить
Еще страшней, чем мучили Его?»

«Их будут мучить, — отвечал Архангел, —
Но будет им ниспослан с Небеси
Великий Утешитель, по обету
Отца; как Дух, Он будет в них царить
И в их сердцах закон напишет веры,
Любовию творящей, чтоб вести
Их в истине, и силою духовной
Вооружит их, чтоб они могли
Противостать всей сатанинской злобе
И Дьявола всех стрел огонь тушить.
И что же могут сделать люди с ними,
Которых смерть сама не устрашит?
Внутри себя такое утешенье
Найдут они в своих жестоких муках,
Так твердо будут их переносить,
Что удивят гонителей свирепых.
Господь Всесильный изольет Свой Дух
Сперва на всех Апостолов, которых
С Евангельем к народам Он пошлет,
А после них — на всех крещенных ими,
И даст им дар чудесный говорить
На всех наречьях и творить повсюду
Все чудеса, что их Господь творил.

И вот они приобретут повсюду,
Во всех народах, множество людей,
Принять готовых радостные вести
Небесные. Свершив свое служенье
В течение времен, они оставят
Писание ученья своего
И все найдут блаженную кончину;
Но, как они предскажут, вместо них,
Добру учивших, волки, злые волки
Придут и все святые тайны Неба
В своей корысти гнусной обратят
И запятнают истину святую
Преданьями и суеверий тьмой;
Она в Писаньи только сохранится,
Чье разуменье Дух лишь может дать.
Они направят все свои усилия
К захвату разных званий²⁰⁶, должностей
И титулов, соединяя с ними
Влиянье и могущество под видом
Духовной власти, и себе присвоят
Дух Божий, что обещан был и дан
Всем верным, и на этом основаны
Духовные законы плотской властью
Они навяжут совести людей,
Хоть в письменах никто им не оставил
Законов тех, равно и Божий Дух
Не начертал их в сердце человека.

Чего они достигнуть могут тем,
Как не насилья над самим лишь Духом
И той свободой, что Ему присуща?
Чего достигнут, как не разрушенья,
Живых Господних храмов, что стоят
Лишь верою – своею, не чужою?
И кто же на земле непогрешим
В суждении о совести и вере?
Но многие осмелятся себе
Присвоить этот суд, – и вот возникнут
Жестокие преследованья тех,
Кто стойко будет чтить лишь дух и правду;
А прочие все люди – большинство –
Найдут как будто удовлетворенье
В религиозных формах и обрядах.
Пронзенной стрел жестоких острием,
Бежать придется истине от мира,
И станут веры истинной дела
Все реже совершаться. Так мир будет
Враждебен к добрым, благосклонен к злым,
И будет сам под тяжестью своею
Стонать, доколе не настанет день
Для облегченья праведных и мести
Всем грешным чрез пришествие Того,
Кто Богом в помощь был тебе обещан,
Неясно назван Семенем Жены,
А ныне больше стал тебе известен
Как твой святой Спаситель и Господь;
Вполне же Он откроется всем людям,

Когда придет на облаках небесных
Во славе Всемогущего Отца,
Чтоб Сатану со всем развратным миром
Навеки уничтожить и, очистив,
Облагородив мир, огнем сожженный,
И Небеса и Землю вновь создать
На все века для жизни бесконечной
Во истине, и в мире, и в любви,
Для радости и вечного блаженства».

Окончил он. Адам — в последний раз —
Сказал ему: «Как быстро ты измерил,
Благословенный ясновидец, мир
Наш преходящий и времен течение
До прекращения бега их навек!
За этою границей — бездна, вечность,
Которой нет предела, нет конца!
Тобою просвещенный, удалюсь я
Отсель, имея знания полноту,
Вместимую в сосуде этом слабом,
Которого пределы превзойти
Безумно я стремился. Ныне знаю,
Что жизни лучший дар — повиновение,
Страх Божий, к Богу одному любовь,
Что мы всегда должны, как пред очами
Его, ходить и Промысел Его
Повсюду видеть; сознавать над нами
Его лишь власть; благодарить Его
За все Его дела, за то, что благо

В конце концов над Злом восторжествует,
Что в малом Он великое свершит
И кажущейся слабости мирскую
Всю силу подчинит, земную мудрость
Всю посрамит пред кроткой простотой;
Что пострадать за истину есть доблесть,
Ведущая к победе высочайшей;
Что смерть за веру — к вечной жизни дверь,
Как нас научит собственным примером
Благословенный Тот, Кого отныне
Спасителем своим я признаю».

Ему в последний раз ответил Ангел:
«Когда ты это знаешь — ты достиг
Вершины всякой мудрости и знания,
И не надейся высшего достичь,
Хотя б ты мог назвать все звезды в небе,
Эфирные все силы, и все тайны
Морских глубин, и все дела природы
Иль все создання Бога в Небесах,
И на земле, и в воздухе, и в море,
Хотя б имел богатства всей земли
И овладел бы всей земною властью.
Прибавь лишь к знанию этому дела,
Которые ему приличны, — веру,
Терпенье, добродетель и любовь,
Которой будет имя — милосердье:
Она — душа всего; ее имея,
Не будешь ты страдать, покинув Рай:

В себе найдешь ты Рай еще блаженней.
Сойдем теперь с вершины созерцанья:
Приходит час, чтоб нам отсель уйти;
Взгляни на эту стражу, что оставил
Я на холме: колеблется пред ней
Меч пламенный — знак, что пора отхода
Уж близится. Иди же, разбуди
Скорее Еву: и ее я также
Виденьями отрадных снов утешил,
Которые добро ей предвещают,
И душу всю ее расположил
К тому, чтоб Богу кротко покориться.
При случае жене ты сообщи,
Что от меня узнал, всего ж главное —
Все нужное для веры, чтобы знала
Она, что чрез нее придет (чрез Семя
Жены) великий ваш Освободитель.
Итак, живите дружно много дней
В единокорной вере, хоть печалась
О совершенном Зле, но утешаясь
Предвиденьем счастливого конца».

Он кончил, и с горы спустились оба;
Когда ж Адам к беседке подошел,
Где он жену оставил крепко спящей,
Нашел, что уж проснулася она.
К нему без скорби Ева обратилась:

«Я знаю все — откуда и зачем

Приходишь ты: Господь и в сонных грезах
Присутствует и посылает сны.
И ныне Он послал их благосклонно,
Мне предвещая некое добро,
Когда в сердечном горе и печали
Заснула я, подавлена бедой.
Итак, идем; из-за меня задержки
Не будет ни на миг: идти с тобой –
Мне все равно что Рай унести с собою,
А здесь, в Раю, остаться без тебя –
Мне было б все равно что Рай покинуть.
Ты мне под Небом – все; с тобою всюду
Отчизна мне – с тобой, кого мой грех
Сознательный отсюда изгоняет.
С собою уношу я утешенье,
Что, хоть из-за меня погибло все,
Я все же, недостойная, настолько
Любима Богом, что чрез меня
Все возвратит обещанное Семя».

Так говорила наша мать Ева;
Адам внимал ей с радостью, но ей
Ни слова не ответил: слишком близко
Стоял Архангел, а вдали с холма
Спускался ряд блестящий Херувимов
И, над землей скользя, стремился к ним,
Как вечером туман, с реки поднявшись,
За тружеником, к дому своему

Идущим, тихо по пятам несется.
Пред ними грозный Божий меч парил,
Сияющий, как яркая комета,
И, сухостью горячею дыша,
Как жгучие пары песков Ливийских,
Уж мягкий райский воздух иссушал.
И наших прародителей, стоявших,
Расстаться медля с родиной своей,
Взял за руки поспешно Ангел Божий,
И ко вратам восточным их повел,
И там спустился с ними по утесу
В равнину, и, оставив их, исчез.
Они назад взглянули: перед ними
Виднелся Рай с восточной стороны –
Недавно их блаженное жилище, –
Весь озаренный пламенным сияньем,
А во вратах грозящих ликом ряд –
Строй Ангелов в оружии огнистом.
Невольно слезы пролили они,
Но вытерли их скоро. Перед ними
Лежал весь мир, где место пребывания
Им надлежало выбрать для себя,
Руководясь небесным Провиденьем.
И медленно они, рука с рукой,
Пошли в свой путь пустынный по Эдему.

Возвращенный рай

Книга первая

Поэт с молитвой обращается к Святому Духу, чтобы Он подкрепил его в труде и вдохновении для того, чтобы достойным образом воспеть великие события. Иоанн Предтеча проповедует на берегу Иордана и, увидев приближающегося к нему человека, скромного назарянина, узнает в нем Сына Божия. От его слов Сатана приходит в ужас. Полный зависти и злобы, враг Неба и Земли улетает в воздушное пространство и собирает около себя полчища духов тьмы. Он передает своим подчиненным все слышанное во время крещения Иисуса Христа и высказывает намерение искусить Его так же, как первочеловеков. Бог Отец, обращаясь к архангелу Гавриилу, напоминает о Благовещении и вместе с тем сообщает о Своем согласии на дьявольский искус Своего Сына. Ангелы божественным хором воспевают предстоящую победу Иисуса Христа над дьяволом. Святой Дух приводит Христа в пустыню и оставляет Его там одного. Сын Божий предается воспоминаниям о днях своего детства и о том, как Мать Его сообщила Ему о Его рождении и потом благовостила на великий подвиг любви. Он вспоминает о встрече с Иоанном Предтечей и о Своем крещении. Далее поэт опи-

сывает дальнейшее пребывание Иисуса Христа в пустыне в течение сорока дней и встречу Его с Сатаной, принявшим человеческий облик. Удивленный Сатана предлагает Иисусу свою помощь, чтобы вывести его из пустыни. Но своими ответами Иисус прямо показывает, что в мнимом человеке Он узнал дьявола. Увидев, что Иисус разгадал его, дьявол приступает к первому искусу. Своими ответами Иисус побеждает Сатану, и он, смущенный и пристыженный, скрывается во мраке ночи.

Воспев Эдем, людским непослушаньем
Утраченный, я ныне воспою
Блаженный рай, который человеку
Был возвращен ценою послушанья
Великого. Коварный искуситель
Был посрамлен, и вражеские козни
Отражены; среди пустыни дикой
Опять Эдем блаженный возродился.

Ты, Дух Святой, Которым приведен
В пустыню был Божественный Подвижник,
Сразивший там победно духа тьмы, —
Да буду я Тобою вдохновлен,
И песнь мою на крыльях благодатных
Ты вознеси, дабы она могла,
Проникшая за грани естества,
Великие, неведомые миру
Деяния открыть ему впервые!

Предтечею Господним, Иоанном
Сзывалися народы к покаянью,
И глас его сильнее потрясал,
Чем трубный звук. Готовые креститься
И нему со всех стекалися сторон,
И в их числе к нему из Назарета,
Неведомый дотоле и безвестный,
Пришел и Тот, Кого считали сыном
Иосифа. Креститель же узнал
Его сейчас и Господом своим
Признал Его. Свидетельству Предтечи
Явилось и свыше подтвержденье:
Едва Господь крещение восприял,
Как Небеса разверзлися над Ним
И Дух Господень, в виде голубином,
Главу Его собою осенил,
Меж тем как глас Отца именовал
Его Своим Единородным Сыном.
И Сатана, который обтекал
Вселенную, Божественным глаголом
Был поражен, как громом. С изумленьем
Взирает он на Богочеловека,
И, завистью снедаемый, он в царство
Летит свое, сзывая на совет
Сановников, князей ему подвластных.
Там, в облаке, стеной десятиричной
Воздвигшемся вокруг мятежных сонмов,
Собираются они на совещанье.

И так ко всем взывает Сатана:

«Властители воздушного пространства,
Которое завоевали мы!
Отраднее упоминать его,
Чем грозный ад, где столько мы страдали.
Земному исчислению согласно,
Давно уже вселенной мы владеем,
С тех самых пор, как с Евою Адам,
Обманутые мною, потеряли
Навеки рай. Но в страхе ожидаю
Удара я, которым поразит
Главу мою потомок слабой Евы.
Возможно ли, чтоб это совершилось
И снова мы утратили свободу
И нашу мощь? Известия дурные
Я приношу. Кто Семенем Жены
В пророчествах зовется и Кому
Назначено исполнить приговор –
Не только Он уже рожден женою,
Но, благостью и мудростью высокой
Исполненный, вступает в образ мужа.
Он к подвигам готовится великим,
И ужас мой невольно возрастает.
Пришествие Его возвещено
Предтечею, который приходящих
К нему людей в струях реки священной
От их грехов крещеньем омывает,
Готовя их к принятию Мессии.

Среди других и Он крещение принял,
Дабы могло свидетельство Небес
Сомненья все в народе уничтожить.
Я видел сам, как в горних Небесах
Открылися хрустальные врата
И снизошел оттуда голубь чистый,
А в глубине раздался Божий глас,
Вещавший всем, что это – Сын Его,
В Котором все Его благоволение!

Итак, хотя рождение получил
От смертной Он, но Вседержитель Сам –
Отец Его, ударом громоносным
Низвергший нас в крошечную пучину.
Теперь узнать нам Сына предстоит.
Он внешнею подобен человеку,
Но Отчее величие сияет
В чертах Его. Для долгих словопрений
Нет времени: опасность нам грозит;
Мы оказать должны сопротивление
Не силою, но хитростью искусной.
И прежде чем Он явится царем,
Владыкою вселенной и народа,
Опутаем Его тончайшей сетью.
Когда никто на это не дерзал,
Лишь я один пустился в страшный путь,
Дабы найти и погубить Адама.
Удачею мой подвиг завершался,
И на нее надеюсь я теперь».

Окончил он и сонмище мятежных
Слова его смятеньем поразили,
Но времени для страха и печали
Им не было: задуманное дело
Они спешат вождю препоручить,
Который их из темной бездны ада
Освободил и дал им во владенье
Немало стран, где сделались они
Владыками и даже божествами.

Так, хитростью вооружен змеиной,
Спешит к реке священной Сатана,
Надеясь там увидеть Сына Божья
И кознями вовлечь Его в соблазн.
Но злобные намеренья его
Явились орудьем для свершенья
Судеб Творца, вовеки непреложных.
В собрании архангелов Своих
Глаголет так Всевышний Гавриилу:

«Ты, Гавриил, и ангельские силы,
Блюстители, поставленные Мною
Над смертными, внимайте Мне! Готово
Исполниться великое посольство;
Ты, Гавриил, являсь к Пречистой Деве,
Ей возвестил, что Сына непорочно
Зачнет Она, Которого прославят
Народы все, и наречется Сыном

Господним Он. Дабы Свое рождение
Он оправдал, отныне Сатане
Я предаю Его на искушение.
Пусть враг Небес попробует ввести
Его в соблазн, пред сонмищем своих
Сторонников лукавством похваляясь.
Смирению не научился враг,
Хотя и был Иовом посрамлен.
Отныне Он Сильнейшего познает,
Восставшего от Семени Жены;
Произойдет в пустыне искушение,
Начнется там великая борьба;
Пусть ангелы и сонмы сил небесных
Увидят все, сколь совершенен Тот,
Кого избрал Я для спасенья мира».

Так возвестил Предвечный. Небеса,
Безмолвные доселе, огласились
Торжественным и дивным песнопеньем,
В звуки арф сливались с голосами:
«Спасителю победа и хвала!
Хвала Ему и слава! В бой великий
Вступает Они побеждает зло
Премудростью одною. Не страшится
Его Отец подвергнуть искушению.
Рассейтесь же, все ухищренья ада
И козни все со злобой сатанинской».

Так в Небесах звучал канон святой.

Меж тем Господь остался в Вифаваре,
Где принимал крещение народ,
И глубоко в Него запали думы,
Как приступить к Божественной задаче
Спасения всего людского рода
И путь какой избрать Ему затем,
Чтоб возвестить Свое предназначенье,
Которому свершиться надлежит?
В один из дней, руководимый Духом,
Он шел один; ища уединенья,
В пустыню Он все дальше углублялся,
И там, в тени суровых диких скал,
Он предался глубоким размышленьям:

«Как много дум рождается во Мне;
Когда все то сопоставляю Я,
Что чувствую и что вокруг Я слышу.
И, будучи ребенком, не любил
Я детских игр, Мой ум стремился к знанию,
К общественному счастью и благу.
Мне думалось, Я призван для того,
Чтоб истину восстановить святую
Здесь на земле. С понятием, превышавшим
Года Мои, Я изучал Закон
И в нем достиг такого совершенства,
Что, прежде чем исполнилось Мне
Двенадцать лет, в день праздника Господня,
Придя во храм, учителей Закона
Я вопрошал, стараясь уяснить

Познания их, и все дивились Мне.
Вначале Я мечтал народ избавить
От римского владычества, из мира
Изгнать навек насилие и, правде
Свободу дав, восстановить равенство.
Но вслед за тем казаться стало Мне
Божественней и вместе человечней
Сердца людей словами покорять
И вразумлять заблудшие их души,
Которые не знают, что творят.

Однажды Мать, в душе Моей читая,
Сказала Мне: “Возвышенные думы
Питай в Себе, возлюбленный Мой Сын.
Пусть они стремятся к высоте,
К которой их возносят добродетель
И истина, хотя и беспримерна
Та высота. Да будут несравненны
Дела твои, к которым Всемогушим
Твоим Отцом Ты предназначен свыше!
Он – Царь царей, Единодержец вечный,
Владыка Он над Небом и Землею,
Над духами и смертными людьми.
Послом Небес возведено Мне было,
Что силою Всевышнего Я – Дева –
Зачну Тебя, что будешь Ты велик
И царствовать Ты станешь бесконечно.
В святую ночь, когда рождался Ты,
На Небесах и в поле вифлеемском

Рождение Спасителя воспели
Все ангелы, об этом возвещая
Трем пастырям, стада свои стерегшим, —
И те пошли искать Тебя, и в яслях
Лежащего нашли они Тебя.
Звезда, дотоль неведомая миру,
Туда волхвов с востока привела,
И золото со сминою и ладан
К стопам Твоим повергли мудрецы,
А Симеон и праведная Анна,
Имевшие от Бога откровенье,
Тебя найдя во храме, перед всеми
Мессиею Тебя провозгласили”.

От Матери Моей о том услышав,
Я сызнова исследовал Закон,
Ища того, что было о Мессии
Написано. И стало ясно Мне,
Что Я был Тот, о Ком предвозвещали
Пророчества, что тяжкие мученья
И даже смерть Я должен претерпеть,
Дабы грехи людские искупить,
Которые всей тяжестью своею
Обрушатся лишь на Мою главу.
Но, духом не слабея, без боязни
Урочного мгновения Я ждал,
Когда пришлось Крестителя впервые
Мне увидеть, великого Предтечу,
Который путь Мессии приготовит.

Мне ведомо его рождение было,
Но ранее не видел Я его,
И Я пошел креститься от Предтечи;
Но, Господом чудесно вразумленный,
Меня узнал немедля Иоанн
И объявил народу громогласно,
Что Я – тот муж, которому Предтечей
Он должен быть. И таинство крещения
Он не хотел над высшим совершить,
С большим трудом на это согласившись.

И вот, когда Я вышел из воды,
Разверзлись небесные врата
И Дух Святой спустился на Меня,
А в Небесах раздался глас Господень,
И Он вещал благоволение Мне
И звал Меня Единородным Сыном.
Итак, теперь Мне ведомо, что время
Исполнилось: в безвестности не должен
Я пребывать, но данную Мне свыше
От Бога власть явить открыто миру.
Теперь влечет неведомая сила
Меня сюда, в пустыню, – для чего?
Не знаю Я и этого, быть может,
Не должен знать. Пути Свои Господь
Откроет Мне, когда настанет время».

Так молвил Он и утренней звезде
Подобен был над миром восходившей.

Зловещая и мрачная пустыня,
Куда нога людская не ступала,
Со всех сторон лежала перед Ним.
Обратный путь был труден и тяжел,
Но далее и дальше в глубину
Влекло Его. И так был погружен
В раздумье Он о прошлом и грядущем,
Что всякого сообщества милее
Казалось Ему уединенье.
Так сорок дней провел в пустыне Он,
В долинах ли, в пещере укрываясь
Иль на холмах, — об этом не открыто.
Он голода не чувствовал и пищи
Не принимал, и только под конец
Мучительно в Нем голод пробудился.
Во время сна и днем не причиняли
Ему вреда ни дикий зверь, ни гад.
Но вот старик в одежде земледельца,
Как бы ища заблудшую овечку,
С Ним встретившись, подходит к Иисусу
И говорит: «Какою, Господин,
Судьбою злой Ты приведен сюда,
Так далеко от всякого жилища?
Проходят здесь одни лишь караваны.
Из путников, вернувшихся отсюда,
В пустынные пределы одиноко
Никто вступить, наверно, не дерзал.
И мнится мне: не Ты ли — дивный муж,
Которого недавно Сыном Божиим

Именовал Креститель Иоанн?
Я слышал все. Пустынножитель я,
Но иногда случается и нам
В селениях бывать и в городах,
Вот почему мне ведомо все это».
И Божий Сын ответил: «Кто привел
Меня сюда, Тот выведет отсюда.
Я не ищу проводника иного».

«Для этого необходимо чудо! –
Сказал пастух. – Корою и корнями
Привыкли мы питаться и выносим
Томительную жажду, как верблюды.
Но если ты – воистину Сын Божий,
То повели, чтоб камни стали хлебом,
Спаси себя и пищей подкрепи нас,
Которую питаемся мы редко!»

В ответ ему Сын Божий возразил:
«Такую ли ты полагаешь в хлебе
Спасительную силу? (Ты не то,
Чем кажешься.) Не сказано ль в Писанье,
Что не единым хлебом человек
Бывает жив, но словом, исходящим
Из уст Творца? Не манной ли Господь
Здесь праотцев Израиля питал?
Все сорок дней без пищи и питья
Был на горе Хорива Моисей,
И сорок дней в пустыне Илия,

Подобно Мне, без пищи оставался.
Зачем же ты, когда тебе известно,
Кто Я, как Мне известно о тебе, —
Пытаешься ввести Меня в соблазн?»
И враг Небес, откинувший притворство,
Ответил так: «Воистину — я тот
Несчастный дух, на Господа восставший
И ввергнутый с союзниками в ад,
Однако я не заключен в темницу
Безвыходно, я в воздухе парю
И шар земной свободно облетаю.
Не возбранен мне доступ в Небеса;
Когда Господь Иова добродетель
Испытывал, я с Божьими сынами
Предстал ему и Божии веленья
Исполнил я, введя в обман Ахава
Надменного. Любви ко мне Творца
Лишился я, и блеск первоначальный
Утратил я отчасти, но во мне
Еще живет влечение к добру
И красоте: я изумляюсь им.
И мог ли я желанья не питать
Приблизиться к Тебе и подивиться
Премудрости и подвигам Твоим?
Врагом людей слыву я, но за что
Мне род людской упорно ненавидеть?
Насилия я от людей не видел,
Не через них утратил я блаженство,
Наоборот, лишь с помощью людской

Я приобрел владения мои;
Над миром власть я с ними разделяю,
А может быть, и царствую над ним.
Я помощь им оказываю часто,
Ниспосылая знаменья и сны.
Пусть говорят, что зависть побуждает
Меня искать в несчастьи собратьев.
Согласен я: в начале было так,
Но не теперь. Изведав муки ада,
По опыту я знаю, что страданий
Сообщество не может облегчить.
Больней всего, что падший человек
Спасенным быть надеется, а мне
Не суждено спасение вовеки».

И Сатане Спаситель возразил
Со строгостью: «Ты заслужил страданья,
Лжецом ты был и будешь до конца.
Ты хвалишься свободою своею
И доступом на Небеса Небес?
Воистину отвержен, презираем,
Ты пленником, рабом туда являлся,
Где некогда из первых был по славе.
В обители блаженства ты сильнее
Терзаешься утратою его
И в Небесах себе находишь ад.
Ты подчинен Небесному Царю,
И то, что ты зовешь повиненьем, —
Не более как страх или злорадство;

Лишь злобою одною побуждаем,
Преследовал жестоко ты Иова,
Но он тебя терпением победил.
Служенье лжи избрал ты добровольно,
Питаешься ты ложью и живешь,
Но хочешь слыть поборником за правду.
Пусть от тебя исходят прорицанья,
А веруют ли им среди народов?
И что твоих оракулов ответы,
Как не одно хитросплетенье лжи,
Которое лишь разум затемняет?
Кто из людей от алтарей твоих
С надеждою отрадной возвращался,
Уверен в том, как поступить ему,
Чего бежать? И не был ли скорее
Он вовлечен в погибельные сети?
Во власть твою Всевышний предает
Подпавшие язычеству народы.
Когда ж Ему угодно возвестить
Высокие Свои определения,
Которые неведомы тебе,
Займствуешь ты истины глагол
От Господа и ангелок Его.
Гнушаяся к твоим нечистым храмам
Приблизиться, они повелевают
Тебе все то дословно повторить,
Что знать должно поклонникам твоим,
И, трепеща от страха, раболепно
Ты им спешишь во всем повиноваться,

А вслед за тем себя провозглашаешь
Ты истины глашатаем. Но скоро
Среди людей твоя затмится слава;
Вводившие язычников в обман
Умолкнут все оракулы твои,
И вопрошать ни в Дельфах, ни в подобных
Сему местах тебя не станут больше
Среди торжеств и праздничных обрядов.
Господь послал Свое живое слово,
Дабы Свои веленья возвестить,
А вслед за ним в сердцах благочестивых
Дух истины навеки поселится».

Так говорил Спаситель Иисус,
Но хитрый враг, в душе скрывая злобу
И ненависть, Ему ответил кротко:
«С суровостью меня Ты порицаешь
За все, к чему не собственною волей –
Несчастьем я принужден моим.
Где Ты найдешь несчастного, который
От истины порой не уклонялся б?
Приходится ему и притворяться,
И льстить, и лгать, и нарушать обет.
Но Ты – Господь и Бог мой. От Тебя
Выслушивать могу я укоризны,
И для меня легка такая кара.
Путь истины и труден, и тяжел,
Но истина так сладостно звучит
В устах Твоих, пленяя слух, как пенье,

Что ей внимать с отрадой я готов.
И люди чтут порою добродетель,
Не следуя всем правилам ее.
Дозволь же мне беседовать о ней,
Хотя ее достигнуть не могу я.
И твой Отец, Премудрый и Пречистый,
У алтаря выносит Своего
Служителей безбожно лицемерных
И возносить к Нему им позволяет
Моления. Устами Валаама,
Который был в нечестье обличен,
Вещал Господь Свою святую волю.
Не возбраняй же доступа к Себе,
Дозволь и мне беседовать с Тобою!»

И отвечал ему невозмутимо
Спаситель наш: «Намеренья твои
Мне ведомы; ни позволять тебе,
Ни воспрещать не буду Я.
Твори Все, что тебе дозволено от Бога,
И большего не можешь ты!»

Он смолк.
Пред Господом склонился Сатана,
И принятый им образ как туман
Рассеялся. На темных крыльях ночь
Спустилася, усилив мрак пустыни;
Пернатые в своих укрылись гнездах,
И рыскали повсюду на свободе

Лишь хищники из дебрей и лесов.

Книга вторая

Ученики Иоанна Предтечи смущены исчезновением Мессии, принявшего крещение в Иордане. Их волнует сомнение и тайная мысль, что давно ожидаемый Спаситель мира только на время сошел на землю, чтобы после крещения и Божеского знамения снова вернуться к престолу Своего Отца. Собравшись в бедной хижине, они долго сетовали на свою судьбу, но потом эти сетования сменились надеждой на то, что Мессия возвратится назад. Мать Божия, не зная, куда скрылся ее Сын, и скорбя об Его отсутствии, вспоминает день Его рождения, прибытие и поклонение пастырей, бегство с Божественным Младенцем в Египет, пребывание в Назарете, проповедь Отрока в храме и потом, отдавшись воле Господа, решает безропотно и терпеливо ожидать возвращения своего Сына. Между тем Иисус Христос в посте и молитве продолжает оставаться в пустыне. Потерпев первую неудачу, дьявол опять собирает начальников своих главных сил и, рассказав им, что Спасителя соблазнить гораздо труднее, чем Адама и Еву, просит их помощи и совета. Начальники обещают ему то и другое, и один из них, по имени Велиал, предлагает соблазнить Христа женщиной. Сатана укоряет Велиала за страсть его к женщинам и прибавляет, что Спаситель награжден свыше такими добродетелями, что в мире едва ли найдется женщина, способная соблазнить Его. Если

же чем и можно искусить Его, то это, ввиду Его постоянно-го голода в пустыне, какими-нибудь изысканными яствами. Сон и пробуждение Спасителя. Взойдя на высокий холм, Он видит оттуда великолепный оазис и тотчас идет к нему. Здесь Он опять встречается с дьяволом, принявшим вид знатного и зажиточного землевладельца. Соболезнуя о долгом посте Спасителя, Сатана вспоминает повесть об Агари, о сынах Израилевых, странствовавших в пустыне, о пророке, который томился там голодом, и при этом говорит, что прежде на помощь ко всем страждущим являлись ангелы Божьи, на землю падала небесная манна, а вот теперь Иисус забыт и Небом, и людьми. Едва дьявол окончил свое повествование, как по его мановению является великолепный стол, уставленный самыми изысканными яствами. Дьявол предлагает Иисусу утолить голод, говоря, что виденное Им послано Ему самой природой. Спаситель отказывается от стола, который тот час же исчезает, и пристыженный дьявол предлагает Сыну Божию царство и богатство, говоря, что без этого нельзя увлечь народы за собой. Но Иисус отвергает и это и говорит, что для этого не нужны ни блеск, ни богатства, а необходимы только вера и добродетель.

Принявшие крещение меж тем
Остались у иорданских вод
С Крестителем, и слышали они
Свидетельство его об Иисусе,
Который был провозглашен Мессией.

Уверовав в Помазанника Божья,
Пошли за Ним Андрей, и Симон-Петр,
И многие, которых имена
Не названы в Писании Священном.
Но вдруг от них Спаситель удалился,
И радость их сомнением сменилась;
То мнилось им, что временно Господь
Являлся им и, словно Моисей,
Он к Богу взят иль, словно Илия,
Вознесся Он на колеснице в Небо,
Однако, с тем, чтоб возвратиться в мир.
Как в оны дни ученики пророка
Отыскивали всюду Илию,
Так и они искали Иисуса
Во всех местах, с Вифарюю соседних,
И в городах Салиме и Еноне
На берегу генисаретских вод.
Но тщетными их поиски остались,
И рыбаки, вернувшись к Иордану,
Где шепчутся зефиры в тростниках,
Там в хижине печали предались:
«Какая нам надежда воссияла
И как она неожиданно исчезает!
Явился нам Мессия долгожданный,
Мы слышали учение Его,
Исполненное благи и правды,
И близкого спасенья ждали мы,
Но вот себя с тревогой вопрошаем:
Куда исчез Великий Искушитель?

Пошли, Господь, Мессию Твоего!
Ты видишь Сам: народ, Тобой избранный,
Властители земные притесняют
И пред Тобой они забыли страх!
Но будем ждать. Через своего пророка
Господь явил Мессию Своего,
Представшего во славе всенародно;
Мы сами здесь беседовали с Ним,
Делили с Ним жилище и трапезу.
Итак, друзья, возрадуемся в сердце,
На Господа возложим упование:
Желанного Мессию Он вернет, –
Вернется Тот, в Котором полагаем
Все радости и всю надежду нашу».

Так, сетуя, надеялись они
Вновь обрести найденного однажды
Без поисков. Но Дева Богоматерь,
Увидевши вернувшихся с крещения
И Господа меж ними не найдя,
Встревожилась душою непорочной
И молвила среди глубоких вздохов:
«О, для чего сподобилась я чести
Быть Матерью Спасителя и Бога
И слышала архангела привет:
“Благословенна в женах ты!” Не меньше
Страдала я, чем и другие жены,
Когда на свет я Сына родила
И в яслях Он приют Себе нашел.

Затем бежать пришлось нам в Египет,
Пока здесь жил жестокосердый царь,
Избивший всех младенцев вифлеемских,
Дабы Его вернее умертвить.
Немало лет мы жили в Назарете;
Здесь, углубясь в мечты и созерцанье,
Не мог навлечь Он царских подозрений,
Но вот теперь, достигнув зрелых лет,
Я слышала, Он признан Иоанном
И Сам Господь именовал Его
Возлюбленным Единородным Сыном.
Не славы, нет, — скорбей я ожидаю;
Мне Симеон однажды предсказал,
Что многие падут через Него,
И многие возвысятся в народе,
И острый меч вонзится в сердце мне.
Итак, меня Всевышний возвеличил
Для горестей и для великих мук,
Благословенна буду я и скорбью
Удручена. Не смею ни роптать,
Ни сетовать. Где медлит Он? К великим
Деяниям готовится мой Сын.
Когда Ему всего двенадцать лет
Исполнилось, Его я потеряла
И вновь нашла; я поняла тогда
Из слов Его, запавших в душу мне,
Что Отчую Он исполняет волю,
И с той поры я терпеливо жду».

Так с кроткою покорностью ждала
Грядущего Святая Богоматерь,
А Сын ее, постясь в пустыне дикой,
Божественным питался размышленьем.
Обдумывал в уединенье Он
Великое послание Свое,
Которому свершиться надлежало,
Меж тем как враг, Христа предупредив
О том, что он намерен возвратиться,
Вновь полетел в воздушное пространство,
Где адские владыки заседали.
Удачею пред ними не хвалясь,
В унынии повел он речь такую:

«Великие монархи и князья,
Которые звались сынами Неба
И сделались владыками в аду,
Вернее же – властители стихий:
Земли, воды и воздуха с огнем!
Здесь царствовать могли мы без помехи,
Но грозный враг войною беспощадной
Восстал на нас, и угрожает
Он Изгнанием в пучину преисподней.
Собранием уполномочен вашим,
Его найдя, пытался искушать я,
Но победить Его не так легко,
Как привести к падению Адама,
Который пал, женою соблазнен.

Тот человек (быть может, Божество,
Хотя рожден от смертной) превосходит
Его во всем, от Неба наделен
Божественно высоким совершенством,
Безмерно благ и духом всеобъемлющ,
Готовится к великим Он делам;
А потому уверенность в успехе
Питать нельзя, о чем предупреждаю
Заране вас; так будьте ж наготове
Мне помогать советом и делами,
Иль побежден я буду, полагавший,
Что равного не знаю я себе».

Так древний змей в сомненье говорил,
И все его уверить поспешили,
Что помогать они ему готовы.

Тут поднялся развратнейший из духов,
Тот Велиал, который Асмодею
Не уступал в постыдном сластолюбье,
И молвил он: «Пусть на пути Своем
Увидит Он прекраснейших из жен,
Которые богинь напоминают.
Во всех краях найдется их немало;
Постигшие любовное искусство,
Пленив сердца волшебными речами,
Они в сетях влекут их за собой.
Подобные создания способны
Суровый нрав победно укротить;
Согнав с чела угрюмого морщины,
Обольщены желаньем легковерным,

Обмануты надеждой сладострастной,
И мужественно твердые сердца
Доверчиво им предаются в рабство.
Так твердое железо привлекает
К себе магнит. Не прелестью ли женской
Был Соломон премудрый ослеплен,
Которого заставили рабыни
Соорудить кумирни их богам?»

И возразил поспешно Сатана:
«Ты, Велиал, прикладываешь меру
Ко всем свою, и только потому,
Что в древности безумствовал по женам,
Ты думаешь, что чарам красоты
Противиться никто не в состоянии?
Нам ведомо, как ты вблизи чертогов,
В полях, в лесах, у мшистых берегов
Подстерегал прославленных красавиц;
Каллистою, Клименой, Антиопой,
Сирингою, Семелою и Дафной
Звались они, — и подвиги свои
Приписывал языческим богам,
Которых все под именами чтили
Юпитера, Нептуна, Аполлона,
Сатира, Фавна, Пана иль Сильвана.
Но многие победы презирают
Подобные! Припомни лишь вождя
Пеллейского, а также Сципиона,
Что отослал назад иберианку

Прекрасную. На высоте богатства
И почестей для наслаждения только
Жил Соломон, а потому соблазну
Доступен был. Но Тот, Кого стремимся
Мы обольстить, мудрее Соломона,
И если бы нашлась жена такая,
Подобная богине красоты,
Чтоб на нее Он бросить удостоил
Мгновенный взор, — Божественного взгляда
Величие, ее обезоружив,
Повергло бы в благоговейный трепет.
Ведь красота себе порабощает
Лишь слабые, ничтожные умы,
Для сильных же — она игрушкой служит.
Нет, к более возвышенным предметам
Прибегнуть нам для искушенья надо,
Искусственно облекши их личиной
Достоинства и чести. Разбивались
Об эту мель великие пловцы.
Иль просто мы воспользуемся ныне
Потребностью земной Его природы.
Он голодом томится, и для пищи
Нет ничего в пустыне дикой.
И так к Нему я снова приступлю».

Окончил он, и крики одобренья
Послышались. Отборный легион
Берет с собой коварный Сатана,
И каждому из духов он внушает,

Как действовать и поступать должно.
В пустыню он бесплодную спешит,
Где Иисус, сорокадневный пост
Перенеся, взалкал еще впервые
И размышлял с Собою: «Где конец?
Я сорок дней без пищи здесь скитаюсь,
Но голода не чувствовал досель,
А потому заслугой не считаю
Я этот пост и также не могу
Его к Своим причислить испытаниям.
Но вот теперь впервые я взалкал
И голода мучений не страшусь,
О них едва Я помышляю даже;
Я думами питаюсь, от которых
Еще сильнее алкаю Я исполнить
То, что Отец повелевает Мне».

Был час ночной, и Божий Сын возлег
В тени ветвей. Привиделись Ему
Заманчивые яства и напитки,
И вороны, питавшие Илью,
С которым Он делил его трапезу.
Так ночь прошла, и жаворонок ранний,
Предвестник дня, гнездо свое покинул;
Взвивался высоко в небесах,
Он песнею приветствовал зарю.
И с легкостью такую же восстал
Спаситель наш от ложа Своего;
Увидел Он, что все Его виденья

Лишь были сном, и голода терзая
По-прежнему Он чувствует жестоко.
Он поднялся на высоту холма,
Дабы взглянуть, не видно ли овчарни
Иль хижины какой-нибудь вдали?
Но перед Ним чарующая роща
Раскинулась, и, отдыха ища
В тени ее, вступил туда Спаситель.
В пути Ему попался человек,
В богатые одежды облеченный,
И Господу красноречиво молвил:

«Вернулся я, Тебе служить готовый.
Дивит меня, что тягостным лишением
Подверженный, испытывая голод,
Сын Божий здесь так долго остается.
В былые дни – предание гласит –
Сюда Агарь опальная бежала
И ангелом утешена была.
От голода среди пустыни этой
Погибли бы Израиля сыны,
Когда б Господь их манной не питал.
Явившийся из Фесвы Илия
Здесь пищею был дважды подкрепляем,
И лишь один – все эти сорок дней –
Ты более чем в сорок раз покинут».

Но Сатане ответил Иисус:
«Из этого что заключаешь ты?

Они нужду имели в подкрепление,
В котором Я, как видишь, не нуждаюсь».

«Но отчего ж Ты голод ощущаешь? –
Промолвил враг. – И если бы теперь
Поставили перед тобою пищу,
Ужели Ты ее бы не вкусил?»

«Все от того зависит, – отвечал
Ему Христос, – кем будет пища эта
Предложена».

И молвил искушитель:
«Ужель Тебе не все принадлежит?
И не должны ль Тебе повиноваться,
Тебе служить земные твари все?
Не говорю о жертвенных животных,
От мяса их и юный Даниил
Не пожелал отведать, – и о яствах
Не говорю, предложенных врагом:
Хотя в нужде кто стал бы колебаться?
Но тем, что Ты претерпеваешь голод,
Природа вся невольно смущена.
Смотри: Тебе, как Богу своему,
Спешит она достойно послужить,
И всех стихий отборные дары
Она к столу Господнему приносит.
Благоволи, присев, от них вкусить!»

Взглянул Христос. Теперь не сновиденьем,
Не грезю все это было. Он
В тени ветвей украшенный по-царски
Увидел стол. Изысканные яства
На том столе горою возвышались:
С печением дичина, масса рыб,
Которые благоухали амброй,
Различные породы вкусных птиц
И лакомых моллюсков, привезенных
От озера Лукринского. В сравненье
С трапезою подобной как ничтожно
Казалось то яблоко простое,
Которое ввело жену в соблазн!
Поблизости еще виднелся стол,
Где редкие благоухали вина,
И отроки в богатых одеяньях,
Превосходя Гиласа с Ганимедом
Красой своей, стояли у стола,
Готовые служить, а в отдаленье
Виднелися с цветами и плодами
Роскошными из рога Амалтеи
Прекраснейшие нимфы и наяды,
С которыми сравниться не могли
Позднейшие красавицы, чья прелесть
Волшебная пленила Пеленара,
Великого Логреса, Ланселота
И рыцарей, им равных по отваге.
Чарующая музыка звучала:
Свирели песнь и сладкострунных арф;

Аравии далекой ароматы
И ранние благоуханья флоры
Сюда неслись на крыльях ветерка.
Для пиршества с таким великолепьем
Украшено все было, и к Христу
Вновь приступил коварный искушитель:

«В сомнении, Сын Божий, отчего
Так медлишь Ты вкусить от этих яств?
Отведать их закон не возбраняет.
Они – не плод запретный, приносящий
Познание зла, но, жизнь оберегая,
Врага ее уничтожают – голод.
Взамен его собою наслажденье
Дают они и подкрепляют силы.
Живущие среди лесов, и вод,
И воздуха, к Тебе стеклися духи,
Служители покорные Твои,
Готовые признать тебя Владыкой
И почести, как Господу, воздать.
Зачем же Ты, Сын Божий, пребываешь
В сомнении? Вкуси от этих яств!»

Но Иисус спокойно возражает:
«Ты сам сказал, что Мне принадлежит
По праву все. Зачем же я приму
Его как дар? Не сомневайся в том,
Что Я могу со скоростью такой же
Воздвигнуть стол среди пустыни дикой

И ангелы, которых призову,
Сюда являсь, на крыльях быстролетных,
Облечены сияньем горней славы,
За чашею прислуживать Мне будут.
Зачем же ты навязываешь тщетно
Услуги Мне? И нечего тебе
О голоде заботиться Моем;
Я пышную трапезу презираю,
В дарах твоих одно коварство видя».

С досадою ответил Сатана:
«Ты видишь Сам, и я давать могу.
И если же я, в силу этой власти,
Даю Тебе по доброй воле все,
Что мог бы я другому предложить, —
В нужде Твоей Тебе являя помощь, —
То почему б Тебе не согласиться
Принять ее? Но каждый мой поступок
В Тебя одни вселяет подозренья.
Пускай же все идет на пользу людям,
Которые, благодаря лишениям,
Обильное оценят угощенье
И лакомства — дары далеких стран».

Он повелел — и гарпии крылами
Зловещими незримо прошумели;
Волшебный стол и яства — все исчезло;
Один лишь неотступный искуситель,
Оставшись с Ним, так говорит Христу:

«Пред голодом, которым все живое
Укрошено, Ты был непобедим.
Что вкус людей способно соблазнить —
Желания в Тебе не пробуждает.
Великому намеренью, великим Деяниям
Твой дух всецело предан.
Но как и чем осуществишь Ты их?
Громадные необходимы средства,
Когда достичь великих целей жаждешь.
Безвестен Ты и в бедности живешь,
Лишен друзей и знатного рожденья,
И, голода мученья вынося,
Ты, одинок, блуждаешь здесь, в пустыне.
Каким путем величия достигнуть
Стремишься Ты и в чем Твоя надежда?
Где можешь Ты влияние приобрести,
Сторонников и слуг? Чем привлечешь
Беспечную народную толпу
Которая последует за тем,
Кто угощать ее на славу может?
Друзей, почет, победы и престол —
Возможно все деньгами приобрести.
Чем Антипатр и сын его достигли
Великого престола Твоего
И сделались царями Иудеи?
Лишь золотом! Добудь Себе сначала
Сокровища и накопи богатства:
Тебе легко при помощи моей

Их приобрести. И счастье, и богатство –
В моих руках. К кому благоволю –
Сокровищам своим не знают меры,
А добродетель с доблестью и мудрость –
В забвении и бедствуют жестоко».

Но Иисус ответил терпеливо:
«Однако же без этих трех достоинств
Является бессильным и богатство,
Которое доставить неспособно
Могущество, а если и доставит,
То удержать его не в состоянии.
Об этом все свидетельствуют царства,
Что рушились, достигнув процветанья
Великого, – меж тем как бедняки,
Которые святую добродетель
В душе своей сумели воспитать,
Славнейшие деянья совершали.
Примерами нам служат Иевфай
И Гедеон, а также юный пастырь,
Которого потомки воцарились
В Израиле. Они вернут себе
Престол его, и царству их не будет
Конца вовек. Язычество само
Фабрициев, и Курциев своих,
И Регулов имело в дни былые.
И высоко Я ставлю тех мужей,
Которые, богатство презирая,
Хотя б оно царями предлагалось,

И в бедности могучими делами
Прославились. И почему же Я,
В нужде Моей, исполнить не могу
Того, что было ими свершено,
А может быть, и большего еще?
Не пробуй же превозносить богатство,
Кумир глупцов и бремя мудреца,
Иль западню опасную. Оно
Способно лишь ослабить добродетель
И притупить к делам великим рвенье.
Ты говоришь о царстве? Но его,
Как золото, равно Я презираю.
Блестящая по внешности корона
Является из терния венцом.
Опасностей немало и тревог
Несет с собой монархам диадема,
Которые на плечах выносить
Обязаны всю тяжесть государства:
В том состоит обязанность царя,
Достоинство его и добродетель
Со славою. Но кто и над собою
Самим царит, страстями управляя,
Желаньями и страхами своими, –
Лишь только тот – воистину монарх!
И этого достигнуть может каждый
Достойный муж, а если не достигнет,
Напрасно он пытаться будет править
Народами, толпою своевольной,
Когда в душе владыки самого

Царят борьба страстей и безначалье.
И к истине учения путем
Вести народ из тьмы духовной к свету,
К познанию и почитанию Бога –
Не выше ли подобная задача,
Чем царское достоинство и власть?
Кому ее исполнить суждено,
Тот на земле лишь души побеждает –
То высшее, что в человеке есть.
Не нужно Мне предложенных богатств,
В сокровищах самих Я не нуждаюсь,
И не нужны сокровища твои
Как средство Мне: с их помощью не стану
Я к скипетру монаршему стремиться».

Книга третья

Потерпев новую неудачу, пристыженный и озлобленный, Сатана решает прибегнуть к старой хитрости змея. Он старается искусить спасителя славой и почестями, но Христос спокойно отклоняет его предложение и снова приводит в пример многострадального Иова. Дьявол возражает, говоря, что и Сам Господь Бог добивается славы и чести, которую должны воздавать Ему силы земные и небесные. Когда Христос и в этом опровергает Сатану, то последний, сначала ничего не говоря, потом взывает к Божественному Посланнику спасти народ Божий от римского порабощения. Христос отвечает ему, что это уже предусмотрено, и присовокупляет вопрос о том, что неужели Сатана не знает, что и он со временем потерпит падение. Соглашаясь притворно со словами Спасителя, Сатана возносит Его на вершину высокой горы и оттуда указывает на роскошную страну, по которой идут войска и то и дело вступают в бой. Сатана предлагает Христу принять начальство над одним из войск и отвоевать престол царя Давида. Христос отвечает, что час Его еще не настал, но если он и настанет, то для Него не понадобятся ни войска, ни оружие, и в заключение говорит, что придет час, когда все народы будут свободны. Сатана признал себя побежденным и на этот раз, хотя и не понял истинного значения слов Христа Спасителя.

Так говорил Сын Божий. Сатана
Стоял пред Ним безмолвный и смущенный,
Не находя достойного ответа.
Он был разбит и слабость сознавал
Всех доводов своих и убеждений.
И наконец, призвав на помощь хитрость
Змеиную, сладкоречиво молвил:
«Да, вижу я: Тебе открыто все,
И разрешить Ты можешь все вопросы;
Дела Твои согласны со словами,
Слова ж Твои для выраженья служат
Твоей души великой, а душа
Является высоким воплощеньем
Премудрости, и правды, и добра.
Подобные уриму и туммиму,
Пророческим камням драгоценным,
Украшившим нагрудник Аарона,
Слова Твои премудростью блистают.
В суждениях Ты не можешь ошибаться,
И если бы на поле ратной славы
Ты призван был – и с малою дружиной
Ты доблестно завоевал бы мир.
Зачем же Ты Божественных даров
Сияние таишь в уединенье
И здесь один в пустыне дикой бродишь?
Вселенную зачем лишаешь Ты
Возможности делам Твоим дивиться,
А Самого Себя лишаешь славы

И почестей, незаменимой славы,
Единственной награды несравненной,
Которая стремленья пробуждает
Могучие и пламенем своим
Избранников высокие умы
И чистый дух охватывает дивно.
Она горит в возвышенных сердцах,
Которые не придают значенья
Сокровищам и почестям иным.
Ты зрелых лет достиг уже давно,
Моложе был властитель македонский,
Когда престолом Кира завладел,
И Сципион, гордыню Карфагена
Унизивший, а также и Помпей,
Когда, смилив понтийского царя,
В столицу он вступал как триумфатор.
Но зрелые года не умаляют,
Наоборот, — усиливают в нас
Желание прославиться. Сам Цезарь,
Которому дивится целый мир,
Чем далее, тем больше жаждал славы
И с горечью оплакивал года,
Протекшие без славы для него».

И отвечал спокойно Иисус:
«Ты убедить Меня не в состоянье.
Не стану Я искать земных сокровищ,
Дабы обрести владычество земное,
И не ищу владычества для славы.

К чему она и что она такое?
Ничтожный блеск, народная хвала,
А сам народ – не жалкое ли стадо
И пестрый сброд, превозносящий часто
То, что скорей достойно порицанья?
И хвалит он, не зная сам кого,
Пленяется, не зная чем. Ужели
Ценителей подобных восхищенье
Желательно? Неодобренье их
Не служит ли скорее похвалою?
Как счастлив тот, кто это сознает!
Не многие разумны между ними.
Не многих же разумных похвала,
К несчастью, не составляет славы.
Когда Господь, увидев человека
Достойного, его превознесет
И ангелы, ликуя непритворно,
Ему хвалы святые воспоют –
Вот истинная слава! Так случилось,
Когда Господь, Иова прославляя,
Спросил тебя (ты должен это помнить!),
Видал ли ты раба Его, Иова?
Он более был славен в Небесах,
Чем на земле, где ложно превозносят
Все, что хвалы бывает недостойно.
Находится в глубоком заблужденье,
Кто славою великою считает
Одерживать победы, покорять
Оружием народы и в страну

Вносить с собой одно опустошенье.
Что делают подобные вожди?
Резня, грабеж, людей поработенье –
Вот их дела. Плоды любви и мира
На их пути бесследно погибают.
Затем они в гордыне без предела
Желают стать для мира божествами
И требуют, чтоб поклонялись им.
Они себя сынами величают
Юпитера и Марса, торжествуя,
Покуда смерть стопой победоносной
К ним не взойдет, и образ человека
В их облике, запятнанном пороком,
С усилием узнает смерть сама.
Постыдная, мучительная смерть –
Достойная награда их геройству.
Но если бы в той славе, о которой
Ты говоришь, и заключалось благо, –
Насилие и войны устранив,
Иным путем ее достигнуть можно:
Премудростью, терпеньем, воздержаньем.
Опять в пример Я приведу того,
Кто выносил гонения твои
С терпением воистину небесным.
Вторым за ним считаю Я Сократа.
За истину пожертвовавший жизнью,
Не равен ли славнейшим он героям?
Кто подвига не бескорыстно ищет –
Лишается награды за него.

И буду ли к такой стремиться славе,
Которую лишь честолюбцы ищут,
Ее порой ничем не заслужив?
Не для Себя ищу Я вечной славы,
Но для Того, Кем послан Я, и в этом —
Свидетельство посланья Моего».

И, возроптав, ответил искуситель:
«С презрением Ты думаешь о славе,
Которою, Великий Твой Отец
Так дорожит. Своей лишь славы ради
Он сотворил вселенную, и в ней
Всем правит Он и всем повелевает.
На Небесах всечасно прославляем,
Он требует хвалы и от людей,
От всех племен: от эллинов, евреев
И варваров, и Он желает даже,
Чтоб мы, Его заклые враги,
Его в своих хваленьях прославляли».

И отвечал с горячностью Спаситель:
«Он требует лишь должного Себе.
Все создано не по Его ли слову?
Не славы Он искал первоначально,
Но захотел излить Свои щедроты
И милости на все, что существует.
Чего же мог Он требовать за это,
Как не хвалы признательных сердец?
Ужель взамен Ему пренебреженьем,

Обидами должны они платить?
Печальная награда, воздаянье
Жестокое за множество даров!
И славы ждать – пристало ль человеку?
Ведь он ничем своим не обладает
И лишь хулы достоин и стыда.
Он отступил от Бога вероломно,
И тем себя блаженства он лишил.
И, несмотря на это, он дерзает
Кошунственно присваивать себе
То, чем один Всевышний лишь владеет.
Но милости Господни беспредельны:
О собственной не помышляя славе,
Стремится Он лишь тех превознести,
Кто воздает хваления Ему».

Так говорил Сын Божий. Сатана
Подавлен был виновностью своею
И в первый миг не находил ответа.
Но вскоре он измыслил ухищренье
И возразил: «Суди о славе так,
Как думаешь, но Ты рожден для царства,
Наследником Давидова престола.
Твои права – в руках у властелина
Могучего. Добытое оружием
Он нелегко уступит. Иудея
Священная с землей обетованной
Находятся теперь во власти Рима,
Где царствует Тиверий. Не всегда

Владычество чужое было кратким;
Властители нередко оскверняли
Господень храм, подобно Антиоху.
Ужели Ты, безвестным пребывая,
Права Свои намерен возвратить?
И Маккавей в пустыню удалялся,
Но не один – с вооруженной силой, –
И приобрел сынам своим венец.
Но если Ты к престолу не стремишься,
Пушай Тебя подвигнут долг и рвенье.
А рвение и долг не любят медлить.
Освободив страну свою от ига
Язычников, пророков предсказанья
Исполнишь Ты, Тебе предрекших царство,
Которому конца вовек не будет.
И чем скорей придет оно, тем лучше.
Так царствуй же, повелевай мирами!»

И отвечал на это Иисус:
«Свершится все, когда настанет время,
Воистину так сказано в Писанье.
Быть может, Сам Всевышний предназначил
Мне пребывать в смиренном состоянье,
Претерпевать гоненья и обиды,
Презрение, насилье для того,
Чтоб приучить Меня к повиновенью.
Умеющий страдать – умеет также
И действовать. Тот – лучший повелитель,
Кто приучен к повиновенью был.

Но обо Мне к чему твоя забота?
Зачем ко Мне с допросами твоими
Ты приступать пытаешься? Ужели
Не знаешь ты, что гибелью твоею
Тот будет день, когда возвышусь Я?»

И, внутренне затрепетав от страха,
Спасителю ответил искуситель:
«Да будет то, что будет! для меня –
Надежды нет на милосердье Бога;
Где нет ее – не может быть и страха.
Томительней бывает ожиданье,
Чем самое несчастье, и в худшем –
Теперь мое прибежище и цель.
И будешь ли Ты царствовать иль нет –
И понесу за преступленье кару.
К Тебе хочу прибегнуть с упованьем:
Твой кроткий лик и благосклонный взор
Внушают мне отрадную надежду,
Что, облаку подобно в знойный день,
Ты оградишь Собой меня от гнева
Всевышнего, Которого страшусь я.
И если сам я к худшему стремлюсь,
Зачем же Ты так медлишь на пути
К всеобщему блаженству и не хочешь
Вселенную скорее осчастливить,
Над нею став достойнейшим царем?
Иль, может быть, Ты медлишь потому,
Что погружен глубоко в размышленья

О подвигах, что предстоят Тебе?
Я не дивлюсь. Хотя соединяешь
В Своей душе Ты совершенства все,
Которые доступны человеку,
Но жизнь Твоя текла в уединенье.
Лишь в городах немногих Галилеи
Тебе досель случалось бывать
И посещать однажды в год столицу
На краткий срок. Ты мало наблюдал
И до сих пор еще не видел света,
Понятия не можешь Ты о славе
Его иметь, о царстве и монархах,
О роскоши и блеске их дворов.
А между тем наставник лучший — опыт,
Без опыта мудрейший человек
Становится неловким и смущенным,
Как юноша-пастух, нашедший царство,
Покуда он отыскивал ослов.
Но я хочу возвесть Тебя туда,
Откуда Ты во всем величье их
Воочию увидишь царства мира,
И, в царственной науке искушен,
Познаешь Ты, как приступить к борьбе».

И власть ему была дана такая,
Что с этими словами Иисуса
На гору он высокую возвел.
Вокруг ее подножья расстилалась
Обширная равнина. По краям

Струились две прекрасные реки,
Неся, как дань, свои потоки морю.
Пшеницею, елеем и вином
Была земля окрестная богата,
На пастбищах везде стада паслися,
И с башнями виднелись города
Роскошные – властителей столицы.
Настолько был обширен кругозор,
Что вдалеке виднелися пустыни
Безводные и дикие.

Дух зла,
Взойдя туда, коварно речь повел:
«Ты видишь ли, с какою быстротою
Перенеслись с Тобою мы сюда?
Преградою нам не были ни горы,
Ни лес, ни степь, ни стены, ни моря.
Смотри, вот здесь Ассирия. Границы
Ее – Аракс и Каспий; на востоке –
Могучий Инд, на западе – Евфрат,
На юг – залив Персидский и пустыни
Аравии. Вот это – Ниневия,
Которую построил славный Нин,
Салманасара гордого столица,
Чье торжество плененный им Израиль
Еще досель оплакивает горько.
Вот Вавилон, народов удивленье;
Он перестроен тем, кто Иудею
Поработил и весь Давидов дом,

Которые в неволе пребывали,
Покуда Кир им не вернул свободу.
Вот Персеполь и Бактра. Там видны
Роскошные палаты Экбатаны,
Гекатомпил стовратый. Дальше – Суза,
Река Хоасп, янтарная река,
Одни монархи пили из нее.
Вот ставшая известною позднее
Селевкия. Там видишь Артаксату
И Ктесифон, которые теперь
Принадлежат парфянам. Арзазес,
Монархии парфянской основатель,
Отвоевал все эти города
У преданных веселью Антиохов.
Ты видишь все могущество его.
Парфянские дружины в Ктесифоне
Сбирает царь, дабы идти на скифов,
Набеги чьи тревожат Согдиану.
Смотри, в каких воинственных доспехах
Полки его в сраженье выступают.
Оружье их, окованное сталью,
Всегда врагам бывает смертоносно,
Их конница в бою непобедима.
Смотри сюда, как строятся они
Искусно в ромб, крыло и полумесяц».

Взглянул Христос и рати увидал
Несметные в вооруженье легком,
Отвагою дышали конь и всадник;

Со всех сторон монархии обширной
В сражение собрался цвет бойцов:
От Маргианы до гирканских скал,
От Мидии и с юга Сузианы.
Он увидал, как, в боевом порядке
Построившись, неслися в бой они
И, от врага искусно ускользая,
На всем скаку в него метали стрелы,
Себе в победу бегство обратив.
От множества оружия разливался
Над полем всем какой-то тусклый блеск.
Тут не было в пехоте недостатка
И в латниках, закованных в броню
Тяжелую. Рабочих легионы,
Вооружась лопатою, киркою
И топором, усердно вырубали
Вокруг леса, холмы уничтожая
И возводя искусственные горы,
Свободные оковывая реки
Плотинами, подобными ярму,
И прочными мостами, по которым
Верблюды шли, тащившие обозы.
Не так велик был Агрикана стан,
Когда со всею северной дружиной
Он осаждал Альбракку для того,
Чтоб овладеть прекрасной Анжеликой.

При зрелище подобном преисполнясь
Удвоенною смелостью, к Христу

Вновь приступил отважно искуситель:
«Дабы видал и убедился Ты,
Что не ищу святую добродетель
Твою сгубить и обольстить Тебя, —
Наоборот, стараюсь я, насколько
Возможно мне, успех Твой обеспечить, —
Тебя прошу я: слушай и вникай!
Хотя Тебе предсказано даренье,
Но, если Ты не станешь подражать
Великому Давиду и к тому
Стараний всех усердно не приложишь,
Тебе вовек престола не достигнуть.
Таков и смысл пророческих речей.
Но если бы, с согласия иудеев
И самарян, Давидовым престолом
Ты овладел, как можешь Ты парить
В спокойствии, теснимый с двух сторон
Парфянами и Римом? Заключить
С одним из них союз необходимо.
Возьми Себе в союзники парфян,
Вторжение их опасно Иудее:
Недавно в плен, на римлян невзирая,
Уведены Гиркан и Антигон.
Посредством ли союза иль победы —
Я предаю во власть Твою парфян.
И только с их содействием Ты можешь
Приобрести наследственный престол
И братьев всех от десяти колен
Израиля, томящихся в неволе,

Освободить. Все десять сыновей
Иакова и двое сыновей
Иосифа досель рабами служат,
Как в древности служили их отцы.
Итак, прими, что предлагаю я, –
И лишь тогда, не ранее, от рабства
Освободишь собратий Ты Своих,
Со славою воссядешь на престоле
Давидовом и царствовать Ты будешь
До самого Египта и Евфрата,
Ни кесаря, ни Рима не страшась».

И отвечал ему невозмутимо
Спаситель наш: «Ты взору Моему
Представил здесь немало образцов
Тщеславного величия земного
И брэнного оружия, снарядов,
Которые так трудно изготовить
И так легко бывает уничтожить.
Мой слух пленить намеревался ты
Всею глубиной соображений тонких
По поводу взаимных отношений
Друзей, врагов, сражений и союзов –
Всего, что в мире важное значенье
Могло б иметь, но чуждо для Меня.
Ты говоришь, прибегнуть к этим средствам
Мне следует, чтоб не утратить царства, –
И говорю, что время не пришло!
(И чем позднее Мое настанет время,

Тем для тебя же лучше!) Но когда
Придет оно – бездействовать не стану
И слабостью не укорят Меня.
Нуждаться Я не буду ни в советах,
Ни в боевых орудиях твоих,
Которые, лишь бременем являясь,
Доказывают слабость, а не силу.
По-твоему, освободить Я должен
Всех сыновей Израиля, которых
Ты братьями Моими называешь,
Когда хочу со славою взойти
Я на престол наследственный Давида,
Соединив под скипетром Моим
Все племена Израиля? Откуда
Является в тебе такое рвенье
К Давидову престолу и народу?
Куда оно девалось, когда,
Тщеславием смущая иудеев,
Ты им внушал о переписи мысль
И более семидесяти тысяч
Погибло их от язвы моровой?
Вот каково твое усердие было
К Израилю, и ныне таково
Оно ко Мне! А что же до племен
Касается, томящихся в оковах,
Они тому подверглись добровольно,
От Господа отпав и поклоняясь
Языческим Ваалу с Астаротом.
Но идолам преступное служенье –

Не худшее из беззаконий их.
Во времена плененья не смирились
Пред Господом, не каялись они,
Но умерли, оставив по себе
Похожее на них во всем потомство,
Которое чтит идолов и Бога.
И стану ли радеть о их свободе
Я для того, чтоб, свергнувши оковы,
Они опять вернулись к поклоненью
Своим богам в Вефиле или Дане?
Пускай врагам слугою будет тот,
Кто Господу и лжебогам служил.
А может быть (известно только Богу
Единому, когда случится это),
Захочет Он, как было Аврааму
Возвещено, к раскаянью и правде
Божественным глаголом их вернуть.
И в этот день, когда в страну родную
Их племена, ликуя, поспешат,
На их пути расступятся все воды
Ассирии, как перед их отцами,
Спешившими к Земле обетованной,
Разверзлись морская глубина
И светлые потоки Иордана.
Покуда же предоставляю их
Я времени и промыслу Господню». Такой ответ, уничтожавший козни
Врага Небес, дал истинный Монарх
Израиля, и участь постигает

Такая же хитросплетенье лжи,
Когда она в борьбу вступает с правдой.

Книга четвертая

Сатана настойчиво упорствует на продолжении начатого им предприятия. Он открывает Христу вид на столицу древнего мира. Это – Рим. Подробное описание города и его дворцов и храмов. Народы, пришедшие сюда на поклонение. История упадка Римской империи, ее развратных правителей, заботившихся только о наслаждениях. Сатана обещает посадить Богочеловека на престол римских кесарей. Спаситель отклоняет предложение Сатаны и намекает на изгнание самого дьявола раньше изгнания развратных кесарей и приказывает ему отойти. Сконфуженный и уstraшенный, Сатана уверяет Христа в том, что он хотел только убедиться, действительно ли Он – Сын Божий, посланный сокрушить силу ада. Сатана показывает Христу Афины и называет ее философов и великих людей, но Христос отрицает их учение и указывает на богопознание. Сатана переносит Христа обратно в пустыню, и Спаситель снова засыпает, но и во сне Сатана тревожит его различными сновидениями. И дьявол, и силы его делают последнюю попытку. Сатана переносит Христа в Иерусалим и, поставив на крыше Соломонова храма, предлагает ему броситься вниз, чтобы доказать Свое Божественное происхождение. Ответ Христа. Дьявол исчезает, а появившиеся ангелы переносят Сына Божия в цветущую долину, где, напивав Его трапезой, прославляют победу Его

над дьяволом.

В смущении от новой неудачи,
Не находя ответа Иисусу,
Стоял пред Ним безмолвно Сатана,
Изобличен в коварстве и обманут
Во всех своих надеждах многократно.
Лукавая чарующая речь,
Которая собой пленила Еву, –
Бессильною оказывалась здесь.
В поспешности и гордом самомнении
Не взвесил он заранее ни силы
Противника, ни собственной своей.
И все-таки в борьбе он продолжал
Упорствовать. Так иногда хитрец,
Считающий себя непобедимым
И понеся случайно поражение,
Где менее всего он ожидал,
Чтоб сохранить доверие к себе,
Преследовать упорно продолжает
Противника и подвергать соблазну,
Хотя всегда бывает посрамлен.
Во времена уборки винограда,
Когда везде струится сладкий сок,
С жужжанием над ним кружатся мухи,
И тщетно их стараются прогнать.
Так иногда бушующие волны
В твердыню скал упорно ударяют
И, брызгами рассыпавшись вокруг,

Стремятся вновь на приступ безнадежно.
Так Сатана, разбит неоднократно,
К молчанию постыдно приведен,
Отчаявшись в успехе козней хитрых,
Не отступал. Он перенес Христа
На западную сторону горы,
Откуда Тот увидеть мог равнину.
Граничило на юге с нею море,
На севере высокой горной цепью
Она была защищена от ветров.
На берегах реки, пересекавшей
Прекрасную долину, возвышалась,
Раскинувшись среди холмов,
Роскошная столица. Украшали
Ее дворцы, водопроводы, храмы
И портики, трофеев целый ряд,
Которые окружены казались
Со всех сторон цветущими садами
И рощами.

И молвил искушитель:
«Перед Тобой – великий, славный Рим.
Завоевав владычество над миром,
Прославившись во всех концах вселенной,
Добычею обогатился он.
Там, на скале тарпейской, Капитолий
Виднеется, сливающий неприступным,
А далее, на Палатине, видишь
Ты кесарей роскошные палаты –

Создание великих мастеров.
Издалека блистает позолота
Террас, и крыш, и башенок дворца.
Мой телескоп воздушный наведен,
Гляди в него на кровли и колонны,
На дивную из мрамора резьбу,
Слоновой кости, золота и кедра.
Отсюда взор к воротам обрати:
Какой прилив народа и отлив!
Вот преторы, проконсулы спешат
В провинции, вот ликторы с жезлами
И воинов блестящие когорты.
А там в пути виднеются послы
Из дальних стран: Сиены и Метрои,
Из Индии, а также от парфян.
Ты видишь ли их смуглые черты,
Увенчанные белыми чалмами?
А вот еще из Галлии послы,
Из Кадикса, Британии, а также –
Германии и Скифии, из дальних
Сарматских стран, лежащих за Дунаем.
Народами повелевает Рим,
Властитель их – великий римский кесарь.
И римские обширные владенья,
Могущество, богатство, совершенство,
Которого достигли здесь искусства
С военной наукою, – все это
Ты справедливо мог бы предпочесть
Монархии парфянской. Исключая

Двух этих царств, коснеют остальные
В невежестве и варварстве, и их
Показывать не стоит. Показав
Два первые, я показал Тебе
Во славе их два царства мировых.
У кесаря нет сына. Престарелый
И преданный распутству, удалился
В Капрею он, на остров укрепленный,
Чтоб втайне там творить свои бесчинства,
Доверивши правления труды
Жестокому любимцу своему,
К которому, однако, — ненавистный
Для каждого и ненавидя всех, —
Доверия он также не питает.
И если б Ты, столь щедро одаренный
Всем, что иметь монарху подобает,
Явился вдруг и начал совершать
Высокие деяния Свои —
Ты без труда низвергнул бы тирана,
Освободив от ига Свой народ.
Ты этого при помощи моей
Достигнул бы: я властью обладаю,
Которую Тебе передаю
По праву я. Поставь Своею целью
Владычество над миром, а иначе,
Пророчествам древнейшим вопреки,
Ты на престол Давидов не взойдешь
Иль царствовать недолго будешь Ты».

И отвечал Сын Божий безмятежно:
«Весь этот блеск, величие и роскошь
Очей Моих и духа не пленяют,
Как не пленил военной славы блеск.
Ты должен бы еще поведать Мне,
Которого терзают голод с жаждой,
О пиршествах и дивных празднествах,
Где пенится в сосудах дорогих
Из золота, из хрусталя и мирры,
Украшенных камнями, вино
Из Сетии, Фалерны и Хиоса.
Ты показал Мне множество послов.
Не почестью, но времени потерей
Считаю Я обязанность внимать
Приветствиям послов иноплеменных,
Исполненным условной лжи и лести.
Ты говоришь, что кесаря легко
Мне покорить, но если вместе с ним
Низвергну Я и демона, который
Чудовищем его подобным сделал?
Пускай казнит жестокого тирана
Единственный его мучитель – совесть.
И не затем Я послан, чтоб народ
Освободить, победоносный прежде,
Но низостью паденье заслуживший.
Кто из мужей, воистину великих
И доблестных, освободить захочет
Таких людей? И внешняя свобода
Спасет ли их от внутреннего рабства?

Узнай: когда воссяду на престоле
Давидовом, он с деревом сравнится,
Которое распространяет тень
Над целою вселенною, иль с камнем,
Которому разрушить суждено
Монархии земные. Воцарюсь
И царствовать Я буду бесконечно,
А как должно все это совершиться –
Тебе о том не подобает знать
И открывать не должен я тебе».

И возразил бесстыдный искушитель:
«Да, вижу я, как мало ценишь Ты
Все, что Тебе охотно предлагаю.
Ты все отверг; в желаниях разборчив
Безмерно Ты иль рад противоречить,
Но знай и Ты, что я ценю высоко
Дары свои и их не расточаю.
Тебе готов земные царства все
Я даровать, они – мои владенья,
И их даю тому, кто мне угоден.
Для этого одно условие ставлю:
Ты должен пасть передо мною ниц,
Как пред Твоим верховным господином.
Взамен Ты все получишь от меня,
Но меньшего потребовать могу ли
В отплату я за столь великий дар?»

Спаситель наш с презреньем отвечает:

«Словам твоим и предложениям гнусным
И ранее внимал Я неохотно,
Теперь они внушают отвращенье,
С тех пор как ты осмелился поставить
Постыдное условие твое.
Но Я стерплю, покуда власть имеешь
Ты надо Мной. Не сказано ли так:
“Ты Господу Единому послужишь
И одному поклонись Ему?”
А ты меж тем дерзаешь предлагать,
Чтоб Сын Его склонился пред тобою,
Великое проклятые заслужившим,
Которое теперь умножил ты
Попыткою кощунственной этой
И более преступной, чем соблазн,
Которому в былом подверглась Ева.
Но близок час раскаянья и кары.
Тебе даны земные государства?
Но может быть, как похититель, ими
Владеешь ты? Тогда не говори
Мне о правах. А если же тебе
Дарованы они Царем царей –
Как дурно ты Его благодаришь
За дивный дар! Но стыд и благодарность
И Божий страх настолько ты забыл,
Что предлагать Его же достоянье
Кощунственно дерзаешь Сыну Божью,
Осмелившись условием поставить,
Чтоб Я тебе, как Богу, поклонился.

Прочь от Меня! Проклятьем заклеянный,
Воистину ты – злобный Сатана».

Спасителю в смущении и страхе
Ответил враг: «Сын Божий, не считай
Речей моих жестоким оскорбленьем,
Ведь Божьими сынами называют
И ангелов, а также и людей.
Дабы узнать, насколько Ты стоишь
Превыше их в Твоем священном праве,
Я от Тебя потребовал того,
Что воздают мне ангелы и люди.
Народы все и тьмы воздушных сил
Меня своим владыкой признают.
И знать, кто Ты, – не ближе ли всего
Касается меня? Предречена
С пришествием Твоим моя гибель.
Не пострадал от искушенья Ты,
Наоборот – прославился, меж тем
Как цели я желанной не достигнул.
Откинь же мысль о царствах мировых
Со славой их пустой и скоротечной;
Не стану я советовать Тебе
Приобретать владычество над ними.
Но мнится мне, что более венца
Тебя влекут наука, созерцанье
И высшие вопросы. Я сужу
По Твоему поступку в годы детства:
Покинув Мать, вернулся Ты во храм,

Где найден был вступившим в состязанье
С учеными раввинами. Судил
Ты обо всем, подобно Моисею,
И Сам учил, не поучался Ты.
Понятие дают о человеке
Младенчества и отрочества годы,
Так ясное иль облачное утро
Такой же день предвозвещает нам:
Прослався же премудростью Своею
На целый мир! В законе Моисея,
В Писаниях пророков, в Пятикнижье
Не все еще открыто и понятно.
Язычники, познания почерпая
Лишь из одной природы, поражают
Ученостью своею. Убежденьем
Поддействовать Тебе на них должно;
Но с ними как беседовать Ты станешь
И убеждать, не зная их ученья?
И прежде чем вершину созерцанья
Покинешь Ты, взгляни сюда, на запад;
Там высится у берегов эгейских
Построенный на диво чудный город,
Где воздух чист и почва плодородна.
Афинами зовут его и оком
Прекраснейшей Эллады. Он – отчизна
Иль лучшее прибежище ума,
Учености, искусства, красноречья.
Ученые вкушают там покой
В тени садов и рощ его зеленых.

Вот зданье Академии и роща
Масличная – убежище Платона,
Где слышатся напевы соловьев.
Там, на холме, зовущемся Гиметом,
Жужжащих пчел трудолюбивый рой
Философам собою размышленья
Внушал не раз. Вдали Иллиса воды
И тот Лицей, где Александр Великий
Воспитывался некогда. Вот Стоя,
Где Ты поймешь гармонию стиха
И музыки; творения Гомера,
Великого слепца, услышишь Ты,
Чьи песни Феб именовал своими,
Трагедии в хорях или ямбах,
Что мудрости и нравам поучают
И в образах наглядных и живых
Превратности судьбы изображают,
Великие деяния и страсти.
Оттуда Ты к витиям перейди,
Которые лишь силой красноречья
Народные волнения смирят;
Склони Свой слух к премудрому ученью,
Нашедшему под кровлею Сократа,
Убогою и жалкою, приют.
Воистину мудрейшим из людей
Считался он; его сладчайшей речью
Питались все школы мудрецов
От стоиков и до эпикурейцев.
Усвой себе все слышанное здесь,

Тогда вполне Ты будешь подготовлен
К принятию всей тяжести правленья,
Как истинный властитель и монарх».

Ему Христос премудро отвечает:
«Предполагать тебе предоставляю,
Неведомы иль ведомы ученья
Все эти Мне. От этого не буду
Я меньше знать. Кто свыше просветлен
Источником животворящим света,
Не может Тот в учениях нуждаться,
Которые основаны притом
Лишь на одних предположеньях ложных.
Не первый ли философ сознавался,
Что знает сам лишь то, что ничего
Не знает он? Второй стремился к басням
И вымыслам, а третий подвергал
Сомненью все, что в мире несомненно.
Одни, высоко ставя добродетель,
Не в ней одной, однако, полагали
Все счастье, но также в долголетье
И роскоши; другие же искали
Его в одних лишь чувственных утехах,
А стойки – в презренье ко всему.
Увы, чему способны научить
Все мудрецы подобные, когда
Они самих себя не постигают,
Понятия о Боге не имея,

О таинствах великих мироздания,
О горестном паденье человека,
И, меж собой толкуя о душе,
Они о ней превратно рассуждают,
В самих себе находят добродетель
И лишь себе приписывают славу,
Не Господу, скорей, винят Его,
Зовя Его судьбою или счастьем?
Кто истину найти у них захочет –
Обманутый найдет лишь пустоту.
Спасения не вижу в многокнижье,
И всякий, кто читает непрерывно
И ничего не вносит своего,
За истину способен тот принять
Пустые побрякушки, как ребенок,
Собирающий на берегу камня.
Но если бы в свободные часы
Задумал Я в гармонии стиха
Иль в музыке искать Себе усладу –
Какой язык при этом был бы Мне
Приятнее родного языка?
Не наши ли еврейские псалмы
И звуки арф пленяли вавилонян?
И эллины лишь подражают нам
В чарующем искусстве песнопенья.
Но их певцы нам дурно подражают,
Богов своих пороки воспевая.
И если бы от песнопений их
Откинуть все блестящие красоты,

Подобные румян густому слою,
Который лик блудницы покрывает, –
Каким пустым окажется и жалким
Обманчивое содержание их!
Возможно ли к сионским песнопениям
Их приравнять, Господним славословьем
Исполненным и боговдохновенным?
Ораторов и деятелей их
Искусное витийство восхваляешь
Ты предо Мной. К отечеству питают
Они любовь, но даже в этом – ниже
Израильских пророков и вождей,
Наставленных в своих деяньях свыше.
В Законе их, проникнутом величием
И простотой, изложены начала
Гражданского правления мудрей,
Чем у витий красноречивых Рима
И Греции. Легко узнать из них,
Каким путем на прочных основаниях
Родной народ возможно осчастливить
И что собой порою губит царства,
С лица земли стирая города.
Верней всего Израиля Закон
Образовать способен государя».

Так говорил Сын Божий. Сатана,
К полнейшему смущенью приведенный
И стрелы все напрасно истощив,
Спасителю, нахмураясь, возражает:

«Когда Тебя ни почести, ни царства
С богатствами, ни таинства наук,
Ни ратный блеск собою не пленяют,
Тебе всего пристойней оставаться
В пустыне той, где я нашел Тебя.
Но знай одно: расквасишься Ты вскоре
В том, что отверг предложенную помощь, —
Во цвете лет взойдет на престол
Давидов Ты, со славой воцарившись.
А ныне же созвездья предвещают
Тебе борьбу, гонения, труды;
Претерпишь Ты презренье, поруганье
И, наконец, насильственную смерть.
Тебе они предсказывают царство,
Но не могу понять еще: какое?
И мнится мне, ему конца не будет,
Как не было начала. Но когда
Придет оно — умалчивают звезды.

Так говоря (он знал, что власть его
Не кончилась), в пустыню Иисуса
Он перенес и там Его оставил,
А сам исчез. Кругом ложилась тьма.
Спаситель наш, претерпевая голод
Со стужей, покорно удалился
Под сень дерев, дабы главу Свою
От сырости укрыть под их защитой.
Но сон Его тревожил искушитель
Виденьями. В обоих полушарях

Свирепствовал жестокий ураган,
И гром гремел, и молнии сверкали,
Вода с огнем мирились для того,
Чтоб выполнить задачу разрушенья.
Из каменных пещер четыре ветра
Вдруг вырвались и вторгнулись в пустыню,
Высокие деревья сокрушая
Иль до земли склоняя их. Сын Божий,
От бури был Ты плохо огражден,
Но устоял, презревший искушенье!
Все духи тьмы с рычаньем обступили
Тебя толпой, и огненные стрелы
Они в Тебя пытались направлять,
Но утратить угрозой не могли!

Так ночь прошла, и утро, словно странник,
Облечено своею ризой серой,
Явилось на смену тьме ночной.
Оно своим сияющим перстом
Сгустившиеся тучи разогнало,
Рассеяло чудовищ, искушавших
Спасителя, и ветры умирило.
Луч солнечный отрадно озарил
Лицо земли, и птицы громкой песней
Среди ветвей приветствовали день;
Но и теперь князь тьмы был недалеко
И, сделав вид, что радуется он
Сияющему утру, приступил
К Спасителю, не прибегая больше

К условной лжи: запас его обманов
Был истощен. Но, посрамлен вконец
И потеряв надежду на успех,
Стремился он излить свой гнев и ярость.

На солнечном пригорке, окруженном
И с севера, и с запада лесами
Дремучими, он встретил Сына Божья.
Представ Ему в своем обычном виде,
Заговорил небрежно Сатана:

«С отрадою приветливое утро,
Сменившее мучительную ночь,
Встречаешь Ты, Сын Божий.
Издалека Мне слышался зловеший грохот бури,
И мнилось мне, что Небо и Земля
Смешались. Такие ураганы,
Хотя они внушают смертным ужас,
Безвредными бывают; лишь порой
Они с собой опустошенье вносят,
Губя людей, растения и скот.
Тому, над чьей главою разразятся,
Они всегда беду предвозвещают.
Сегодня вихрь промчался над пустыней
И над Тобой и, значит, угрожает
Несчастьем Тебе лишь одному.
Не это ли предсказывал тогда я,
Когда мою поддержку Ты отверг?
Ты исполнишь Свое предназначенье,

Но прежде чем Ты скипетр золотой
Израиля рукою примешь твердой,
Перенесешь немало испытаний
И горестей. Виденья этой ночи
Да явятся Тебе предупреждением!»

Так молвил он, и, путь Свой продолжая,
Спаситель наш ему ответил кратко:
«Те ужасы, которыми пугаешь,
Не более Мне могут причинить
Собою зла, чем капли дождевые.
На признаки и предзнаменования
С презрением смотрю Я. Не от Бога
Ниспосланы они, а от тебя.
Ты ведаешь, что царствовать Я буду,
И помощь Мне упорно предлагаешь,
Дабы сказать и похвалиться тем,
Что Я тебе Своей обязан властью.
Надменный дух! Ты Господом Моим
Хотел прослыть и, будучи отвергнут,
Свирепствуешь! Меня посредством страха
Ты думаешь к покорности склонить?
Брось эту мысль! Изобличенный Мною,
Напрасно ты упорствуешь в попытке
Отчаянной и докучаешь Мне».

Но, яростью пылая, отвечает
На это враг: «Так выслушай меня,
Давидов Сын, родившийся от девы, —

А в том, что Ты – Сын Божий, сомневаюсь
Покуда я. Мне ведомо лишь то,
Что предрекли пророки о Мессии;
И о Твоем рожденье, возвещенном
Архангелом, я первый услышал,
И ангельским внимал я песнопеньям,
В которых Ты Христом именовался
Спасителем. С тех пор я неотступно
Следил везде и всюду за Тобою –
В младенчестве, и в юности Твоей,
И, наконец, в позднейшие года.
В числе других к Крестителю пришел я
Не для того, конечно, чтоб принять
Крещение, и слышал глас Господень:
Он звал Тебя Единородным Сыном;
И понял я, что долгих изучений,
Глубокого вниманья Ты достоин.
Я знать хотел, в каком же смысле Ты
И степени зовешься Сыном Божиим?
Значение различное должны
Подобные иметь именованья.
И я, как Ты, зовуся сыном Божиим
Иль некогда им был, а если был,
То должен им остаться навсегда;
И люди все Господними сынами
Считаются, но думается мне:
В лице Твоем имеет это имя
Особое и важное значенье,
А потому последовал сюда

Я за Тобой и ныне заключаю,
Что Ты и есть предсказанный мне враг.
Не прав ли я, когда узнать стараюсь
Намеренья противника и силу
И, может быть, посредством договора
Привлечь Его в союзники к себе
Иль приобрести что можно от Него?
Я искушал, испытывал Тебя
И сознаюсь – скале из адаманта
Подобен Ты по твердости Своей.
И все ж в Тебе лишь вижу человека,
Исполненного мудрости и блага, –
Не более. Другие мудрецы
С презрением подобным же взирали
На почести, богатства и венец.
Дабы узнать, чем смертных превосходишь
Прибегнуть я к другому средству должен».

И с этими словами, приподняв
Спасителя высоко над равниной,
По воздуху понесся Сатана
В ту сторону, где гордо возвышался
Солима град священный.
Храм его Подобен был горе из алебастра,
Увенчанной зубчатою короной
Из золота. Там, на вершине храма,
Спасителя поставил Сатана
И рек Ему с презрительной насмешкой:

«Стой здесь, когда Ты можешь устоять!
Тебя принес я к дому Твоего
Великого Отца, и это место –
Есть высшее и лучшее из мест.
А если здесь не хочешь оставаться,
То бросься вниз и этим докажи
Высокое Свое происхождение
От Господа. Чего Тебе страшиться,
Когда Ты есть воистину Сын Божий?
Не сказано ль в Писанье, что Господь
Архангелам даст в Небе повеленье
И на руки Тебя их сонмы примут,
Дабы ноги Ты не преткнул о камень?»

Но возразил на это Иисус:
«Там сказано и так: “Не искушай
Ты Господа и Бога твоего!”»

И с этими словами встал Спаситель,
А Сатана пред Ним в смятенье пал;
Чудовищу из Фив он стал подобен,
Которое жестоко пожирало
Всех, кто не мог загадки разгадать, –
Когда ж она разгадана была,
В отчаянье оно низверглось в море.
Так, ужасом и скорбью пораженный,
Пал Сатана, и к полчищам своим,
Которые в совете заседали,
Не с торжеством победы он вернулся,

Но им принес отчаянную весть
О гибели и полном посрамленье
Мятежника, который Сына Божья
Дерзнул в своей гордыне искушать.

Так Сатаны падение свершилось.
Тут ангелы спустились светлым сонмом,
И, бережно Спасителя приняв,
Они Его на крыльях пронесли
По воздуху и тихо опустили
На мягкий дерн, среди долин цветущих,
Где, яствами небесными уставлен,
Раскинулся пред Иисусом стол.
И ангельские клиры воспевали
Ему хвалу, покуда Он вкушал,
Великую победу прославляя,
Одержанную Им над искушеньем
И гордым искусителем Его:

«Великого Отца священный образ!
На лоне ли блаженства восседаешь
И в свете света дивного царишь
Иль, воплощенный в образ человека,
Блуждаешь Ты в пустыне, одинок,
Где б ни был Ты – деяньями и видом
Ты – Божий Сын воистину, который
Божественною силой одарен.
Ты сокрушишь похитившего рай
Врага Небес, дерзнувшего престол

Всевышнего оспаривать преступно.
Уже в былом – со всей его дружиной
Низринул Ты и победил врага,
А ныне Ты отмщаешь за Адама
И, восторжествовав над искушением,
Потерянный Ты возвращаешь рай.
У Сатаны исторгнул Ты добычу,
Которую он приобрел обманом.
И он ступить отныне не дерзнет
Ногою в рай: взамен садов Эдема
Откроется Адаму и избранным
Сынам его иной блаженный рай –
Прекраснейший. А Ты, Спаситель мира,
Ты снизошел на землю для того,
Чтоб их в святом жилище водворить,
Где будет им не страшен искушитель
И не смутит собою искушение.
Ты, адский змей, недолго в облаках
Торжествовать и царствовать ты будешь!
И, как звезда падучая, скользнешь
Ты с высоты; великий победитель
Тебя пятой своею сокрушит.
Ты чувствуешь, что нанесен удар:
Еще нельзя последним и смертельным
Считать его, он только отучает
Надменный ад торжествовать заране;
У адских врат в попытке дерзновенной
Не кается ль жестоко Абаддона?
Благоговеть учись перед Мессией;

Из демонского царства твоего
Тебя изгнать Он может безоружный.
И, в ужасе услышав глас Его,
Со всей своей мятежною дружиной
Немедленно ты в бегство обратишься,
Пытался ты в свином укрыться стаде,
Дабы не быть низверженным в пучину
Безвременно на лютые мученья.
Хвала Тебе, Сын Божий, победитель
Врага Небес, наследник двух миров.
Твой час настал, и к делу приступай
Великому – спасенью человеков!»

Так ангелы воспели Сына Божья,
Спасителя Благого, и, когда
Он пищею небесной подкрепился,
Они Ему дорогу указали,
И, к подвигу готовый, незаметно
Он к Матери Своей вернулся в дом.